

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 1 (30)
2012

Саратов

Учредитель
Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина*

Главный редактор – профессор **Д.Ф. Аяцков**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

Д.Ф. Аяцков – председатель (доктор исторических наук, профессор, директор),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
В.В. Артяков (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук; **О.И. Марченко**, канд. экон. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **С.Ю. Наумов**, д-р ист. наук;
И.В. Ракевич, канд. экон. наук; **А.Н. Романцов**, д-р экон. наук;
Н.В. Тельтевская, д-р пед. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – июнь 2011 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

* На основании Указа Президента РФ от 20.09.2010 г. № 1140, распоряжения Правительства РФ от 23.09.2010 г. № 1562-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 27.12.2010 г. № 2387-р), постановления Правительства РФ от 29.12.2010 г. № 1178 ФГОУ ВПО «ПАГС» реорганизовано в форме присоединения к ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС) с созданием Поволжского института им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС.

© Поволжский институт им. П.А. Столыпина, 2012

Founder:
Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin

Editor-in-chief: Professor ***D.F. Ayatskov***
Deputy editor-in-chief: Professor ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***S.G. Sergeev***

Editorial council:

D.F. Ayatskov – Chairman (Doctor of History, Professor, Director),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
V.V. Artiakov (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.V. Gerasimova, Doctor of Economic Sciences; ***L.V. Konstantinova***,
Doctor of Sociological Sciences; ***E.G. Lipatov***, Doctor of Law Sciences;
O.I. Marchenko, Candidate of Sciences (Economy);
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology);
S.Yu. Naumov, Doctor of Historical Sciences; ***I.V. Rackevich***, Candidate of Sciences
(Economy); ***A.N. Romantsov***, Doctor of Economic Sciences;
N.V. Teltevskaia, Doctor of Pedagogic Sciences; ***Yu.I. Tarsky***, Doctor
of Sociological Sciences; ***T.P. Fokina***, Candidate of Sciences (Philosophy);
O.I. Tsibylevskaya, Doctor of Law Sciences; ***V.L. Chepliaev***, Candidate
of Sciences (Sociology); ***T.I. Cherniaeva***, Doctor of Sociological Sciences

© Stolypin Volga Region Institute, 2012

L.V. Konstantinova, A.A. Chupina
Communicative Discourse
of Society and Government
as a New Format of Cooperation
in the Process of Political
Decisions Legitimation

A theoretical model of communicative discourse of society and government, providing legitimacy of political decisions is constructed. New forms of social-informational interaction of these actors are characterized in the light of communicative discourse of society and government.

Key words and word-combinations:
political decisions legitimation,
communicative discourse of society and
government.

Конструируется теоретическая модель коммуникативного дискурса общества и власти, обеспечивающего легитимацию принимаемых политических решений. В проекции коммуникативного дискурса общества и власти характеризуются новые формы социоинформационного взаимодействия данных акторов.

Ключевые слова и словосочетания:
легитимация политических решений,
коммуникативный дискурс общества
и власти.

УДК 316.334.3

ББК 60.561.3

Л.В. Константинова,
А.А. Чупина

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИСКУРС ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ КАК НОВЫЙ ФОРМАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Происходящие в современной России общественно-политические преобразования определяют необходимость развития взаимоотношений между обществом и властью. В значительной степени это касается процессов легитимации принимаемых политических решений, так как демократические принципы, реализуемые в современном Российском государстве, предполагают расширение участия представителей общества в данных процессах.

Однако современные формы двустороннего взаимодействия власти и общества, призванные наладить процесс демократизации в стране, в основном являются формальными,

санкционированными властью сверху. Это вызывает недоверие населения к подобным формам коммуникации, снижает уровень легитимации принимаемых управленческих решений. Недостаток или отсутствие легитимации является опасной тенденцией, способной привести к кризису легитимности. В связи с этим становится актуальным моделирование социоинформационного взаимодействия власти и общества, расширяющего существующие границы взаимоотношения сторон и оптимизирующего сам этот процесс.

Взаимодействия основных акторов в политическом пространстве могут носить случайный или запрограммированный характер. Сопровождающие их информационные потоки принято рассматривать как политический дискурс, ключевой характеристикой которого является преобладание целенаправленных адресных информационных потоков от власти к обществу. Механизм «обратной связи» при этом является жестко регламентированным.

По мере демократизации общества, ведущей к изменению требований к государству и принимаемым им решениям, и в условиях развития коммуникативной среды, государственно-общественные интеракции в традиционном политическом дискурсе перестают обеспечивать ожидаемую эффективность взаимодействия и необходимую степень легитимации принимаемых властью решений. Весомая роль в организации успешного взаимодействия общества и власти, соответствующего современным вызовам и требованиям, может быть отведена построению нового, особым образом организованного коммуникативного дискурса общества и власти, конструирование которого может способствовать преодолению дисфункций в системе «общество – власть» и обеспечению более успешной легитимации принимаемых политических решений. Все более значимой становится тенденция изучения коммуникативной составляющей процессов принятия и легитимации политических решений, а также взаимодействия власти и общества, осуществляющегося в особых формах социоинформационного пространства.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости исследования процессов легитимации принимаемых политических решений в коммуникативном дискурсе общества и власти, которые являются важными факторами, обеспечивающими достижение устойчивого и поступательного развития современного российского общества.

Говоря о политической легитимации в системе взаимодействия общества и власти, следует оттолкнуться от ее определения как динамического процесса примирения государства и общества через их взаимное признание, оправдание и доверие [1, с. 43]. Однако рассмотрение легитимации политических решений в качестве одного из этапов процесса принятия решения в современных условиях является недостаточным. Процессы принятия и легитимации политических решений необходимо рассматривать во взаимосвязи и взаимозависимости с их коммуникативными составляющими. Успешная политическая легитимация, наряду с созданием надежного механизма «обратной связи», сопряжена с имеющимся коммуникативным потенциалом в процессе принятия политических решений.

Легитимация политических решений может представлять собой не только один из этапов процесса принятия политических решений, но и процесс, происходящий синхронно с принятием политического решения и встроенный

в него на всех его этапах. При этом понятие «легитимация», содержательно отражающее этот процесс, по своему смыслу отождествляется с понятием «принятие решения». Совпадение указанных процессов в современных условиях детерминировано наличием особого типа государственно-общественных коммуникаций, для обозначения которых предлагается использовать понятийную конструкцию «коммуникативный дискурс общества и власти».

Такой дискурс может быть определен как особый формат коммуникативного взаимодействия его акторов (общества и власти), характеризующийся такими свойствами, как интенциональность, масс-ориентированность, национально-культурная специфика, идеологичность, информативность. Несмотря на то что коммуникация имманентна любому виду дискурса, использование в наименовании данного дискурса общества и власти понятия «коммуникативный» призвано подчеркнуть его направленность на формирование двусторонних информационных потоков, обеспечивающих равноправную коммуникацию. Представляется, что принятие политических решений в коммуникативном дискурсе общества и власти, обладающем свойствами реального диалогового режима, способно обеспечить успешный процесс легитимации решений, синхронный с процессом их принятия.

В категориальном отношении коммуникативный дискурс общества и власти следует отличать от дискурса политического. В то же время они – не взаимоисключающие. В рамках каждого из них осуществляются цели и задачи, связанные с обеспечением и поддержанием эффективного взаимодействия общества и власти. Оба дискурса способствуют пониманию гражданином действий и политики властей, соответствующему осознанию собственных интересов, интересов общества и государства.

Тем не менее данные дискурсы не идентичны. Различия проявляются при определении ключевых характеристик коммуникативного дискурса общества и власти, выявленных в результате сравнительного анализа, таких, как равноправие отношений коммуникаторов, ориентация на процесс, свободная смена коммуникативных ролей, разнообразие текстовых форматов, свобода формирования дискурса, обусловленность непосредственным контекстом [2, с. 63]. Политический дискурс понимается как произведенная в определенных исторических и социальных рамках институционально организованная и тематически сфокусированная последовательность высказываний, рецепция которых способна оказывать определенное ожидаемое воздействие на отношения доминирования и подчинения в обществе [3, с. 76].

Анализ практик взаимодействия общества и власти в современном российском социуме позволяет выявить новые формы организации их коммуникации, нацеленные на активизацию участия населения в процессах принятия политических решений и, следовательно, на их легитимацию. Данные формы могут быть классифицированы в зависимости от того, каким установленным характеристикам коммуникативного дискурса общества и власти они соответствуют.

В рамках оптимального коммуникативного дискурса общества и власти участники могут выступать в качестве активных сторон с одинаковыми правами и ролями, в результате чего обеспечивается диалог равноправных участников при-

нятия политического решения, что обозначается таким параметром коммуникативного дискурса, как «равноправные отношения коммуникаторов» [4, с. 177]. Рассматриваемому дискурсу соответствуют такие формы общественно-властных взаимодействий как: гражданский или народный форум, призванный мобилизовать общественность на решение социально значимых задач через «переговорные площадки», на которых принимаются резолюции с рекомендациями органам власти различных уровней; «прямые линии» с политическими лидерами в радио- и телеэфирах, служащие методом эффективного управления восприятием через формирование атмосферы открытости и доступности вокруг той или иной структуры и ее представителей. Для создания условий принятия и легитимации политического решения может быть сконструирован особый коммуникативный дискурс, ориентированный на процесс взаимодействия отдельных акторов.

Представляется, что параметру коммуникативного дискурса общества и власти «ориентация на процесс» соответствуют такие формы социоинформационного взаимодействия, как публичное присутствие представителей власти и общества в проблемных точках с декларированием собственной позиции; работа органов власти с письмами и обращениями граждан.

Для комплексного исследования форм коммуникативного дискурса общества и власти можно объединить параметры «выбор коммуникативной роли» и «разнообразие текстовых форматов» и выделить перечень соответствующих им новых социоинформационных форм взаимодействия общества и власти. Такими формами выступают: общение представителей политической власти с гражданами в блогах, социальных сетях; обсуждение законопроектов в сети Интернет; функционирование мобильных приемных политических руководителей; экспертные Интернет-площадки для обсуждения стратегических решений; расширение независимой экспертизы проектов политических решений; апробация альтернатив политических решений через массовые социологические опросы населения.

Однако проблема заключается в том, что, несмотря на многообразие и расширение возможностей общественного участия, перечисленные формы организации социоинформационного взаимодействия общества и власти преимущественно конструируются властью «сверху» (стратегия «Government to Citizen»). В российских условиях это позволяет прогнозировать существенные ограничения для формирования необходимого коммуникативного дискурса общества и власти, обеспечивающего легитимацию принимаемых политических решений, а также опасность возникновения псевдокоммуникативного дискурса общества и власти, обладающего свойствами формального политического дискурса, ориентированного на структуру и не обеспечивающего легитимацию политических решений.

Для определения того, насколько предложенные теоретические конструкты коммуникативного дискурса общества и власти реализуемы в действительности, а также насколько новые организационные формы социоинформационного государственно-общественного взаимодействия обеспечивают формирование необходимого коммуникативного дискурса, можно обратиться к результатам авторских эмпирических социологических исследований. Соответствующую базу составили данные анкетного опроса жителей Саратова, нацеленного на оценку

степени включенности населения в процесс принятия политических решений (опрос проводился в январе – феврале 2011 г. методом формализованного интервью по месту жительства респондентов, выборка квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре взрослого населения города составила 500 человек). Кроме того, в августе 2011 г. был проведен экспертный опрос методом глубинного интервью с целью получения экспертной оценки существующего коммуникативного дискурса общества и власти в Саратове (единичный носитель информации – эксперт, опрошено 10 экспертов, среди которых журналисты печатных СМИ и Интернет-телевидения Саратова, политологи Саратова и других регионов, члены Общественной палаты Саратовской области). Учитывая то, что Саратов представляет собой типичный крупный город провинциальной России, результаты исследования могут быть экстраполированы не только на генеральную совокупность, но и в определенной степени на российскую ситуацию.

В ходе эмпирических исследований внимание акцентировалось на таких аспектах, как самооценка материального положения, уровень социального самоопределения в системе «общество – власть», мотивационные ориентации современного общества. Индикаторы совпадали с выделенными характеристиками коммуникативного дискурса общества и власти. В числе основных индикаторов были выделены следующие блоки: политическая заинтересованность; уровень информированности о существующих формах взаимодействия общества и власти; степень и причины включенности в процесс принятия политических решений; субъективная оценка собственного положения в системе «общество – власть».

Анализ результатов исследований позволил сделать вывод о низкой степени заинтересованности граждан в политической жизни страны и Саратовской области. Большинство респондентов (62,2%) интересуются политической жизнью страны «от случая к случаю». Почти треть опрошенных (28,4%) вообще не интересуются политикой. Этот факт репрезентирует политическую пассивность населения города. Почти половина опрошенных (44,4%) не участвуют в разговорах на политические темы. Собственную политическую активность саратовцы также оценивают крайне низко. Из общего числа опрошенных только 5% указали, что принимают участие в принятии политических решений. Затруднились дать ответ по этому поводу 34,4%. Отрицательно ответили более половины респондентов – 60,6%.

Среди основных причин низкой политической активности населения Саратова выделяются социально-демографические и мотивационные. Социально-демографические связываются с недостатком образования респондента (5,4% опрошенных имеют неполное среднее образование или не имеют образования вообще), слишком юным (16%) или, наоборот, пожилым (31%) возрастом респондентов, низким материальным и социальным статусом. В качестве основных мотивационных проблем, препятствующих эффективному взаимодействию общества и власти, респондентами названы: «недоверие власти» (37,7%), «недостаточная компетенция» (17,2%), «отсутствие желания» (7,4%), «отсутствие возможности» (5,7%), «отсутствие интереса к политической жизни» (4,9%), «недостаток времени» (0,8%).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что включенность в принятие политических решений всех акторов – власти, общества и экспертов-посредников – представляется желательным для подавляющего числа респондентов анкетного опроса и экспертов. Однако при этом мнения, кто из акторов призван инициировать процесс принятия политических решений, оказались различны. Эксперты, участвовавшие в интервью, полагают, что инициатором решения может быть общество, властные структуры и экспертное сообщество. Рядовые граждане, участвовавшие в анкетном опросе, в подавляющем большинстве считают, что инициатива принятия политического решения должна исходить от властных структур. Можно предположить, что такая ситуация объясняется тем, что экспертное сообщество представляет отношения равноправных коммуникаторов как обязательную составляющую процесса принятия политических решений, в то время как общество не осознает себя равноправным коммуникатором и не готово к принятию политических решений.

Анализ оценок вовлеченности населения во взаимодействие с властью свидетельствует о разной степени информированности граждан о его формах. Самой известной формой взаимодействия власти и общества являются выборы (98,4%), ассоциирующиеся у жителей Саратова в большей степени с ритуалом, традицией, неосмысленной деятельностью «молчаливого большинства». Достаточно популярной формой взаимодействия общества и власти, по мнению граждан (71%) и экспертов, являются письменные обращения граждан к представителям власти. Вместе с тем степень информированности граждан о других возможностях и формах участия населения в принятии решений органами власти представляется одним из наиболее значимых факторов развития коммуникативного дискурса общества и власти.

Анализ языкового или текстового параметров коммуникативного дискурса общества и власти на предмет отсутствия речевых ограничений показал, что граждане осознают важность неформального, равноправного, не ограниченного рамками документов общения с властью. Более трети опрошенных считают, что общение акторов должно осуществляться в произвольной форме, литературным русским языком в соответствии с правилами орфографии и пунктуации, что свидетельствует об осознании необходимости отсутствия речевых ограничений – важного фактора развития коммуникативного дискурса общества и власти.

В целом же результаты проведенных эмпирических исследований свидетельствуют о том, что в региональном социоинформационном пространстве особые характеристики коммуникативного дискурса общества и власти репрезентируются слабо, сохраняются коммуникативные разрывы, обусловленные низким уровнем включенности населения в политические коммуникации. Это в целом объясняется низкой степенью заинтересованности граждан участвовать в политическом процессе [5, с. 87].

Коммуникативная ситуация взаимодействия общества и власти в Саратове характеризуется коммуникативными перекосами, информационными барьерами, попытками разобщения акторов, отсутствием их адекватной реакции на взаимные инициативы, доминированием интересов только одной из сторон коммуникации. В современных условиях это продуцирует новые социальные

риски в социоинформационном пространстве: усиление неорганизованного характера интеракций власти и общества, ослабление стимулов к развитию социальных инициатив и институтов гражданского общества, отсутствие цивилизованных форм взаимодействия и механизмов влияния общества на власть, каналов «обратной связи», что в результате приводит к снижению уровня легитимации принимаемых политических решений.

В то же время результаты исследований позволили определить, что ключевым фактором, наличие которого сегодня становится необходимым условием развития информационного взаимодействия в процессе принятия политических решений и их легитимации, является профессионализация коммуникативного дискурса общества и власти. Суть заключается в повышении роли в данном процессе профессиональных экспертов-посредников, с помощью которых у общества появляется возможность транслировать власти свою политическую позицию на более компетентном уровне на любом этапе принятия политического решения. В качестве таковых могут выступать представители науки и независимых экспертно-аналитических центров, лидеры организаций гражданского общества, независимые журналисты, члены общественных палат, совещательно-консультативных структур при органах власти. В этом случае акторы дискурса становятся зависимыми от посредников-медиаторов, а сам дискурс будет сконструирован успешнее при помощи такого экспертного посредничества.

Участие профессиональных экспертов-посредников позволяет устранить факторы, препятствующие оптимизации коммуникативного дискурса общества и власти в процессе легитимации политических решений (отсутствие единого понимания социальных проблем, недостаточная компетентность рядовых граждан, отсутствие опыта политических дискуссий, коммуникативные барьеры). Профессионализированный коммуникативный дискурс общества и власти позволяет оптимизировать процесс принятия легитимных политических решений на всех его этапах.

Таким образом, коммуникативный дискурс, являясь эффективным форматом взаимодействия общества и власти, как равноправный диалог пока не является фактом социально-политической реальности, однако ориентация на его формирование может быть перспективным ракурсом оптимизации процессов легитимации принимаемых политических решений в современном российском обществе.

Библиографический список

1. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2003.
2. Чупина А.А. Соотношение понятий «коммуникативный дискурс “общество – власть”» и «политический дискурс» // Вестн. ПАГС. 2010. № 4. С. 61–65.
3. Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 76.
4. Чупина А.А. Параметры коммуникативного дискурса «общество – власть» в контексте принятия политических решений: результаты социологического исследования // Вестн. Евраз. акад. административных наук. 2011. № 3(16). С. 174–185.
5. Чупина А.А. Оценка вовлеченности общества в принятие политических решений (по материалам социологических исследований) // Власть. 2011. № 9. С. 86–88.

N.V. Prokazina
Sociological Culture of Civil
Servants: the Problem Statement,
Study and Development
Directions

On the basis of the author's research the current state of the sociological culture of civil servants is assessed. The directions for the development of sociological culture of civil servants are defined.

Key words and word-combinations: managerial decision making, sociological culture, government civil servants.

На основе авторских исследований оценивается актуальное состояние социологической культуры государственных гражданских служащих. Определены направления по развитию социологической культуры государственных гражданских служащих.

Ключевые слова и словосочетания: принятие управленческих решений, социологическая культура, государственные гражданские служащие.

УДК 316.014+316.34/.35
ББК 60.504/506+60.54

Н.В. Проказина

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ГРАЖДАНСКИХ
СЛУЖАЩИХ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ,
НАПРАВЛЕНИЯ
ИЗУЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**

Характеризуя ситуацию, складывающуюся в российском обществе, следует отметить, что, с одной стороны, существует потребность в социологической интерпретации происходящих явлений, процессов и тенденций, а с другой – прослеживается поверхностный, чрезмерно прагматичный, а подчас и ненаучный подход к описанию и объяснению социальной реальности. В результате возможности социологии и ее функции востребованы и реализуются не в полной мере. В то же время «без введения социологии в систему научного управления российским обществом страна обречена и впредь, раз за разом, переживать досадные, дорого обходящиеся людям ошибки и упущения» [1].

На практике широко распространены явления некорректного использования результатов социологических исследований, их искажение, что снижает уровень достоверности и репрезентативности социологических данных. В обществе складывается одностороннее представление об особенностях социологического мышления. Социология в первую очередь отождествляется со сбором мнений по случайным фактам, однако назначение социологии – это обращение к

проблемам общества, что актуализирует ее значимость в профессиональной деятельности государственных гражданских служащих.

Роль социологии в данной сфере состоит в выявлении социальных проблем и определении направлений, способствующих их разрешению. Это определяет связь глубокого научного анализа и практических мероприятий. Социологический подход, примененный в области публичного управления, обеспечивает возможность каждое экономически и политически значимое решение оценивать с позиции социальной эффективности.

Очевидно, что в данном контексте существенное значение в системе государственного управления имеет социологическая культура государственных гражданских служащих. Однако характерная черта практически всей системы подготовки кадров государственных гражданских служащих – сугубая сосредоточенность на изучении *методов управления* [2, с. 89], экономических сторон и особенностей управления. В то же время исследователи констатируют, что игнорируются аспекты, касающиеся характеристик объекта управления [3], которым является Россия, в целом и отдельных сфер жизни российского общества в частности. Вот почему для выявления характеристик объекта управления, понимания его особенностей и специфики неоценимую пользу имеет непосредственно социологическое знание и развитая социологическая культура.

Несомненно, что социальная эффективность деятельности государственных гражданских служащих зависит от уровня развития социологической культуры государственных гражданских служащих, до настоящего времени недостаточно изученного и не внедренного в управленческую практику. В практике же отчетливо видно противоречие между потребностью в использовании социологических знаний, результатов социологических исследований в профессиональной деятельности государственных гражданских служащих, с одной стороны, и недостаточной эффективностью существующих способов и методов включения социологического блока информации в профессиональную деятельность государственных гражданских служащих – с другой.

В научной литературе встречаются различные определения, которыми авторы пытаются объяснить *специфический способ осмысления социальной реальности*. К основным из них относят: социологическое мышление [4; 3]; социологический взгляд [5], социологический подход [6], социологическую культуру [7; 8], социологическое воображение [9], социологический образ мышления [10], культуру социологического мышления [11]. На наш взгляд, на основе проведенного теоретического анализа можно дать следующее определение: социологическая культура государственных гражданских служащих – система ориентаций и установок относительно восприятия социологии, социологических исследований, социологов; совокупность социологических взглядов, знаний, убеждений и социологическое воображение, проявляющееся в практической деятельности [12].

Для формирования объективных представлений об ориентациях и установках государственных служащих по восприятию ими социологических исследований, социологов и социологии в мае 2010 г. было проведено авторское социологическое исследование в двух субъектах РФ – Брянской и Липецкой областях (n = 333).

В ходе исследования определялось следующее:

- *уровень заинтересованности* государственных гражданских служащих в информации о результатах опросов общественного мнения;
- *степень доверия* государственных гражданских служащих *результатам* опросов;
- *оценка* государственными гражданскими служащими *целесообразности* проведения социологических исследований;
- *информированность* государственных гражданских служащих о *взаимодействии* органов исполнительной государственной власти субъекта Федерации с профессиональными социологами и социологическими организациями;
- *оценка* государственными гражданскими служащими *целесообразности* привлечения социологов в деятельность государственной гражданской службы.

Исследование показало, что у подавляющего большинства служащих информация о результатах общественного мнения вызывает интерес – 77%. Около четверти опрошенных выразили безразличие: обозначили либо отсутствие интереса – 16%, либо затруднились ответить – 7%.

Рассматривая заинтересованность в информации о результатах опросов общественного мнения в соответствии с категорией должности, занимающей государственными гражданскими служащими, выявлено, что наибольший интерес социологическая информация вызывает у помощников и советников (94%); чрезвычайно заинтересованы в результатах опросов общественного мнения и руководители (85%). Специалисты, обеспечивающие специалисты в несколько меньшей степени заинтересованы в социологической информации, однако и их уровень заинтересованности является достаточно высоким (74 и 76%). Можно констатировать: чем выше категория и группа должности, тем выше уровень заинтересованности государственных гражданских служащих социологической информацией.

Изучение степени доверия результатам опросов показывает: подавляющее большинство респондентов (74%) убеждены в том, что результаты частично отражают особенности складывающейся ситуации, и только 13% респондентов абсолютно убеждены в достоверности результатов исследования. В целом незначительно число «отрицающих»: 10% убеждены в том, что результаты опросов не отражают мнения граждан; 3% затруднились с ответом.

Следует отметить, что существует ряд факторов, снижающих абсолютный уровень доверия. Основными из них являются, во-первых, расхождение собственных оценок и представлений с полученными результатами социологических исследований, так как результаты эмпирических исследований представляют усредненную картину социальной действительности с индивидуальным опытом, ценностями, отношениями в целом; во-вторых, недостаточный уровень развития социологического воображения, которое не позволяет выйти за пределы осмысления и восприятия собственного опыта; в-третьих, уровень оценки государственными гражданскими служащими профессионализма социологов.

Для определения доминирующих представлений государственных гражданских служащих о социологах использовались следующие индикаторы:

- *уровень осведомленности об организациях*, занимающихся социологическими исследованиями;
- *информированность о деятельности социологов* – целях, основных ви-

дах деятельности социологов, сформировавшиеся в представлениях государственных гражданских служащих;

– *представления об образе социолога*, сформировавшиеся у государственных гражданских служащих.

При изучении уровня осведомленности об организациях, занимающихся социологическими исследованиями, использовались такие показатели, как информированность, представления о деятельности организаций; вспоминаемость; узнаваемость, потребность в получении информации о результатах исследований.

В целом распределение ответов государственных гражданских служащих об уровне информированности организациями, занимающимися социологическими исследованиями, показал, что 30% знают о таких организациях; 52% что-то слышали о таких организациях; 18% ничего не знают о данных организациях. Уровень представлений о деятельности социологических организаций оказывается в целом существенно ниже, чем уровень информированности. Утвердительный ответ об имеющемся представлении о деятельности социологических организаций дали только 8,9% опрошенных; 7,3% знакомятся с результатами исследований в Интернете; 17,9% что-то слышали о конкретной деятельности, а подавляющее большинство – 65,9% – не знакомы с данной деятельностью. Следовательно, несмотря на наличие определенного уровня информированности государственных гражданских служащих об организациях, занимающихся социологическими исследованиями, подавляющее большинство служащих не имеют представлений об их деятельности.

Таким образом, около половины опрошенных имеют невысокий уровень информированности и приблизительные представления об организациях, занимающихся социологическими исследованиями; подавляющее же большинство служащих не обладают системными, сформировавшимися представлениями о деятельности социологических организаций.

Государственные гражданские служащие полагают, что социологи должны собирать информацию об актуальных общественных проблемах, изучать общественное мнение, предоставлять эту информацию органам власти. Вся деятельность социологов в целом, согласно представлениям служащих, направлена на изменение и преобразование общества и его структурных элементов. Выявленные представления подтверждаются сформировавшимся у служащих образом социолога.

Подавляющее число респондентов убеждены в том, что социолог – собиратель данных об общественном мнении (61,3%). Следует отметить, что стереотипы массового уровня сознания оказывают существенное значение на формирование образа социолога в среде государственных гражданских служащих. Образ социолога в первую очередь отождествляется со сбором мнений по случайным фактам. Более глубокое понимание образа социолога как разработчика теории и методологии встречается в два раза реже (34,1%). Треть респондентов связывает представление о социологе с образом профессионала, изучающего предвыборное поведение (35,6%). Это свидетельствует, с одной стороны, об укрепившемся в массовом сознании представлении о социологии как о деятельности, сопровождающей электоральные процессы; с другой – обеспечивает возможность формирования представлений других образов. Не-

гитивный образ социолога как беспристрастного наблюдателя, манипулирующего людьми, не сформирован (3%).

Анализ результатов опроса относительно выполняемых и востребованных функций социологии в профессиональной деятельности государственных гражданских служащих позволяет сделать несколько выводов.

1. Государственные гражданские служащие убеждены, что в процессе взаимодействия органов исполнительной власти субъекта Федерации и социологов в большей степени реализуется рефлексивная функция социологии, обеспечивающая фиксацию и описание реальных фактов и событий. Однако государственные гражданские служащие заинтересованы в реализации аналитической функции, выявляющей причины и механизмы осуществления складывающейся ситуации.

2. Особенную заинтересованность государственные гражданские служащие проявляют в реализации коммуникативной функции, обеспечивающей процесс передачи информации от одной социальной группы к другой, а также способствующей циркуляции определенных идей в обществе. В настоящее время, как показывают результаты исследования, эта функция реализуется недостаточно.

3. Особое место и среди реализуемых и среди востребованных функций занимает социально-технологическая функция, которая входит в группу практико-преобразовательных функций. Она связана с подбором адекватных сложившейся ситуации способов, методов и технологий разрешения существующих проблем, с изменением и преобразованием сложившейся ситуации.

4. Прогностическая функция, обеспечивающая реализацию как поисковых, так и нормативных прогнозов, также выступает востребованной в деятельности органов государственного управления: эмпирические данные свидетельствуют о том, что эта функция реализуется и является, по оценкам служащих, необходимой.

5. Теоретическая функция обусловлена формированием соответствующих знаний, ценностей, ориентаций, убеждений, обеспечивающих понимание закономерностей и сложившихся тенденций. В целом государственные гражданские служащие полагают, что для принятия управленческих решений и реализации мероприятий необходимо понимать особенности общества и тенденции его развития.

Сложившиеся представления и установки относительно социологических исследований, социологов и социологии в целом показывают, что на социологию и социологов государственные гражданские служащие возлагают определенные надежды. Среди направлений деятельности, к реализации которых должны быть привлечены социологи, государственные служащие выделяют такие, как информационно-аналитическое (59%), обеспечение «обратной связи» между населением и органами власти (47%), сбор информации о проблемах общества и граждан (46%).

Представления о цели деятельности социологов, основных видах их деятельности и образе социолога не являются системными и не согласованы между собой. Основная деятельность социологов видится с позиции изменения и преобразования общества (96,4%), а образ социолога как социального реформатора сформирован у 3% респондентов.

Рассматривая социологическую культуру служащих как фактор повышения эффективности государственной гражданской службы, представляется целесообраз-

ным включение социологических блоков в программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных гражданских служащих.

Развитие социологической культуры в системе профессиональной переподготовки государственных гражданских служащих связано не столько с изучением теоретических вопросов, сколько с овладением информацией по отдельным темам и модулям. В сфере государственного управления существенную роль играют знания о социальной структуре общества. Еще Т. Парсонс утверждал, что социальная структура – это единственная область знания, на которую, кроме социологии, не претендуют никакие другие науки: ни экономика, ни право, ни психология, ни культурология, ни социальная антропология не вырабатывают самостоятельно знания о социальной структуре общества [13, с. 19–20].

Знания о социальной структуре общества являются основополагающими для деятельности органов государственного управления, для принятия управленческих решений. Однако приходится констатировать, что потребности в получении этих знаний у государственных гражданских служащих практически нет.

Таким образом, возникает необходимость организации научно-просветительской, пропагандистской деятельности по формированию и развитию представлений о социологии, социологах и социологических исследованиях, которые выступают частью социологической культуры государственных служащих, оказывают непосредственное влияние на понимание государственных гражданских служащих роли социологии в их профессиональной деятельности.

По нашему мнению социологическую культуру государственных гражданских служащих следует считать одним из важных факторов повышения эффективности государственной службы. Обозначенные направления деятельности по формированию и развитию социологической культуры позволят:

- изменить статус и роль социологического знания в принятии социально-экономических и социально-политических решений;
- обеспечить определение возможностей управления в процессе решения определенной социальной проблемы;
- создать условия для осуществления социологической экспертизы принятых решений, так как социология способна проверить, как будет работать решение и как его воспримут люди из различных социальных страт и групп;
- усилить заинтересованность государственных гражданских служащих в социологическом сопровождении национальных проектов, других программ и концепций;
- обеспечить глубокую связь научного анализа и практических мероприятий;
- разработать и использовать апробированную систему конкретных показателей социальных изменений, которая обеспечит получение достоверной информации о социальных изменениях и будет эффективной для управления социальными процессами.

Библиографический список

1. *Осинов Г.В.* Российская социология в XXI веке. М., 2003.
2. *Шаповалов В.Ф.* Чем и как собираются управлять наши управленцы? // *Общественные науки и современность.* 2005. № 5.

3. Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность. М., 2006.
4. Бауман З. Мыслить социологически / пер. с англ.; под ред. А.Ф. Филиппова. М., 1996.
5. Четырина Н.В. Уровни развития социологической культуры в современном российской обществе // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/sociol1.html>
6. Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / пер. с англ.; под ред. Г.С. Батыгина. М., 1996.
7. Здравомыслов А.Г. Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // Социс. 2008. № 8. С. 3–17.
8. Покровский Н.Е. Социология, социологическая культура и их место в современном российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 42–57.
9. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 2001.
10. Ольховников К.М., Орлов Г.П. Категории социологии: образ мышления и словарь исследования // Социс. 2004. № 2. С. 3–11.
11. Здравомыслов А.Г. К вопросу о культуре социологического мышления // Социс. 2008. № 5. С. 4–16.
12. Проказина Н.В. Особенности социологической культуры государственных гражданских служащих // Образование и общество. 2012. № 1. С. 75–80.
13. Тихонов А.В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Социс. 2009. № 12. С. 19–20.

A.V. Ryazanov
Elites in Regional
Administration: Transformation
in the Post-Soviet Period
and Current Peculiarities
of Ethnic Policy

The internal characteristics of regional elites during the Post-Soviet period are studied. The reasons of elites' transformations in connection with the policy of the federal government are considered. The interconnection between the processes of regional elite's transformation and ethnic policy is revealed.

Key words and word-combinations:
regional elite, administration,
transformation, ethnic policy.

Исследуются внутренние характеристики региональных элит в постсоветский период. Рассмотрены причины трансформаций элит в связи с политикой федеральных властей. Показана связь процессов изменения региональной элиты с этнополитикой.

Ключевые слова и словосочетания:
региональная элита, управление,
трансформация, этнополитика.

УДК 32.01+323.1
ББК 66.04+66.094

А.В. Рязанов

ЭЛИТЫ В УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНОМ: ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОПОЛИТИКИ

По сравнению с 1980-ми годами этнополитическая ситуация в регионах России в постсоветский период стала более конкурентной и динамичной. Произошло перераспределение собственности, изменился демографический баланс, в значительной степени под влиянием внутренней и внешней миграции поменялся национальный состав, появились активные диаспоры. Для федерального

центра было важно удерживать контроль над изменениями, поэтому управлению регионами приходилось уделять пристальное внимание и подбирать для этого соответствующие методы.

Региональный уровень управления приобрел особое значение, так как центр в существующих условиях испытывал и продолжает испытывать проблемы с адекватным и качественным управлением территориями – субъектами Федерации. Объективно многое зависит от региональных управленческих элит, от их качества и возможностей влияния на происходящие процессы.

В общественных науках существуют два принципиально отличных подхода к содержательному пониманию термина «элита»: функциональный и меритократический [1]. В соответствии с первым из них можно говорить об элите и контрэлите, в соответствии со вторым – об элите и эрзац-элите. Если при функциональном подходе управленческая роль контрэлиты не оспаривается, то меритократический подход акцентирует имитирование эрзац-элитой выполнения «элитных» функций [2, с. 66–67].

Постсоветская элита – определенно не меритократическая, поскольку принадлежность к ней не связана с уровнем образования и другими заслугами. По ключевым характеристикам функционирования она во многом напоминает советскую номенклатуру. Современная российская элита живет своей жизнью, претендуя на какое-то исключительное положение, какую-то свою особую миссию, которую якобы призвана выполнить. Она и население существуют как бы в параллельных мирах.

Российские граждане не привыкли контролировать власть, что побуждает представителей элиты применять как легальные, так и нелегальные способы достижения и удержания власти. Характерной особенностью функционирования элит в такой ситуации является параллельное использование формальных политических институтов и неформальных практик (клиентельских и персоналистских сетей, групп давления и т.д.) [3, с. 21], при этом зачастую происходит вытеснение формальных институтов неформальными практиками. В итоге происходит дрейф легитимных властных структур в сторону использования неправовых, теневых методов воздействия на объект управления.

О российской региональной элите следует говорить именно как об эрзац-элите.

Российские региональные элиты прошли длительный путь развития, в процессе которого произошла трансформация их состава, статуса и имеющихся возможностей влияния на происходящее. В начале 1990-х годов инкорпорация в их структуру происходила из разных источников: среды прежней номенклатуры, успешных и быстро перестроившихся «комсомольцев», активных производственников, партийных активистов «нового призыва», бывших сотрудников спецслужб, а также этнических лидеров. На сегодняшний день эта элита существует как клиента федеральной власти, которая много сделала в плане ее формирования и во многом ответственна за ее характер и принципиальную неготовность к инновационному поведению. К ней стали причислять фактических порученцев вышестоящего начальства, назначенных «сверху» на влиятельные позиции, зависимых от власти и подчиняющихся ей

[4, с. 76–77]. Но даже в таком виде региональная элита не является однородной массой и при взаимодействии с федеральной властью демонстрирует разные сценарии поведения [5].

В 1990-е годы наблюдалась регионализация страны, выражавшаяся прежде всего в том, что субъекты Федерации реально получили (для некоторых случаев точнее будет сказать – взяли) немалые права. С середины 1990-х годов главы субъектов избирались населением и в большей степени подотчетны ему, а не федеральному центру. Они стали недопустимо независимыми [6, с. 128]. Это было время ярких, во многом авантюрных и действительно политических региональных лидеров.

Выборность глав субъектов Федерации в определенной степени дестабилизировала общенациональную политическую систему, так как сохранялась реальная опасность возникновения новой волны «парада суверенитетов». Выборные руководители субъектов Федерации приводили с собой новых людей. Региональная элита группировалась именно вокруг региональных лидеров, и с ее помощью они осуществляли управление «своим» субъектом Федерации. Особенно заметным это было в «национальных» субъектах, входящих в состав Российской Федерации.

Региональная политическая элита в них фактически смыкается с этноэлитой, представляя собой единое целое. Поэтому элиту республик и автономных округов России следует, по нашему мнению, анализировать прежде всего как этноэлиту. В значительной части случаев она состоит из представителей коренных («титulyных») для данной территории этносов.

Элита национальных субъектов Российской Федерации существенно укрепилась в постсоветское время. Этноэлиты проводят в своих регионах собственную этнополитику, не совпадающую с этнополитикой федерального центра. Ими (в разной степени) создаются преференции в развитии структурам, связанным с представителями титульных в данном регионе этносов. Именно с этими элитами многолетнюю политическую позиционную борьбу вел Кремль. Но и сегодня этноэлиты более свободны в своих действиях, чем региональные элиты «территориальных» субъектов Федерации, в меньшей степени зависимы от федеральной власти и имеют больше возможностей для маневра в случае необходимости [7, с. 28].

Экспансия президентской власти, связанная с целенаправленной политикой В.В. Путина, привела к ослаблению действовавших институтов [8]. Так, в противовес региональным лидерам в 2000 г. были созданы полпредства в федеральных округах, оттянувшие на себя ряд важных управленческих функций, а в 2004 г. – изменен порядок замещения должности высшего должностного лица субъекта РФ. Если в 1990-х годах главы российских субъектов могли генерировать свои собственные идеи и пытаться реализовывать их на практике, то новая плеяда региональных руководителей-назначенцев или не способна к этому, или ей это не представляется возможным в существующих условиях. С отставками в 2000-х годах «политических тяжеловесов» степень самостоятельности региональных элит существенно упала. Эта тенденция затронула и «национальные» субъекты. Даже главы республик стали (хотя бы и номинально) проводниками

политической воли федерального центра, именно перед ним они оказываются ответственными за свою деятельность, при этом интересы и самочувствие собственного населения отходят на второй план. «Новые» региональные руководители – скорее наместники на территории, люди-функции, проводящие политику, устраивающую центр.

Это было сознательным выбором федеральных властей. В регионах, так же как и в центре, «номенклатурный принцип организации власти, поддерживаемый правящей группировкой, препятствует автономизации данной сферы, институционализации компетентности и правил ее приобретения и признания. Иными словами, этот принцип противоречит возникновению открытой конкуренции в занятии ведущих социальных позиций, не зависящих от интересов и действий тех, кто в текущий момент находится у власти» [4, с. 82]. Ситуация усугубляется тем, что сформировавшаяся региональная элита самодостаточна, ей ни под каким видом не нужны конкуренты. Впрочем, в ряде случаев нельзя отрицать возможности рекрутирования в ее состав новых членов при необходимости. В частности, заметно появление в составе региональных элит деятелей духовенства основных российских конфессий. Очевидно, что конфессиональный фактор начинает играть всю большую роль в региональной политике.

Воплощаемая в субъектах России этнополитика имеет свою специфику и представляет собой, в определенной степени, результат компромисса между местными элитами с одной стороны и федеральным центром – с другой. Компромисс может быть достигнут при равноправии сторон, и иногда он бывает вынужденным, когда более слабая сторона принимает условия более сильной. Так, в соответствии с общероссийским трендом, в составе региональных элит закрепились значительное количество выходцев из силовых структур. Крайне незначительное участие представителей гуманитарной интеллигенции в принятии важных решений накладывает отпечаток на возможности реформирования структур управления и проведения объективно необходимой стране модернизации. Не только на федеральном, но и на региональном уровне перестают работать социальные лифты, вследствие чего общество все более становится похожим на сословное. В «национальных» субъектах Федерации это усугубляется этническим и конфессиональным факторами отбора лиц в состав региональной элиты.

Региональные элиты (этноэлиты) в настоящее время реализуют в своей деятельности различные стратегии и используют соответствующие им тактики. Внутри этноэлит проходят сложные процессы самоидентификации, и можно наблюдать достаточно острую конкуренцию между различными ее группировками за власть, которая может разрешаться как формальными (легальным), так и неформальными способами. В качестве показательного примера решения определенной этнополитической по своему характеру проблемы в ее чистом виде приведем Дагестан, где между ключевыми этноэлитами этого многонационального субъекта РФ существует и поддерживается негласная договоренность о распределении значимых государственных (республиканских) должностей по этническому признаку.

Динамика изменений этнического и, как следствие, политического простран-

ства России зависит от очень многих факторов. Ключевое значение имеют численное соотношение этносов, конфессиональная принадлежность групп населения (специфические особенности отправления религиозных культов), национальные характеры преобладающих народов, их господствующие менталитеты, уровни и особенности развития у них культуры и технологии, наличие или отсутствие в ближайшем окружении сильных этносов-конкурентов. Не последнюю роль играют мифолого-исторический «бэкграунд», а также размеры и естественно-географические особенности территории, занимаемой тем или иным этносом (этнической группой).

Этнополитические изменения в субъектах России могут происходить по самым разным причинам, например из-за дезадаптации населения к ландшафту или политической, военной, экономической, культурной, технологической экспансии со стороны соседних этносов. Факторы, влияющие на рассматриваемую динамику, можно подразделить на первичные и вторичные, которые не всегда имеют явное выражение, причем в зависимости от особенностей социокультурной ситуации вторичные факторы могут выходить на первый план. В другой системе координат эти факторы можно разделить на внешние и внутренние, которые могут формироваться как стихийно, так и целенаправленно.

В целом же этнополитическая динамика представляет собой сложную многовекторную модификацию социальной реальности, связанную с изменением статусов и ролей этносов и этнических групп, политические действия которых переконфигурируют этнополитическое пространство. Динамика изменений этнополитического пространства за последнее время резко возросла, и эта тенденция, скорее всего, будет сохраняться [7].

Протекающие в российских регионах политические процессы в своем развитии демонстрируют несколько основных тенденций:

1) в «территориальных» субъектах Федерации – стремление общин национальных меньшинств (диаспор) не только к созданию собственной экономической базы, но и к проникновению в органы государственного и муниципального управления в целях укрепления своего социального и политического положения;

2) в «национальных» субъектах Федерации – стремление «титulyных» этнозов к упрочению начал своей самостоятельности во внутренней и даже внешней политике и к установлению контроля над общественно-политическими организациями, представляющими интересы нетитulyных этнозов на их территории (через, например, издание регионального закона о национально-культурной автономии);

3) вне зависимости от принципа образования субъекта РФ («национального» или «территориального») этнополитические процессы в регионах России контролируются находящимися у власти региональными элитами; региональная элита стремится за счет контроля региональных СМИ заполнить своим влиянием все сферы общественной жизни, тем самым отчуждая граждан от власти и вызывая недовольство населения; используя ради удержания власти в том числе и нелегитимные средства, она подрывает движение регионального сообщества в сторону демократизации общественной жизни;

4) весьма интересно действие партийных (общенациональных по своему предназначению и законодательно оформленному содержанию) механизмов в этнополитическом пространстве Российской Федерации: как известно, в России не могут быть образованы региональные, этнические или же конфессиональные партии, но имеющиеся на сегодня партии лишь условно можно считать политическими и общенациональными; создаваемые искусственно, они в значительной мере лишь имитируют таковые характеристики, а представители региональных элит в таких условиях, естественно, предпочитают быть в «партии власти», поскольку это помогает им решать свои, достаточно узкие задачи, связанные с управлением регионом.

Учитывая объективно существующие национальные, исторические, социально-экономические и иные условия в современной России, целесообразно не разрушать существующую в настоящее время асимметричность Федерации, так как процесс искусственного выравнивания статуса субъектов Федерации чреват ростом противоречий и даже конфликтов. Представляется необходимым восстановление государственного контроля информационного пространства в том смысле и отношении, чтобы пресечь возможности для пропаганды идей экстремистского толка, безразлично какой направленности (национальной, религиозной, политической или какой-нибудь иной). В печати и других СМИ нужно показывать их деструктивный характер, а также реальные последствия, в том числе и для их адептов, в случае реализации этих идей и устремлений на практике.

Проницаемость пространства (и физическая, и информационная) в современном мире резко возросла, а объем новой информации, с которой ежедневно приходится сталкиваться субъекту, приближается к критическому, поэтому крайне важным для работников органов государственного и муниципального управления является профессиональное овладение современными информационными и коммуникативными технологиями. Технологии работы с информацией и аудиториями, помноженные на знания конкретных проблем и умение их разрешать, могут дать нужный эффект, в том числе и в области этнополитических отношений.

Без соблюдения перечисленных условий, своевременной и адекватной реакции органов государственной и муниципальной власти на происходящие изменения ситуацию под контролем удержать вряд ли удастся. Государство нуждается в новых ответственных региональных элитах, адекватно воспринимающих вызовы современности и способных взять на себя ответственность за будущее его граждан.

Библиографический список

1. Напалкова И.Г. Анализ центрально-периферийных отношений в федеративных государствах в свете теории элит // Вестник ПАГС. 2011. № 1(26).
2. Васильева Л.Н. Элита и эрзац-элита: «Новый курс» российской политики // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3.
3. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты // Полис. 2002. № 2.
4. Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // Pro et Contra. 2007. № 3(37).
5. Чурикова А.Е. Региональные элиты в современной России // Россия и современный мир. 2009. № 1(62).

6. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005.
7. Рязанов А.В. Региональное коммуникативное пространство и местные элиты // Регионология. 2007. № 1.
8. Петров Н. Субституты институтов. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=40&article=1573>

D.A. Yegorenkov
The Priority National Project
“Modern Healthcare”
in the Regional Political Process
(by the Example
of the Saratov Region)

The sociopolitical significance of the priority national project “Modern Healthcare” for the region of the Russian Federation is revealed. The special attention is given to the analysis of standard documents, government programs and reports, and public opinion.

Key words and word-combinations: priority national project, healthcare, regional political process.

Показано социально-политическое значение приоритетного национального проекта «Современное здравоохранение» для региона Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу нормативных документов, государственных программ и отчетов, исследованию общественного мнения.

Ключевые слова и словосочетания: приоритетный национальный проект, здравоохранение, региональный политический процесс.

УДК 351(470.44)
ББК 67.401.12(235.54)

Д.А. Егоренков

**ПРИОРИТЕТНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
«СОВРЕМЕННОЕ
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»
В РЕГИОНАЛЬНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
(на примере
Саратовской области)**

Со второй половины 2000-х годов повышение эффективности социальной политики стало одной из наиболее значимых задач, решаемых Российским государством. Данное направление имеет прямое отношение к реализации главной функции политической системы – властному распределению ценностей и ограниченных ресурсов внутри общества.

В сентябре 2005 г. были определены приоритетные национальные проекты в четырех сферах: «Эффективное сельское хозяйство», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Современное здравоохранение» и «Качественное образование» [1], а уже в октябре создан Совет по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике при Президенте РФ [2]. Каждый национальный проект может рассматриваться как специализированная в определенной области стратегическая задача. Национальные проекты в совокупности об-

разовывали современный механизм решения ключевых общегосударственных задач, базирующийся на согласованном взаимодействии органов власти и управления всех уровней [3, с. 19].

Системное видение каждого из направлений реализации приоритетных национальных проектов в России позволяет говорить о заложенной в них «проектности человека» (термин Ж.-П. Сартра). Например, расширение первичной медицинской помощи, раннее выявление заболеваний, проведение медико-генетического анализа, учет специфики жизни больного касаются каждого пациента в отдельности, но в совокупности способствуют достижению целей общественного здоровья. Ту же задачу выполняют и «обобществленные» меры: популяризация здорового образа жизни, отказ от вредных привычек, переориентирование медицинских работников и пациентов с лечения заболеваний на эффективные меры их профилактики, становление института семейной медицины, распространение высших ценностей материнства. В итоге «проектируются» здоровый человек и здоровое общество.

Рассмотрим реализацию национального проекта в сфере здравоохранения на региональном уровне – в Саратовской области.

Приоритетный национальный проект «Современное здравоохранение» направлен на улучшение воспроизводства населения страны, усиление социальной значимости каждого гражданина, создание эффективных механизмов хозяйствования в сфере здравоохранения [4]. Несмотря на тяжелый финансово-экономический кризис, постигший Россию в 2008–2009 гг., реализация данного проекта не прекращалась и не приостанавливалась, что положительно отразилось в общественном сознании. Между тем реализация национального проекта имеет полярные социальные и политические оценки.

Проанализируем особенности социальных оценок.

Некоторые исследователи критически замечают, что в начальном периоде осуществления национального проекта «Современное здравоохранение» (2006) наблюдался низкий уровень информированности медицинских работников о целях и содержании национального проекта; организаторы здравоохранения и врачи-клиницисты мало привлекались для разработки и предварительных оценок реализации национального проекта. Согласно исследованию Российской медицинской ассоциации, проводившемуся в апреле – июне 2006 г., свыше половины врачей (56,6%) знали о содержании национального проекта в общих чертах или поверхностно [3, с. 21]. Это вполне коррелирует с общими данными. Например, в целом информированность различных групп населения относительно всех национальных проектов на конец 2007 г. составляла 48%; из них только 5% были осведомлены хорошо, а 43% «кое-что слышали». Ничего не известно о национальных проектах было 44% граждан Российской Федерации [5, с. 91].

Эти данные свидетельствуют о том, что вначале (2006–2007) общая оценка приоритетного национального проекта «Современное здравоохранение» различными социальными группами была невысокой. Следовательно, информационное освещение национального проекта, деятельность подразделений по связям с общественностью государственных органов власти, а также разъяснитель-

ную работу с населением следует признать недостаточными. Недоработки в этом направлении видны на конкретных примерах.

Так, одним из ключевых мероприятий, способных исправить ситуацию со смертностью, является диспансеризация населения. Рассматриваемый национальный проект предусматривает дополнительную диспансеризацию работников бюджетной сферы и дополнительные медицинские осмотры граждан, работающих во вредных и (или) опасных условиях. Однако в организациях данных мероприятий имеются следующие проблемы: невысокая информированность населения и работодателей о целях и задачах мероприятий, низкая пропускная способность первичного звена, недостаточное ресурсное обеспечение поликлинических учреждений, нерациональный выбор врачебных специальностей, участвующих в диспансеризации [6, с. 29–42]. В частности, кардиологи и онкологи не были включены в список, но осмотр именно этих узких специалистов необходим для предотвращения основных заболеваний, увеличивающих смертность населения. Отметим, что данное обстоятельство способно выступить препятствием на пути реализации ключевой для национального проекта цели – улучшению демографической ситуации в российских регионах.

Другие сложности и отрицательные моменты в реализации национального проекта «Современное здравоохранение» были связаны с недофинансированием отрасли по отношению к запланированному объему денежных выплат, сохранением прежних условий пребывания пациентов в лечебных учреждениях, отсутствием научного обоснования приоритетных направлений, описания эффективных механизмов реализации, а также методов оценки.

Необходимо рассмотреть политические оценки реализации национального проекта «Современное здравоохранение».

Представители пропрезидентской партии парламентского большинства «Единая Россия» всегда последовательно выступали с поддержкой общего замысла и конкретных воплощений всех национальных проектов, находя в них серьезную базу для развития и прообраз новой справедливой социальной политики государства. Их политические оппоненты были склонны оценивать все приоритетные национальные проекты как PR-акции и политические технологии. Левая оппозиция в лице КПРФ заявляла, что власть посредством национальных проектов «купила лояльность народа» в преддверии выборов, руководители демократической партии «Яблоко» – что «национальные проекты – это очередной пиар нашей власти», направленный на создание видимости грандиозных планов президента перед выборами, а представитель несистемной право-либеральной оппозиции Б. Немцов однажды назвал национальные проекты «небольшой подачкой» народу от власти.

По мнению некоторых исследователей, внедрение в политический процесс России новых механизмов реализации национальных проектов имело и имеет как стратегические, так и тактические цели [7, с. 15]. Стратегическими выступают повышение эффективности управления социально-политическими процессами, снятие напряженности в социальной сфере, обеспечение устойчивости власти к внешним и внутренним вызовам и угрозам – то есть меры, ведущие к стабилизации и развитию демократической политической системы в целом. К тактическим

целям относятся повышение уровня легитимности органов государственной власти и представителей правящей политической элиты, сохранение преемственности заявленного главой государства политического и социально-экономического курса, эффективность и результативность государственного финансирования социальной сферы, повышение доступности и качества оказываемых услуг, а также снижение уровня дифференциации социального развития регионов.

Достижению генеральной цели национального проекта «Современное здравоохранение» – закреплению гарантий общероссийских стандартов медицинской помощи и улучшению демографической ситуации – должны были способствовать профильные региональные ведомства и вновь создаваемые при органах государственной власти субъектов РФ структуры.

На территории Саратовской области с 2006 г. действует Совет по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике при Правительстве Саратовской области, а также частные комиссии. В министерстве здравоохранения и социального развития области функционирует оперативный штаб по разработке и контролю исполнения мер по каждому направлению национального проекта «Современное здравоохранение».

За время реализации национального проекта в сфере здравоохранения на территории Саратовской области наметилась отчетливая динамика улучшения медико-демографических показателей населения [8]. В частности, по итогам 2009 г. рождаемость в области увеличилась в сравнении с 2005 г. на 18,8%, а смертность за данный период уменьшилась на 10%.

На улучшение здоровья населения была направлена программа здорового образа жизни, задачей которой выступает повышение ответственности людей за собственное здоровье. В области организовано девять центров здоровья, оснащенных оборудованием для измерения основных параметров физического развития и комплектами оборудования для залов лечебной физической культуры.

В 2010 г. Саратовская область по охвату дополнительной диспансеризацией работающих граждан занимала первое место в России: он составил по области 70% при среднероссийском уровне 58,3% [9].

Статистические данные позволяют предположить, что в дальнейшем объединение усилий федерального, регионального и местного уровней управления в сфере здравоохранения окажет влияние на выравнивание показателей рождаемости и смертности в области и обусловит переход к положительной динамике численности населения Саратовской области.

Следует отметить, что на территории Саратовской области продолжает увеличиваться обеспеченность населения высокотехнологичными видами медицинской помощи (это второе основное направление реализации национального проекта «Современное здравоохранение»), которая составила 309,7 на 100 тысяч населения, что значительно превышает аналогичные показатели по Приволжскому федеральному округу – 118,9 – и Российской Федерации – 170.

Эффективность и результативность государственного финансирования сферы здравоохранения на территории Саратовской области напрямую отразились на динамике улучшения указанных медико-демографических показателей ее населения. Однако остаются нерешенными ряд проблем в здравоохранении.

Так, неравномерность распределения кадров приводит к более низкому качеству медицинской помощи там, где отсутствуют необходимые специалисты. Недостаточная мотивация к качественному труду также отражается на уровне оказания медицинской помощи. Задачами текущего периода для руководителей являются повышение результативности управления кадровыми и материально-техническими ресурсами, эффективное расходование бюджетных средств и средств обязательного медицинского страхования.

В целом с 2006 по 2010 г. в рамках национального проекта «Современное здравоохранение» на его реализацию было привлечено 6,4 млрд рублей из федерального бюджета, а софинансирование из областного бюджета за все годы составило 2,7 млрд рублей. В то же время, согласно справке по вопросам реализации территориальной программы государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи в Саратовской области, расходы на здравоохранение в расчете на одного жителя составили в 2010 г. 75,1% от норматива, установленного Программой государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи, в 2011 г. – 76,6% от норматива. Следовательно, в 2011 г. дефицит финансового обеспечения стандартов системы здравоохранения на территории Саратовской области составил 23,4%. По этой причине в учреждениях здравоохранения региона не хватает лекарств, шприцов, бинтов всем нуждающимся жителям. Представители федеральной власти негативно отреагировали на недофинансирование проекта региональной властью и рекомендовали органам исполнительной власти Саратовской области в 2012 г. увеличить расходы на территориальную программу государственных гарантий с 14 985 млн рублей до 19 486,6 млн рублей [10].

Таким образом, удовлетворенности населения и медицинских работников реформированием системы здравоохранения препятствуют следующие причины: отсутствие принципиальных изменений в работе участковых врачей, затруднения с консультациями узких специалистов, усугубление проблемы многоканальности финансирования медицины, «зарплатные ножницы» в здравоохранении, возрастание социальной напряженности в коллективах. Кроме того, не способствуют высокой оценке здравоохранительной политики со стороны заинтересованной общественности и населения такие управленческие казусы, как перебои с поставками жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП) в лечебные учреждения и аптечные пункты. Например, в марте – апреле 2011 г. в Саратовской области случился так называемый «инсулиновый скандал», обусловленный дефицитом инсулина в поликлиниках и аптеках [11]. Парадокс данной ситуации заключался в том, что финансовые средства из федерального и регионального бюджетов были выделены в полном объеме, но при этом вовремя не проведены конкурсные мероприятия по избранию поставщика инсулина. Средства оказались неосвоенными, и, как следствие, отсутствие в аптечных пунктах препаратов льготного лекарственного обеспечения спровоцировало волнения десятков тысяч больных сахарным диабетом.

В связи с этим показательными выглядят данные Фонда общественного мнения, полученные в мае 2011 г. На вопрос социологов «Как, по Вашему мнению, обстоят дела в российском здравоохранении?» россияне ответили следующим

образом: «плохо» – 58%, «удовлетворительно» – 34%, «хорошо» – 3%, затруднились ответить лишь 5% [12, с. 33]. Официальные органы и представители государственной власти знакомы с такими общественными настроениями и оценками деятельности системы здравоохранения, о чем свидетельствует программная статья Председателя Правительства РФ В.В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России», опубликованная в феврале 2012 г. [13].

Новые принципы охраны здоровья граждан Российской Федерации были зафиксированы в фундаментальном для системы здравоохранения Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [14]. Следует отметить, что в данный закон был заложен принцип приоритета профилактических мероприятий и переход от системы здравоохранения, направленной преимущественно на лечение заболеваний, к системе охраны здоровья граждан, основанной на приоритете здорового образа жизни и профилактике заболеваний. В свою очередь региональная власть Саратовской области декларирует готовность и далее осуществлять социальную политику, направленную на модернизацию областного здравоохранения. Это нашло непосредственное отражение в Программе социально-экономического развития Саратовской области на 2011–2013 годы [9].

Таким образом, приоритетный национальный проект «Современное здравоохранение» представляет собой относительно новый механизм государственного управления здравоохранением. Объединяя в себе все уровни управления и четко разграничивая их полномочия, он является важным фактором политической жизни страны и отдельно взятого региона, свидетельствующим, что с 2006 г. политические приоритеты федеральной и региональной государственной власти носят социально ориентированный характер.

Приоритетный национальный проект «Современное здравоохранение» представляет собой лишь начальный этап модернизации здравоохранения Саратовской области. По-прежнему актуальным остается внедрение региональной комплексной программы модернизации здравоохранения, выступающей неотъемлемой составной частью комплексной программы социально-экономического развития региона [15, с. 89–91], а конкретные результаты социально-экономического развития Саратовской области будут оказывать влияние на доверие населения региональным органам власти и весь политический процесс.

Библиографический список

1. Как рождалась идея национальных проектов? URL: <http://rost.ru/main/what/01/01.shtml>
2. О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов: Указ Президента РФ от 21 окт. 2005 г. № 1226 // СЗ РФ. 2005. № 43. С. 4374.
3. *Ижаева З.Н.* Национальный приоритетный проект «Здоровье»: вопросы реализации и оценка врачей // Власть. 2008. № 6.
4. О национальном проекте в сфере здравоохранения (по материалам Минздравсоцразвития России) // Здравоохранение. 2006. № 9.
5. *Пахомова Е.И., Седова Н.Н.* Знакомый незнакомый национальный проект // Национальные проекты. 2007. № 10.

6. Реализация приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения в первом полугодии 2006 г. (по материалам Минздравсоцразвития РФ) // Здравоохранение. 2006. № 9.
7. Устинкин С.В., Алабин Д.В. Приоритетные национальные проекты в политическом процессе России // Власть. 2009. № 4.
8. Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» в 2009 году. URL: http://www.saratov.gov.ru/region/nacproject/contem_health_protect/detail.php?ID=44754
9. Программа социально-экономического развития Саратовской области на 2011–2013 годы. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/mineconom/news/detail.php?ID=64689>
10. Володин В. Министр здравоохранения и руководитель фонда ОМС области должны уйти в отставку! // МК в Саратове. 2011. 23 нояб.
11. Астахова А. Несладко жить в Саратове. URL: http://www.om-saratov.ru/in_essence/?ELEMENT_ID=21848
12. Андропова А. Нездоровая реакция // Огонёк. 2011. № 40.
13. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февр.
14. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Рос. газ. 2011. 23 нояб.
15. Абросимова И.В., Сазонов А.Ю. Региональная программа развития как средство увеличения ресурсного потенциала региона // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2001. № 3.

G.N. Dolgova
The Privatization Policy
Consequences
and the Local Government
in the Russian Federation

The influence of social and economic consequences of privatization on the formation and progress of the local government system is investigated. Acute problems of the current state of the local government structure, connected with the “oligarchical” character of the Russian privatization are revealed.

Key words and word-combinations:
local government, privatization policy.

Исследуется влияние социально-экономических последствий приватизации на формирование и развитие системы местного самоуправления. Выявляются острые проблемы современного состояния структуры местного самоуправления, связанные с «олигархическим» характером российской приватизации.

Ключевые слова и словосочетания:
местное самоуправление, политика приватизации.

УДК 352/353:35.072.81
ББК 66.3(0),124+67.401.11

Г.Н. Долгова

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ
ПРИВАТИЗАЦИИ
И МЕСТНОЕ
САМОУПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

По объективным показателям приватизация государственной собственности в России самое большое воздействие должна была оказать на развитие системы местного самоуправления. Наделение собственностью и граждан, и объединений, в которых они участвуют по различным интересам, и органов власти, организующих управление и определенный порядок на конкретной территории, призвано было активизировать систе-

му местного самоуправления и помочь строительству новой России снизу – от общества, от конкретных человеческих дел.

Особо ценную роль, на наш взгляд, сыграло бы появление самостоятельных бюджетов у каждого первичного муниципалитета, собственной, пусть и примитивной, базы налогообложения, системы поощрений и распоряжений. Эта законодательно-финансовая самостоятельность местного самоуправления в вопросах местного развития могла бы стать сильным толчком и одновременно стимулом к формированию новых отношений в обществе, построенных на законе, частной собственности, конкретных интересах людей, и тем самым способствовать формированию гражданского общества. Но, хотя отечественными учеными написано много работ о местном самоуправлении, само оно, к сожалению, находится в зародышевом состоянии. И главная, пожалуй, его слабость происходит от того, что приватизация не стала для него реальным толчком, поскольку не наделила необходимыми ресурсами, не узаконила самостоятельное экономическое положение местной власти.

Система местного самоуправления представляет собой важный политический институт, сравнительно новый для нашей страны. Его современная форма базируется политически на вертикальном разделении власти, а экономически – на частной собственности, развитии мелком и среднем бизнесе, большом количестве самостоятельных предпринимателей-налогоплательщиков. Во многом именно этим аспектам посвящен базовый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. Основная идеология этого Закона заключается в создании условий для самостоятельного функционирования населенных пунктов как системы жизнеобеспечения данной местности с ограниченным участием государства. При этом населению передаются полномочия по организации своей деятельности на данной территории. В Законе предусмотрено введение для всех муниципальных образований двухуровневой системы управления, а показателем эффективного функционирования выступает способность органов местного самоуправления своевременно, в полном объеме, качественно удовлетворить те запросы населения, которые возлагаются именно на муниципальный уровень управления.

Наблюдение за текущей практикой функционирования местного самоуправления в российских регионах показывает, что становление его как эффективной системы происходит крайне медленно, напряженно, и социально-экономические последствия приватизации являются едва ли не самой важной и ответственной среди имеющихся проблем.

В Конституции РФ провозглашен и закреплён вариант местного самоуправления, отделённого от государственных структур власти. Однако этот вариант, не имея глубоких корней в обществе и мало соответствуя режиму государственной власти, утвердившемуся к середине 1990-х годов, многие годы не получал должного развития. До сих пор узаконенная форма местного самоуправления в России остается неэффективной. Очевидны ее слабости и проблемы: острая нехватка финансовых средств для качественного исполнения полномочий; низкий уровень профессионализма муниципальных служащих; огромная зависимость от государственных федеральных и региональных структур власти; отсут-

ствие необходимых правовых, организационных и материально-технических условий для успешного функционирования [2–4]. На протяжении 1990-х и 2000-х годов неоднократно принимавшиеся законодательные акты о местном самоуправлении, различные изменения в налоговой политике, относившейся к муниципальной системе, ничего всерьез не меняли в отношении государства к местному самоуправлению, которое оставалось для государства второстепенным общественным институтом. Находясь в подчиненном, зависимом от государственных структур и госбюджетов разных уровней положении, местное самоуправление в подавляющем большинстве регионов не раскрывает своих потенциальных возможностей в реализации интересов населения и местных территорий.

Существенной причиной многих сложностей в развитии местного самоуправления на территории российских регионов является, по нашему мнению, характер проведенной приватизации.

Объективно наделение миллионов людей собственностью, возможностью вести свой бизнес, самостоятельностью в ведении предпринимательской деятельности должно было поднять социальную активность населения, оживить в нем имеющиеся потенции к самоуправлению. Одновременно с этим формирование массового слоя предпринимателей, активных экономических отношений призвано обеспечить самостоятельные бюджеты, экономическую самостоятельность муниципальных образований, по крайней мере для большинства из них, а для остальных – если не самостоятельность, то и не полную зависимость от регионального и федерального уровней управления. Хозяйственная деятельность обязательно способствует развитию хозяйского отношения людей к родному дому, улице, поселку, территории своего проживания, к участию в управлении процессами и мероприятиями по благоустройству собственной среды обитания.

К сожалению, российская приватизация не создала этих необходимых для местного самоуправления экономических условий. По данным доктора экономических наук Г. Батова, в подавляющем большинстве сельских и во многих городских поселениях отсутствуют постоянные источники налоговых поступлений, а те налоги, сбор которых делегируется местным органам самоуправления, не обеспечивают нормальной жизнедеятельности населения в силу их недостаточности. Роль местных налогов как инструмента формирования бюджета крайне низка. Их доля в структуре налоговых доходов местных бюджетов оценивается в 55–60%, а реальная величина их мизерна в сравнении со стоящими перед органами местной власти социальными задачами [5, с. 81–83]. В результате муниципалитеты не могут быть значимыми субъектами социальной политики и управления вообще. Все это проистекает от низкой экономической активности населения, от слабо развитых финансово-экономических отношений.

Приватизация не создала ни широкого слоя собственников, ни эффективного мелкого и среднего бизнеса, чья деятельность и призвана обеспечивать наполнение местных бюджетов. Крупный капитал формирует федеральный и отчасти региональные бюджеты, от которых и зависит финансирование местного самоуправления.

Весьма показательно финансово-экономическое положение местного самоуправления и в том смысле, что немалое число муниципалитетов даже не име-

ют своей собственностью. Так, в Приволжском федеральном округе муниципальной собственностью владеют только 84% муниципальных образований [6, с. 22].

Обзор региональных СМИ Саратовской области дает возможность оценить состояние системы местного самоуправления в этом большом регионе России, выявить проблемы данного уровня управления. Сразу бросается в глаза острая нехватка финансовых ресурсов на местном уровне. Это относится и к городам, и к сельским районным центрам, и тем более к небольшим поселениям.

В городах, в том числе в областном центре, постоянно не хватает средств на самое необходимое: переселение людей из аварийного и ветхого жилья, ритмичное коммунальное обслуживание, уборку и вывоз мусора, поддержание дорог в нормальном состоянии, особенно в зимнее время, озеленение территорий и надлежащий уход за парками и скверами, освещение улиц, транспортное обслуживание населения и некоторые другие сферы. Особенно этим страдают Саратов, Балаково, Вольск, Красноармейск, Петровск.

В сельских районах острые затруднения вызывает решение таких задач, как снабжение населения питьевой водой и топливом, торговое и медицинское обслуживание, обеспечение дорожно-транспортного сообщения, особенно в осенне-зимний период, а во многих местах и в пору весеннего разлива рек. На протяжении ряда последних лет нарастает, дойдя до критического состояния, проблема водоснабжения во многих заволжских, степных районах области. Сокращение запасов воды в реках и прудах, обмеление и полное высыхание водоемов, из которых запитывались водой сотни сел, деревень и большие районные центры, резко ухудшило качество жизни для десятков тысяч семей саратовского Заволжья. Ресурсов для разрешения этой проблемы местные власти не имеют даже в минимальных размерах. Понятно, что такая власть не может пользоваться авторитетом у населения.

Экономическое объяснение подобной обстановки с финансовым положением муниципалитетов во многом кроется в последствиях приватизации. С одной стороны, концентрация капиталов в руках узкого слоя лишила страну массового предпринимательства и хозяйственной активности населения [7, с. 29], с другой – олигархическое господство на рынке и чиновничий беспредел в отношении мелких и средних собственников существенно ограничивают возможности реализации своей продукции для нормального бизнеса и вообще развитие товарно-денежных отношений. Фактами вопиющего давления на российский рынок со стороны олигархов и чиновников являются трудности в реализации зерна, мяса и других сельскохозяйственных продуктов отечественными производителями. Многие из них по этой причине разоряются, бросают поля и фермы вместо нормальной деятельности, которая и приводила бы к наполнению местных бюджетов.

Социально-экономические, психологические и идеологические последствия приватизации обусловили возникновение сложных, а порой и острых проблем для местного самоуправления в российских регионах. Если выделить наиболее из них часто повторяемые и весомые, то получится следующая совокупность проблем, сдерживающих развитие основных институтов муниципального управления и препятствующих эффективному функционированию системы местного самоуправления: 1) слабая экономическая основа местного самоуправления, не обеспечиваю-

щая в подавляющем большинстве случаев формирования дееспособного бюджета; 2) незавершенность законодательной базы, необходимой для эффективного функционирования органов местного самоуправления и их взаимоотношений с государственными органами и общественными организациями; 3) социальная пассивность населения, не считающего необходимым участвовать в деятельности муниципалитетов, не воспринимающего их в качестве авторитетной, самостоятельной и эффективной власти; 4) реальная неспособность очень большой части муниципалитетов исполнять всю совокупность функциональных полномочий, возложенных на них российским законодательством; 5) все более явственно проглядывающая в деятельности федеральной и региональной исполнительной власти тенденция к огосударствлению самого института местного самоуправления. Имеются и другие сложные проблемы, но, думается, этих достаточно для осознания крайне низкого уровня муниципального управления в нашей стране на данный момент. Основные из этих проблем напрямую связаны с последствиями проведенной в России неэффективной приватизации государственной собственности. Проведем краткий анализ содержания названных проблем местного самоуправления.

Экономическое состояние подавляющего большинства муниципалитетов действительно плачевное. Мало-мальски значимой собственностью они, кроме областных центров, обычно не располагают. Деньги от добычи и реализации природных ресурсов в их бюджеты, за редким исключением, не поступают. Налоги от производственной сферы промышленности и сельского хозяйства неустойчивы. Местная экономика не способна создать нормальные бюджеты муниципалитетов. В подобной экономической и финансовой ситуации сложно, а то и нелепо говорить о «самоуправлении». Вообще доля местных бюджетов в совокупном бюджете страны из года в год снижается, а это значит, что снижается и уровень фискальной автономии муниципалитетов.

В острую проблему последних лет превратилось исполнение муниципалитетами возложенных на них функциональных обязанностей. После осуществления в 2005–2007 гг. дальнейшего разграничения полномочий между уровнями публичной власти произошло расширение перечня вопросов местного значения, большая часть которых требует увеличения расходных обязательств муниципальных образований. Общее количество полномочий муниципалитетов достигло сорока позиций. Но реальное финансовое положение муниципальных образований не улучшалось. Более того, в условиях происходящего финансово-экономического кризиса оно стало хуже. Возникла серьезная диспропорция между возложенными обязательствами и возможностями их осуществления. Например, в Краснодаре в 2008 г. для исполнения возложенных на органы местного самоуправления полномочий необходимо было в 10 раз больше финансовых средств по сравнению с имеющимися [8, с. 20].

Отсутствие средств в местных бюджетах тут же породило массовый процесс делегирования муниципальных полномочий на вышестоящий уровень. Большинство поселений оставляют себе лишь наименее затратные позиции, передавая сложные и дорогостоящие полномочия на уровень городов или районов. Из ведения муниципальных образований на какое-то время исчезают обязательства по организации коммунального и транспортного обслуживания населения,

обеспечения услугами связи, здравоохранения, торговли, культуры, бытового сервиса, физкультуры и спорта и многие другие. Полномочия перемешиваются, людям сложно ориентироваться в реализации своих потребностей и интересов. Вместе с этим возникает большая зависимость качества жизни граждан от более высоких и часто государственных инстанций, муниципалитеты теряют положение института власти.

Сложный разрыв между полномочиями и ресурсами, который в настоящее время представляется распространенным в муниципальной практике, порождает тенденцию к огосударствлению местного самоуправления, что означает непосредственное нарушение или игнорирование Конституции РФ. Эта тенденция подкрепляется и несовершенством законодательства, и советским опытом управления, и практикой администрирования, широко используемой современным чиновничеством, особенно в структурах исполнительной власти государства. Эксперты находят в действующем законодательстве ряд позиций, которые свидетельствуют о существенном влиянии государства на местное самоуправление, о внедрении в него чисто государственных отношений. Эти позиции заключаются в том, что в работу выборных органов местного самоуправления муниципального района и городского округа включено осуществление отдельных государственных полномочий; ограничена самостоятельность местного самоуправления в сфере определения вопросов местного значения и полномочий муниципалитетов, законом определяется четкий список вопросов местного значения; в законодательстве предусмотрены формы прямого федерального регулирования и прямого контроля со стороны субъектов РФ по вопросам местного значения; государство устанавливает состав расходных обязательств муниципальной власти, вся финансовая деятельность муниципалитетов детерминирована жесткими нормативами бюджетных расходов, спускаемыми из центра [10, с. 11; 11, с. 94–95].

Проведенный анализ подтверждает наличие существенных воздействий проведенной приватизации на состояние местного самоуправления в России. Институт местного самоуправления пока имеет значительное количество слабостей, порожденных приватизацией: многие структуры лишены собственности, не имеют на своей территории серьезной экономики, а значит, хорошей налогооблагаемой базы, зато имеют бедное и социально-пассивное (пассивность во многом так же порождена несправедливой приватизацией) население, что отрицательно сказывается и на бюджете, и на деятельности муниципалитетов. Можно констатировать, что местное самоуправление представляет собой не эффективную систему с четкой структурой, кругом обязанностей и финансовых ресурсов для осуществления своих полномочий, а сильно зависимое от федеральных и региональных властей образование, к которому население не испытывает большого доверия.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (с изм. и доп.). // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2006. № 1. Ст. 9, 10, 17; № 31 (ч. 1). Ст. 3427, 3452.
2. Воронков А. Основные тенденции в развитии отношений государственной власти и местного самоуправления (Взгляд из региона) // Власть. 2007. № 9.

3. Местное самоуправление в России и Германии: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2010.
4. Яковлев В. О ходе реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: выступление в Государственной Думе РФ // Муниципальная власть. 2006. № 5.
5. Батов Г. Проблемы организации местного самоуправления // Экономист. 2008. № 3.
6. Андрияшина Е. Местное самоуправление в современной России: драматизм становления // Власть. 2006. № 1.
7. Мусин М. Трудовая нищета: закономерность или случайность? // Российская Федерация сегодня. 2008. № 2.
8. Тимченко В.С., Пронина Л.И. Повышение эффективности работы органов местного самоуправления // Финансы. 2008. № 9.
9. Левина И.В. Установление задач и прозрачность местного бюджета: межбюджетные отношения // Местное самоуправление в России и Германии: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2010.
10. Самодин С. Основные тенденции и противоречия реформы местного самоуправления в России // Власть. 2007. № 7.
11. Сергеев А.А. Об участии граждан в осуществлении местного самоуправления // Российский юридический журнал. 2007. № 4.

N.F. Zhirnov
Political Regime and Targets
of the State

Political regime is considered as a phenomenon. Its role in the implementation of state targets is revealed.

Key words and word-combinations: political regime, targets, the State.

Политический режим рассматривается как явление. Показана его роль в реализации целей государства.

Ключевые слова и словосочетания: политический режим, цели, государство.

УДК 321
ББК 66.03

Н.Ф. Жирнов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ
И ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВА

Любое государство основано на определенном порядке, преследующем конкретные цели. В непосредственной связи с этим для характеристики функциональной стороны государства употребляется термин «политический режим».

Политический режим привносит в государство целеполагание и активное начало. Он обуславливает методы, которыми будут решаться поставленные государством цели или задачи. Но по своей сути политический режим – явление более многогранное, чем просто составной элемент формы государства, поскольку формируется в результате деятельности не только государства, но и иных политических структур. Таким образом, суть

политического режима заключается в том, что он представляет собой текущее политическое состояние в конкретной стране, возникающее как результат функционирования всех элементов (институтов) политической системы. Поэтому для политического режима как категории характерна изменчивость и вариативность конкретных состояний.

В научной литературе распространены два основных подхода к определению политического режима – политико-правовой (институциональный) и социологический. В первом случае преимущественное внимание уделяется формально-юридическим, процедурным характеристикам осуществления власти, во втором – ее социальным основаниям и происхождению.

Одно из характерных определений политического режима принадлежит Ж.-Л. Кермону: «Под политическим режимом понимается совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период» [1, с. 14]. В данном случае понятие политического режима предстает как сложная организация, выраженная в совокупности юридических механизмов. Такому понятию политического режима близко определение, предложенное Г. О' Доннелом и Ф. Шмиттером: «Режим есть совокупность структур, явных или скрытых, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики деятелей, которые считаются для этих структур подходящими или неподходящими, используемые ими ресурсы и стратегии в целях получения желаемого назначения» [2, с. 73]. В российской науке наиболее емко характеристику понятия политического режима отражает позиция Г.В. Атаманчука, который представляет политический режим как «совокупность способов, средств и методов практического осуществления правящими кругами государственной властной воли» [3, с. 278].

Таким образом, политический режим можно квалифицировать следующим образом:

1) метод правления (режим-политический строй в целом), который означает комплекс элементов институционального, социологического и идеологического порядков, образующих политическую власть конкретной страны на определенный период; в этом понимании выражается формально-юридический и – шире – конституционный аспект организации политической системы, характеризующий структуру государственной власти;

2) режим как открытые для изменений переменные параметры политического строя (режим-альтернатива), в том числе его социально-экономические основания;

3) режим как источник правления, или властный авторитет, определяющий политический строй и / или его изменяющиеся составляющие (режим-власть).

В известном смысле через политический режим фиксируются средства и методы политической стороны деятельности государства, ибо оно должно полно и достоверно воспринимать человеческие потребности, интересы и цели. В то же время государство должно организовывать власть так, чтобы она способствовала прогрессивному общественному развитию, и не «от выборов до выборов», а постоянно.

Согласно формально-правовым принципам выделяют режимы демократические, где право ограничивает действия властей, и автократические с произволом правителей, не соблюдающих законы.

В рамках демократического понимания политического режима весьма существен анализ отношения государства к провозглашенным им самим интересам и целям. Цели раскрывают главные сущностные характеристики государства с точки зрения достижения (понимаемого и как процесс, и как результат) управленческого воздействия на общество. Специалистами выделяются следующие группы целей государства:

социально-экономические цели – к ним относятся: построение и поддержание определенной системы экономических отношений, достижение экономического благосостояния, упорядочение общественной жизни и удовлетворение публичных интересов;

политические цели – выражаются в вовлечении в управление делами общества и государства определенных политических сил, поддержании желательных процессов, способствующих совершенствованию государственных и общественных структур, развитию человека;

обеспечительные цели – заключаются в обеспечении прав и свобод граждан, общественного порядка и безопасности, законности в обществе;

организационно-правовые цели – ориентированы на формирование правовой системы, способствующей реализации основных функций государства и решению задач посредством демократических институтов и механизмов, а также организационно-функциональных образований.

Именно эти цели решаются политическим режимом. Для их достижения применяются соответствующие методы.

В современных условиях состояние демократии в стране служит главным критерием оценки политического режима. В настоящее время для Российского государства сохраняет свою актуальность требование формирования демократического политического режима. Конечно, в определенной степени демократический политический режим может выступать в виде некоего никогда не достижимого идеала, хотя в реальной политической жизни может быть конкретизирован как совокупность действительных и действующих гражданских, социальных и политических прав и свобод.

Демократический политический режим выражается в ряде своих проявлений. Прежде всего, он предоставляет институциональные возможности реализации потребностей, интересов, воли народа. Им гарантируется эффективное обеспечение проведения в жизнь установленных государством норм в равном отношении для всех слоев общества. Но в первую очередь демократический политический режим – это система правления.

Современное демократическое государство – это в обязательном порядке государство правовое, в котором на практике осуществлен принцип разделения властей и созданы реальные механизмы защиты нрав и свобод граждан. Определяющее значение в демократических правовых государствах имеет идея народного суверенитета, которая воплощается в основных принципах демократии – парламентаризме и разделении властей, выборности и / или сменяемости орга-

нов власти, ответственности последних перед обществом, непреложном установлении власти закона и равенстве всех граждан перед ним, политическом плюрализме, широком спектре и существенных гарантиях прав и свобод граждан. Все указанные, и не только, принципы содержательно раскрываются посредством политического режима.

Важным условием демократии является достижение общественного консенсуса, под которым понимается непротиворечивое согласие, единство большинства граждан по ведущим значимым вопросам организации жизни общества. В абсолютном измерении общественный консенсус предполагает также достижение согласия между государством и гражданами, между различными ветвями власти, между федеральным центром и субъектами Федерации, региональными и местными органами власти, между политическими партиями и движениями. В области политики выработка политического консенсуса проходит ряд этапов, включающих определение сторонами-участниками общих задач, выявление существующих и потенциальных противоречий и разногласий, установление пределов возможных взаимных уступок, поиск условий сотрудничества, согласование степени и форм сотрудничества, а также определение условий его прекращения.

Зарождение и формирование российской демократии означает новый этап в истории России. Если система политической демократии в большинстве развитых стран отработывалась на протяжении нескольких веков, то в России этот срок весьма незначителен. Кроме того, отечественная версия демократии создается на месте одной из наиболее сильных и исторически укорененных диктатур.

С падением в начале 1990-х годов тоталитарного строя в России начался процесс демократической реформации страны. Основные его направления: становление и развитие гражданского общества и правового государства, формирование многопартийной политической системы.

Проблема развития демократии в России не в последнюю очередь заключается в том, воспримут ли ведущие политические акторы объективно требуемые правила и процедуры как реально необходимые или же будут согласны лишь на их имитацию. В этом контексте количественной стороной демократизации российского общества выступает расширение участия граждан в политической жизни страны, тогда как качественной – закрепление и функционирование новых политических институтов.

Противоречия переходного периода в России и связанная с этим нестабильность общественной обстановки требуют от власти не только воли к переменам, но и политического реализма, способности трезво оценивать ситуацию. Необходимо подчеркнуть, что утверждение демократии не является самоцелью, а представляет собой условие, основу обеспечения широких прав и свобод человека, его защищенности от любого произвола. К сожалению, в большинстве своем россияне так воспитывались и формировались прошлой системой, что не привыкли и не умеют самостоятельно утверждать себя в жизни – за них все решало государство. Переход к демократии, рынку поставил перед населением сложнейшие, жизненные проблемы. Люди винят в них в первую очередь власть, правительство, государство в целом. Это ведет к разбалансированности социальных, гражданских и политических связей в социуме. Формирование демок-

ратических политических отношений, нормального гражданского общества является основополагающим условием стабилизации.

При обсуждении вопроса о целях государства и пределах государственного вмешательства в жизнь народа никогда не следует упускать из вида и того обстоятельства, что власть государства и издаваемых им законов все же ограничена. Каким бы авторитетом ни располагал законодатель в глазах населения, какая бы материальная сила не стояла за его мощью, готовой к применению в случае ослушания, ни один законодатель не оказывается фактически всемогущим.

Каждый закон, вводящий какую-либо перемену в социальную жизнь, есть своего рода эксперимент в области социальных отношений, успех которого зависит от того, насколько законодатель опирался при составлении на точные знания об условиях жизни той социальной среды, на которую он хочет воздействовать. Следует помнить слова Г. Еллинека: «Мы уже знаем, что законы обладают гораздо меньшей силой, чем думали сто лет тому назад; что они всегда обозначают только должное, которое в полной мере никогда не превратится в сущее; что поэтому реальная жизнь постоянно порождает явления, не соответствующие разумному плану, начертанному законодателем... Законодатель имеет дело с силами, управлять которыми он считает своим призванием; но очень часто они совершенно незаметно поднимаются против него и дерзают даже занять его место» [4, с. 4]. Сходные мысли обнаруживаются и у российских мыслителей [5, 6].

Таким образом, политический режим является наиболее обобщенной и более общей формой в осуществлении власти. Любой политический режим в своей деятельности обращается к различным методам в достижении целей.

Как показала политическая практика, политические режимы могут существенно отличаться друг от друга в зависимости от того, какие методы (насиленные или ненасиленные) используются ими в достижении поставленных целей. В данном случае важно не смешивать между собой методы осуществления власти и собственно властные структуры. Это подтверждает опыт функционирования авторитарных режимов. Обладая репрессивными структурами политической власти, авторитарные режимы далеко не всегда обращаются к фронтальному насилию в достижении поставленных целей. Исходя из протекания политического процесса, эффективными могут оказаться методы убеждения, а не принуждения, репрессивный по своей природе режим может проявить несвойственную для него гибкость и склонность к компромиссам.

Библиографический список

1. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995.
2. O'Donnell G., Schmitter Ph. C. Transition from authoritarian rule: tentative conclusions about uncertain democracies. Baltimore, 1986. Vol. 4.
3. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997.
4. Еллинек Г. Конституции, их изменения и преобразования / пер. Б. Кистяковского. СПб., 1907.
5. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 2.
6. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Смоленск, 1995.

Zh.K. Umurzakov
The Essence and Content
of Universal International
Treaties in the Field
of Combating International
Terrorism

The legal base to combat international terrorism is analyzed. Ways to improve relevant international documents are proposed.

Key words and word-combinations: international terrorism, international treaties, states' efforts coordination.

Анализируется правовая база по борьбе с международным терроризмом. Предлагаются пути совершенствования соответствующих международных документов.

Ключевые слова и словосочетания: международный терроризм, международные договоры, координация усилий государств.

УДК 341.1/.8
ББК 67.91

Ж.К. Умурзаков

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Происходящие в современном мире процессы глобализации касаются не только созидательных, но и деструктивных сторон жизни международного сообщества. Так, приобретя международный характер, терроризм стал опасным явлением в мировом масштабе. Ведущие государства мира одной из своих основных задач видят противодействие международному терроризму. Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов, выступая с высокой трибуны на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [1], еще в 1993 году одним из первых призвал мировое сообщество объединиться в борьбе с международным терроризмом. Им были предложены практические меры по предотвращению террористических угроз безопасности Центрально-азиатского региона.

За последние полвека под эгидой ООН в целом сложилась современная система многостороннего сотрудничества государств в борьбе с терроризмом. По различным проблемам терроризма – и как явления, и как международного преступления – достигнуто единство взглядов стран – участниц ООН, что очень важно вследствие той опасности, которую терроризм представляет для человеческого общества. Правовую основу координации усилий стран по борьбе с терроризмом составляют конвенции и протоколы, ка-

сающиеся борьбы с различными его проявлениями. Эти многосторонние соглашения являются актами, регулирующими борьбу именно с международной формой терроризма и не применяются в случае, если терроризм совершен в пределах и в нарушение интересов только лишь одного государства.

Проанализируем основные нормы международных соглашений и конвенций в сфере борьбы с международным терроризмом.

В Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов [2, с. 21] было впервые закреплено обязательство государств принимать все соответствующие меры для восстановления или сохранения контроля над воздушным судном его законным командиром в случае незаконного, насильственного вмешательства кого-либо в осуществление контроля над воздушным судном в полете.

Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов [3, с. 10], к преступным деяниям относит: преднамеренное совершение убийства, похищения или другого преступления против личности или свободы лица, пользующегося международной защитой; насильственное нападение на официальное помещение, жилое помещение или транспортные средства лица, пользующегося международной защитой, которое может угрожать личности или свободе последнего, а также угрозы любого такого нападения или его попытки (действия в качестве соучастника любого такого нападения квалифицируются как преступные). Документ квалифицирует подобные преступления как тяжкие и налагает на государства обязательство устанавливать соответствующие наказания за них.

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников [4, с. 26] направлена против одного из наиболее распространенных проявлений международного терроризма – захвата заложников. Документ дает определение того, что следует считать захватом заложников. Особенностью данной Конвенции стало введение наряду с критериями юрисдикции, устанавливаемой государством-участником в отношении преступления в обязательном порядке (место его совершения, гражданство предполагаемого преступника, направленность преступления – заставить государство совершить какой-либо акт или воздержаться от его совершения), факультативной юрисдикции, когда преступление совершено в отношении заложника, который является гражданином данного государства. В статье 9 допускается возможность отказа в выдаче правонарушителя, если у государства-участника, к которому обращена просьба о выдаче, имеются веские основания считать, что такая просьба «была направлена с целью преследования или наказания лица по причинам, связанным с его расовой, религиозной, национальной или этнической принадлежностью или политическими взглядами». Очевидно, что эти положения в значительной мере определили отношение многих государств к их участию в данной Конвенции, поскольку возможно достаточно широкое обоснование причин отказа в выдаче и, таким образом, пропадает уверенность в соблюдении принципа неотвратимости наказания.

Угроза применения террористами ядерного оружия или его компонентов

предопределила необходимость разработки целого ряда международно-правовых инструментов, регулирующих вопросы сотрудничества государств по усилению режима безопасности таких материалов и предотвращению их попадания к террористам. Основой таковых стала Конвенция о физической защите ядерного материала [5, с. 14, 17], которая применяется главным образом к ядерному материалу, используемому в мирных целях и находящемуся в процессе международной перевозки. Масштаб этой проблемы станет яснее, если принять во внимание, что в мире ежегодно осуществляется более миллиона перевозок радиоактивных материалов. В ряде случаев Конвенция применяется к ядерному материалу, используемому в мирных целях и хранимому или перевозимому внутри страны.

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [6, с. 10–11, 18] в качестве преступления определяет незаконную и преднамеренную доставку, помещение, приведение в действие или взрыв взрывного или иного смертоносного устройства любым лицом в пределах мест, используемых общественностью, государственного или правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта или инфраструктуры с намерением причинить смерть или серьезное увечье или произвести значительное разрушение таких мест, объекта или системы, когда такое разрушение влечет или может повлечь причинение крупного экономического ущерба. К преступлению, по смыслу Конвенции, приравниваются также попытка совершить какое-либо из этих действий, а также участие в их совершении; организация других лиц или руководство ими с целью совершения таких действий или же умышленное содействие совершению одного или более таких действий, оказываемое либо в целях поддержки общего характера преступной деятельности или цели группы, либо с осознанием замысла группы совершить соответствующие деяния.

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [7, с. 7, 16] призвана ликвидировать пробел в существующем международно-правовом режиме антитеррористического сотрудничества государств в отношении пресечения финансирования террористической деятельности. Ею предусматривается установление уголовной, гражданско-правовой и административной ответственности за деяния, связанные с финансированием террористов. Она призвана также обеспечить неотвратимость наказания за терроризм на основе широкого спектра положений, регулирующих вопросы правовой помощи и выдачи преступников государствами. Государства-участники обязаны принимать необходимые меры по определению, обнаружению, блокированию или аресту любых средств, используемых или выделенных в целях совершения преступлений, а также средств, получаемых в результате таких преступлений. Они обязаны рассматривать возможность создания механизмов для выплаты из конфискованных средств компенсации жертвам преступлений или членам их семей.

Список международных соглашений по борьбе с международным терроризмом не ограничивается указанными конвенциями и протоколами. Так, Индией инициирована Всеобъемлющая Конвенция о международном терроризме [8, с. 31], предметом которой выступает именно международная фор-

ма терроризма как таковая, без конкретизации ее проявления. По нашему мнению, решение обозначенных проблем необходимо достигать первоначально на региональном уровне, а затем уже в рамках ООН полемизировать по поводу соответствующих положений региональных соглашений. Это позволило бы сократить противоречия и прийти к единому мнению по большинству региональных предложений.

Библиографический список

1. Каримов И.А. Выступление на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Наша цель: свободная и процветающая Родина. Т. 2. Ташкент, 1996. С. 45–55.
2. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов от 14 сентября 1963 года. Астана, 2003.
3. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 года. Астана, 2004.
4. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 года. Астана, 2004.
5. Конвенция о физической защите ядерного материала от 3 марта 1980 года // Международное право. М., 2003.
6. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 16 декабря 1997 года. Астана, 2003.
7. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года. Астана, 2003.
8. Проект Всеобъемлющей Конвенции по международному терроризму // Международно-правовые основы борьбы с терроризмом: сб. док. М., 2003.

E.V. Gerasimova, T.I. Chernyaeva
Forms and Regimes of Interaction
between Power and Society
in Conditions of Political
Modernization of Russia

The basic forms and regimes of interaction between power and society are examined in the context of conflict – agreement and legitimacy – illegitimacy.

Key words and word-combinations: political modernization, power, society, forms and regimes of interaction, conflict, legitimacy.

Рассмотрены основные формы и режимы взаимодействия власти и общества в контексте конфликта – согласия и легитимности – нелегитимности.

Ключевые слова и словосочетания: политическая модернизация, власть, общество, формы и режимы взаимодействия, конфликт, легитимность.

УДК 1:316(470+571):316.334.3
ББК 60.027(2Рос)+60.561.3

Е.В. Герасимова,
Т.И. Черняева

ФОРМЫ И РЕЖИМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Устойчивый курс на модернизацию Россия взяла в разгар глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Стратегическая направленность заявленных руководством страны преобразований охватывала прежде всего экономический сектор, предполагала создание «умной экономики, производящей уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям» [1]. Однако в последующие годы стало очевидно, что без модернизации политической системы невозможно обеспечить устойчивое развитие страны и общества. Как следствие, с 2010 г. стали предприниматься определенные шаги в направлении изменений институтов власти как федерального, так и регионального уровня, замены представительной

демократии на непосредственную демократию. Накануне 2012 г. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию были предложены меры, дающие гражданам больше возможностей влиять на политику Российского государства, на принятие любых решений, затрагивающих их права и интересы [2]. Это потребовало пересмотра и оптимизации пространства коммуникации власти и общества, формирования новых коммуникативных режимов и практик.

Проясним содержание понятия *модернизация*. Имеются три наиболее распространенных понимания модернизации: как любых прогрессивных изменений; как движения к современности, достижения нового типа общественного устройства (индустриальные технологии, рациональность и секуляризация, высокая социальная дифференциация, урбанизация, рост профессиональной специализации и повышение уровней формального образования в любом обществе) [3, с. 268]; наконец, как усилия стран, догоняющих страны-лидеры [4]. В России модернизация рассматривается в большей степени именно в последнем значении – как достижение некоторой рекурсивности стран в общем глобальном порядке.

Политическая модернизация, означая «демократизацию политических институтов общества и его политического сознания» [5, с. 480], неизбежно приводит к появлению новых акторов на политическом поле, новых социальных групп, существенно отличающихся по своим установкам от традиционных. С. Хантингтон особо отмечает значение среднего класса, состоящего из предпринимателей, управляющих, инженерно-технических специалистов, офицеров, гражданских служащих, юристов, учителей, университетских преподавателей. Но именно интеллигенция, по его мнению, идет в авангарде нового политического мышления, способствует распространению новых идей в обществе. В результате все большее количество людей, целых социальных групп меняют свои установки, начиная осознавать, что политика напрямую касается их частных интересов, что от решений, принимаемых властью, зависит их личная судьба [6]. В итоге в обществе появляется все более осознанное стремление граждан к участию в политике, к поиску механизмов и способов воздействия на принятие государственных решений.

Модернизация политической системы России меняет саму структуру пространства политической коммуникации. В жизни современного общества политическая коммуникация становится одним из основных ресурсов по достижению и удержанию власти, активно используемому в ходе собственно политической деятельности различными субъектами.

П. Земцов отмечает, что в последнее время в связи с интенсивным проникновением рыночных механизмов в политическое пространство в литературе возникла тенденция к описанию политических коммуникаций исключительно в плане пиар-технологий и политической рекламистики [7, с. 52]. Пространство политической коммуникации заполняется «профессионалами» – «*медиа-техническими интеллектуалами*», тщательно «пережевывающими» политические смыслы, – которые монополизировали эту сферу деятельности и общаются исключительно между собой. Все остальное – не более чем ритуал, который легитимирует их деятельность и создает доверие аудитории. Последняя, в свою очередь, довольствуется зрелищностью и доступностью той политики, которую

она видит. Таким образом, смысл политической коммуникации сводится к *формированию общественного мнения*. Так или иначе, но данная модель искореняет публичный политический дискурс в пользу примитивного информационного потребления.

Основываясь на идеях П. Бурдьё, полагаем, что политическая коммуникация представляет собой символическое действие, реализующее особую логику политики, распределения властных символических ресурсов и норм, влияющих на поведение участников коммуникации [8]. Пространство политической коммуникации выступает и как система отношений, и как система символов: оно характеризуется особым распределением символических капиталов и соответствующей расстановкой сил социальных и политических акторов – основных действующих лиц, реализующих в пространстве коммуникации собственные интересы.

Пространство политической коммуникации задается двумя коммуникативными осями: «*конфликт – солидарность*» и «*легитимность – нелегитимность*». Солидарность свидетельствует о сочетании интересов и, в большей степени, о достижении целей власти. Конфликт же выступает показателем расхождения целей и интересов власти и общества, является социальным маркером проблем, которые необходимо решать.

Политическая коммуникация, осуществляемая в континууме «*конфликт – солидарность*» реализуется в разнообразных формах, в их числе: коммуникация «лицом к лицу», медийная коммуникация, сетевая коммуникация, гибридная коммуникация. Исследовательское внимание к конфликту актуально в российской действительности. По данным исследований ВЦИОМ, за 2009–2011 гг. резко возросло число лиц, готовых участвовать в митингах (с 14 до 24%) и петициях (с 21 до 37%), зато сократилась группа граждан, не желающих участвовать ни в каких акциях (с 57 до 41%) [9]. В ходе общественного развития меняется значимость определенных видов коммуникации власти и общества, при этом значимость конфликтных форм в России остается достаточно высокой.

По степени конфликтности выделяются следующие формы политической коммуникации: *просьба, протест, угроза*.

Форма просьбы (обращения) нашла легальное закрепление. Так, в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [10] прописаны следующие формы политической коммуникации. *Предложение* – обращение гражданина конкретного характера, не связанное с нарушением его прав, направленное на улучшение организации и деятельности органов государственной власти города и органов местного самоуправления, предприятий, организаций и учреждений вне зависимости от организационно-правовых форм в решении вопросов экономической, политической, социально-культурной и других сфер жизни города. *Заявление* – обращение гражданина по поводу реализации принадлежащих ему прав, закрепленных Конституцией РФ, иными федеральными и законами субъектов РФ. *Жалоба* – обращение гражданина по поводу восстановления прав или законных интересов, нарушенных действиями (бездействием), решениями органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностными и выборными лицами, руководителями предприятий, учреждений и общественных объединений. *Хода-*

тайство – письменное обращение гражданина с просьбой о признании за ним определенного статуса, прав, гарантий и льгот с предоставлением документов, их подтверждающих. *Коллективные обращения* – обращение двух или более граждан в письменном виде, содержащее частный интерес, либо обращение, принятое на митинге, собрании и подписанное организаторами и (или) участниками митинга или собрания, имеющее общественный характер. *Петиции* – коллективные обращения граждан в органы власти о необходимости проведения общественных реформ или частичного изменения законодательства.

Форма протеста представляет собой одно из направлений социальной активности в виде проявлений несогласия, инакомыслия, оппозиционной деятельности, соответствующего политического поведения [11]. Как видим, понятие «протест» – социальный или собственно политический – зачастую охватывает достаточно широкий круг явлений. В Федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» определены такие формы политического протеста, как митинг, демонстрация и шествие [12]. Социальное недовольство условиями жизни, перспективами их изменения, характером взаимоотношений населения с органами власти постепенно перерастает в протест [13]. Главной особенностью протестного участия является отказ вовлеченных в него индивидов и групп от конструктивного сотрудничества с существующими в рамках данного социально-политического и правового порядка структурами центральной и местной власти. Формы в данном случае могут быть различными – от «мягких», вроде подписания петиций и воззваний, до «жестких» (радикальных), зачастую предполагающих проявление насилия [14]. Они могут быть традиционными и нетрадиционными; среди последних выделяют *PR-маневр, театрализованные акции, «прорывные» акции, политический флэш-моб* [15].

Политическая коммуникация в **форме угрозы**, полагаем, выражается как в вербализированной форме (протестные граффити, различные надписи, нередко нецензурного характера, непристойные лозунги, неприличные рисунки в местах с достаточно широким доступом населения), так и в невербальной форме (определенные жесты, мимика).

Коммуникативная ось «*легитимность – нелегитимность*» в своем основании исходит из двух взаимно дополняющих друг друга идей: законности и согласия. При этом законность характеризует действия управляющего, а согласие – позицию управляемого. Именно соотношение этих двух факторов определяет облик власти. Легитимность же как коммуникативное явление в целом проявляется в молчаливом соглашении между властью и обществом. В случае ее отсутствия правление незаконно и управляемый не дает на него своего согласия.

Интенсивность легитимности может меняться. Среди критических показателей, свидетельствующих о наступлении ее кризиса, чаще всего выделяют падение уровня признанности и оправданности полномочий субъектов политической власти.

Легитимное видение политического мира выражается в терминах общепринятых *ценностных ориентиров* и правил и осуществляется в режимах оправдания действий: *режиме публичного обоснования действия, режиме близости и режиме планового действия*. Каждому формату действия соответствуют особый вид оценки норм и особая модель деятельности. Режим публичных обоснований

связан с высшими общими принципами, общими формами блага и с ограниченным благом. Режим близости связан с взаимодействием человека с близким окружением и основан на привязанности и заботе. Режим интенционального действия относится к успешному выполнению регулярного рационального действия.

В условиях политической модернизации пространство коммуникации власти и общества приобретает децентрализованную сетевую форму. В сетевом пространстве политическая коммуникация представлена следующими полями: индивидуально-личностным полем (индивидуальные сайты, странички, блоги политических и общественных лидеров), групповым полем (блогосфера), институциональным полем (сайты, порталы органов власти). Основными трендами политической коммуникации становятся: неотсроченность (возможность заявить свою позицию и получить немедленный ответ); перенос коммуникации «лицом к лицу» в виртуальную плоскость (телемости, виртуальные коммуникативные площадки); коммодификация коммуникации (политические коммуникации выступают как особый товар, потребление которого предполагает особый акцент на имидже).

Децентрализованная сетевая форма пространства коммуникации требует новых форм управления, которые должны быть направлены на *оптимизацию* политической коммуникации.

Результаты проведенного нами в г. Саратове анкетного опроса свидетельствуют о необходимости аккумуляирования таких коммуникативных ресурсов, как *доверие* и *контроль*. На фоне низкого уровня доверия общества к власти (54% респондентов скорее не доверяют власти, 20% – равнодушны, 13% – доверяют) наблюдается высокий уровень протестного потенциала общества (48% опрошенных готовы участвовать в протестных акциях). Особую роль в оптимизации политической коммуникации играет экспертное сообщество. Эксперт – это агент поля политики, который наряду с другими акторами пространства политической коммуникации формирует *легитимные представления* о социально-политических проблемах; способствует формированию соответствующих дискурсивных практик и спросу на специфический продукт – экспертизу. В условиях политической модернизации, на наш взгляд, возрастает значимость конфликтологической экспертизы.

Библиографический список

1. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, 12 нояб. 2009 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/5979>
2. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, 22 дек. 2011 г. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/14088/work>
3. *Инглеарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе / под ред. В. Иноземцева. М., 1999.
4. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.
5. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
6. *Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России. История российской модернизации. URL: http://society.polbu.ru/baranov_politics/ch111_i.html
7. *Земцов П.А.* Коммуникативное пространство в контексте социальных изменений / под ред. А.Ю. Шеховцева. Саратов, 2003.
8. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
9. URL: <http://wciom.ru/367/>

10. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. от 29 июня 2010 г.) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
11. Лукин Ю.Ф. Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества: автореф. дис. ... ист. наук. М., 1993.
12. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федер. закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (в ред. от 8 дек. 2011 г.) // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.
13. Кинбурский А., Топалов М. «Гражданские качели» России: от массового протеста до поддержки реформ // Власть. 2006. № 5. С. 51–58.
14. Иванова Е.М. Политическое участие как форма имобильного политического поведения // Изв. Саратов. гос. ун-та. 2011. Сер.: Социология. Политология. Т. 11, вып. 2.
15. Яшин И. Формы проведения уличных акций. URL: [http://www/yabloko.ru/Publ/Book/Yashin/protest_004.html](http://www.yabloko.ru/Publ/Book/Yashin/protest_004.html)

О.В. Batraeva
Political Stability as a Problem
of the Contemporary Russian
Modernization

The concept of political stability is defined, and the models of socio-political stability in the Russian political process of 1900–2000th are described. The limitation of the resistant stability for the modern socio-political situation in the country is shown.

Key words and word-combinations: political stability, models of socio-political stability, resistant type of stability.

Раскрывается понятие политической стабильности; рассматриваются модели социально-политической стабильности в российском политическом процессе в 1990–2000 гг. Показана ограниченность резистентной стабильности для современной социально-политической ситуации в стране.

Ключевые слова и словосочетания: политическая стабильность, модели социально-политической стабильности, резистентный тип стабильности.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

О.Б. Батраева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Результатом переосмысления теоретических основ модернизационного процесса стало признание альтернативного, нелинейного характера модернизации, ее острой конфликтности, повышенных рисков и неопределенности итогов. По мере обобщения и осмысления опыта модернизации в различных странах в центре исследовательского внимания оказалась проблема обеспечения некризисного или – «органичного» развития. С точки зрения ученых и экспертов сценарии модернизации, принципиально игнорирующие имеющиеся объективные макросоциальные и социокультурные ограничения, приводят к кризисам, разрушающим основы общественной жизнедеятельности.

Многие влиятельные участники российс-

кого политического процесса исходят из представления, что приоритетом развития нашей страны остается успешное реформирование экономики и социальной сферы при сохранении статус-кво во внутренней политике. В то же время высказываются сомнения в целесообразности дальнейшей политической модернизации в условиях мирового экономического кризиса. Российская ментальность, инерционность общественного сознания представляются им существенным препятствием. Другая группа политиков и ученых, соглашаясь с императивом сохранения стабильности, констатирует необходимость не только технологической, экономической модернизации, но и политических перемен [1]. Несмотря на имеющиеся различия в позициях, социально-политическая стабильность в целом признается одним из необходимых условий успешного развития общества.

Возможно, поэтому представители теории модернизации основное внимание сосредоточили на проблеме стабильности политического развития как предпосылки для социально-экономического прогресса. Ученые находили различные рецепты поддержания такой стабильности. В «консервативном» варианте она связывалась со способностью властных институтов государства обеспечить управляемость данного процесса и минимизировать неконтролируемое участие в политике общества в целом и отдельных социальных групп; в либеральном – со степенью вовлеченности населения в систему политического представительства и формированием условий для открытой конкуренции свободных элит.

Согласно существующим теоретическим представлениям о сущности и параметрах политической стабильности важнейшим критерием этого состояния общества является устойчивость политических институтов и их способность эффективно решать задачи политического руководства в рамках сложившейся политической системы страны [2–4]. Под политической стабильностью в общем следует понимать состояние политической жизни общества, проявляющееся в устойчивом функционировании всех имеющихся в обществе политических институтов, связанное с сохранением и совершенствованием структур, с устойчивым уровнем поддержки властных институтов со стороны общества. Политическая стабильность также определяется исследователями как способность политической системы осуществлять изменения в рамках своих структур [5, с. 20].

Широкое употребление в политическом дискурсе современной России термина «политическая стабильность» вовсе не означает, что термин этот имеет действительную, практическую реализацию. Его применение интерпретируется как попытка определенной номинации, при помощи которой власть пытается оказать воздействие на социально-политическую обстановку в стране, понизить уровень социально-психологического напряжения в обществе [6, с. 31].

Природа, характер и содержание стабильности отличались на различных этапах современного модернизационного процесса в России.

В 2000-е годы в российском обществе сложилась модель стабильности, основанием которой послужил высокий рейтинг главы государства.

С теоретической точки зрения легитимность персоналистского типа имеет временный характер и без закрепления другими факторами не способна привести к полноценной политической стабильности общества. Таким экономическим фактором стал рост доходов от сырьевого экспорта. Социальной основой

данной модели стабильности выступил не средний класс, обладающий ответственностью и сознанием, а более пассивные слои населения, поддающиеся централизованному управлению и поддерживающие соответствующий политический режим, обладающие определенными ментальными и поведенческими особенностями [7]. В рамках элитных взаимодействий сужение сферы конфликта произошло за счет перевода подготовки ключевых решений в «режим консультирования» с губернаторами, элитой бизнеса, парламентской элитой [8, с. 42] и постепенного сворачивания политической конкуренции.

Для общества с преобладанием резистентной стабильности, где главной задачей является противодействие разрушающим влияниям, характерны сильная централизация управленческого аппарата, подавление структуры народного самоуправления как силовой способ поддержания стабильности общества. Вся властная вертикаль настроена на доведение до исполнителей спускаемых сверху задач, на контроль за их исполнением. Но при этом во властных структурах почти не видно озабоченности слабой поддержкой инициатив снизу, невысокой активностью социальных сил поддержки реформ.

Показательны в этом отношении результаты социологических опросов. В обществе, 70% членов которого ощущают себя свободными людьми, при ответе на вопрос «В какой мере Вы можете повлиять на то, что происходит 1) в вашем городе, селе, районе, 2) в стране?» более 90% в 2008 г. выбрали ответы «в незначительной степени» и «совершенно нет». Здесь нет противоречия: «неучастие» в значительной мере является результатом сознательного выбора; так, на вопрос «Хотели бы Вы участвовать в политической жизни хотя бы на уровне своего города?» 63% опрошенных в 2008 г. отвечали: «скорее нет» и «определенно нет» [9, с. 88].

Одновременная минимизация политического участия населения и сворачивание конкуренции элит закономерно приводит к усилению авторитарных черт политического режима, что неоднократно отмечалось политическими аналитиками. В результате резко усилилась роль бюрократии в политической жизни страны. По результатам избирательного цикла 2007–2008 гг. российский ученый К. Холодковский назвал складывающийся политический режим плебисцитарно-бюрократическим [10]. Определяющую роль в нём играет бюрократия, а избиратели просто утверждают выбор, сделанный узким кругом лиц. В обществе отсутствуют инструменты и каналы для выдвижения кандидатур «снизу», нет реальных партий, агрегирующих интересы разных групп населения, нет развитого и авторитетного гражданского общества, не хватает навыков солидарности и объединений граждан.

Но этот путь имеет свои пределы. В разнообразии заложен потенциал развития. Слабость общественной самоорганизации как неизбежное следствие унификации общественной системы рано или поздно порождает ее стагнацию и становится фактором неустойчивости.

На новейшем этапе российского модернизационного процесса своеобразной формой обеспечения стабильности стал тандем президента и премьер-министра. Эта структура показала достаточную эффективность. У двух политиков, которые в этот тандем входили, разный политический стиль, в определенном смысле разные методы работы. Персоны тандема олицетворяли в себе два

бренда: стабильности и обновления. Но совершенно очевидно, что по принципиальным вопросам они действовали в единой логике.

Касаясь проблемы одновременного обеспечения стабильности и перемен (модернизации, развития), М. Рац проводит аналогию с разделением топ-менеджмента крупных корпораций на лиц, ответственных за обеспечение развития, с одной стороны, и функционирования, текущей производственной (в широком значении) деятельности – с другой. «Сложившаяся у нас форма «тандема», – отмечает он, – напоминает эту схему, но вообще на страновом уровне и особенно для России это непривычный поворот сюжета» [11].

На политическую стабильность в современной России существенно влияют уровень социальной напряженности, упрощенный подход к проведению реформ, характер политической активности населения, расстановка сил внутри политической элиты, наличие социально-экономической базы протестного движения. Сегодня формируется новая повестка дня, включающая не только поддержание стабильности, но и проведение реформ. Когда общество вступает в эру информационных технологий, возникает явная нестыковка задач модернизации и архаичной политической системы. Свободное самосознание работника, образованного, мобильного, способного принимать решения, неизбежно проецируют творческую свободу на сферу политики.

А. Исаев, видный партийный функционер «Единой России», констатировал, что старые установки для народа уже не работают, так как общество перестает воспринимать стабильность и государственный суверенитет как желаемую ценность, и предлагал план народной модернизации, то есть модернизации не за счет людей, а в их интересах. В. Сурков назвал протестующих лучшей частью нашего общества или, вернее, наиболее продуктивной его частью, требующей уважения к себе. Признание законности требований этой части общества содержится в предвыборной программе В. Путина, предусматривающей меры по повышению степени вовлеченности населения в принятие важных для общества решений. Недовольство элит сложившейся моделью отношений в рамках предыдущего социального контракта проявилось, в частности, в том, что в протестных акциях приняли участие как представители российской элиты (М. Прохоров и др.), так и лица, непосредственно до недавнего прошлого участвовавшие в управлении государством (А. Кудрин).

Резистентная модель стабильности показала свою ограниченность в новых условиях. Констатация этого факта содержится и в предвыборных статьях В. Путина, где в качестве одной из основных проблем российской истории называется сохранение стабильности, преодоление маятникового, циклического развития российского общества, колеблющегося между жестким сохранением статус-кво и радикальным переделом власти и собственности [12]. В то же время крайне противоречивый характер требований к проводимым преобразованиям выдвигает на первый план создание институциональных условий для плодотворного национального диалога относительно наиболее актуальных проблем развития страны.

Библиографический список

1. Интервью Е. Ясина 7 апреля 2010 г. Die press. URL: www.inopressa.ru/article/07Apr2010/diepresse/yasin.html

2. Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис. 1998. № 1.
3. Бабошин К.И. Социально-политическая стабильность в современной России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005.
4. Лапин Н.Н. Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 39–53.
5. Тимофеева Л.Н. Политический конфликт: лекция. М., 2008.
6. Колесников В. Парламентаризм и политическая стабильность: факторы влияния // Власть. 2010. № 3.
7. Негрова М.С. Российское стабилизационно значимое большинство: стратификационный анализ // Политэкс. 2009. № 4.
8. Рогов К. Демократия-2010: прошлое и будущее плюрализма // Pro et contra. 2009. № 13, сентябрь – декабрь.
9. Общественное мнение-2008: Ежегодник. М., 2008.
10. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Политические исследования. 2009. № 2.
11. Рац М. Модернизация как проблема // Сетевой портал журнала «Полис». URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=66
13. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить. URL: <http://putin2012.ru/#article-1>

A.I. Demidov
Political Resource of Ideology

The significance of ideology for the modern society political governance is assessed. The interdependence of ideology and the current political processes is shown.

Key words and word-combinations: ideology, political process, society political governance, political activity.

Оценивается значение идеологии для политического управления современным обществом. Показана взаимосвязь идеологии и текущих политических процессов.

Ключевые слова и словосочетания: идеология, политический процесс, политическое управление обществом, политическая активность.

УДК 32:316.75
ББК 66.05

А.И. Демидов

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС
ИДЕОЛОГИИ**

Политические события последнего времени как в нашей стране, так и за рубежом достаточно красноречиво показывают эффективность политической мобилизации, построенной на современных средствах коммуникации, многообразии сетевых взаимодействий, стратегии и тактике Public Relations. Именно на их базе формируются основные информационные потоки, осуществляется агитация, организация и координация действий сторонников, происходят дискуссии, появляются и сопоставляются отклики и комментарии событий.

Но вот события, что называется, состоялись, люди вышли для демонстрации своей

позиции, побуждаемые к тому вполне конкретными причинами, среди которых и невыполненные обещания, и фальсификация результатов выборов, и некомпетентность и мздоимство конкретных лиц и целых структур. Нетрудно видеть, что от обсуждения этих вполне конкретных и злободневных проблем граждане очень быстро переходят к обсуждению проблем общих, таких, как легитимность власти, права и свободы человека, законность действий власти, справедливость и т.д. Такой переход от повседневности конкретики к обсуждению не менее злободневной, но абстрактной догматики – вполне реальная тенденция, характерная не только для России, но и для других стран. Например, события на Ближнем Востоке, начавшись как реакция народа на нищету и злоупотребления властей, развиваются в направлении нарастания политических дискуссий по все более общим проблемам, на фоне которых приходят к власти предельно догматизированные силы, использующие уже даже не идеологические, а теократические и силовые аргументы.

На таком фоне интерес к очередному переосмыслению роли идеологии в политике вполне оправдан, и без него многие будущие события и процессы могут оказаться довольно неожиданными, а механизмы управленческого воздействия на них потерянными.

Такие существенные особенности политики, как системный характер ее относящихся ко всему обществу проблем, связь с управлением и целенаправленным властным действием, пересечение в ней общих и частных интересов, создают и особый тип ее духовного освоения. Он должен, во-первых, выражать интересы субъекта политики; во-вторых, отражать проблемы социальной целостности, управлении обществом, государством, ведь именно они являются объектом политической активности; в-третьих, иметь систематизированную, теоретическую форму, ибо та действительность, в которой функционирует субъект политики, системно организована и ему необходимо четкое представление о своем месте в этой системной организации. На наш взгляд, именно поэтому любой субъект политики нуждается в идеологии – средстве духовного сплочения и руководства, которое направляет поведение людей в сфере политических отношений, формирует волю, стремление к политическому действию, мобилизует их активность, способствует социальной интеграции групп, вовлеченных в политическое действие или готовящихся к нему. Она придает политическому действию качества последовательности и целенаправленности на основе выдвижения идеалов и целей, соответствующих не только потребностям субъекта политики, но и реальным условиям, в рамках которых происходит развертывание его деятельности.

В теоретической форме идеология преодолевает неизбежную противоречивость социальной действительности, сводя многообразие всех проблем и аспектов бытия социальной группы в целостную программу, систему поведения, направленную на реализацию ее коренных интересов, разрешение важнейших задач ее исторического движения. С реализацией этого основного назначения так или иначе связаны основные функции идеологии, среди которых в литературе отмечают познание, интеграцию, организацию, успокоение, упрощение. Нельзя не отметить и функцию легитимации – обеспечения массовой поддер-

жки власти, в рамках действия которой власть как бы погружается в массу, а последняя привязывается к власти.

В мировой политологии существуют не только убеждения в том, что «так как политика предполагает следование определенной линии поведения, то есть какой-либо взаимосвязанной последовательности проектов действий, значит нет политики без идеологии» [1, с. 99], но и весьма критичные суждения об идеологии, вызываемые разными причинами: отсутствием в ней четкой границы между верифицируемым и неверифицируемым знанием, между знанием и отношением, истинами и ценностями, замутненностью идеологического сознания присутствием человеческих интересов и предпочтений.

Чаще всего идеология рассматривается как чисто ценностная форма сознания, кристаллизация убеждений, мнений людей, вовлеченных в политическое действие. В ней видят оппозицию рациональному, научному постижению социальной действительности, «структуру моральных критериев и политических идеалов» [2, с. 2]. В рамках такой методологической позиции возникают представления об идеологии как «кристаллизации ложного сознания», «маскировке иррационального» (В. Парето), «добровольной мистификации» (К. Мангейм), «секуляризированной религии» (Д. Белл) или «эрзац-религии» (У. Матц).

Чаще всего в политологической литературе идеологию характеризуют именно как систему ценностей и предпочтений (Д. Истон, М. Дюверже, В. Коннолли, П.А. Шомбар де Лов). В центре представлений о специфике идеологии находится понятие ценности – такого элемента мыслительной деятельности, назначением которого служит как раз отражение момента взаимодействия, взаимозависимости объекта и субъекта. Благодаря ценностям осуществляется столь необходимый для стимулирования и направления деятельности людей процесс дифференциации и иерархизации объектов по степени их значимости для субъекта.

Востребованность идеологии в политической практике определяют такие ее важные характеристики, как существование мощного эмоционально-волевого заряда, способствующего обретению идеей властной атрибутики и эффективности, а также наличие определенной степени огрубления, упрощения, схематизации – того, что позволило К. Дейчу назвать идеологию «картой действительности». Но в каком случае возникает необходимость в использовании такой «карты»? Когда оказываются востребованными все названные свойства идеологии? Ответ очевиден: при направлении, ориентации деятельности людей, в способности осуществления которой – назначение идеологии, делающее ее необходимым компонентом любого механизма власти.

Благодаря идеологии политика приобретает ряд весьма важных для осуществления власти и / или властного управления качеств:

- деятельность большой массы людей из скалярной, диффузной, ненаправленной и ненаправляемой величины превращается в величину векторную, направленную, вследствие чего эффективность в реализации определенной задачи, цели значительно повышается;
- происходит объединение большой массы людей вокруг единой цели или ценности, то есть на рациональной основе;

– политическое действие приобретает качества последовательности и целенаправленности, соответствия не только потребностям субъекта политики, но и реальным условиям, в которых происходит его деятельность;

– в рамках идеологии формируются разнообразные средства политической коммуникации – общезначимые для политической общности понятия, образы, символы – важнейшие элементы языка политики, диалога власти и общества.

Естественно, происходящие в мире политические изменения вносят значительные подвижки в содержание и роль идеологии. Смысл этих изменений наиболее рельефно выражен известным российским политологом А.И. Соловьевым, писавшим «об исторической маргинализации идеологии», определяемой рядом факторов [3]. Интересно, что другой критик идеологии – английский исследователь Джон Шварцмантель, исходя, по сути дела, из тех же оснований (фрагментаризация социальной среды, новые условия самоопределения личности), делает, однако, менее радикальные выводы. Он утверждает о сохранении необходимости и возможности идеологического мышления, развитии более фрагментарных, «молекулярных идеологий», поскольку «любую проблему можно выделить только на фоне идеологической картины общественной жизни» [4, с. 18]. Акцентируя внимание на мощном манипуляционном потенциале современных информационных технологий, автор не учитывает некоторые важные параметры современных политических и идеологических процессов. Данная позиция европоцентрична, преувеличивает ситуацию мультикультурализма, информационной открытости, рекламного стиля политического общения.

Но в мире существуют мощные политические силы, реализующие долговременные исторические стратегии и по-прежнему опирающиеся на идеологический фундамент. Например, в США именно общие ценности и политико-культурные ориентации цементируют многорасовое, многоликое общество в единую (но отнюдь не унифицированную) нацию. Мультикультурализм здесь имеет четко выраженные пределы.

Ныне охватывающий весь мир процесс глобализации вступает в далеко не лучшую свою стадию. В настоящее время для него характерны кризис, стагнация, напряженность, охватывающие многие страны и целые регионы. Вследствие радикального повышения скоротечности политических и экономических процессов в современном мире, уровня их динамизма возрастает степень возможной неопределенности в политике, ее непредсказуемость. Происходит резкое снижение управленческого потенциала политики и политических институтов, которые все менее соответствуют реальным потребностям и ожиданиям. Они «становятся администраторами развития, которое они не могли ни планировать, ни формировать, но за которое каким-то образом должны нести ответственность» [5, с. 283]. Увеличивается степень виртуализации социальной и политической среды: многие социальные отношения, явления находятся на грани возможного и реального, а их носители часто не имеют выраженного онтологического статуса, субстрата, твердых оснований существования. Постоянство нестабильности, текучесть норм, смена привычных жизненных ориентиров, естественно, требуют новых способов действия в этой сфере, новых, соответствующих столь быстрым изменениям форм регуля-

ции социально-политических отношений, ставя под вопрос и самую их возможность и необходимость.

В политике всякого рода программатика, ориентировавшая людей в этой сфере, всегда имела большое значение, и, строго говоря, политические силы, «лагеря» в политике отличались именно своими ориентациями в будущее или трактовками этого будущего. Отказ от постановки и реализации долгосрочных целей оказывает значительное влияние на изменение характера политической активности людей. Очевидно, что степень влияния идеологических императивов сегодня падает, их просто невозможно реализовать в те краткосрочные и обозримые периоды, в пределах которых осуществляется политическое действие. В то же время ведется поиск новых ориентаций – конкретных, напрямую продиктованных наличной ситуацией, краткосрочных в реализации, не требующих для своего воплощения институциональных реформ, ведь они могут «обрушить» ситуацию, «запустить» цепь неожиданных и нежелательных событий, обернуться не приобретениями, а потерями.

Нарастающая сложность и рост многообразия во всех сферах социальной жизни, естественно, осложняют характер существующих проблем таким образом, что возможность их решения через коллективные социальные действия (это, как известно, всегда служило ядром политики) становится весьма проблематичной. Изменяется сама ткань политической жизни, из нее уходит искусство и способность соотнесения общественных и личных проблем [6, с. 60].

На наш взгляд, необходимо различать два типа идеологий: доктринальные и ценностные.

Первые представляют собой достаточно строгие, логически выверенные системы суждений, дополняющих одно положение другим, и продолжающиеся в новых условиях (например, либерализм или марксизм). Мир рассматривается в них как устроенный таким образом, что требует внесения в общественную жизнь соответствующих изменений, приближающих ее к требованиям всей системы мироздания. Критичное по своей сути постмодернистское мышление, не приемлющее каких-либо незыблемых оснований и бросающее вызов любой «системе», конечно, по отношению к таким построениям действует разрушительно. Для него вполне приемлемыми считаются PR-технологии – как суррогат для решения конкретной задачи, проблемы (после чего «нам лучше не встречаться»).

Идеологии второго типа – ценностные («системы ценностей и их обоснований», по Д. Истону) – идут не от теоретических «оснований», а уверяют в «желательности» некоторых состояний и характеристик общественной жизни, воплощение которых в действительность способствует гармонизации общественных отношений, продвижению общества вперед в соответствии с «природой человека». Консолидация вокруг ценностей способствует укреплению и продвижению общества, ибо ориентация людей на противоположные ценностям характеристики оказывается разрушительной и опасной для общества: исторический опыт доказывает, что закон – лучше беззакония, порядок – хаоса, справедливость – несправедливости, а «худой мир – лучше войны». В таком контексте ценностный мир зависит от практики. Механизм формирования

таких ценностей не доктринален, а представляет собой обобщение практического опыта. Задача идеологии в таком случае заключается в его систематизации, переводе интенций, рождаемых социальными интересами, на язык социальных ценностей, национальных и исторических приоритетов. Ее осуществление – традиционная задача меритократической политической элиты.

Формируемые ценностные идеологии могут быть ориентированы на «согласие» или «прорыв». Идеологии «согласия» предполагают интеграцию общества на основе уже существующих общих черт в образе жизни, настроениях разных социальных слоев (существует некоторое количество разделяемых всеми общими ценностей). В состоянии значительной социальной сегментации, отсутствия общих интересов и ценностей в ход идут идеологии «прорыва». Они вполне применимы для обоснования модернизации, необходимости ухода от прошлого состояния общества, значительная часть которого рассматривается как «нереформируемая», лишенная возможности преобразования и качественного роста. Для России это развалившиеся гиганты индустриальной эпохи, обезлюдившие, разоренные деревни, алкоголизированная, дошедшая «до ручки» часть населения, вконец отупевшая от поборов и жизни «на кормлении» бюрократия. Поскольку для России, «чтобы сохраниться, надо измениться, а чтобы измениться, надо сохраниться», исторически востребованным оказывается преодоление этих крайностей, в ходе выработки долговременных приоритетов политики, собственно и выражаемых фундаментальными политическими ценностями.

Текущая политическая не только российская, но и зарубежная реальность показывает, что после того, как схлынули волны событий, сообщений, информационных обменов, сетевых взаимодействий, сигналов, PR-кампаний и реакций на них, проступили некие контуры архетипических мыслительных и психических структур, связанных с глубоко заложенными потребностями граждан в общении и понимании, в единстве и принадлежности к целостности, безопасности, равенстве и иерархии. Они-то и инициировали поиск и предпочтение политических структур с выраженной и связанной ценностной структурой, то есть идеологией. В Египте это выразилось в поддержке «братьев-мусульман» на парламентских выборах, в России все кандидаты в президенты апеллировали (по-разному расставляя акценты) к ценностям суверенитета, благосостояния, территориальной целостности, процветания, стабильности и свободы.

Способность выражения глубинных потребностей, скрытых интенций – вот что заставляет политических субъектов обращаться к идеологическим формам коммуникации, делая таковые по-прежнему востребованными и политически эффективными.

Библиографический список

1. *Seliger M.* Ideology and Politics. L., 1976.
2. *Connolly W.* Political Science and Ideology. N.Y., 1967.
3. *Соловьев А.И.* Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2.
4. *Шварцмантель Дж.* Идеология и политика. Харьков, 2009.
5. *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.
6. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.

L.S. Yakovlev
**The Logic of Network Ideologies
Integration into the Political
Environment of Russia**

The processes of network ideologies formation are studied. The simplified schemes of politicization of the Internet are criticized. The real influence of the Internet on politics is considered in the context of prospective formation of a fundamentally new type of ideology of network space autonomy and political attitudes pluralization.

Key words and word-combinations: communicative space, network ideology, network reference.

Исследуются процессы формирования сетевых идеологий. Подвергаются критике упрощенные схемы политизации Интернета. Реальное влияние Интернета на политику рассматривается в контексте перспективного становления принципиально нового типа идеологии автономии сетевого пространства и плюрализации политических установок.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникативное пространство, сетевые идеологии, сетевая референция.

УДК 070:004:316.334.3(2Рос)
ББК 76.0+60.561.3(470+571)

Л.С. Яковлев

ЛОГИКИ ИНТЕГРАЦИИ СЕТЕВЫХ ИДЕОЛОГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

В последние годы агрессивно стимулируется общественный интерес к сетевым компонентам политической жизни [1–9], придуманы «твиттерные», «youtube'ные» революции, блогерам создается имидж политиков первой величины [10–13]. В действительности, Mark Elliot Zuckerberg (основатель Facebook, первой и крупнейшей пока социальной сети), Chad Hurley (основатель Youtube, важнейшей площадки обмена мультимедийными материалами в Internet), Lawrence „Larry“ Page и Sergey Brin (создатели Google, ведущего поисковика, одного из символов Internet), Jimmy (Jimbo) Donal Wales (основатель Wikipedia, свободной энциклопедии, одного из наиболее масштабных примеров реализации сетевой активности) не создавали инструментов для политической деятельности. Выступление Пейджа в Европарламенте или общение Цукерберга с Обамой тут ничего не меняют.

Разумеется, занимаясь предпринимательской деятельностью в сфере высоких технологий, полностью вне политики быть нельзя. Но эта деятельность связана с перераспределением ресурсов власти, а не с непосредственной борьбой за нее. Сказанное не исключает возможности в дальнейшем для кого-то из людей, приобретших деньги и известность в сфере IT-бизнеса, принять персональное участие в традиционной политической деятельности. Но представить себе Б. Гейтса, Р. Столмэна или того же Цукерберга баллотирующимися в конгресс, сегодня сложно, хотя

вполне возможно в недалеком будущем. Однако видеть в интенсивном развитии сетевых структур политическую волю людей, обеспечивших для них технологическую базу, нет никаких оснований. Подобного рода конспирологические инсинуации возникают на периферии современных дискурсов и не заслуживают специального разбора. К тому же что касается пользователей Internet, то преувеличивать уровень их политизации не следует: по данным ФОМ, если интерес к политике старших поколений еще заметен, то для молодежи эта тематика занимает 6–7-е места в рейтинге [14].

Тем не менее существует еще одна позиция, в рамках которой сетевые движения представляются управляемыми. При этом не выстраивается схема «заговора», но процессы распространения сетевых культур и идеологий трактуются в контексте реализации интересов лиц и групп, связывающих себя с глобализацией, становлением мирового рынка. Одним из первых такую концепцию сформулировал П. Треанор [15], который определяет «сетизм» как идеологию агрессивной пропаганды Интернета.

Эта идеология объявляется порочной, во-первых, потому, что отражает интересы привилегированного меньшинства – свободный рынок за короткий срок увеличивает социальное неравенство. Примечательно, что всего полтора десятка лет назад П. Треанор полагал, будто до всеобщего доступа – несколько поколений, но в реальности процесс пошел существенно быстрее (разумеется, исключая ту часть мира, где нет не только Internet, но и газет, телевидения, автомобилей, а зачастую и чистой питьевой воды; неравенство в распределении благ и ресурсов постыдно, но не Internet в нем виноват).

Во-вторых, сетизм плох в силу своего насильственного экспансионизма. Основополагающая модель сети взята из классического либерализма: это электронный свободный рынок, основанный на принципах «laissez-fair, laissez-aller». «Сетевые» активисты в США прямо ссылаются на англо-американскую либеральную традицию. По мнению П. Треанора, с точки зрения этики вся эта модель – ниже всякой критики. Универсализм, экспансионизм, принудительность, основополагающая несвобода выхода – вот что делает либеральные структуры дурными. В этом аргументе налицо подмена понятий. Вообще говоря, любое социальное действие в определенной степени есть насилие; вопрос в мере. Утверждение о несвободе выхода ложно, поскольку если индивиду угодно обходиться без Internet, он волен так поступить.

В-третьих, П. Треанором утверждается фундаментальная порочность коммуникации и диалога; по его мнению, обмениваться идеями – плохо. И вот здесь мы подходим к истинной сути рассматриваемой позиции. Автор заявляет, будто борется с монополизмом, за права инновативных меньшинств. На деле только Internet впервые дал возможность меньшинствам для саморепрезентации, консолидации, пропаганды своих идей. За редчайшим исключением, идеологии прошлого подавляли всякое диссидентство. То, что в ряде случаев оно все же выживало, побеждало, а потом начинало, в свою очередь, подавлять чужое инакомыслие, говорит лишь о том, что существует и такой способ эволюции идеологий, но он слишком дорого стоит обществу. В Internet, во всяком случае, насилие остается виртуальным, не воплощается в материальном ущербе

и гибели людей (то, что агитация сетевыми средствами может повлечь за собой прямое насилие – не вина Internet, который в данном случае не отличается от листовок или устных призывов; фактом является то, что противоправная активность в регионах с высоким развитием Internet ниже). Что касается П. Треанора, он отстаивает, собственно, интересы идеологий, сумевших завоевать некоторое число сторонников и пытающихся их удержать. По нашему мнению, проблема этих идеологий не в «нечестной игре» с использованием сетевого инструментария, а в их собственной неполноценности.

Внутренне противоречивой остается логика «антисетизма» и сегодня. А. Казин совершенно справедливо пишет, что «интернетчики» в принципе не могут образовать никакой партии. Партия – это, как известно, часть, сторона целого, а Интернет сам по себе есть некое целое». Но тут же А. Казин утверждает, что «относительность, возведенная в абсолют, сама становится абсолютом», а то, «что происходило на болотно-пионерских площадях в конце ушедшего года, есть типичное проявление «цветной революции», построенной на сетевой идеологии постмодерна» [16]. В известном смысле можно, конечно, называть и последовательный плюрализм идеологией, но, во всяком случае, не в одном ряду с идеологиями, претендующими на статус непосредственно определяющих модели социального поведения. Нельзя путать инструмент агитации и пространство социального действия. Если можно выделить вообще сетевую идеологию, как некую целостность, реализуемую в политическом пространстве, то это окажется, собственно, идеология защиты бытия самой сети, права на виртуальность. И носителями ее будут FSF, пиратские партии (там, где они действительно отстаивают автономию пространства Internet), а никак не разнородная аудитория Болотной, проспекта Сахарова, тем более площади Мидан ат-Тахрир.

Тезис А. Казина «дело идет о перманентной борьбе сетей против государственного начала» верен исторически, но может повлечь за собой крайне нежелательные интерпретации. Государство и гражданское общество противопоставлены только потому, что конкурируют за ресурсы. В свое время авторы «Федералиста» справедливо указали на подразумеваемые полномочия как источник расширения функций государства. Естественно, это расширение ведет к ограничениям прав и ущемлению интересов граждан, причем даже при отсутствии злой воли. Но абсолютизация этого противоречия есть просто анархизм. Структуры гражданского общества и государства конкурируют и должны конкурировать, но конечная победа при этом не может ставиться целью, поскольку приведет к краху системы в целом. Следовательно, любые идеологии противостояния могут быть только ложными, антиобщественными. Такие они и есть, идет ли речь об этатизме, от крайностей в духе Иоанна Грозного и С. Уварова, до «либеральных» государственных идей, или об анархизме, также в любых его проявлениях. Нам нужна не борьба, а диалог, причем именно «перманентный», не могущий, по определению, иметь какого-то завершения.

Естественно, построению диалога не способствуют попытки тотальной дискредитации самого принципа сетевой организации. А. Приселков утверждает: «Внедрение «сети» представляет собой лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было самостоятельности, суверенности и субъек-

тности, превращение их в жестко управляемые, запрограммированные механизмы» [17]. Опять-таки не Internet порождает подобного рода экспансию, не представлявшую собой ничего нового еще во времена противостояния гвельфов и гибеллинов, борьбы за контроль папского престола над европейскими монархиями. В действительности конечный результат индоктринации все равно полностью зависит от процессов на уровне индивидуального сознания. И она, в условиях атомизации современной эпохи, как раз не облегчается, а затрудняется, потому что сложнее становится устанавливать контроль над лидерами мнений, поскольку процессы их выделения оказываются все менее формализованы, менее стабильны. Иными словами, лидеров этих явно больше, вес их суждений меньше, смена – чаще.

Почти мистический страх перед инструментами Internet, вера во всеисилие в виртуальном пространстве структур типа EAWARN (сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, создана по инициативе В. Тишкова), не говоря уже о пресловутых «западных спецслужбах» (как преувеличение роли организаций типа IRD – Information Research Department), проявляемые некоторыми сторонниками «антисетевой» идеологии, источником имеют просто нежелание разобраться в сетевых технологиях. Организация Internet позволяет обеспечивать фильтрацию и ранжирование данных; это вполне эффективные средства, но опять-таки отнюдь не столь мощные, чтобы можно было говорить о превращении социальных групп в запрограммированные механизмы.

Контрастными в отношении охарактеризованной позиции оказываются представления самих участников сетевой активности. Сетевая референция – это способ коммуникации, производства нового знания, самообучения, пишет в «Живом журнале» автор с ником nezloygad [18]. Разумеется, в данном случае мы имеем дело с выраженной рефлексией. Но для абсолютного большинства пользователей Internet сетевая активность просто оказывается формой привычного поведения, формы и смыслы которой они не выделяют для осознанного анализа. Важно не это, а, во-первых, изначальная свобода выбора ресурсов для обращения, во-вторых, стремительное расширение информационных запросов. Спонтанный серфинг свойствен абсолютному большинству пользователей, он провоцируется практиками размещения на сайтах ссылок, часто не связанных непосредственно с их основным содержанием.

Internet не обладает магической способностью соединять в одно целое несовместимые идеологии. Носители коммунистических, либеральных, демократических, консервативных, националистических убеждений остаются сами собой и в сети. Разумеется, никакой сетевой идеологии на основе некоего «синергетического» объединения их убеждений возникнуть не может. Действительной основой для нее могут быть в настоящее время только практики WEB-2.0 [19–22]; причем, естественно, эта идеология не будет оккупировать области политического пространства, уже занятые традиционными идеологиями. Иначе говоря, она будет строиться не на основе, а вне этих идеологий. Определенные совмещения смысловых полей, конечно, возможны; в части случаев они будут конфликтными, и можно определить тот порог напряженности, до которого целостность сетевой идеологии сохраняется, а примыкающие к ней течения не порывают с ее прин-

ципами, становясь маргинальными. В других случаях могут действительно возникать синтетические смысловые конструкции, представляющие собой переработку традиционных идеологий применительно к условиям нового времени.

Именно модель WEB-2.0 впервые реализует принципы сетевой идеологии. Эпоха доткомов представляла собой детство Internet, лишь переходный период от поры, когда сети просто не было, ее подменяла привязка каждого пользователя, персонально, к базам данных AOL, ко времени развертывания действительно адекватной сетевым принципам системы. Принципиально важно подчеркнуть, что FIDO, которую действительно можно в известном смысле воспринимать как некий прообраз «конспиративной» сети, тоже была лишь промежуточной стадией развития.

Интернету вообще не могут быть адекватны никакие «подсобные», внешние по отношению к самой сети, организационные структуры. Суть именно в том, что существует универсальное коммуникативное пространство, в котором спонтанно возникают подвижные структуры, объединяющие на время какое-то количество пользователей. При этом конкретный индивид может быть участником любого числа таких структур, не рассматривает себя в качестве «постоянного члена» одной из них, свободен в выборе форм и длительности участия. Сами эти принципы, вполне очевидно, принадлежат новому типу социальности, не имеющему аналогов в прошлых практиках. Поэтому у Internet-сообществ не может быть идеологий, аналогичных существовавшим в историческом прошлом. Конечно, смена эпистем не может быть мгновенной, и большинство пользователей являются носителями гибридных идеологий. Они – «сетяне» и одновременно либералы, коммунисты, фашисты, патриоты, сторонники демократических убеждений. Но чем больше они становятся «гражданами сети», тем дальше уходит их прежняя идеологическая ориентация.

Мы живем в переходную эпоху, поэтому Internet-сообщества могут обладать одновременно признаками, характерными для прошлого и будущего. Internet может выступать и всего лишь еще одним полем коммуникации, и более чем просто полем, поскольку присутствие в этом поле радикально меняет человека. В виртуальном пространстве инерционность социальных взаимодействий стремится к минимизации; кроме того, люди получают возможность устанавливать, непосредственно, содержательные контакты. Таким образом, практически устраняются последние основания, еще поддерживавшие Gemeinschaft. Однако это отнюдь не означает автоматически усиления противоположного элемента в определенной Ф. Теннисом бинарной оппозиции [23]. В каком-то смысле виртуальное пространство создает среду для формирования новых социальных связей, в некоторых отношениях использующих элементы, аналогичные характерным для Gemeinschaft.

Вместе с тем это не совсем та «глобальная деревня», которую прогнозировал М. Маклюэн [24, 25]. В виртуальном пространстве отсутствует императивная необходимость в поддержании «соседских» отношений, поскольку всегда есть возможность выйти из контакта. Следовательно, потенциально, в соответствии с теорией игр, можно прогнозировать низкую успешность идеологий, содержащих значимые компоненты традиционализма, и, напротив, высокую – для динамических идеологий.

Собственно сетевая идеология, сводящаяся к утверждению права на существование виртуальной реальности, лежит вне современного политического поля. Но прямо (через радикальное расширение возможности репрезентаций) и косвенно (внедряя императив свободы самовыражения личности) она способствует плюрализации этого поля. На практике это означает, применительно к России в частности, правильность курса, связанного с принятием закона о снижении проходного барьера на федеральных парламентских выборах, вступившего в силу с 1 января 2013 г.; более того, и уровень 5% представляется завышенным, поскольку предполагает искусственную консолидацию граждан вокруг традиционных партий. По существу, неизбежен пересмотр самой парадигмы партийной идеологии как отражающей устойчивые интересы больших социальных групп. В виртуальном пространстве нет ни таких групп, ни таких интересов. По мере того как сетевые взаимодействия становятся все более значимыми, по отношению к остальным типам взаимодействий обновление должно произойти и в сфере идеологии.

Библиографический список

1. Середкина Е.А., Горошкина С.А. Разностороннее влияние социальных сетей Интернета на социализацию молодежи // Молодой ученый. 2010. № 7. С. 297–300.
2. Максимова О.Б. Социальные аспекты интернет-коммуникации: Интернет-сообщество и коммуникативная личность // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2011. № 1. С. 24–33.
3. Воробьева Е.А. К вопросу о способах выражения гражданских инициатив в Интернете // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2010. № 1. С. 86–92.
4. Николаев А.С. О политическом участии в эпоху Интернета // Изв. Тульск. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 159–168.
5. Навальный С.В. Использование информационных систем в реализации государственной власти (на примере функционирования сети Интернета) // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. 2010. № 11. С. 201–206.
6. Урсу Н.С. Манипулирование в политике: новые каналы коммуникации в интернете // Вестник российской нации. 2011. Т. 17, № 3. С. 148–160.
7. Плешаков В.А. Киберонтология и психология безопасности информационной сферы: аспект киберсоциализации человека в социальных сетях Интернет-среды // Вестн. Православ. Свято-Тихон. гуман. ун-та. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2010. № 19. С. 131–141.
8. Иванова Т.С. Интернет как социокультурное явление // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 5, № 1. С. 178–180.
9. Самофалова А.А. Интернет – новая форма воздействия на массовое сознание // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 2. С. 258–260.
10. Россия: социальные сети как средство пропаганды неонацистской идеологии? // Радио Озоди. 2011. 4. URL: <http://rus.ozodi.org/articleprintview/24381458.html>
11. Коптилин И. Демократия – зло. Необходимо выйти из враждебного семантического поля // Портал сетевой войны. URL: http://www.rossia3.ru/politics/russia/dem_zlo
12. Бубнов В. О политической импотенции Интернет-популизма // Newsland. URL: www.newsland.ru/news/detail/id/605835/
13. Артюхин В.В. ВЕБ 2.0 как источник неконструктивной активности в Интернете // Прикладная информатика. 2010. № 4. С. 32–47.
14. СМИ: предпочитаемые каналы информации: опрос населения, 02.08.2007 г. URL: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dominant2007/dom0731/domt0731_2/d073121

15. *Треанор П.* Интернет как гиперлиберализм // Aquarun. URL: <http://www.aquarun.ru/aquarius/nethyperlib.html>
16. *Казин А.* Сетевые игры бандерлогов, или Генеалогия болота // Русская народная линия. URL: <http://ukrlife.net/setevyie-igryi-banderlogov-ili-genealogiya-bolota/>
17. Сетевые войны в ЮФО: США хотят расчленить юг России // Геополитика постмодерна: информационно-аналитический портал, 2007-12-19. URL: <http://geopolitica.ru/Articles/42/>
18. Сети о социальных сетях. URL: <http://seti-ru.livejournal.com/>
19. *О'Рейли Т.* Что такое Веб 2.0 // Компьютерраonline. 2005. 28 окт. URL: <http://www.computerra.ru/think/234100/>
20. *Стрельников А.* Web 2.0: Что это такое и какая от него польза? // Идеи интернет-бизнеса, 09.04.2007. URL: <http://www.onlinehomebusiness.ru/>
21. Web 2.0 поможет Бизнесу?! // Yasoft. URL: <http://www.yasoft.ru/typ1.php?poz=565>
22. *Graham P.* Web 2.0. // Paul Graham site, 15.11.2005. URL: <http://www.paulgraham.com/web20.html>
23. *Tynnis F.* Community and Civil Society / ed. by Jose Harris Cambridge. Cambridge University Press, 2001.
24. *McLuhan M.* Understanding Media: the extensions of man. N.Y. 2003.
25. *Чугунов А.В.* Теоретические основания концепции "Информационного общества". СПб., 2000. URL: http://www.library.cjes.ru/online/?b_id=205

D.F. Ayatskov, V.M. Dolgov
Conceptual and Legal Bases
of the Russian Model
of Regional Political Space

A theoretical model of Russian regions political space is presented. Its ideological and legal content is based. Political space of a region is considered by the example of the Saratov Region.

Key words and word-combinations: the model, regional political space, conceptual content.

Представлена теоретическая модель политического пространства российских регионов. Обосновано ее идеологическое и правовое содержание. Политическое пространство региона рассмотрено на конкретном примере Саратовской области.

Ключевые слова и словосочетания: модель, региональное политическое пространство, идейное содержание.

УДК 321:32(2Рос)
ББК 66.03+66.3(0),15(470+571)

Д.Ф. Аяцков, В.М. Долгов

ИДЕЙНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Историческая практика знает две базовые модели регионального политического пространства – демократическую и авторитарную. Та или иная модель регионального политического пространства формируется и функционирует практически в полной зависимости от политической системы государства, характер которой определяет все основные институты и механизмы регионального политического пространства. Некоторый объем влияния на региональное политическое пространство производят политические,

культурные, религиозные традиции народов и наций. В более редких случаях в особенностях регионального политического пространства проявляются специфические характеристики образа жизни и общественных отношений конкретных замкнутых территорий, представляющих собой своего рода мини-регионы.

Обобщая, можно утверждать, что модель регионального политического пространства является подвижной, изменчивой, хотя ее устойчивость определяется некоторыми постоянными факторами (конституцией, политическими традициями, режимом власти). Изменчивость модели обеспечивается воздействием государственного и регионального законодательства, реального политического процесса, динамики отношений между общегосударственными и региональными политическими институтами. Устойчивые в общем плане модели регионального политического пространства имеют множество вариантов своей реализации по отдельным странам и даже по отдельным регионам внутри этих стран. Такое положение естественно и даже закономерно, имея в виду огромное разнообразие политического развития в современном мире.

Сравнительный анализ содержания двух моделей показывает наличие в каждой из них идеологических и правовых оснований. Идейность определяет политическую направленность, содержание общественных отношений регионального уровня. Право вводит его в четкие юридические рамки и нормы. В совокупности идейно-правовые условия формируют характер и перспективы развития регионального политического пространства.

Приведенные соображения относительно характеристики регионального политического пространства логично могут быть спроецированы на политическое развитие современной России.

В Российской Федерации, как и во всех странах с демократически ориентированной политической системой, базовым фактором, определяющим модель регионального политического пространства, является конституция страны. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 года, содержит четкое юридическое оформление регионального политического процесса в пространстве России. Несколько статей (ст. 1, 3, 4, 5, 8, 10, 11, 12, 13, 15) Конституции играют в этом ключевую роль [1].

Статья 1 провозглашает Россию демократическим, федеративным, правовым государством и тем обеспечивает обязательность демократической политической системы, федеративность государственного устройства и господство правовых отношений в государственном управлении и во всем политическом процессе. Положения данной статьи развиваются и подкрепляются содержанием статей 3, 4 и 5. Во-первых, в них утверждается непосредственная принадлежность власти народу и на уровне государства, и на уровне местных территорий, что является основанием для наличия и осуществления политики территориального масштаба внутри государства. Во-вторых, в них подчеркивается верховенство федерального законодательства на всем пространстве страны, чем определяются правовые и политические рамки общественной деятельности в регионах и характер взаимоотношений между политическими институтами федерального, регионального и местного уровней. В-третьих, в этих статьях провозглашается политическая субъектность всех административных частей страны, их равноправие, единство их систем государственной власти, разграниче-

ние предметов ведения и полномочий между ними и органами государственной власти Российской Федерации. Тем самым обеспечивается самостоятельная роль субъектов РФ в политике государства, четкое представление о круге возможностей их политических действий по выдвижению и защите региональных интересов в пространстве страны.

Другая группа статей Конституции РФ (ст. 11, 12, 15) характеризует политико-правовую статусность субъектов РФ, а вместе с этим и регионального политического пространства. Статья 11 гласит, что государственную власть в субъектах РФ «осуществляют образуемые ими органы государственной власти» и что их полномочия и предметы ведения законодательно разграничиваются с федеральными органами государственной власти. Статья 12 гарантирует местное самоуправление, самостоятельное от государственных органов в пределах своих полномочий. Статья 15 подчеркивает юридическое верховенство Конституции РФ на всей территории страны и необходимость соответствовать ее положениям для всех правовых актов, принимаемых в субъектах России. Тем самым определяются и утверждаются правовые рамки региональной политики, действий и решений всех институтов субъекта РФ.

Принципиальное значение для утверждения регионального политического пространства в качестве реального явления имеет глава 3 российской Конституции «Федеративное устройство». Она определяет статусность всех субъектов Российского государства, выделяет сферу полномочий федеральных государственных органов, а также сферу совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В главе констатируется, что вне пределов этих двух уровней государственного управления субъекты РФ «обладают всей полнотой государственной власти».

На первый взгляд подобное наделение полномочиями выглядит неконкретно и как-то приблизительно, но юридически более точного определения сформулировать невозможно, поскольку нельзя предвидеть и перечислить в Конституции все возможные полномочия субъектов государства, вступившего на путь коренных социальных и политических преобразований. К тому же субъекты сильно различаются между собой. Вместе с тем статья 76 наделяет субъекты РФ правом осуществлять собственное юридическое регулирование, «включая принятие законов и иных нормативных правовых актов», конечно, с условием их соответствия Конституции России.

Важное положение, касающееся регионального политического пространства, заложено в ст. 77 Конституции РФ. В ней закрепляется, что система органов государственной власти всех субъектов РФ устанавливается ими самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя современной России и общенациональными принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти. Данное положение предоставляет субъектам РФ определенные возможности по регулированию своей внутренней институциональной структуры, по формированию законодательной базы политической деятельности внутри своего политического пространства.

Вся совокупность конституционных установлений относительно политических возможностей субъектов РФ дополняется рядом общегосударственных демократических принципов. Среди них: выборный характер власти на основе

федерального избирательного законодательства; народовластие как форма реализации демократии всем народом; единство экономического пространства с признанием равенства всех форм собственности; разделение государственной власти на законодательную, исполнительную, судебную; идеологическое и политическое многообразие; многопартийная система; наличие и обеспечение государством прав и свобод человека и гражданина, в том числе политических прав; свобода слова, общественных объединений, собраний, митингов; независимость судов и СМИ. Все эти принципы прописаны в статьях Конституции РФ и являются фундаментальными условиями осуществления демократического процесса как в пространстве всей страны, так и в региональном пространстве субъектов РФ.

Наряду с конституционными и иными юридическими узаконениями в политическом пространстве любого субъекта РФ существенную роль играет идеологический фактор, под которым следует понимать соединение в общественном сознании политических, религиозных идей, нравственных и социальных традиций. Безусловно, имеется в виду разнообразие и переплетение идейных воздействий, обеспечивающих формирование и политических представлений и политического поведения индивидов, социальных групп, общественных объединений, структур государственной власти и местного самоуправления.

Совокупность подобных воздействий в российских регионах сложна и противоречива. Представляется целесообразным систематизировать идейные воздействия современной российской действительности по трем группам: общественные традиции; политические идеи или идеологические концепции; нравственные ценности как ориентиры массового поведения. Каждая из этих групп оказывает самостоятельное воздействие на общественное сознание и поведение людей в системе политических отношений, каким-то образом влияет на характер политического процесса в российских регионах. Не вдаваясь в подробный анализ содержания этих воздействий, обозначим их принципиальную суть и духовную направленность.

Общественных традиций, так или иначе проявляющихся в характере политического поведения и политических отношений, существует немало. Базовыми для российских народов можно считать: склонность к общинности, коллективизму, к коллективистским хозяйственным действиям; религиозность, соблюдение норм православия или ислама как основных российских религий; вера в народный характер государства, доверие власти, подданническая психология. Эти традиции сформировались у российских народов еще при царизме [2–4], сохранились в советское время и дошли до современности. Конечно, распространенность их ограничена, сами они существуют в указанном, а порой и в искаженном виде. Но определенную политическую культуру эти традиции подпитывают.

Однако наряду с данными традициями проявляют свое влияние и другие, противоположные: индивидуализм, самодостаточность индивида, обеспеченная наличием частной собственности; атеизм как укоренившееся в сознании большинства населения спокойное отношение к вере, к церковным обрядам; недоверие ко всему государственному, критика властей. Такие качества народа тоже широко распространены и утверждают иную политическую культуру. Ясно, что в повседневной жизни общества разные традиции не только взаимодействуют,

но и сталкиваются между собой, создавая ситуацию непредсказуемости, необъяснимости тех или иных политических позиций и процессов.

Наиболее важное место в условиях переходного общественного состояния России по силе воздействия на характер политических отношений занимают идеологические концепции. Можно утверждать, что в этой сфере обеспечивается конституционное установление об исключении государственной идеологии при наличии идеологического многообразия.

В общественном сознании россиян уживаются, нередко соединяются элементы противоположных или очень разных идеологических концепций: либерализма – социализма, демократии – авторитаризма, национализма – интернационализма, патриотизма – космополитизма [5, с. 346–350]. Такое смешение идеологических воззрений распространено по всей России; в национальных республиках с более однородным составом населения – в меньшей степени; в областных центрах, городах областного значения, где состав населения разнообразен и в национальном и в социальном отношении, – в большей степени.

Государство стремится через систему образования, средства массовой информации обеспечить приоритетность демократических и либеральных идей, но реалии российской жизни для подавляющей части населения не способствуют укреплению этих идеологий в сознании людей. Одновременно с этим существенно ослаблено воздействие патриотизма и интернационализма, которое в недавнем прошлом было бесспорным и эффективным.

Судя по всему, идеологические основы политического процесса в российских регионах неустойчивы, неоднозначны, а вектор их развития очень неопределен. Под воздействием самых разных факторов современного общества они способны сдвинуться к любой базовой позиции: национализму, авторитаризму, социализму, клерикализму и т.д.

Определенное, хотя и существенно меньшее, чем традиции и идеи, влияние на политическое поведение людей оказывают нравственные ценности. Сами ценности, связанные с политическим участием граждан, нередко являются производными от конкретных традиций и идеологий. Выделим несколько ценностей со своими антиподами, влияющих на политические отношения.

Во-первых, законопослушание, приверженность законам, с одной стороны, и правовой нигилизм, пренебрежение законодательными нормами – с другой. В этой дихотомической паре ценностных норм, по многим аналитическим оценкам, преобладает стремление игнорировать или обойти закон, причем речь идет о современном демократическом законодательстве, а наиболее четко это проявляется в поведении активной, самостоятельной части населения.

Во-вторых, социальная ответственность в исполнении гражданских, трудовых, общественных обязанностей и безответственность общественного поведения. Данная дихотомическая пара касается прежде всего бюрократии, политической элиты, но и рядовых граждан тоже. Необходимость ответственного отношения к делу, особенно в сфере государственного и муниципального управления, признается всем обществом, однако во множестве конкретных случаев его стараются избегать, превратить в формальность, приуменьшить. Данный процесс приобрел массовый и привычный характер, превратился в характерис-

тику современного Российского государства и постоянно проявляется на всех стадиях политического процесса.

В-третьих, справедливость как принцип взаимодействия человека с государством, с бизнес-структурами, с другими людьми. Господство этого принципа во всех общественных отношениях востребовано большинством граждан России. Множественные проявления несправедливости угнетающе действуют на российское общество. Однако современный мир, окружающий человека, наполнен несправедливостями, преодоление которых нередко невозможно, а в других случаях сопряжено с различными трудностями и требует больших усилий.

На основе данных суждений можно заключить, что ценностные ориентиры в российском обществе существенно ослаблены, нередко находятся под решающим воздействием негативных чувств и привычек [6, с. 881–883].

Духовный мир российского провинциального сообщества разнообразен и неустойчив настолько, что почти не поддается измерениям на основе общепринятых социологических критериев. Он изменчив не только в пространстве разных областей, краев и республик, но и в пределах довольно кратких отрезков времени. Он податлив воздействию не только экономических, социальных, политических факторов, но и более частных обстоятельств культурологического, социопсихологического характера, сохраняя при этом укоренившиеся традиции и ценности.

По нашему мнению, современную основу духовного состояния провинциального сообщества составляет ориентация на государственность – демократию – справедливость. Сочетание этих трех принципов и ценностей отражает основополагающие интересы и цели жизни подавляющего большинства людей. Оно преобладает в их сознании, представляет для них базовый проект переустройства России и в данном смысле определяет их политическую позицию.

Идейно-нравственные позиции населения существенно сказывались на реализации конституционных норм политического процесса в пространстве субъектов РФ. Под их воздействием демократическая концепция политических отношений деформировалась самым причудливым образом, превращаясь то в подобие анархии, то в жестко авторитарную форму. Реальный политический процесс в регионах испытывал совокупность давлений: закона и традиции, федерального центра и региональных интересов, идеологии и текущих потребностей, политических партий и социальных групп. Перемешиваясь, все эти факторы формировали сложную структуру политического пространства регионов и неустойчивый характер его внутреннего развития на протяжении 1990–2000-х годов.

Анализ положений Конституции РФ дает следующее представление о российской модели регионального политического пространства.

Субъекты РФ наделяются политическим статусом в рамках федеративного государства, получают политические функции и полномочия, обеспеченные федеральным законодательством. Важнейшим элементом политической статусности субъектов РФ является самостоятельное формирование региональных государственных и муниципальных институтов власти, принятие Конституции или Устава субъекта Федерации. Тем самым политические отношения в субъектах РФ приобретают институциональный характер.

Система этих институтов составляет структурную основу региональной по-

литической системы. Субъекты РФ имеют полномочия создавать и развивать собственное законодательство, которое вместе с федеральным составляет правовую основу функционирования и взаимодействия региональных политических институтов. Они имеют свой бюджет, опираясь на который могут не только осознавать, но и защищать, обеспечивать региональные интересы. Субъекты РФ обладают возможностями формирования на своей территории многих организаций общественно-политического характера, обеспечивать их участие в обсуждении и решении проблем регионального и государственного масштаба. Среди этих организаций особенно значимыми в политическом процессе являются структуры политических партий, общественные объединения граждан внепарламентского типа, средства массовой информации.

Все это в совокупности представляет собой региональное политическое пространство с четко выраженными территориальными интересами, институтами власти, политическими механизмами, правовыми отношениями, структурами гражданского общества. Такая модель регионального политического пространства соответствует условиям и традициям демократического общества, во многом схожа с моделями регионального политического пространства западных государств. Но политическое развитие России в девяностые годы оказалось далеким от предполагавшегося варианта либеральной модернизации. Бурные политические процессы рубежа 1980–1990-х годов определили характер реформирования политической системы Российской Федерации.

Наиболее важными для характеристики региональной политики первой половины 1990-х годов можно признать следующие явления, порой перераставшие в долговременные тенденции. Во-первых, распространение на российскую территорию регионального сепаратизма, зародившегося в советское время и теперь активизировавшегося во многих субъектах Федерации. Во-вторых, бурное развитие СМИ, в которых отражались и сталкивались самые разные идейные, политические, нравственные, религиозные, социальные позиции, что в известной степени не только разрушало прежнее общественное сознание, но искажало новые общественно-политические ценности. Можно даже говорить о вседозволенности информационной деятельности в этот период. В-третьих, безграничность партийной системы, превращавшая российскую многопартийность в безразмерную, нелепую и неэффективную, терявшую свое социально-политическое предназначение. Бесчисленное множество партий, часто с нереальными, нелепыми целями, программами и заявлениями, подрывало значение партий в политической системе, их авторитет в обществе. В-четвертых, серьезные перекосы во взаимоотношениях между властями разного уровня по вертикали и разного предназначения по горизонтали, что сформировало возвышение исполнительной ветви власти над двумя другими и слабое взаимодействие между федеральным центром и властями субъектов РФ.

Вся совокупность этих явлений проявлялась в российских регионах, формировала политические тенденции их развития, отличные от демократической модели, провозглашенной Конституцией РФ. Создавалось региональное политическое пространство формально демократическое, но по сути используемых механизмов взаимоотношений далекое от демократии, неэффективное и с точки зрения реализации интересов субъектов РФ, и с позиции развития всего государства.

Свобода, самостоятельность, разнообразие общественно-политических отношений, конечно, создавали демократическое содержание политического пространства, однако эффективность его была невысокой, а перспективы дальнейшего развития неопределенными. Внешнее сходство с демократической моделью совсем не гарантировало обязательного демократического функционирования регионального политического пространства в большинстве субъектов РФ. Именно таким оказалось политическое пространство Саратовской области, содержащее все необходимые политические институты в соответствии с конституционной моделью, но не имевшее правовых механизмов, демократических регуляторов своего функционирования.

Подобное состояние региональной политики уже к концу девяностых годов подвело к кризисному положению не только развитие большинства субъектов РФ, но и целостность всего Российского государства. Осознав опасность и ответственность сложившейся ситуации, руководство страны предприняло меры по ее изменению, по укреплению государственности и переструктурированию положения субъектов РФ в пространстве России в пользу центростремительных ориентиров.

Существующая совокупность политических институтов преобразовалась в характере взаимоотношений и взаимовлияний. Существенно возвысилась должность губернатора (главы областного правительства) по отношению ко всем другим институтам, в том числе относительно областной думы. Должность губернатора, по нашей оценке, превратилась в центральный субъект региональной политики. Губернатор был прочнее и системнее других институтов регионального уровня связан с различными структурами федеральной власти, обладал самыми объемными политическими ресурсами.

Быстро эволюционировала партийная система Саратовской области. С принятием Федерального закона «О политических партиях» она превращалась во все менее разветвленную сеть местных отделений российских партий. Полностью ушли с политической арены региональные партии, сократилось общее количество партийных структур. Постепенно, но достаточно быстро устанавливалась монополия на власть одной партии. К концу первого срока президентства В.В. Путина (2004 г.) в региональном пространстве области утвердилось полное господство партии «Единая Россия».

В целом региональное политическое пространство становилось более организованным и лояльным по отношению к федеральному центру. Региональная политика приобрела управляемый характер, эволюционировала от политики регионализма к политике централизма, что способствовало укреплению российской государственности.

В период второго президентства В.В. Путина продолжалась политическая линия на концентрацию власти в системе государственного управления, в партийной системе, в отношениях федерального центра с субъектами РФ. Под воздействием такой концентрации власти видоизменялась политическая система страны, накапливая в своих демократических структурах элементы авторитаризма.

С избранием в 2008 г. Президентом России Д.А. Медведева политика давления федерального центра на регионы несколько смягчилась. По сути, начала проявляться политическая линия на демократизацию политической системы и

политического процесса в Российской Федерации, хотя генеральной установкой по-прежнему оставалось централизованное администрирование.

Региональное политическое пространство ощущало провозглашение новой волны демократизации в государственной политике, но весомо отреагировать на это пока не готовы региональные институты. Сохраняется их зависимость от исполнительной ветви власти. Слабы их собственные ресурсы. Незначительна политическая активность социальных групп. По-прежнему низка политическая культура населения. Все это ограничивает развертывание демократических процессов в региональной политике, формирует противоречивость ее состояния и функционирования, что чревато стагнацией и утратой необходимой функциональности.

Как представляется, региональное политическое пространство большинства субъектов РФ, и среди них Саратовской области, в полной мере поддается измерению через оценочные показатели плотности и масштабности, открытости и активности. Эти показатели реально характеризуют региональное политическое пространство, хотя и являются невысокими, что в сумме свидетельствует о явно недостаточном уровне его эффективности.

Для превращения современной внутрирегиональной политики субъектов РФ в демократическую модель регионального политического пространства необходимо, по нашему мнению, осуществление нескольких преобразований в российской политической системе: во-первых, утверждение демократических, правовых механизмов в деятельности всех политических институтов, и прежде всего тех, которые обеспечивают процесс формирования государственной и муниципальной власти, во-вторых, обеспечение достаточных условий и возможностей для реализации региональных интересов на федеральном пространстве политики, вписывания их в общие перспективы развития страны; в-третьих, превращение системы местного самоуправления в реальный институт региональной политики; в-четвертых, гарантии демократических и справедливых условий во взаимодействии центра и регионов России.

Объективно необходимой перспективой для России является установление в полном виде такой модели политического развития, которая, основываясь на нормах демократии, соответствовала бы нашим национальным интересам и условиям.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. М., 2011.
2. Лосский Н.О. Характер русского народа: в 2 кн. М., 1990.
3. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / пер с англ. М.А. Маслина // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 463–489.
4. Бердяев Н.А. Азиатская и европейская душа // Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 54–58.
5. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.
6. Российское общество и радикальные реформы: мониторинг социальных и политических индикаторов / под общ. ред. В.К. Левашова. М., 2001.

**S.B. Surovov
Socio-Cultural Bases
of Electoral Preferences:
Regional Aspect**

The dependence of electoral preferences of population on the leading value orientations of social groups is shown. The regional factor affecting people's votes is assessed.

Key words and word-combinations: socio-cultural bases, political culture, value orientations, electoral preferences.

Показана зависимость электоральных предпочтений населения от господствующих ценностных ориентаций социальных групп. Оценивается региональный фактор, влияющий на голосование граждан.

Ключевые слова и словосочетания: социокультурные основания, политическая культура, ценностные ориентации, электоральные предпочтения.

УДК 316.334.3:32
ББК 60.561.3+66.3(0),15

С.Б. Суровов

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Электоральные предпочтения избирателей чрезвычайно тесно связаны с политической культурой, ожиданиями и установками, существующими в обществе [1, с. 192]. При этом политическую культуру следует рассматривать как некий синтез политических ориентаций, знаний и поведения, а электоральные предпочтения понимать как факторы восприятия действительности и деятельности граждан, создающие основания для того, чтобы в момент голосования избиратель принял то или иное решение.

Предпочтения, будучи продуктом коммуникации, определяются не только идеологией, господствующей в обществе, но и аудиторией, воспринимающей эту идеологию. Выявление социокультурных оснований, отображающих электоральные предпочтения в сознании, позволяет понять скрытые механизмы, действующие при выборе гражданами лидеров, партий и их программных установок в течение электорального процесса. Что же является определяющим в предпочтениях россиян?

Восприятие электоральных предпочтений прежде всего обусловлено рациональными требованиями, интересами, но в еще большей степени – воспринимаемыми неосознанно социокультурными схемами, стереотипами, установками массового сознания. Под социокультурными основаниями восприятия региональных электоральных предпочтений следует подразумевать глубоко укор-

ренные причины, принципы, связанные с особенностями места обитания, жизни, быта, исторического опыта, культурного предметного мира, поведения, характера, идеалов и ценностей избирателей [2, с. 48].

Чтобы понять особенности электоральных предпочтений, необходимо изучить идеальные образы в массовом сознании, на которые реагируют различные слои населения. Это означает, что без обращения к глубинным пластам общественного сознания, религии, мифологии, региональной истории народа эффективно исследовать электоральные предпочтения не удастся. Прежде всего речь идет об архетипах и этностереотипах.

Архетипы – это неосознанные базовые схемы представлений, общие для всех людей. Они всегда тесно переплетаются с этностереотипами – схематизированными моделями, программами поведения, упрощенными устойчивыми эмоционально окрашенными образами этнической группы. Этностереотипы зависят от географических условий (места обитания); культурных ценностей и идеалов, сформулировавшихся в ходе исторического развития людей и закрепленных в мифах, религии, искусстве, традициях, обрядах, в нормах обыденной жизни; социально-политических и экономических условий развития электората; обстоятельств и степени взаимодействия с представителями других этнических общностей. Устойчивые стереотипы, как правило, выражают идеалы этноса в отношении самого себя, подчеркивают оригинальные национальные черты своего народа, а также задают особенности восприятия других наций. Они напрямую связаны с этническими особенностями, возникшими в результате длительного исторического пути этноса, или того, что принято называть менталитетом, национальными чувствами и предпочтениями.

Ситуация, сложившаяся в том или ином российском регионе относительно электоральных предпочтений, во многом связана с закрепившимися стереотипами, с образом жизни населения, складывавшимся в течение веков под влиянием сложных географических и климатических условий, традиционно сильной центральной власти и неразвитого местного самоуправления. Однако важный вклад в формирование электоральных предпочтений российских граждан сегодня вносит не только менталитет нации, но и современная социально-экономическая и политическая обстановка в стране, регионе [3, с. 11–12]. Она оказывает воздействие на политические предпочтения тех или иных установок различными группами российских избирателей в зависимости от типа и уровня этих установок.

Развитие общественного сознания россиян на современном этапе характеризуется наслоением различных типов ценностных ориентаций, своеобразной «сшибкой» ценностей. Это обуславливает порой крайнюю противоречивость ценностно ориентационных комплексов и установок, поэтому вполне объяснимы безусловность и противоречивость взаимодействия идеологических позиций избирателей и их электорального выбора.

В ситуации, когда в каждой части политического спектра представлены несколько партий, трудно различимых по своим программным целям, а для российского политического пространства характерно существование нескольких лишь частично пересекающихся осей идеологического размежевания, понятно, почему электоральное поведение россиян не вписывается в классические моде-

ли и не объясняется прямыми корреляциями между весьма разноплановыми установками и результатами голосования. Данная особенность актуализирует проблему многофакторного подхода к изучению предпочтений российских избирателей. Подобные обстоятельства заставляют обратить особое внимание на то, что установки, воздействующие на поведение гражданина и мотивирующие его электоральные предпочтения, помимо всего прочего разнородны и, что особенно важно, различны по масштабам и уровням.

Основной, фундаментальный уровень представляют собой жизненные позиции людей, отражающие так называемые социальные онтологии и общее отношение человека к миру, в котором он живет, к действительности, которую он творит. Это может быть жизненная позиция оптимиста или пессимиста, прогрессиста или консерватора. В ее основе может лежать какая-либо иная шкала отношений к фундаментальным вопросам о природе человека и человеческого общежития. Второй слой установок связан с воздействием на людей социальных размежеваний и формированием социально-статусных диспозиций. Они отражают комплекс установок, формируемый у человека под влиянием социального статуса и его субъективного восприятия. Третий слой составляют идеологические предпочтения, представляющие собой попытки рационального обоснования социально-статусных диспозиций. Они существуют в виде более или менее целостной системы ценностей, в которых отражается сущность общественных проблем и способов их решения. Помимо социально-статусных установок, они определяются также условиями политической социализации личности, типом политической культуры. Четвертый слой, наконец, образуют субъективные мнения и суждения, возникающие под влиянием краткосрочных факторов, в первую очередь как эмоциональная реакция на них [4, с. 177].

Само наличие подобных комплексов может отчасти объяснять «парадоксальность» и неустойчивость голосования россиян.

Разные категории населения в зависимости от собственных представлений о путях и направлениях развития страны, своего экономического положения, реализации личных планов демонстрируют разные политические и электоральные предпочтения. Но в конечном итоге они сходятся на необходимости создания условий для укрепления экономической стабильности и функционирования сильного государства, гарантирующего гражданам порядок и защиту.

Традиционализм и этатизм общественного сознания в значительной степени затрудняют процесс адаптации большинства граждан к условиям свободного рынка, сохраняют высокую степень потребности в государственной поддержке и социальной помощи. В общественном сознании легитимность современной российской демократии оказывается непосредственно связана с экономической эффективностью, причем краткосрочной, наглядной, выраженной в конкретных цифрах. Периоды относительного благополучного развития порождают высокие ожидания, и для их оправдания требуется наращивание темпов роста. Даже сохранение достигнутого уровня (не говоря уже об замедлении темпов роста) может породить (и порождает) недовольство и снизить показатели легитимности власти.

В современном российском социуме до сих пор нет единства функциональных и нормативных ценностей, вследствие чего представления о демократии,

ожидания от ее воздействия практически не влияют на личное поведение людей. В связи с этим сложнейшей проблемой формирования демократического общественного сознания является усвоение тех новых явлений, которые стали символами демократии: расширение поля частного права, сужение вмешательства государства в личные интересы граждан, снятие политико-правовых ограничений на участие в политической жизни и публичной деятельности. Показательно, что согласно результатам исследования рабочей группы Института социологии РАН снижается доля россиян, активно интересующихся политикой. Кроме того, значительное число респондентов считают, что они не имеют возможности оказывать влияние на действия правительства и не знают, что делать, чтобы их голос был услышан [5, с. 208].

Регионы России весьма неоднородны по своим социальным параметрам. Эта неоднородность проявляется резче и усугубляется в процессе перемен, что создает значительные трудности для учета воздействия социально-статусных диспозиций на электоральный выбор. В силу этих обстоятельств, представляется целесообразным в первую очередь обратить внимание на некоторые общие характеристики, например связанные с ранжированием социально-статусных диспозиций по оси «центр – периферия». В данном случае, конечно, указанная оппозиция понимается не в пространственно-географическом измерении, а в связи с близостью или удаленностью от средоточия разного рода взаимодействий.

Социально-статусная приближенность к центрам облегчает доступ к разного рода ресурсам и возможностям деятельности. Она подкрепляет (или не подкрепляет) общую жизненную установку населения регионов на перемены. Социально-статусная вытесненность на периферию ограничивает доступ к ресурсам и возможностям и поддерживает охранительную (или оборонительную), консервативную по сути, жизненную установку, что находит выражение в соответствующих электоральных предпочтениях. Так, консервативно голосовавшие в 1990-х годах регионы «красного пояса» столь же последовательно-консервативно в 2000-х годах отдавали свои голоса «Единой России».

Пытаясь преодолеть собственную периферийность, субъекты Федерации стремятся утвердить в народном сознании региональное величие. И если в советский период это выражалось через показательные достижения (строительство больниц, школ, дорог, спортивных сооружений, сооружение промышленных гигантов), то в настоящее время во многом реализуется посредством демонстрации лоббистских возможностей. «Статусные» представители регионов в федеральных органах законодательной и исполнительной власти воспринимаются как способные защитить интересы всех групп, объединить регион, утвердить его приоритет среди других субъектов Федерации. Если же лидер не печется об обеспечении социально-экономического благополучия региона, то тогда политик воспринимается негативно. Сила и активность как основополагающие черты политических лидеров определяют в восприятии масс их привлекательность. При этом особенно важны такие факторы, как здоровье, возраст, физические и интеллектуальные ресурсы, способность защищать интересы региона, бороться с коррупцией, но особенно – умение организовать дело и выйти победителем из экстремальных ситуаций. Возможно, поэтому электоральный выбор часто останавливается на образе, личности, а не на программе или «бренд-нэйме» политической организации.

В целом анализ влияния социально-статусных установок на формирование политических ориентаций усложняет дихотомическую картину выбора и не позволяет выявить однозначные зависимости. Косвенной иллюстрацией процесса усложнения выбора под влиянием социокультурных факторов может выступать анализ комплекса выявленных корреляций социально-демографических факторов и политических предпочтений избирателей на выборах. Российский социум сегодня является поликультурным обществом, где сосуществуют взаимоисключающие установки и ценности, поэтому электоральные предпочтения заметно варьируются в различных группах населения.

Библиографический список

1. Малинова О.Ю. Исследования политической культуры в России: особенности национального академического дискурса и интернациональные методологические проблемы // Политическая наука в России. М., 2008.
2. Багновская Н.М. Социокультурные особенности модернизационных процессов в России // Проблемы модернизации российской государственности: стратегии, институты, акторы: сб. науч. трудов. Саратов, 2010.
3. Отчет о результатах социологического исследования по одномандатным избирательным округам Саратовской области (28 августа – 7 сентября 2007 г.). Саратов, 2007.
4. Мелешкина Е.Ю. Российский избиратель: установки и выбор. // Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. М., 2000.
5. Российская идентичность в социологическом измерении: аналит. докл. рабочей группы Института социологии РАН // Полис. 2008. № 1, 2.

O.N. Fomin
The Collision of Electoral Groups
in the Space of the Russian
Political Culture

Peculiarities of the participation of traditional and new electoral groups in the election company are considered through the analyses of the correlation of the Russian political culture and the new post-modern ideas.

Key words and word-combinations: political culture, modern, post-modern, electoral groups, elections.

Посредством анализа взаимодействия российской политической культуры и новых постмодернистских идей рассматриваются особенности участия традиционной и новой электоральных групп в избирательной кампании.

Ключевые слова и словосочетания: политическая культура, модерн, постмодерн, электоральные группы, выборы.

УДК 316.34/.35:32
 ББК 60.54+66.3(0).15

О.Н. Фомин

СТОЛКНОВЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ГРУПП В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализируя процессы, происходящие в российском политическом пространстве после декабрьских выборов в Государственную Думу РФ 2011 г., нельзя не задуматься над причинами неожиданно резкого выражения недовольства избирателей. Оно, несомненно, связано с осознанием значитель-

ной частью населения несправедливости избирательного процесса и своим следствием имело рост протестной активности. Это именно электоральная активность, так как люди вышли на площади протестовать против нарушения их избирательных прав.

Благодаря Интернету эта активность охватила самые различные регионы страны. Стало очевидным, что население резко осознало несправедливость того, что продолжалось десятилетиями, начиная с советских времен, – игру в выборы органов власти. Очевидность этой игры власть имущих была ясна многим. До определенного времени, пока отсутствовала сама возможность осознать массовость недовольных и их возможность скоординировать свои действия и заявить протест, все было привычно – бесперспективно и потому безразлично. Новые коммуникационные возможности создали новые технологии самоорганизации и самовыражения. На электоральное пространство, где по традиционным маршрутам перемещались средние и старшие группы избирателей, неожиданно хлынула неведомая власти и якобы аполитичная молодежь.

Активный выход этой группы электората произвел шоковое воздействие на всех акторов политического процесса – как на субъектов власти, организаторов избирательной кампании, так и на самих участников протестных движений. Долгие годы власть сетовала на слабую активность молодежи, убеждала, что, голосуя, молодые люди определяют свое будущее и будущее своих детей, доказывала, что каждый голос будет учтен. Эти заклинания не срабатывали: молодые люди, в своем большинстве, продолжали заниматься учебой, бизнесом, были болельщиками и фанатами, офисным «планктоном» и поклонниками гламура. Но вот наконец они включились в публичную политику, сразу добавив протестные голоса к тем, кого насильно загоняли на избирательные участки и кто протестовал своим голосованием против партии власти. Объединившись, эти два потока образовали значительную политическую силу. Произошедшие события обнаружили, что молодежь далеко не аполитична. Это с необходимостью поставило вопросы о политической идентификации новых акторов электорального процесса: «С кем ты, «забытое» поколение?» и «С кем ты, нарождающийся средний класс?».

Можно уверенно утверждать, что представители этих групп будут отстаивать свое право быть услышанными властью. Их поведение активизировало и традиционно молчаливый электорат, который осмелился начать говорить вслух о политической ситуации в стране вообще и в период избирательных кампаний в частности.

Можно выделять причины происходящего по разным основаниям. Мы избираем политико-культурологический подход к анализу происходящего.

Представляется, что главная причина заключается в столкновении в российском политическом пространстве двух типов культуры, двух ментальностей: ставших традиционными установок модерна и все более явно обнаруживающихся характеристик постмодерна. Актуальность такого подхода уже отмечалась политологами, акцентировавшими появление феноменов постмодерна в политической жизни современной России: «культурного и политического многообразия (расцвета политических субкультур, мезо- и микрокультур.); распро-

странения политических ценностей постмодерна; проблем идентичности в политике в целом и в политическом управлении в частности; роли личности в политике; социальной политики и инициатив, идущих снизу; низовых демократических структур и горизонтального взаимодействия как на уровне гражданского общества, так и на низших и средних уровнях государственной политики; развития горизонтальных самоуправляющихся сетей; роли идентичности в политическом управлении и др.» [1].

Несмотря на очевидность указанных процессов, в целом проявления постмодерна захватывают лишь поверхностные ментальные слои российских политических акторов, оставаясь на уровне чаще всего усвоенных извне знаний и не затрагивая глубинные слои психики, определяющие поведение граждан. Речь идет о своеобразном несовпадении политических знаний, имеющихся в арсенале участников современного политического процесса, и политической культуры.

Политическая культура, как представляется, носит более глубокий характер по отношению к знанию. Можно сказать, что политическая культура – это пережитые, усвоенные и адаптированные политические знания, ставшие основой для деятельности, политического поведения, а политическое знание есть новое рационально освоенное понимание политической жизни социума – то, что может быть принято и усвоено и лишь после этого станет частью политической культуры.

Взгляд на Россию должен учитывать ее недавнее прошлое, традиции и культуру, равно как и новые политические знания и, пусть небольшой, опыт демократии в современном быстро меняющемся обществе. Рассматривая современное российское общество, мы должны признать, что оно продолжает сохранять свою специфику. Последняя такова, что описать развитие российской политической системы в рамках какой-либо одной парадигмы не представляется возможным. Ни один из подходов (классический, модернистский или постмодернистский), взятый в отдельности, не позволяет осуществить адекватный анализ политических процессов, которые происходят на пространстве России. В них противоречиво переплетаются все эти тенденции.

Как известно, эпоха модерна отличалась стабильностью и постоянством, а воздержание от перемен – «чтобы не случилось ничего нового» – понималось как разумное поведение, поскольку «всякая дальнейшая перемена будет переменной к худшему» [2]. Такие чувства долго доминировали и в советской России, и в постсоветском периоде ее развития. При этом конкретный анализ российских социально-политических реалий уже в постсоветский период все больше и больше обнаруживал черты постмодернистского типа [3, с. 9]. Первоначально казалось, что даже события, произошедшие в августе 1991 года в России, воплощали собой очередной чисто модернистский проект. Налицо были все его составляющие. Во-первых, появилась идеология, «исправившая» заблуждения старой марксистской теории и «на этот раз безошибочно» указавшая всем, куда на самом деле движется вся мировая история, неудержимо вовлекая туда и Россию. С позиций этого нового взгляда оказывалось, что движется она совсем не к мировому коммунизму, а к мировому либерализму западного образца: рыночной экономике,

правовому государству, политической демократии. История, таким образом, вновь оказалась «одновариантной». Во-вторых, появился и свой демократический авангард, который не только хорошо знал единственно правильный путь, но и был полон решимости уберечь общество от уклонений с этого пути. В-третьих, казалось, что сложилась необходимая психологическая связь между теми, кто знает, как и куда идти и готов отдавать команды, с одной стороны, и теми, кто готов их с благодарностью воспринять и начать быстро и скрупулезно выполнять, – с другой.

Однако становление нового либерального модерна удивительным образом «тащило за собой» уже постмодернистские явления, которые стали проявляться в том числе и в становлении новой российской политической культуры. Черты постмодерна обнаруживаются, во-первых, во взаимоотношениях власти и общества, а во-вторых, в политическом сознании и поведении народа.

Характер и поведение власти изменились в результате усвоения действующих на Западе политических механизмов и технологий. Известно, что всякая претензия на политическое лидерство требует обоснования своей легитимности. В России легитимация демократической власти осуществлялась посредством не правовых, а скорее идеологических механизмов. Однако роль нового гегемона предполагает наличие, с одной стороны, «высшей» идеи, от имени которой он осуществляет свою властную деятельность, а с другой – силы, которая вдохновляет массы на её реализацию. Не случайно именно в этот период российские власти усиленно искали национальную идею, новую идеологию. Причина состояла в том, что народ переставал усматривать смысл в деятельности реформаторов. В силу этого падал авторитет верховной власти и её поддержка населением. «И властвующие и подвластные оказались в непривычной ситуации смыслового вакуума в поле власти. Власть открыла для себя истину, которую считала своей тайной и глубоко прятала (вчера – от себя самой, сегодня – от посторонних). Истина эта касается того, что за нею, властью, не стоит никакая высшая социальная, историческая и нравственная целесообразность и что представляет и защищает она лишь свои собственные интересы – корпоративные интересы тех, кто устроился во власти и сполна использует её во имя своих частных интересов» [4, с. 131].

Эта тайна «приватизированной власти» настолько бросалась в глаза, что вскоре стала общим достоянием, что и обусловило роковые сбои в механизме власти. Прежде, когда власть была легитимизирована в символическом поле «высших смыслов», ей повиновались, молча полагая при этом, что подчиняются чему-то большему, стоящему за ней. С точки зрения теоретиков постмодернизма, наличие подобного поля в системе власти очень важно. Для них политическая система – это не только вещество институтов, но и поле регулируемых ожиданий, установок, идентификаций, обеспечивающих готовность к руководству и повиновению. Не случайно авторы постструктуралистского направления, в частности П. Бурдьё, разрабатывают «принцип дополнительности» в политологии: описание политических явлений на языке теории поля сочетается с их описанием на обычном языке институциональной теории [5, с. 80].

В новом пространстве политических процессов – в ситуации постмодерна – каждый исполнитель, получив предписание, терзает себя вопросами: во имя чего я должен это делать и чем я хуже тех, кто мне предписывает исполнительскую роль, оставляя себе привилегию повелевать или уклоняться? Если исполнители без конца задаются подобным вопросом, их исполнительская энергия и воля резко слабеют, а вместе с этим катастрофически слабеют возможности власти действительно управлять людьми и событиями.

Как следствие, политическое поле стало терять свою напряженность, необходимую для реализации властных решений. Произошел разрыв между политиками и народом, между политическим властным решением и его исполнением. Ситуация в политической жизни России стала складываться совершенно по-новому: власть сама отделилась от народа и стала заниматься бизнесом, обеспечивая для себя рост политической ренты. Разрыв отношений власти и народа, циничное использование политиками возможностей власти в своих личных интересах, с одной стороны, и завистливое и презрительно-брезгливое отношение к ней (власти) населения, с другой, – это яркие черты политической культуры постмодернизма.

Второй причиной появления в России элементов постмодернистской политической культуры явилось объективное втягивание страны в те внешние отношения, которые неизбежно предполагают формирование соответствующих способов и технологий осуществления государственной власти. Как известно, в западной политике сложилось доминирование не межгруппового, а массового субъекта, который руководствуется не столько идеологическими, сколько культурными интересами, отражающими «жизненные цели» отдельного индивида в диалоге с властью. Это предопределило качественное видоизменение системы представительства гражданских интересов, институционального дизайна, норм политической игры и других важнейших параметров публичной политики на Западе. Эти же процессы происходят и в России, хотя и по другим причинам. Устоявшийся социум с традиционной политической культурой рухнул. Общество атомизировалось, и вместо монолитных классов эпохи социализма возникло множество индивидов, представляющих массу, но не народ. Политические интересы заменились любопытством к политическим скандалам, политические надежды и политическая активность – разочарованием и неверием.

Итак, в современном политическом пространстве России явно обнаруживаются элементы постмодерна. Прежде всего в результате влияния западной политической культуры изменились характер поведения и цели власти. Кроме того что она стремительно увлеклась собственными, далекими от нужд народа, делами, она так же быстро стала осваивать западные технологии организации своего взаимодействия с электоратом. Приоритетными стали формы общения через различные средства массовой информации, в первую очередь электронные, что открыло новые возможности для применения технологий, трансформирующих публичные политические отношения.

Постмодернистская политика, как она представлена широким слоям потенциального электората посредством масс-медиа, имеет целью не обращение

к действительным интересам и нуждам граждан, не организацию диалога власти и общества, а создание желаемого имиджа, эмоционально-привлекательной «картинки», создающей благоприятный образ власти. Данная цель обеспечивается спецификой структур, сконструированных для взаимодействия с подвижными эмоционально-чувственными, культурно-релятивными мотивациями массового поведения граждан, прежде всего электронных СМИ, использующих лёгкий политический язык рекламы, PR-технологий и других методик. В политических отношениях (по крайней мере в области взаимоотношений власти и народа) складывается культура «игры», так любимой постмодернистами.

Несмотря на социально-экономическую неукорененность постиндустриализма в отечественном социуме, кросс-культурные связи с западным политическим миром достаточно четко проявляются в нашей стране. Реальная политика не может не ощущать этого и не реагировать на данный процесс. Это проявляется в том, что основной акцент усилий как правящего режима, так и оппозиционных структур неизбежно переносится на сознательное конструирование мотивирующих массовое поведение образов-имиджей. В результате вся политика начинает носить виртуальный характер и строится в основном на симулякрах, а не на действительных событиях и персонах. Никого уже не интересует реальный процесс формирования гражданского общества. В системе общественных отношений поощряется строительство не горизонтальных связей гражданского общества, а вертикальных отношений массового общества, а что, в свою очередь, предполагает уже не столько поиск наиболее действенных организационных структур демократии, сколько нахождение наиболее эффективных информационных технологий обеспечения связи власти с населением; не укрепление национальной государственности, а усиление позиций государства как одного из субъектов информационного рынка в борьбе с внешними и внутренними контрагентами; не конструирование идеологий, а совершенствование технологий для поддержания диалогических связей политических акторов и т.д. [6, с. 55].

Если представить власть в виде «черного ящика» Д. Истона [7, с. 71], то необходимо признать, что постмодернизм дает возможность «заглянуть» в этот «сосуд Пандоры». Речь идет даже не о «простых людях», для которых политика это «темный лес», «грязное дело» или «американское шоу», но о тех близких к политической жизни людях, которые ждали демократизации как представительства народа в органах власти, но которым постмодерн показал совершенно иное зрелище.

В постмодернистской парадигме политика получает вполне автономный статус: события, происходящие в ней, не отражают ни волю гражданского общества, ни волю высшего исторического разума или прогресса, а выступают как чистое и самоценное «производство власти» или «политическое производство». Чем больше власть отрывается от населения, тем на меньшую поддержку она может рассчитывать. Поэтому политика вообще не ориентируется на общество и повинуется лишь своим собственным законам и интересам.

Конечно, политические шоу организуются для народа. Однако настоящая

политика начинается там, где сталкиваются профессионалы, каждый из которых является держателем определенных властных ресурсов. Обладателями политических ресурсов являются профессиональные политики, политические консультанты, имиджмейкеры, влиятельные представители СМИ, руководители силовых ведомств, лидеры массовых организаций, представители бизнеса и региональной власти. Ныне значительно выросло влияние специалистов по политическим технологиям. Такой политической системе народ не нужен: не нужны его активность между выборами, не нужны и его проблемы. Профессиональные политтехнологи «работают» не с народом, а с электоратом. Им нужен электорат, причем один раз в два, четыре, пять или шесть лет.

Соответственно изменилось и отношение населения к политике. С одной стороны, оторванность власти и политического процесса от населения приводит к падению интереса людей к выборам любого уровня и росту голосования «против всех», неверию в результаты избирательных кампаний. С другой стороны, как отмечает Р. Инглхарт, в западном постмодернистском обществе политическая деятельность населения смещается с голосования на все более активные и более проблемно-специфицированные формы массового участия [8, с. 21–22]. Эти изменения травмирующим образом подействовали на традиционные политические механизмы индустриального общества, которые почти повсеместно разладились. Наибольшее же безразличие к власти, уход от политических проблем, негативное отношение к политике вообще демонстрирует молодое поколение, в том числе и в России.

После тотальной политизации всей общественной жизни в период советской власти неустойчивость и хаос перестройки породили массовую политическую апатию. У большинства молодежи произошла переориентация сознания с активно внедряемой в советское время позиции «Раньше думай о Родине, а потом о себе» на собственные интересы, которые зачастую определяются нормами, модой и стереотипами молодежных тусовок западного мира. Постмодерн вводит в политическое пространство культуру самоопределения индивида, не зависящего от классовых, национальных, религиозных, государственных традиций. Восприняв философию и политику модерна как подавление своей собственной самобытности чуждыми индивиду «общими» интересами, культура постмодерна вносит в сознание отношение к себе лично и другим индивидам как к единственной ценности, стоящей выше интересов каких-либо общностей.

Однако обретение свободы и независимости имеет и обратную сторону – повышение ответственности за себя, свои поступки и свое будущее. Напомним, что указанная свобода характеризовалась представителями экзистенциализма в таких терминах, как «заброшенность», «забота», иными словами, отсутствием надежды на какую-либо помощь извне. При наличии формальной свободы стартовые возможности оказались не у всех одинаковы. В силу этого интенсивно увеличивается дистанция между различными слоями населения: одни испытывают недовольство от пресыщения, а другие от безнадежности и неуверенности в себе и своем будущем. Скрываясь от безнадежности

и бессмысленности реальной жизни, многие (независимо от социальных различий) ушли в виртуальный мир сетевого общения и на первом этапе составили инертную в отношении политики массу. В целом такая ситуация вполне устраивала власти предрежащие.

Между тем существование «мировой сети» создало предпосылки для формирования принципиально нового сообщества и нового типа социальной, в том числе политической, активности. «Забытое поколение», сидевшее в социальных сетях, блогах, ЖЖ и чатах, обсудило все проблемы, обругало власть, еще не осознало свои политические интересы, но уже осознало свое несогласие с системой и потребовало перемен. По оценке фонда «Общественное мнение», около трети россиян считают, что после президентских выборов 2012 г. в стране произойдут значительные перемены, но половина – уверены, что очередные выборы на жизни страны особо не отразятся [9].

В России, как и во многих странах, наблюдается столкновение электоральных интересов слоев, живущих в разных временных системах. Часть общества продолжает существовать в рамках традиционной российской политической культуры. В ней, например, очень сильна такая черта, как уважение к государству, к общественным интересам, к судьбе страны. Она еще не скоро избавится от традиций патернализма в отношениях между государством и населением, от традиции неверия и недоверия органам власти, от традиции «вытаскивать» героев из национальной истории, исходя из современной политической необходимости.

Совершенно иная направленность свойственна молодым людям, рожденным в 1980–1990-х годах. Это поколение, прожившее всю свою жизнь в «эпоху перемен», забытое властью и упивающееся постмодернистской свободой, само вошло в публичную политику. Из «забытого» поколения эти люди на глазах превращаются в поколение перемен, электорат открытости, независимости и глобализации. Это новое поколение эпохи постмодерна.

Анализ современной политической ситуации в России дает основания говорить о том, что ней совершенно отчетливо обнаруживается столкновение «модерновой» «культуры телевизора» и «постмодерновой» «культуры Интернета». В рождении новых отношений между обществом и властью Интернет-демократия сталкивается с телевизионно управляемым манипулированием.

Библиографический список

1. Ирхин Ю.В. Проблемы постмодерна в политике // Материалы XVIII конгресса МАПН (Квебек), 8 января 2011. URL: www.imperativ.net/imp12/quebec.html
2. Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011. URL: www.polit.ru/article/2011/05/06/bauman/
3. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000.
4. Панарин А.С. Политология. М., 2000.
5. Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
6. Соловьёв А.М. Мега-тенденции российской политики // Власть. 2000. № 8.
7. Шарам П. Сравнительная политология: в 2 ч. М., 1992. Ч. 1.
8. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 21–22.
9. Мы ждем перемен? 9 февраля 2012. URL: <http://fom.ru/politika/10313>

K.V. Gusov
The Problems
of Conceptualization
of the "Separatism" Notion
in the Home Political Studies

Different approaches to the assessment of the "separatism" phenomenon are shown. The author's conceptualization of the notion is carried out.

Key words and word-combinations: separatism, the state, the territory, the desire to unite.

Показаны различные подходы к оценке явления «сепаратизм». Производится авторская концептуализация понятия.

Ключевые слова и словосочетания: сепаратизм, государство, территория, стремление к отделению.

УДК 323.1
ББК 66.094

К.В. Гусов

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «СЕПАРАТИЗМ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Как политическое явление сепаратизм представляет собой серьезную угрозу как для России, так и для множества других стран и территорий мира. Современные глобализационные процессы, углубляя взаимозависимость стран и территорий мира, придают ему дополнительную значимость.

Однако сепаратизм не является гомогенным явлением. Сепаратистские проявления обладают уникальным сочетанием коэффициентов по таким показателям, как временная и территориальная протяженность, географическое положение и геополитическое окружение, абсолютная и удельная численность участников, легитимационная идеологическая платформа. Несомненно, такая пестрота свойств казуально дифференцированных проявлений серьезно препятствует выработке бесспорных критериев для их квалификации как сепаратистских или несепаратистских. Кроме того, помимо объективной сложности анализа, перед сообществом исследователей сепаратизма существуют серьезные ограничения субъективного характера. Сепаратизм – явление, имеющее имманентно конфликтную природу. Редкий исследователь способен объективно оценивать конфликт, то есть нейтрально в ценностном отношении воспринимать разыгрывающиеся события и поведение его участников.

Российской политической наукой пока еще

не достигнут удовлетворительный консенсус по поводу определения термина «сепаратизм». В современной научной литературе мало исследований, посвященных компаративному и сущностному анализу сложившегося в науке спектра дефиниций сепаратизма. Между тем данная задача представляется тем более важной, чем более близки и схожи позиции различных авторов по данному вопросу.

В научной литературе присутствует достаточное разнообразие определений искомого понятия, расставляющих существенно различные акценты. К тому же в отечественной литературе сепаратизм отнюдь не сразу обрел свое современное понимание. Энциклопедические издания позволяют проследить динамику смены трактовочных доминант в толковании термина «сепаратизм».

Во второй половине XIX в. сепаратизм воспринимался как одно из проявлений религиозного схизматизма – «духа отщепенства в делах веры» [1, с. 28]. Однако уже через сравнительно небольшой промежуток времени более употребимым становится отнесение сепаратизма к сфере политических явлений: сепаратизм стал трактоваться как стремление к достижению областью государства или политическим движением автономии или полной политической самостоятельности.

В советские годы внимание сепаратизму уделялось в связи с исследованиями проблем национализма и межнациональных отношений. Это была одна из тех областей советской науки, на которые господствующая идеология влияла наиболее активно. Но в работах того времени сепаратизм определялся весьма узко и аксиоматично, что нанесло серьезный ущерб научности его анализа. Авторы первого и второго изданий Большой советской энциклопедии [2, с. 822; 3, с. 530] единодушно относят явление сепаратизма к многонациональным государствам капиталистического типа. Последнее, третье издание БСЭ [4] вовсе не содержало статьи о сепаратизме.

Новый всплеск внимания к сепаратизму совпал со временем его фактического развития в Советском Союзе и на постсоветском пространстве. Отечественная наука стала отходить от вполне обоснованных идеологически, но мало полезных в практическом отношении взглядов на сепаратизм как антипод национально-освободительного движения и узкобуржуазный феномен. Хотя еще в 1999 г. подчеркивалось, что сепаратизм «обычно не отвечает коренным интересам трудящихся и выражает эгоистические интересы узких слоев населения» [5, с. 382], сепаратизм стал все более определяться просто как политика, направленная на обособление части государства от государства.

В более сложном варианте под сепаратизмом подразумевается «явление, отражающее и реализующее идейно-политические потребности различных социальных групп населения государства в реализации «инаковости» и обособления от исторически сложившейся социально-политической общности на основе осознания ими невозможности совместного сосуществования в рамках единой государственности с целью создания отдельного государственно оформленного образования» [6, с. 50]. В такой трактовке сепаратизмом можно считать осознание и осуществление внутригосударственной социальной группой такой политической ориентации, которая направлена на смену пре-

жного статуса группы, включающего ее в государство на правах части, новым статусом, подразумевающим отдельное существование. Иными словами, сепаратизм выступает как идеология и практика такой группы. При этом сепаратизм отделяется от таких явлений, как автономизм (различие в степени достигаемой самостоятельности), автаркизация (политическому обособлению предшествует экономическое), регионализм (это не обособление, а уточнение баланса между центром и регионом), этнический унитаризм (акцент на интеграции национально идентифицированных общностей), сецессия (обособлению группы не существует альтернативы), ирредентизм (ему присущи цель присоединения к другому государству и внешнеполитическая экспансия последнего) [6, с. 51–52].

Предлагаемое разграничение сложно принять в силу того, что основным критерием служит наличие уникальных признаков не у определяемого понятия «сепаратизм», а у отграничиваемых понятий. Прямого ответа на вопрос, включает ли объем понятия «сепаратизм» хотя бы один признак, которого не было бы у остальных терминов, не дается. Между тем этот вопрос является более чем обоснованным, так как без ответа на него можно допускать, что сепаратизм является не отличным от других терминов, а родовым для них понятием.

Сепаратистов нельзя считать социальными группами, которые осознают невозможность дальнейшего совместного сосуществования. Сопоставление результатов референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 г., где 76% населения страны высказались за сохранение союзного государства, и последовавшего менее чем через год Беловежского соглашения о демонтаже Союза ССР ярко демонстрирует, что практический сепаратизм не всегда коррелирует с осознанием своей целесообразности.

Наконец, не вполне логичным выглядит разграничение сепаратизма и автономизации при признании целью сепаратистов «создания отдельного государственного образования». На наш взгляд, в ряде случаев автономизация части территории государства может выступать одним из этапов стремления к созданию отдельного государства.

В целом рассматриваемое определение представляется чрезмерно узким и слабо связанным со смежными понятиями, которые объединены в общей группе проявлений политической «дезинтеграции». Узость понимания рассматриваемой дефиниции выводит сепаратизм из общего ряда его определений в политической науке, в целом схожих и различающихся лишь акцентуально. Кроме того, представляется аналитически непродуктивным объединять сепаратизм и сопутствующие ему понятия в рамках политической дезинтеграции. Политическая дезинтеграция – термин, который описывает, скорее, свой собственный результат – ослабление связей и иерархии внутри политического целого, тогда как для полноценного, то есть практически применимого, политологического анализа тех или иных ситуаций требуется в первую очередь описание причин, каковому условию в большей мере отвечает понятие сепаратизма, а не дезинтеграции.

Более системным выглядит иное определение сепаратизма: «Феномен, раз-

вивающийся в процессе конфликтного взаимодействия между регионом в составе государственного образования, целями которого выступают сепаратизм, ирредентизм или политическая автономизация, и центральной властью государственного образования, чьей задачей является сохранение политического суверенитета и территориальной целостности» [1, с. 39]. В данном случае сепаратизм – явление, которое сопровождает конфликт между регионом, стремящимся к политическому обособлению, и государственным образованием, стремящимся не допустить такого обособления. В целом можно сделать вывод, что это определение включает в себя более широкий круг случаев, ибо оно основано на объективном признаке свойства субъекта конфликта (включенность в конфликтную ситуацию), а не на субъективном признаке преследуемой им цели (самостоятельный государственный статус).

Однако такая трактовка не дает ясного ответа на вопрос о том, к какому родовому понятию можно причислить сепаратизм, то есть разновидностью чего он является. Исходя из авторского определения, этим термином можно обозначить и политическое движение, и политическую идеологию, и даже, строго говоря, сам образовавшийся политический или – шире – социальный конфликт. Отметим также, что равным образом под такое определение подпадает также и встречно направленный процесс – централизация.

Приведенные трактовки являют собой примеры исследовательского внимания к поведению и субъективным позициям участников ситуации, в которой констатируется факт сепаратизма. В отличие от них, следующая трактовка имеет внешний по отношению к участникам ситуации – региону и центральной власти – характер и по преимуществу основывается на факторе их международной легитимности: сепаратистскими предлагается считать факты стремления к отделению или самого отделения, право на которые не является общепризнанным [7, с. 44].

Однако это определение также не представляется удовлетворительным, ибо в мировой практике не существует принятого всеми и не допускающего расширительных толкований реестра территорий, чьи притязания на самостоятельность общепризнанны или, напротив, отвергаемы. Более того, ряд международных правил запрещает признавать законными конфликтные движения десоверенизирующего характера. Таков, например, принцип территориальной целостности, провозглашенный Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.).

Данный международно-правовой принцип слабо разработан практически и применяется ситуативно. На это указывает, в частности, преимущественное признание мировым сообществом Косовской автономии и непризнание Южной Осетии и Абхазии. В отдельных случаях, как, например, в случае с Турецкой Республикой Северного Кипра, в какой-то степени можно говорить о какой-то ясности, поскольку это государство признано одной Турцией и мотивы этого признания далеки от нейтральных. Что касается Косова, то оно признано почти половиной стран – членов Организации Объединенных Наций, в том числе тремя из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Логично предположить, что исследователи должны разделить (как это, собственно,

и случилось) на две группы в зависимости от того, считают ли они законным, вслед за той или другой половиной государств мира, право Косовской автономии на отделение или отрицают его.

Данные соображения свидетельствуют о неполной проработанности такого критерия различения сепаратизма, как международное признание обособления региона.

Наконец, приведем еще одно определение сепаратизма, которое, на наш взгляд, весьма адекватно отражает сущность этого явления: «Сепаратизм – политическая идеология и практика, направленные на отделение части страны от единого государства и обретение ею политической самостоятельности» [8, с. 368]. Эта дефиниция видится нам, пожалуй, наиболее удачной из рассмотренных, ибо в сжатом виде излагает все сущностные характеристики сепаратизма. Однако сжатость изложения, на наш взгляд, обусловила отсутствие того существенно важного уточнения, которое касается четкого определения субъекта сепаратизма. Так, если подходить формально, то есть не пользоваться допущениями из разряда само собой разумеющихся, то, согласно анализируемому определению, сепаратизмом будут и действия центральной власти, намеренно наделяющей суверенитетом часть своей территории.

Ситуация, когда руководство государства сознательно идет на уменьшение собственной территории, не так уж невероятна, как кажется на первый взгляд. В мировой политической истории немало случаев сознательного отторжения государствами своих территорий в связи с какими-либо нерешенными или неразрешимыми трудностями. Примером может служить политика «превентивной деколонизации» [9, с. 172], которую осуществила Франция в отношении своей колониальной империи во второй половине XX века. Существование подобных случаев, на наш взгляд, требует при определении сепаратизма уточнять, какие именно субъекты могут признаваться сепаратистскими.

Ввиду отсутствия общепринятого и детально разработанного понимания термина «сепаратизм» представляется уместным предложить собственное определение. На наш взгляд, сепаратизмом можно считать **действия и настроения части населения государства, направленные на получение большего суверенитета в вопросах своей жизнедеятельности и (или) идентичности**. В такой формулировке суммированы и систематизированы результаты анализа рассмотренных дефиниций сепаратизма, устранены выявленные в них проблемные и спорные моменты.

Во-первых, используются родовые понятия «действие» и «настроение», позволяющие причислить сепаратизм к некоторому классу явлений и тем самым дополнительно проясняющие его сущность. Таковое, как отмечалось, отсутствует в определениях других авторов. Так, предложенные родовые понятия «феномен» и «явление» явно не дают понимания сущностной природы сепаратизма: является ли он актом, процессом, идеей, событием или чем-то еще. Более сущностным является определение сепаратизма как «факта стремления», однако эта трактовка имеет чрезмерно событийный, фактологичный фокус. С этим трудно согласиться, поскольку при изучении сепаратизма

аналитически некорректно отделять факты сепаратистского поведения от сознания его субъектов.

Многогранное явление сепаратизма представляет собой общий процесс устремленности на одни и те же цели, который объективно выражается в действиях, риторике, идеях, умонастроениях и даже в мировоззрении сепаратистских групп. Все эти элементы равноправно существуют и сосуществуют в структуре феномена сепаратизма и активно взаимодействуют друг с другом. Можно ли представить себе возникновение сепаратистского движения без объединяющей его оригинальной идейной платформы? Нет, как невозможно и появление новых идеологов в отрыве от контекста происходящих в обществе событий. Отсюда следует, что такую связь практики и идей нужно и характеризовать интегрально, единым термином «сепаратизм».

Во-вторых, предлагаемым определением подчеркнута роль суверенитета сепаратистской общности в вопросах идентичности. Частой целью и обязательным признаком любого сепаратистского движения выступает «инаковость» [6, с. 50] сепаратистских общностей. Речь идет о риторическом провозглашении сепаратистской общностью собственной уникальности, таких своих качеств, которых нет ни у кого в мире или хотя бы нет у ее окружения. Эти идентифицирующие конструкции могут быть весьма субъективными и исторически некорректными, но присутствие их непременно. Стоит обратить внимание на то, что в своих методах интеграции обособляющихся сообществ сепаратизм весьма схож с национализмом.

В-третьих, формулировкой «получение большего суверенитета» в предложенном нами определении сепаратизма смягчены чрезмерно сецессионистские акценты многих авторов, предполагающие непременно обретение сепаратистским регионом полноправного государственного статуса. Необходимо иметь в виду, что значительная часть сепаратистских конфликтов протекает в мирных рамках поиска оптимальной формы имеющегося государственного устройства, ибо в случае сецессии сепаратистам пришлось бы самим и заново воссоздавать сложившиеся экономические, социальные или оборонные реалии. Помимо этого, уход от однозначно сецессионистского понимания сепаратизма позволяет обобщить в рамках одного понятия «сепаратизм» другие факты, имеющие сходную природу: автономизацию, сецессию, ирредентизм и другие. В предлагаемом нами определении они объединяются не субъективной телеологической характеристикой (целью), а при помощи хотя бы одного объективного критерия (действий).

Систематизация существующих в российской политической науке трактовки сепаратизма направлена на решение вопросов, которые имеют не только теоретико-методологическое, но и сугубо практическое значение. Авторский субъективизм, которого сложно избежать исследователям сепаратизма, вкупе с избалованностью всеобщим вниманием, делает сепаратизм, подобно демократии, одним из самых репрезентативных участников той группы «незадачливых» (а может, и везучих) понятий, которые почти невозможно определить сколько-нибудь широким консенсусом. Конечно, под таким консенсусом нельзя подразумевать единое для всех понимание сепаратизма. Но и похва-

литься таким разбросом, причем не просто в акцентах, а в сущностных чертах, способно небольшое число понятий политической науки. В связи с этим, как кажется, обозначенные нами проблемы существующих точек зрения, обобщенные в авторской дефиниции сепаратизма, требуют более подробного анализа, а работа отечественных авторов по концептуализации сепаратизма нуждается в дальнейшем продолжении.

Библиографический список

1. *Домарева М.А.* Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
2. Большая советская энциклопедия. 1-е изд. / под ред. К.Е. Ворошилова [и др.]. М., 1944. Т. 50.
3. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. / гл. ред. Б.А. Вознесенский. М., 1955. Т. 38.
4. Большая советская энциклопедия: в 30 т. М., 1969–1978.
5. *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999.
6. *Бочарников И.В.* Противодействие сепаратизму: теоретико-политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009.
7. *Остроухов Н.В.* Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.
8. *Тишков В.А., Шабает Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М., 2011.
9. *Черкасов П.П.* Судьба империи: очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983.

**T.V. Milusheva,
Yu.A. Podgornaya**
**The Principle of Legality in the
Context of Legal Limits on Power**

The role of the principle of legality in setting the limits of state power is assessed. The legitimacy of power is associated with the legal nature of the state.

Key words and word-combinations:
law, legality, legal limit, state power.

Оценивается роль принципа законности в установлении пределов государственной власти. Легитимность власти связывается с правовым характером государства.

Ключевые слова и словосочетания:
право, законность, правовое ограничение, государственная власть.

УДК 340.1:351.9
ББК 67.0+67.401.06

**Т.В. Милушева,
Ю.А. Подгорная**

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ВЛАСТИ

Эффективное функционирование государственной власти обеспечивается, во-первых, законодательным закреплением правовых пределов ее деятельности, а во-вторых, неукоснительным соблюдением властью установленных в ее отношении правовых ограничений. Принцип связанности власти правом (правового ограничения государственной власти, самоограничения) является одним из основополагающих в организации современного демократического государства, но он выступает лишь элементом, одним из аспектов проявления более фундаментального и общего принципа законности.

Суть законности применительно к власти (в узком смысле) сводится к тому, что право представляет собой одновременно основу и «ограничитель» любых действий государства [1, с. 19]. Однако законность в действиях власти воспроизводит законность в обществе. Вектор воздействия законности, следовательно, направлен и на власть, и на общество. Для утверждения в обществе законности

необходимо прежде всего, чтобы закон строго исполнялся самой государственной властью. Законность, с одной стороны, составляет основную силу государственной власти, ориентируя общество на добровольное исполнение ее велений, а с другой – ставит государственную власть перед необходимостью ограничивать себя в своих действиях, поскольку «главным препятствием для развития чувства законности является деспотическая, неограниченная государственная власть» [2, с. 266].

Возникновение и развитие категории «законность» связано с необходимостью легализации и легитимации деятельности политической власти как условия ее самосохранения. В силу этого законность отражает устремления различных правящих элит, которые, сменяя друг друга, придают категории законности нужное, с их точки зрения, нередко конъюнктурное содержание и направленность, используют ее в своих целях.

Несмотря на то что проблемы законности всегда были в центре внимания юридической науки, до настоящего времени отсутствует общепризнанное определение данной категории. Нет также единства методологических подходов к разработке проблемы. Разброс мнений объясняется тем, что рассматриваемое явление сильно политизировано и идеологизировано.

В советской науке сложилось представление о законности как об особом режиме общественной жизни, выражающемся в конечном счете в правомерном поведении всех субъектов общественных отношений. Иными словами, в традиционной трактовке все субъекты права признавались и субъектами законности. Однако позиции, согласно которой «законность едина, и она одинаково обязательная для всех – и для органов власти, и для граждан» [3, с. 112], противопоставлялась аргументация, что «при таком подходе нивелируется повышенная опасность нарушения закона со стороны должностного лица с опасностью нарушения закона, совершаемого гражданином» [4, с. 7]. Следовательно, уже в советской науке осознавалась неравнозначность фактического применения принципа законности к личности и государству.

Компромиссом стало предложение использовать категорию «законность» в широком и узком значении. В широком смысле под законностью понимался требуемый государством образ поведения населения, который состоял в безусловном соблюдении изданных государством законов (и подзаконных актов) всеми лицами (гражданами) и организациями. В этом аспекте законность выступает как принцип должного поведения всего населения и представляет собой антипод неправомерному поведению вообще. В узком смысле законность обозначали как принцип деятельности государственного аппарата, заключающийся в том, что «все органы государства осуществляют свои властные функции в строгих рамках закона, соблюдая неукоснительно права граждан и их общественных организаций. В этом значении законность выступает в качестве антипода злоупотребления властью и субъективизма при осуществлении властных функций государственного управления, а также следственных и судебных функций» [5, с. 406].

Приведенные определения далеко не исчерпывают все аспекты разработки проблемы законности в советский период, но достаточно четко дают представление об общих тенденциях ее исследования. Несмотря на разный ракурс раскрытия (принцип, метод, режим), содержательно законность сводилась к неукоснительному соблюдению законов всеми субъектами.

В годы перестройки «термин «законность» надолго исчез из лексикона руководителей государства, тема законности деликатно замалчивалась, ибо сама власть грубо и постоянно нарушала... законы и законность» [6, с. 173]. В то же время законность осознается и влияет на поведение граждан и должностных лиц лишь при наличии ряда условий, к числу которых можно отнести полноту законодательного урегулирования общественных отношений; стабильность основных правовых институтов; действенность правовых гарантий; равное отношение при применении закона к любому человеку; неотвратимость государственного реагирования на любое правонарушение [7, с. 9]. Одна из основ поддержания законности – требование личной (персональной) ответственности каждого должностного лица, государственного служащего и гражданина за нарушение закона [8, с. 14].

Современные российские юристы в большинстве своем базируются на ставшем классическим определении законности: под законностью понимается «неуклонное исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями» [9, с. 101]. Тем не менее ученые-правоведы понимают односторонность, ограниченность и даже ущербность такого понимания законности [10, с. 157; 11, с. 426].

В контексте исследуемой проблематики неизбежно возникает вопрос об объеме правовых норм, подлежащих неукоснительной реализации, то есть о количественной стороне законности. Вторая принципиальная проблема непосредственно связана с вопросами качества закона. При этом важно, чтобы закон отражал объективные реалии времени. Чрезмерная или неуместная прогрессивность законов чаще всего работает против законности, так как этим законам не корреспондируют наличные социально-экономические отношения и невозможно обеспечить реализацию соответствующих норм [12, с. 11]. Если же законодателью удастся правильно познать и отразить в законе объективно назревшие в обществе потребности и интересы людей, то материальный источник реализации такого закона будет заложен в нем самом и по характеру реализации он будет приближен к действию естественных законов. Соответственно, такой закон отвечает требованиям и законности, и справедливости.

Таким образом, понятие законности должно распространяться не только на сферу реализации законов, но и на сферу их создания, то есть на законотворчество, а шире – на все правотворчество, ибо происходящие процессы также подвержены оценке с позиций идей законности и нравственности.

Юридическая практика во всем ее многообразии (правотворчество, толкование и все формы реализации права) свидетельствует, что довольно часто формально-юридический режим строгого соблюдения правовых норм приходит в противоречие с общественным мнением, идеалами свободы, демократии, нравственности и справедливости [13, с. 12]. Неизбежно встает вопрос о легитимности самой законности. Он связан с пониманием сущности права и решается в соответствии с концептуальным видением сферы и пределов требований, которые может устанавливать государственная власть в форме юридических предписаний.

В последнее время идея «правового закона», через которую, по мнению некоторых ученых, необходимо раскрывать принцип законности, стала весьма популярной в юридической литературе. Ее даже определяют как «новую пара-

дигму законности» [14, с. 122–124], воплощающую в себе стремление современной российской юриспруденции найти новые методологические основы исследования права, отказаться от устаревших позитивистских трактовок права и закона [15, с. 530]. Введение категории «правозаконность» необходимо именно в иллюстративном плане – чтобы показать отличие законодательства в демократическом государстве, признающем авторитет и стабильность закона, от законодательства тоталитарных режимов, меняющегося в зависимости от конкретной ситуации [16, с. 56]. Желаемым вариантом представляется ситуация, когда высокие идеи справедливости, нравственности, свободы, гуманизма находят адекватное воплощение в демократических законах, которые принято называть правовыми, то есть когда право и закон не расходятся. В принципе они и не должны расходиться, ведь закон – форма выражения права, а форма и содержание любого явления неразрывны.

Актуальным представляется требование к правотворцам выработать критерии, на основе которых будет обеспечено высокое качество законов, их социальная оправданность и в конечном счете легитимность. В качестве социальных критериев должны выступать интересы личности, общества, государства, согласованные между собой и с доктриной национальной безопасности; национальные и культурные особенности, фундаментальные ценности, уклад жизни общества, его социальные потребности, мораль, религия, нормы обычного права. Специально-юридические критерии определены российской Конституцией (например, процедура законотворчества, нормы об ограничении прав человека).

Законность выступает в числе основных принципов процесса не только создания, но и применения права. Требование соблюдения закона в правоприменительной деятельности – это следование букве и духу закона, который применяется; действие правоприменительных органов и должностных лиц в рамках предоставленных им полномочий; строгое и неуклонное соблюдение установленной процедуры; принятие в результате правоприменительной деятельности юридических актов установленной формы.

В ходе правотворческой и правоприменительной деятельности возникает необходимость юридического закрепления и реализации ограничений властных субъектов в отношении самих себя (в частности, норм об обязанностях, юридической ответственности). Этот вопрос является весьма деликатным. Только наличие высокого уровня правосознания и правовой культуры, чувства законности, личностных моральных качеств, имеющих значение категорического императива, неусыпное «око» гражданского общества может гарантировать целостное нормативное оформление правового режима ограничения сферы властеотношений и реализацию его в практической публичной деятельности. Это во многом зависит от самой власти.

Соотнося законность и ограничение деятельности государственной власти, можно указать, что эти категории разнопорядковые. Законность – категория более масштабная, она объемлет все виды юридической деятельности, законосообразное поведение всех субъектов организационных и правовых отношений. Законность, с одной стороны, ограничивает государственную власть, устанавливая с помощью юридических норм пределы ее действий (негативный аспект законности), а с другой – с помощью юридических норм организует

механизм государства (позитивный аспект законности). Ограничение государственной власти гораздо уже и затрагивает организацию и функционирование лишь публичной сферы. Феномен ограничения государственной власти необходимо рассматривать как принцип деятельности государственной власти, метод воздействия на властотношения, а также режим функционирования государства, состояние юридической правомерности, складывающихся в сфере реализации властных полномочий.

Несмотря на отличия, законность и ограничение деятельности государственной власти все же категории взаимосвязанные. Утверждение законности как принципа, метода, режима деятельности публичной власти осуществляется в том числе с помощью системы социальных и юридических ограничений публичной власти, находящихся в системном единстве с законностью. Ограничение и законность непосредственно отражаются в политико-правовом режиме функционирования власти, то есть определяют уровень и характер ее легитимности.

Дальнейшее развитие теории и практики российской законности должно осуществляться не по пути ее внешнего «украшательства», выражающегося в соединении терминов «право» и «законность», а в направлении поиска средств и способов обеспечения ее действительной легитимности посредством ориентации режима правомерного поведения всех субъектов правовых отношений на общепризнанные идеалы свободы, равенства и справедливости.

Библиографический список

1. *Шафхаузер Р., Эжитайн К., Вершинин С.* Как упорядочить отношения гражданина и чиновника? Административные процедуры на примере законодательства Швейцарии. М., 2000.
2. *Коркунов Н.М.* Власть и право // Лекции по общей теории права: в 4 кн. М., 1914. Кн. 3: Общественные условия развития права.
3. *Строгович М.С.* Избранные труды: в 3 т. / отв. ред. М.С. Братусь. М., 1990. Т.1 : Проблемы общей теории права.
4. *Чхиквадзе В.М.* Социалистическая законность в СССР: докл. на конф. Междунар. ассоциации юрид. наук в Варшаве. М., 1958.
5. Теория государства и права / под общ. ред. Н.Г. Александрова. М., 1974.
6. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.
7. *Кудрявцев В.Н.* Законность: содержание и современное состояние // Журнал российского права. 1998. № 1.
8. *Овсянко Д.М.* Административное право / под ред. Г.А. Туманова. М., 1997.
9. Юридический энциклопедический словарь / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2008.
10. *Бахрах Д.Н.* Административное право: учебник для вузов и юрид. факультетов. М., 1993.
11. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
12. *Синюков В.Н.* Исполнение законов («круглый стол») // Советское государство и право. 1991. № 7.
13. *Вопленко Н.Н.* Законность и легитимность // Новая правовая мысль. 2003. № 1.
14. *Вахитова Р.Р.* Прокуратура в механизме государства (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.
15. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 1999.
16. *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М., 1992.

I.A. Durnova
People as a Subject
of Constitutional System
Foundations Protection

The mechanism of constitutional system foundations protection by citizens, their associations, and by the Russian Federation people as a whole is studied. Peculiarities of functioning of the mechanism at the individual, group, and general levels are shown.

Key words and word-combinations: foundations of the constitutional system, the mechanism of protection, guarding, citizens, public associations, the people, direct democracy.

Исследуется механизм защиты основ конституционного строя гражданами, их объединениями и народом Российской Федерации в целом. Показаны особенности функционирования такого механизма на индивидуальном, групповом и общем уровнях.

Ключевые слова и словосочетания: основы конституционного строя, механизм защиты, охрана, граждане, общественные объединения, народ, прямая демократия.

УДК 342.4
 ББК 67.400.2

И.А. Дурнова

НАРОД КАК СУБЪЕКТ ЗАЩИТЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Основы конституционного строя, закрепленные в первой главе Конституции Российской Федерации, – это основополагающие принципы организации государства и общества. Обязанность по их защите традиционно возлагается на государство и его органы. Однако, как показывает практика, должностные лица сами зачастую представляют непосредственную и реальную угрозу конституционному строю. Отсутствие действенных норм и процедур, ограничивающих власть и злоупотребление властью, привели к стремительному нарастанию недовольства рядовых граждан.

Многотысячные митинги, прошедшие в Москве и других городах после выборов в Государственную Думу 4 декабря 2011 г., стали толчком, стоит надеяться, для будущей либерализации законодательства в политической сфере, о чем в своем Послании Федеральному Собранию 22 декабря 2011 г. заявил Президент РФ Д.А. Медведев [1]. Эти изменения должны исправить ситуацию, когда вопреки принципу народовластия, закрепленному в Конституции, сужались институты прямой демократии [2, с. 47], а формально обладающий всей полнотой власти народ России старательно вытеснялся за рамки политической системы [3, с. 12].

В конституциях других стран закреплены гарантии, обеспечивающие народу право самостоятельно защищать конституционный строй государства. Так, Основной Закон Федеральной Республики Германия в целях защиты действующего конституционного строя в абз. 4 ст. 20 предоставляет всем гражданам

право оказывать сопротивление каждому, кто предпримет действия, направленные на ликвидацию конституционного строя, если невозможно иное устранение таких действий [4, с. 307].

Исходя из изложенного, считаем возможным поставить вопрос о выполнении народом функции защиты основ конституционного строя. На наш взгляд, целесообразно выделить три уровня защиты основ конституционного строя гражданами: общий, групповой и индивидуальный, каждый из которых имеет собственное правовое регулирование и особенности.

На общем уровне народ, выступающий как избирательный корпус, принимает участие в выборах Президента, Государственной Думы, других выборах и референдумах. Возможности защиты основ конституционного строя на этом уровне, с одной стороны, бесконечно большие, а с другой – ограничены формальными рамками закона.

Всероссийский референдум является высшим непосредственным выражением воли народа. На него могут выноситься любые вопросы государственного значения, но с ограничениями, установленными в ч. 5 ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [5]. В 2008 г. в этот Закон были внесены изменения, в соответствии с которыми на референдум нельзя выносить вопросы, отнесенные Конституцией, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти. Это положение дает основания для весьма расширительного толкования, а соответственно и для ограничения народовластия в России: не народ становится источником власти, а законодательный орган оказывается источником власти народа, поскольку именно он определяет, что народу можно, а что нельзя решать на референдуме [6].

Выборы при соблюдении основополагающих принципов, в первую очередь при достоверности их результатов, являются показателем одобрения или неодобрения деятельности действующей власти, позволяют определять волю народа и в дальнейшем следовать ей. В настоящее время излишняя детализированность избирательного законодательства и предъявляемые к политическим партиям и / или кандидатам требования позволяют «устранить» из предвыборной гонки любого неугодного участника.

Помимо выборов и референдумов, на местном уровне возможно осуществление и других демократических институтов, таких, как голосование по отзыву депутата, сход граждан, правотворческая инициатива, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, опросы. Защита основ конституционного строя на уровне муниципальных образований по масштабам приближается к защите основ конституционного строя на групповом уровне.

Защита на групповом уровне осуществляется путем объединения граждан в различные группы «по интересам». Более устойчивые группы самоорганизуются и осуществляют свою деятельность через общественные объединения. Общественные объединения обладают нераскрытым потенциалом, который может позволить гражданам шире участвовать в управлении делами общества и государства.

Случается, что государство создает определенные препятствия для деятельности общественных организаций. К примеру, после принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [7] государственным орга-

нам было позволено приостанавливать деятельность организаций (или политических партий), члены которых занимаются экстремистской деятельностью (ст. 10). При этом правоохранительные органы имеют широкие возможности для интерпретации того, какую деятельность следует считать «экстремистской». В обществе даже появился термин «неправомерный антиэкстремизм», которым обозначаются действия государства и общественных групп, предпринимаемые в рамках противодействия агрессивному национализму или иным формам неприемлемого радикализма, но фактически направленные преимущественно на неправомерное ограничение гражданских свобод или даже прямо попирающие гражданские свободы [8]. Ярким примером стало заявление руководителя Управления Федеральной службы безопасности Республики Коми о том, что некоммерческая организация «Голос», с 2000 г. занимающаяся независимым наблюдением за выборами и защитой прав избирателей, является «действующей в республике организацией экстремистской направленности» [9].

Помимо участия в работе общественных объединений, закон предоставляет гражданам возможность встать на защиту основ конституционного строя путем участия в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях. Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [10] в целом установлен уведомительный порядок проведения публичных мероприятий. Однако Закон имеет лазейку, позволяющую властям не допустить проведения публичного мероприятия, запретить которое они формально не могут. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 5 указанного Закона организатор публичного мероприятия не вправе проводить его, если с соответствующим органом власти не было согласовано изменение по их мотивированному предложению места и (или) времени проведения этого мероприятия. Наличие такого положения приводит к тому, что любые разногласия решаются в пользу государственных органов, что не в полной мере согласуется с уведомительным порядком проведения публичных мероприятий [11].

Данная норма была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который установил, что положение, предусматривающее правомочие органа публичной власти сделать мотивированное предложение об изменении места и (или) времени его проведения, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявителей [12]. С этой позицией не согласился лишь судья А.Л. Кононов, который указал, что в этой ситуации суд уклонился от обязанности защиты Конституции, хотя оспариваемая норма провоцирует повсеместные и массовые нарушения свободы мирных собраний. Считаем, что законодателю необходимо установить такие нормы, которые обеспечат действительно уведомительный порядок проведения публичных мероприятий. Представители власти должны иметь возможность влиять на проведение публичного мероприятия только в том случае, если его проведение угрожает общественному порядку или безопасности.

Наряду с правом на собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования граждане обладают правом на коллективные обращения в органы государственной и муниципальной власти, которые способствуют усилению контроля народа за деятельностью органов власти, борьбе с бюрократизмом, волокитой и другими недостатками в их работе. К сожалению, в России государственные и муниципальные служащие часто не разрешают жалобы и заявления

граждан по существу или допускают нарушения установленного 30-дневного срока для рассмотрения обращений.

В июле 2011 г. Кодекс об административных правонарушениях был дополнен статьей 5.59, устанавливающей ответственность в виде административного штрафа в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей за нарушение установленного законодательством порядка рассмотрения обращений граждан должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления [13]. В связи с незначительным количеством времени, прошедшего с момента принятия поправок, практика привлечения чиновников к ответственности незначительна, хотя такие примеры есть. Надеемся, что установление административной ответственности положительно скажется на обеспечении права граждан на обращения.

Большую роль в интеграции и коммуникации социально и политически активных граждан играет Интернет. Интернет активно используется для обсуждения актуальных политических проблем, организации массовых публичных мероприятий, выражения протестных мнений. На наших глазах формируется большая группа граждан (в основном беспартийных), которая недовольна нынешней властью и хотела бы ее изменить. Интернет-активисты из разных регионов, разных профессий и возрастов, чаще всего не являющиеся сторонниками конкретных партий, на добровольных началах участвуют в выборах в качестве наблюдателей и выходят на улицы, объединенные единой целью.

Осознание гражданином того, что его голос и его действие может оказывать влияние на реализацию основополагающих конституционных принципов, позволяет говорить и об *индивидуальном уровне* защиты основ конституционного строя.

Отдельные граждане могут устраивать одиночные пикеты, которые в Российской Федерации в последнее время получили широкое распространение, поскольку их проведение не требует подачи уведомления и соответственно не может быть запрещено. Граждане активно используют свое право на индивидуальные обращения в органы власти, а также в суды, количество которых растет год от года. Так, по делам, вытекающим из публичных правоотношений, в первом полугодии 2011 г. рост количества заявлений в российские суды составил 156% по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. [14]. Следовательно, граждане стали активнее защищать свои права от действий (бездействий) органов и должностных лиц, а административные процедуры, как правило, не приводят к решению возникающих проблем.

В настоящее время только индивидуальный уровень защиты основ конституционного строя используется гражданами в достаточном объеме, в то время как групповой и общий уровни остаются практически нереализованным, хотя именно они должны составлять основу механизма защиты основ конституционного строя от посягательств со стороны государства и его органов.

Важным аспектом в улучшении качества защиты основ конституционного строя является дальнейшее повышение уровня правовых знаний населения, в том числе знаний об основах конституционного строя. Приобретая знания об основах конституционного строя, гражданин получает надежные критерии, благодаря которым он может давать верную оценку нормативно-правовым актам и действиям должностных лиц. В тех случаях, когда в законах отсутствуют необходимые нормы

или они противоречат Конституции, гражданин вправе реализовывать свои права, руководствуясь положениями Конституции, ибо принцип их прямого действия непосредственно закреплён в первой главе действующего Основного Закона [15].

Народ должен использовать все имеющиеся в его распоряжении законные средства для защиты основ конституционного строя от посягательств со стороны государственных органов и должностных лиц, а возрождение конституционного движения в России может способствовать упрочнению российского конституционного строя [16, с. 16]. Несмотря на все попытки отстранить народ от непосредственного участия в политической жизни страны, действующее законодательство закрепляет довольно широкий перечень прав, позволяющих «рядовым» гражданам оказывать влияние на реализацию основ конституционного строя. В ближайшее время необходимо разработать механизм, который обеспечит реальное участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства и предоставит им возможность защищать основы конституционного строя.

Библиографический список

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 22 декабря 2011 г. // Рос. газ. 2011. 23 дек.
2. Кабышев В.Т. Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий // Журнал российского права. 2008. № 12.
3. Добрынин Н.М. Деконституционализация – ожидаемое или норма жизни? // Государство и право. 2010. № 5.
4. Государственное право Германии: сокр. пер. с нем. 7-томного изд. / под ред. Б.Н. Топорнина, Б.М. Лазарева, Ю.П. Урьяса. М., 1994. Т. 2. С. 307.
5. О референдуме Российской Федерации: Федер. конст. закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 24 апр. 2008 г.) // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; 2008. № 17. Ст. 1754.
6. Авакьян С.А. Конституция Российской Федерации: итоги развития // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23.
7. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 29 апр. 2008 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031; 2008. № 18. Ст. 1939.
8. Неправомерный антиэкстремизм // Информационно-аналитический центр «СОВА». URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/>
9. Казанцев М. Параноя побеждает? // Независимая газета Республики Коми «Красное знамя». 2012. 18 янв. URL: <http://komikz.ru/news/politics/?id=5120>
10. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. от 27 июля 2010 г.) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060; 2010. № 31. Ст. 4196.
11. О соблюдении на территории Российской Федерации конституционного права на мирные собрания: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Рос. газ. 2007. 28 июня.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 2 апр. 2009 г. № 484-О-П «По жалобе граждан Лашманкина Александра Владимировича, Шадрин Дениса Петровича и Шимоволоса Сергея Михайловича на нарушение их конституционных прав положением части 5 статьи 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2009. № 6.
13. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 11 июля 2011 г. № 199-ФЗ // Рос. газ. 2011. 14 июля.
14. Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>

15. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л.А. Окунькова. М., 1994.

16. Кабышев В.Т. Конституционный строй как гарантия развития Российского государства // Конституционные чтения: межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 2009.

A.A. Vasiliev
The Constitutional Right to Free Legal Aid as a Means to Ensure Real Equality

The problems of equity and equality are revealed. The right to free legal aid is justified as a means to achieve real equality.

Key words and word-combinations: subjective constitutional rights, equality, equity, free legal aid.

Раскрываются проблемы равенства и равноправия. Право на бесплатную юридическую помощь обосновывается как средство обеспечения реального равноправия.

Ключевые слова и словосочетания: субъективные конституционные права, равенство, равноправие, бесплатная юридическая помощь.

УДК 342.7
ББК 67.400.3

А.А. Васильев

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛЬНОГО РАВНОПРАВИЯ

Несмотря на общепризнанное высокое значение принципа равенства в качестве основополагающего начала, определяющего положение человека в современном мире, понятие равенства является настолько емким, что в специальной литературе пока не имеется единого общепринятого мнения относительно его объема и конкретного содержания. В частности, речь идет о соотношении таких категорий, как «формальное равенство», «фактическое равенство», «равенство возможностей» и других, выступающих конкретными характеристиками равенства, однако обнаруживающих серьезные взаимные противоречия.

Наиболее ожесточенная полемика ведется по вопросам взаимосвязи формального и фактического равенства и допустимости последнего в качестве принципа или критерия правового регулирования в демократическом правовом государстве. При этом формальное или юридическое равенство рассматривается как равенство в сфере прав, свобод и законных интересов граждан, как «равная правоспособность» [1]. Данный вид равенства можно назвать фор-

мальным, потому что он «характеризует форму отношения гражданина и закона безотносительно к социальным качествам того и другого» [2, с. 165]. Г.Н. Комкова отмечает: «Признание различных индивидов формально равными – это признание их равной возможности приобретения тех или иных прав на соответствующие блага. Формальное равенство – это лишь правоспособность, абстрактная и свободная вероятность приобрести свое, индивидуально определенное право на данный объект. При формальном равенстве и равной правоспособности неодинаковых людей их реально приобретенные права неизбежно (в силу различий между самими людьми, их реальными возможностями, условиями и обстоятельствами их жизни) будут неравными» [3, с. 39–40].

Если понимать положения ст. 19 Конституции РФ буквально, строго текстуально, то необходимо признать, что речь идет именно о юридическом или формальном равенстве всех перед законом и судом. Если же рассматривать данные положения в общем смысловом контексте конституционно-правового регулирования, включая характеристику российского государства как социального, политика которого направлена на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, то это относится уже к проблеме социального или фактического неравенства.

Сегодня проблема несовпадения формального (юридического) и фактического (социального) равенства весьма широко обсуждается в юридической литературе. Так, основоположник либертарно-юридической теории права В.С. Нерсисянц полагал, что «фактическое равенство» имеет рациональный смысл лишь как отрицание (а именно как отрицание формального, правового равенства), но как утверждение (как нечто позитивное) оно – величина иррациональная, вербальная конструкция, подразумевающая нечто совершенно иное, чем равенство [1, с. 19]. По мнению его наиболее радикального последователя В.А. Четвернина, правовое равенство всегда есть чистое равенство людей перед единой для всех нормой, противостоящее равенству фактическому: «Равноправие как формальное равенство предполагает неравенство в фактически приобретаемых субъективных правах» [4]. Законодательные меры, направленные на выравнивание фактического неравенства (позитивную дискриминацию), автор рассматривает как нарушение равноправия (неравноправие).

Между тем, как представляется, в Конституции РФ заложены несколько иные критерии равенства перед законом и судом. В.И. Крусс справедливо отмечает несовпадение смыслов конституционного и формального (юридического) равенства при решающем приоритете первого. Равенство является не единственной конституционно значимой целью и ценностью и в этом качестве «не может входить в противоречие с иными конституционными ценностями, включая справедливость и принцип социального государства» [5, с. 571]. Отсюда логически проистекает тезис о допустимости и / или справедливости неравенства, природа которого может различаться.

К примеру, Г.Н. Комкова считает, что «отношения неравенства позволены при так называемой позитивной дискриминации, когда лицам, не имеющим возможности наравне с другими пользоваться предоставленными государством благами, устанавливается более льготный режим их осуществления. Это касается прав инвалидов, представителей коренных малочисленных народов и т.п.» [3, с. 36].

Н.В. Витрук указывает на специальные права и законные интересы, льготы и преимущества для отдельных категорий граждан – ветеранов войны и труда, инвалидов, женщин, молодежи, пенсионеров и других – в целях достижения фактического равенства и усиления действия принципа справедливости. По его мнению, юридическое равенство становится действенным, только если оно подкреплено равенством социальным, равенством возможностей [6]. М.В. Пресняков отмечает, что хотя фактическое равенство по своему характеру действительно является неправовым, но оно может и должно выступать в качестве ориентира правового регулирования [7]. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин утверждает, что общество (в лице государства) с помощью соответствующих компенсаторных механизмов обеспечивает наиболее слабым членам равенство стартовых возможностей в реализации основных прав и свобод [8].

Следует обратить внимание, что во всех представленных точках зрения ключевым является не обеспечение фактического равенства как «равенства результата», то есть в его наиболее утопическом варианте, а равенства возможностей воспользоваться гарантированными Конституцией правами.

Обеспечение равных возможностей следует отличать от фактического равенства в чистом виде. Продолжая аналогию, предложенную В.С. Нерсисянцем, можно сказать, что если формальное равенство есть равная правоспособность, то равенство возможностей суть одинаковая дееспособность, то есть возможность реализовать свое право. Подобную позицию, по нашему мнению, сформулировал Г.В. Мальцев: равноправие состоит в реальном наличии у всех граждан юридических возможностей свободно-волевых действий в одинаковом объеме [2, с. 172]. По Л.Д. Воеводину, равноправие означает, что каждому члену общества государство предоставляет равные с другими его членами юридические возможности, равные обязанности и что осуществление прав и обязанностей обеспечивается ему на равных основаниях [9, с. 68].

Рассмотренный подход в целом предполагает, что действительное осуществление субъективного права требует наличия реальной возможности у лица воспользоваться данным правом – соответственно, равноправие имманентно включает в себя и равенство возможностей.

Таким образом, закрепленное Конституцией РФ право на бесплатную юридическую помощь в установленных законом случаях представляет собой средство реализации принципа равенства перед законом и судом и призвано обеспечивать действительное равноправие в смысле равенства возможностей различных по своему положению – социальному, имущественному и т.п. – субъектов. Такое право во всяком случае должно быть обеспечено в случаях ограничения или возможности ограничения их конституционных прав в публично-правовых интересах.

Если государство непосредственно «вмешивается» в гражданские права, то это налагает на него обязательства обеспечить дополнительные юридические возможности соответствующему лицу для защиты своих прав и законных интересов от необоснованного или чрезмерного вмешательства. Это может касаться не только уголовных или административных дел. Например, законом предусматривается возможность в установленных случаях (военное или чрезвычайное положение и др.) реквизиции (изъятия) имущества, находящегося в частной собственности. Такая реквизиция осуществляется в административном порядке

и при условии возмещения стоимости имущества, а при несогласии гражданина он может обратиться в суд и оспорить основания реквизиции или размер компенсации. Думается, в этом случае следует предусмотреть возможность предоставления такому гражданину бесплатной юридической помощи.

В делах «частного интереса» в определенных случаях предоставление бесплатной юридической помощи выступает способом обеспечения равноправия как равной возможности для реализации субъективного права. Речь в данном случае идет не о фактическом равенстве, а скорее, о возможности любого гражданина воспользоваться предоставленным ему правом. В настоящее время именно в рамках гражданского процесса данная тенденция выражена наиболее четко. Однако если рассматривать равноправие как общий конституционный принцип (а не только «текстуально», т.е. сугубо как принцип судопроизводства), то становится очевидной необходимость распространения «позитивных обязательств» государства по обеспечению бесплатной юридической помощи на все сферы социальной жизни.

Предоставление бесплатной квалифицированной юридической помощи в таком контексте является, на наш взгляд, элементом более глобальной системы, так называемых «утвердительных действий» (affirmation action).

Сегодня дифференциация правового регулирования, направленная на обеспечение фактического равенства, содержится и в ряде международно-правовых норм. Так, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин предусматривает принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, что не считается дискриминационным (ст. 4) [10]. Согласно ст. 5 Конвенции о правах инвалидов конкретные меры, необходимые для ускорения или достижения фактического равенства инвалидов, не считаются дискриминацией [11]. В Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации отмечается правомерность принятия особых мер «с исключительной целью обеспечения надлежащего прогресса некоторых расовых или этнических групп или отдельных лиц, нуждающихся в защите, которая может оказаться необходимой для того, чтобы обеспечить таким группам или лицам равное использование или осуществление прав человека и основных свобод» [12]. В указанных международных документах речь идет не о предоставлении каких-либо преференций отдельным категориям лиц, а о системе мер, направленных на выравнивание их возможностей по отношению к иным членам социума.

Все сказанное в полной мере относится и к праву на бесплатную квалифицированную юридическую помощь.

Ранее данное конституционное право рассматривалось преимущественно как средство обеспечения реального равноправия в условиях существующего имущественного неравенства. Это вполне обосновано, поскольку сама характеристика такой юридической помощи как «бесплатной» свидетельствует, что она должна предоставляться тем лицам, которые не в состоянии воспользоваться юридической помощью за счет собственных средств. Вместе с тем, разумеется, существуют и иные (помимо финансового) критерии для предоставления бесплатной юридической помощи. Например, Европейский Суд связывает такое «позитивное обязательство» государства с физической неполноценностью человека (инвалидность), со сложностью дела и т.п.

По нашему мнению, критерии предоставления бесплатной квалифицированной юридической помощи как средства обеспечения равенства возможностей и в конечном счете подлинного равенства перед законом и судом можно подразделить на объективные и субъективные.

Объективный критерий прежде всего касается конкретных видов предоставляемой бесплатно квалифицированной юридической помощи. С нашей точки зрения, безусловным основанием ее предоставления должно быть «вмешательство» государства в основные права личности. Если государство привлекает лицо к какой-либо ответственности или иным образом ограничивает его права, то оно обязано предоставить такому лицу возможность эффективной защиты, в том числе путем обеспечения бесплатной квалифицированной юридической помощи.

Необходимо отметить, что вид оказываемой юридической помощи как критерий ее предоставления на безвозмездной основе используется и в действующем законодательстве. Например, в недавно принятом Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» определяются конкретные виды юридических услуг, помощь по которым оказывается бесплатно. Могут выделяться и иные объективные критерии предоставления бесплатной квалифицированной юридической помощи: например, территориальное положение, особые климатические условия и т.п.

Вместе с тем, поскольку предоставление бесплатной квалифицированной юридической помощи содержит в себе «утвердительные действия», направленные на обеспечение принципа равенства и реального равноправия, безусловно, основным критерием ее предоставления будет субъективный. Он предполагает учет особенностей личности, ее реальных возможностей и потребности в юридической помощи, а также самых различных факторов – имущественных, психофизиологических, возрастных и других.

В данном случае нельзя ограничиваться сугубо формальным подходом, что, к сожалению, характерно для современного законодательства о бесплатной юридической помощи. Так, недостаточно установить, что подобная помощь предоставляется недееспособным лицам, поскольку человек может страдать каким-либо психическим заболеванием, но юридически являться дееспособным. Другой пример: доход лица может превышать прожиточный минимум (а именно он является «имущественным» критерием предоставления бесплатной юридической помощи), однако в силу определенных обстоятельств данное лицо может находиться в тяжелой жизненной ситуации (болезнь его самого или близкого родственника и т.п.). Подобные случаи, на наш взгляд, свидетельствуют о необходимости расширения адресного подхода к предоставлению бесплатной квалифицированной юридической помощи.

Библиографический список

1. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 2005.
2. *Мальцев Г.В.* Проблемы юридического равенства в современной буржуазной идеологии // Проблемы государства и права в современной идеологической борьбе / под ред. Я. Радаева, В. Туманова. М., 1983.
3. *Комкова Г.Н.* Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов, 2002.

4. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997.
5. Красс В.И. Теория конституционного правоупотребления. М., 2007.
6. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
7. Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости / под ред. Г.Н. Комковой. М., 2009.
8. Зорькин В.Д. Права человека в контексте глобальной юриспруденции // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 2.
9. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997.
10. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята 18 дек. 1979 г. Резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости ВС СССР. 1982. 23 июня. № 25. Ст. 464.
11. Конвенция о правах инвалидов: принята 13 дек. 2006 г. Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации принята 21 дек. 1965 г. Резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости ВС СССР. 1969. 18 июня. № 25. Ст. 219.
13. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 324-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

I.G. Frolova
Kinds of Mass Information
Freedom Guarantees
in the Russian Federation

Kinds of mass information freedom guarantees in the Russian Federation are considered. The guarantees are interpreted as a system of measures promoting the realization of freedom of mass information.

Key words and word combinations: freedom of mass information, guarantees of mass information freedom, general and special guarantees.

Рассматриваются виды гарантий свободы массовой информации в Российской Федерации. Гарантии трактуются как система мер, способствующих реализации свободы массовой информации.

Ключевые слова и словосочетания: свобода массовой информации, гарантии свободы массовой информации, общие и специальные гарантии.

УДК 342.4
 ББК 67.400.2

И.Г. Фролова

ВИДЫ ГАРАНТИЙ СВОБОДЫ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Вопрос о конституционных гарантиях свободы массовой информации в Российской Федерации не подвергался ранее системному и всеобъемлющему исследованию в отечественной юридической литературе. Как правило, в работах, посвященных конституционно-правовым, информационно-правовым, административно-правовым, теоретическим и иным аспектам реализации свободы массовой информации в России, гарантии отдельно вообще не анализируются, наличие же их просто констатируется большинством авторов как данность.

Так, Г.А. Марзак, называя конституционной гарантией свободы массовой информации запрет цензуры, вместе с тем указывает, что Конституция РФ относит к гарантиям свободы массовой информации также свободу экономической деятельности и право частной собственности (ст. 8, 34 и 35); принцип идеологического многообразия (ст. 13); нормы, устанавливающие ответственность должностных лиц за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3 ст. 41) [1, с. 14]. По мнению В.Н. Снеткова, среди конституционных гарантий свободы массовой информации, помимо того же запрета цензуры, следует указать также признание идеологического разнообразия, экономические и юридические гарантии [2, с. 178, 198, 211, 230]. А.А. Малиновский, не употребляя прямо термин «гарантии свободы массовой информации», однако исследует политические, экономические, организационные и технические условия ее реализации [3, с. 39].

В научной литературе предлагаются различные классификации конституционных гарантий, которые могут быть применимы и к гарантиям свободы массовой информации [4, с. 683–887; 5, с. 16].

Ученые отмечают, что один и тот же фактор может быть элементом различных видов гарантий. В связи с этим представляется верным применительно к гарантиям свободы массовой информации указывать общие и специальные (юридические) гарантии. Применительно к свободе массовой информации общие гарантии представляют собой те условия функционирования российского государства, которые делают вообще возможным ее реальное (а не формальное) осуществление. Среди общих гарантий свободы массовой информации, на наш взгляд, можно выделить политические, идеологические, экономические и организационно-технические гарантии. Специальными (юридическими) гарантиями являются специальные нормы конституционного и информационного законодательства, прямо направленные на обеспечение свободы информации. Однако, как верно замечает М.С. Трофимов, «правовые гарантии не являются самодостаточными. Они действуют в системе гарантий. В их числе: экономические, политические, духовно-культурные, организационные, психологические. Именно они либо подкрепляют действие правовых гарантий, делают их эффективными, либо ослабляют их силу, а то и сводят на нет» [6, с. 84].

Помимо подразделения на общие и специальные, возможна классификация гарантий свободы массовой информации и по другим основаниям. Их введение в науку конституционного права, на наш взгляд, тем более необходимо, что в настоящее время в ее рамках имеется тенденция чрезмерно сужать сущность и объем гарантий свободы массовой информации, сводить их только к обеспечению государством возможности свободно создавать и распространять информацию. Иными словами, эти гарантии в такой трактовке не предусматривают никаких активных действий со стороны государства – предполагаются лишь пассивные действия, сводящиеся к непротивлению свободе массовой информации. И это неудивительно, так как большинство специалистов воспринимают свободу в принципе и свободу массовой информации в частности как отсутствие препятствий к осуществлению каких-либо действий [7, с. 683–687; 8, с. 14]. При этом, по мнению С.А. Локинской, «естественный характер свободы массовой информации проявляется в том, что ее правовое регулирование не порождает, а лишь упорядо-

чивает ее. Свобода массовой информации существует до, помимо и независимо от ее правового закрепления» [9, с. 7]. Нельзя в полной мере согласиться с данным утверждением. По нашему мнению, свобода массовой информации в подлинном смысле этого понятия не может существовать вне рамок правового поля. Отсутствие обеспечения ее реализации со стороны государства, как правило, приводит, с одной стороны, к попаданию средств массовой информации в зависимость от определенных физических и юридических лиц; с другой – к злоупотреблениям свободой массовой информации. И то и другое препятствует доступу широкого круга граждан к объективной информации, что, на наш взгляд, искажает подлинное конституционно-правовое содержание свободы массовой информации.

Рассмотрение свободы массовой информации как режима непрепятствования ее распространению возможно в рамках концепции либерального государства, которая основывается на признании индивидуальных прав и свобод человека правовым базисом общества и экономического порядка. Функция государственной власти при этом сводится к минимуму, необходимому для обеспечения этих принципов [8, с. 341]. Государство не вмешивается в экономические и социальные отношения, не управляет экономикой, культурой и т.п., а только устанавливает «правила игры» – нормы права, охраняет в обществе порядок.

Однако Россия, как известно, не только демократическое либеральное, но и социальное государство согласно ст. 7 Конституции РФ. В основе же социального государства лежит идея, что именно государство ответственно за создание таких условий жизни, при которых каждому человеку была бы гарантирована доступность элементарных благ, то есть создание равных стартовых возможностей (вернее, выравнивание этих возможностей). Социальным следует считать государство, одним из приоритетных направлений деятельности которого является создание условий для реализации социальных прав граждан, закрепленных в национальном законодательстве и соответствующих мировым стандартам в этой области [10, с. 244]. Кроме того, социальное государство с его властными отношениями должно «участвовать в обеспечении функционирования гражданских институтов, чтобы гарантировать их демократическое управление, сдерживая рынок, стремящийся к поглощению и разрушению всего, что несовместимо с его логикой прибыли» [11, с. 17].

В силу этого гарантии свободы массовой информации должны быть, с нашей точки зрения, подразделены на две группы: негативные и позитивные. Негативными гарантиями являются конкретные закрепленные законодательством запреты, направленные на обеспечение свободного создания и распространения массовой информации (например, запрет цензуры). Негативные гарантии ориентированы на несовершение определенного рода действий органами государственной и муниципальной власти, в частности на невмешательство в деятельность СМИ. В то же время негативные гарантии могут обеспечиваться и активными действиями со стороны государства, например в случае привлечения виновных в нарушении запретов лиц к юридической ответственности. Позитивные гарантии свободы массовой информации всегда связаны с активными действиями по их реализации и выражаются, например, в экономической поддержке средств массовой информации; создании организацион-

но-технических условий для распространения информации (в том числе, посредством Интернет); предоставлении информации СМИ по их запросам.

Помимо деления гарантий свободы массовой информации на позитивные и негативные, они могут быть также, с нашей точки зрения, классифицированы на гарантии беспрепятственного создания и распространения массовой информации; гарантии реализации свободы массовой информации надлежащим образом. Такая классификация гарантий свободы массовой информации имеет в своей основе понимание свободы массовой информации не только как конституционного принципа, но и как правового режима. Как общий правовой режим (в противопоставление специальным правовым режимам информации) свобода массовой информации включает в себя поиск, сбор, получение, хранение, обработку, создание, передачу, распространение социально значимой информации в определенных законом рамках. Выход за эти рамки (например, распространение заведомо ложной или опасной для общества информации) приводит к ненадлежащему осуществлению свободы массовой информации, ее трансформации во вседозволенность, поэтому гарантиями свободы массовой информации выступают также правовые средства, направленные на недопустимость нарушений установленных рамок свободы массовой информации: например, запрет на злоупотребление свободой массовой информации; возможность опровержения недостоверной информации; ответственность за опубликование заведомо ложной информации.

С.А. Локинская среди основных начал свободы информации выделяет, в частности, объективность информации, в соответствии с чем общество и индивид должны получать объективную и достоверную информацию (то есть сведения, адекватно отражающие процессы общественного бытия) [9, с. 70]. На это же, в частности, обращает внимание и С. Шеверядев. Он отмечает, что «возможность быть информированным человек реализует при осуществлении правовых конструкций свободы мысли, слова и массовой информации, которые управляют процессом информационного обмена в обществе в целом, в том числе процессами распространения, передачи, получения информации общественной значимости» [12, с. 97]. Распространение, например, заведомо ложной информации, препятствует получению указанными субъектами объективной информации – соответственно, такое состояние следует рассматривать как ненадлежащую реализацию свободы массовой информации. На то, чтобы этого не происходило, и направлены гарантии реализации свободы массовой информации надлежащим образом.

Необходимость указанных классификаций гарантий свободы массовой информации обусловлена тем, что в их отсутствие у законодателя наблюдается тенденция сводить регулирующее воздействие в сфере СМИ к невмешательству в дела редакций и журналистов. Между тем необеспечение, например, экономических гарантий самостоятельности средств массовой информации, которые, безусловно, относятся к позитивным, ведет к попаданию СМИ в зависимость от конкретных государственных органов или коммерческих организаций, что негативным образом сказывается на их редакционной политике. Иллюстрацией этого могут служить хорошо известные ситуации с телекомпанией «НТВ» и положение дел сегодня вокруг «Эха Москвы». В силу этого представляется, что необходимо четкое понимание объема и видов обязатель-

ных в Российской Федерации гарантий свободы массовой информации с тем, чтобы они нашли свое отражение в конкретных нормах законодательства.

Библиографический список

1. Марзак Г.А. Свобода массовой информации: конституционное закрепление // Правовые вопросы связи. 2006. № 1.
2. Снетков В.Н. Средства массовой информации как фактор реализации свободы слова и права на информацию: политико-правовой аспект: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2001.
3. Малиновский А.А. Свобода массовой информации: теоретико-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
4. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М., 2005. Т. 1.
5. Зиновьев А.В. Избирательная система России (комментарий Закона о выборах Президента России) / под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2000.
6. Трофимов М.С. Реализация права на свободу массовой информации в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005.
7. Алхутова Г.А. Средства массовой информации в Российской Федерации: конституционно-правовые основы деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
8. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2007.
9. Локинская С.А. Свобода массовой информации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
10. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003.
11. Парасюк Е.А. Категория «гражданское общество» в современной юридической науке // Российская юстиция. 2009. № 7.
12. Швердяев С.Н. Право на информацию: к вопросу о конституционно-правовой сущности // Право и политика. 2001. № 10.

O.I. Tsybulevskaya,
T.V. Kasaeva
**Professional Ethic Codes
in Russian Society:
Legal Dimension**

The problem of the necessity for moral regulation of professional activity is stated. The significance of ethic codes is revealed.

Key words and word-combinations: professional activity, the moral, ethic code.

Поднимается проблема необходимости нравственного регулирования профессиональной деятельности. Показано значение этических кодексов.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональная деятельность, нравственность, этический кодекс.

УДК 174
ББК 87.754

**О.И. Цыбулевская,
Т.В. Касаева**

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Одно из направлений формирования морального климата в стране – развитие прикладной этики, воплощенной в профессиональных кодексах. Их положительное значение состоит прежде всего в том, что кодексы

привлекают внимание индивидов к проблемам морального статуса личности. Кроме того, они дают представление о ценностном содержании этической теории [1, с. 315], не подменяя ее.

Взаимодействие правовых и моральных норм до сих пор в основном шло по пути поглощения моральных требований (придания им юридической силы) и закрепления формально-юридических критериев их оценки. Сегодня достаточно распространенная практика принятия различными корпорациями такого рода документов свидетельствует о стремлении разнообразить формы легализации этических требований, перевода их в область формализованных правил поведения: легче действовать правильно, если человек знает, какого поведения от него ждут.

Этический кодекс, в отличие от кодекса юридического, обращен в первую очередь не к негативным сторонам человеческой природы, а к высшим – человеческой совести. В Этическом кодексе следует реализовать такие моральные принципы и нормы, как преемственность ценностей, нравов и традиций российского общества; соответствие этических норм общенациональным интересам.

В научной литературе указываются следующие причины актуализации вопроса об этических кодексах: повышение уровня общественных требований к политическим институтам и формирование контроля над ними; забота политиков о своей репутации. Не случайно одно из ключевых понятий во всех этических кодексах – конфликт интересов, который наиболее опасен своими проявлениями в публичной сфере, прежде всего в государственном и муниципальном управлении.

В течение всей истории существования российской государственной службы отношения, связанные с деятельностью властных субъектов, регулировались не только нормативными правовыми актами, но и моральными требованиями, выработанными обществом. Поэтому одним из направлений работы по повышению нравственности субъектов власти является принятие этических кодексов. Они могут сыграть важную роль в установлении нравственных параметров поведения чиновников, позволят исключить конфликт интересов, защитить честь и достоинство самих властных субъектов.

В январе 2003 г. I Всероссийским съездом адвокатов был принят Кодекс профессиональной этики адвоката. В 2004 г. на VI съезде судей принят Кодекс судейской этики (пришедший на смену принятому в 1993 г. Кодексу чести судьи Российской Федерации) – документ, который для судей имеет силу закона. Он призван не только предусматривать санкции в отношении судей, нарушивших судейскую этику, но и защищать самих судей от необоснованных обвинений, в том числе связанных с попытками повлиять на решение судов. В настоящее время судейское сообщество активно обсуждает новую концепцию Кодекса судейской этики [2]. Правление Федеральной нотариальной палаты утвердило Профессиональный кодекс нотариусов Российской Федерации. Кодекс профессиональной этики органов внутренних дел Российской Федерации был утвержден приказом министра внутренних дел от 24 ноября 2008 г. № 1138.

В 2010 г. после длительного обсуждения и согласований принят Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации. Разработан Кодекс депутатской этики.

Политические и карьерные чиновники являются объектом пристального вни-

мания. Они сами заинтересованы в том, чтобы иметь свод правил поведения и декларирования информации, которые позволят им принимать верные решения и защищать себя от ложных обвинений. В повседневных служебных отношениях чиновников должны осуждаться любые действия, могущие привести к коррупции или создать ее возможность. Они не меньше самой коррупции уничтожают доверие к государству. Но не достаточно просто принять этический кодекс. В органах власти должны быть сформированы комиссии по этике, которые могли бы рассматривать дела о нравственных проступках, выносить общественное порицание (недоверие), а также рекомендовать виды поощрения за высоконравственное поведение.

Этические нормы востребованы не только в публичной, но и в частно-предпринимательской сфере. В настоящее время профессиональные этические кодексы уже приняты или находятся в процессе обсуждения в большинстве сфер предпринимательства.

Если попытаться обнаружить здравый смысл и мораль в самой рыночной экономике, то становится ясно, что аморален не сам рынок, а поступки людей, действующих в его рамках. Рыночной экономике присущ предельно трезвый взгляд на реального человека, что не мешает при таких отношениях делать упор на взаимное доверие, свободу, добровольность подчинения принятым моральным нормам. Об этом свидетельствует зарубежная практика. Почти 100 лет назад выдающийся немецкий ученый Макс Вебер убедительно доказал: западный капитализм сформировался не на «первоначальном накоплении», а на мощном нравственном фундаменте – протестантской этике, то есть на определенных нравственных установках, которые обуславливала христианская мораль.

В разных странах мира хозяйственная этика имела различную религиозную окраску, однако главное ее содержание сохранялось. Основными способами получения прибыли стало применение бухгалтерии, бережливый образ жизни, экономия в расходах, честность, скромность, трудолюбие. «Экономическое чудо» Германии и Японии, Южной Кореи и Тайваня, Сингапура и Малазии, других новых индустриальных стран строилось на оригинальном подходе, учитывающем особенности государства и общества, национальный характер народа и состояние его духа. Общим являлся лишь ориентир развития: рыночная экономика и представительная демократия [3].

Опыт многих стран подтвердил недопустимость упрощенчества, сведения общественной потребности лишь к экономической, исключая нравственную сферу. Материальное производство зарождающегося капитализма также требовало для дальнейшего развития в первую очередь решения не научно-технических проблем, а проблем нравственных, ибо без формирования нового типа человека невозможно было развивать новую экономику, основанную на частной инициативе. Не случайно центральный нерв философских исканий в тот период проходит не в области «натуральной философии», а в сфере моральной.

Не следует, однако, впадать в крайности. Разрешение противоречия между моральным сознанием предпринимателя и внутренней логикой предпринимательской деятельности не должно осуществляться ни в духе радикального либерализма (делать ставку исключительно на развитие в человеке деятельностных

эгоистических мотивов), ни в духе морального фундаментализма (подвергать «стяжание» полному осуждению и избегать предпринимательской формы деятельности). Мораль не должна тормозить развитие экономики. К. Хоман предлагает сконцентрировать свои моральные устремления в «честном» следовании предписываемым законом. Этические же усилия должны предприниматься на ином этапе, а именно: на этапе формирования этих норм, в процессе установления рамочного порядка в экономике. Только этот порядок может породить «нравственную» экономику [4, с. 10–11].

В отчете, заслушанном на «круглом столе» по бизнесу «Корпоративная этика: важнейший актив бизнеса», подчеркивается, что корпоративному сообществу следует непрерывно совершенствовать свою деятельность и улучшать результаты [5, с. 8–10]. Показательно, что многие управляющие считают корпоративную культуру, во все организационные структуры которой проникает этика, глубоко соответствующей интересам их фирмы. Они чувствуют, что такого рода проникновение необходимо, чтобы поддержать рентабельность, конкурентоспособность и эффективность их компаний. С представленной в данном отчете точки зрения высшего состава управляющих-исполнителей, не существует никакого конфликта между этической практикой и приемлемой прибылью, ведь первое фактически является необходимой предпосылкой второго [6, с. 74–75]. Обращает на себя внимание позиция вице-президента Нью-Йоркской фондовой биржи Ричарда Бернарда, который обратил внимание на необходимость кодекса бизнес-поведения или бизнес-этики для директоров, должностных лиц, сотрудников. По его мнению, это позволяет исключить конфликт интересов в корпорации [7, с. 43–45].

Основная задача предпринимательской этики состоит в необходимости взять моральную ответственность на себя в условиях ослабления нравственного и правового порядка. В конечном счете это выгоднее, чем приспособление или злоупотребление пробелами и коллизиями в праве, ибо перспективы роста при совершенстве системной организации бизнеса неоспоримо выше, чем возможные временные выгоды от дезорганизации. Таким образом, можно констатировать, что корпоративная этика есть ключ к стратегии выживания в эпоху яростной конкуренции в глобальной экономике.

Проблема этики осознана и на уровне российского делового сообщества. Первые ростки на поле деловой этики в современной России стали пробиваться в 1990-х годах. Был принят ряд профессиональных этических кодексов, среди которых следует упомянуть Кодекс чести банкира (1992), Правила добросовестной деятельности ассоциации участников фондового рынка (1994), Кодекс чести членов российской гильдии риэлторов (1994), Кодекс профессиональной этики членов российского общества оценщиков (1994). В 1995 г. Торгово-промышленная палата России объявила развитие деловой культуры предпринимателей одним из приоритетных направлений своей деятельности и инициировала разработку проекта под общим названием «Российская деловая культура».

В контексте изложенного весьма актуальной оказалась идея о разработке Кодекса предпринимательской этики, выдвинутая на состоявшемся в 2002 г. VII Всемирном Русском Народном Соборе, посвященном теме «Вера и труд: духовно-культурные традиции и экономическое будущее России» [8]. В начале

2004 года этот проект был реализован: VIII Всемирным Русским Народным Собором принят Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании, в обсуждении которого участвовали представители всех конфессий, деловые круги, журналистское сообщество, властные субъекты. В преамбуле документа отмечается, что он адресован для добровольной реализации руководителям предприятий, коммерческих структур, предпринимателям.

Современный опыт функционирования России как государства с переходной экономикой подтверждает тезис о социально-правовой, а не только экономической природе современного кризиса. Нельзя согласиться с тем, что в отличие от российского западное общество не придает значения проблемам, находящимся вне сферы материального интереса и уж тем более меньше всего озабочено тем, в каком направлении идет развитие страны, есть ли у нее национальная идея и т.п. И в благополучных странах на новом витке исторического развития власть часто вынуждена апеллировать к народу, выдвигая новые идеи, предлагая новые способы решения значимых проблем, учитывая при этом менталитет народа. Иначе не было бы ни «рейганомики», ни «тетчеризма». Прагматизм американцев родил и соответствующий тип национальной идеи. Это так называемая «американская мечта» – материальное благополучие «в этой жизни», а не в каком-то отдаленном «светлом будущем» [9]. Применительно к России ситуация более сложна.

Социологические исследования показывают, что адаптация российского населения к новым социально-экономическим формам и условиям жизни в основном произошла. Рыночная экономика, несмотря на все изъяны нашего «бандитского капитализма», в целом принята населением. Но в массовой психологии современного российского общества осталось и другое: оскорбленное нравственное чувство, протест против того морально-психологического насилия, которым сопровождались реформы, протест против результатов, к которым привели многочисленные перекосы этих реформ. Данное противоречие нарастает и может стать социально опасным.

Появление в России этических кодексов как в частной, так и в публичной сфере требует решения многих вопросов. Дискуссионной, в частности, является проблема определения роли и места этических кодексов в системе нормативных актов. Спорным является вопрос о путях легализации норм корпоративной и профессиональной этики (одно из направлений решения данного вопроса – признание этических кодексов в качестве локально-правовых актов). Есть и другой путь – принятие сугубо корпоративных кодексов, не влекущих юридической ответственности и не требующих придания формы локально-правового акта. Такого рода нормы не вступают в конфликт с системой права, а дополняют, усиливают ее эффективность. В качестве иллюстрации приведем слова главы Счетной палаты РФ С.В. Степашина, который, подчеркивая особую роль профессионального этического кодекса в своем ведомстве, отметил, что в 2011 г. на основании нарушения данного документа Счетную палату покинуло 12 человек [10].

В заключение следует подчеркнуть: не стоит строить иллюзий, что все этические стандарты будут неукоснительно исполняться, но сам факт их принятия призван создать благоприятный психологический климат, цивилизовать рынок, формировать менталитет. Это лишь первый, но очень важный шаг на пути формирования этики будущего.

Библиографический список

1. Канке В.А. Этика ответственности. Теория морали будущего. М., 2003.
2. Дряхлов С.К. Новая концепция Кодекса судейской этики судей Российской Федерации: «за» и «против» // Российское правосудие. 2010. № 10 (54). С. 71–76.
3. Возможно ли русское экономическое чудо? // Парламент. газ. 2003. 23 авг.
4. Политическая и экономическая этика / пер. с нем. С. Курбатовой, К. Костюка. М., 2001.
5. Corporate Ethics: A Prime Business Asset // The Business Roundtable. 1995. Februaru, 8–10.
6. Фредерик Р., Петри Э. Деловая этика и философский прагматизм // Вопросы философии. 1996. № 3.
7. Бернард Р. Новые особенности в законодательстве США по вопросам корпоративного управления // Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век»: по материалам выступлений. М., 2004.
8. Нужен Кодекс этики: К итогам работы VII Всемирного Русского Народного Собора // Рос. газ. 2002. 24 дек.
9. Кива А.В. Духовность и преодоление кризиса // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
10. Степашии В.С. К вам – ревизор // Аргументы и факты. 2012. № 9.

D.V. Volodina
Legal Grounds for Judges’
Criminal Liability
in the Administration of Justice
in the Russian Federation

The forms of realization of judge’s criminal liability in administering justice are studied. The list of crimes committed by judges in the administering justice is defined. Peculiarities of the current editions of the corresponding Criminal Code articles are revealed.

Key words and word-combinations: the judge, judge’s criminal liability, crimes against administering justice.

Исследуются формы реализации уголовной ответственности судей при отправлении правосудия. Определяется перечень преступлений, совершаемых судьями при отправлении правосудия. Выявлены особенности действующих редакций соответствующих статей Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова и словосочетания: судья, уголовная ответственность судьи, преступления против отправления правосудия.

УДК 347.962.6:343.2/.7
ББК 67.71+67.408

Д.В. Володина

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ
УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ
ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ
ПРАВОСУДИЯ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Успешное выполнение возложенных на судей обязанностей невозможно без формирования в судейской среде ответственного подхода к их осуществлению и строго соблюдения судебной дисциплины. Это тем более актуально, что судьи обладают дискреционным властным полномочием по отправлению правосудия, содержание которого составляет осуществление не всего судебного производства, а лишь той его части, «которая заключается в принятии актов судебной власти, разрешающих дело по существу» [1, п. 4].

Принятие судьей решений только в пределах установленной законом свободы усмотрения не исключает возможностей для развития судебской коррумпированности. Представляется, что одним из средств, способствующих укреплению процессуальной законности, является адекватное правовое закрепление уголовной ответственности судей за совершение преступлений при отправлении правосудия.

Этот вид ответственности является структурным элементом единой и взаимосвязанной системы юридической ответственности судей при отправлении правосудия. В силу своей особой значимости положения об уголовной ответственности – единственной среди иных видов юридической ответственности судей – получили прямое конституционное закрепление в ч. 2 ст. 122 [2], а также в Законе РФ «О статусе судей» [3, ст. 16].

Более полному уяснению содержания уголовной ответственности судьи при отправлении правосудия, как представляется, способствует двuasпектное ее понимание: выделение двух форм ее реализации – негативной и позитивной. Под позитивной формой выступает добровольное соблюдение судьей при осуществлении правосудия всех должностных обязанностей и воздержание от совершения преступлений. В случае нарушения представителями судебной власти уголовно-правовых норм начинает свое воздействие карательная функция уголовно-правовой ответственности: наступает этап реализации ее негативной формы.

Группа преступлений, совершаемых представителями судебной власти при отправлении правосудия, обладает повышенной степенью общественной опасности, так как входящие в ее состав преступления осуществляются «изнутри» судебной системы, функционирование которой направлено на защиту прав и законных интересов субъектов правоотношений посредством надлежащего отправления правосудия.

В юридической литературе нет единства мнений по вопросу классификации видов преступлений, совершаемых против правосудия представителями судебной власти [4, с. 3]. В большинстве случаев в качестве таковых специалистами выделяются преступления, предусмотренные ст. 301, 305 УК РФ [5], а также ст. 290, 293 УК РФ [6].

На основе анализа положений Уголовного кодекса РФ [7] к составам преступлений судей при отправлении правосудия следует отнести следующие: закрепленные главой 30 УК РФ – «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»; ч. 2 и ч. 3 ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями»; ч. 2 и пп. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий»; ч. 4, пп. «а», «б», «в» ч. 5, ч. 6 ст. 290 УК РФ «Получение взятки»; ч. 1, ч. 2, пп. «а» и «б» ч. 3, ч. 4, ч. 5 ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве»; ч. 1 и 2 ст. 292 УК РФ «Служебный подлог»; ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 293 УК РФ «Халатность», а также закрепленные главой 31 УК РФ «Преступления против правосудия» – ч. 1 и ч. 2 ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта». Приведенные уголовно-правовые нормы являются правовым основанием уголовной ответственности судей при отправлении правосудия.

Данные преступления (за исключением предусмотренных ч. 1, ч. 2 ст. 305 УК РФ) могут быть совершены судьями не только при отправлении правосудия, но и при осуществлении иных должностных полномочий (например, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству). Судья не является единственным специальным субъектом этих преступлений (за исключением предусмотренных ч. 1, ч. 2 ст. 305 УК РФ); они могут быть совершены и иными должностными лицами, перечень которых раскрывается в примечании к ст. 285 УК РФ.

В отличие от указанного, единственным специальным субъектом преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 305 УК РФ является судья как особое должностное лицо. Эти два вида преступлений могут быть совершены только в результате ненадлежащего отправления правосудия.

Основным объектом данной группы преступлений является надлежащим образом осуществляемый процесс отправления правосудия по различным категориям дел. Дополнительным объектом могут выступать конституционные права физических и юридических лиц, а также охраняемые законом интересы граждан, организаций и государства.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч. 2 и ч. 3 ст. 285, ч. 2, пп. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 286, ч. 2 ст. 292, ч. 1 и ч. 2 ст. 305 УК РФ, характеризуется наличием вины в форме прямого либо косвенного умысла; предусмотренных ч. 4, пп. «а», «б», «в» ч. 5, ч. 6 ст. 290, ч. 1 ч. 2, пп. «а», «б» ч. 3, ч. 4, ч. 5 ст. 291.1, ч. 1 ст. 292 УК РФ – виной в форме прямого умысла; предусмотренных ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 293 УК РФ – неосторожной формы вины в виде легкомыслия или небрежности.

Одними из самых опасных видов должностных преступлений в сфере отправления правосудия, относимых к коррупционным, являются преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ. Закрепление ч. 5 ст. 290 УК РФ в редакции Федерального закона от 4 апреля 2011 г. № 97-ФЗ [8] вызывало закономерные нарекания, так как исключало возможность правовой квалификации по этой норме деяний судей при фактическом наличии в них признаков состава этого преступления. В конце 2011 г. законодателем это противоречие было устранено.

На наш взгляд, своевременным в рамках процесса совершенствования государственного управления в области противодействия коррупции стало введение в действие новой статьи 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», закрепившей составы преступлений, которые могут быть совершены и судьями при отправлении правосудия.

Составными элементами объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, являются следующие: осуществление судьей непосредственной передачи предмета взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо осуществление иного содействия взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки; значительный размер предмета взятки (сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей). Для преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291.1 УК РФ, дополнительным элементом объективной стороны является цель осуществления самой передачи

взятки – за совершение заведомо незаконных действий (бездействия) либо с использованием своего служебного положения.

Так, примером совершения судьей при отправлении правосудия преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291 УК РФ – посредничество во взяточничестве за совершение заведомо незаконных действий (бездействия), – может быть случай, когда дело рассматривается коллегиальным составом суда и один из судей – членов состава суда – оказывает посредничество в передаче всего предмета взятки (или его части) по указанию взяткодателя либо судьи (судей) – взяткополучателя (-ей), – за нарушение составом суда материальных или процессуальных норм права при рассмотрении дела.

Посредничеством во взяточничестве, совершенном судьей при отправлении правосудия с использованием своего служебного положения, может квалифицироваться случай, когда при рассмотрении дела коллегиальным составом суда посредником является председатель суда (председатель соответствующего судебного состава), входящий одновременно в коллегиальный состав судей по делу по указанию взяткополучателя или взяткодателя, распределяющий конкретное дело своему составу суда, за соответствующее разрешение дела которым осуществляется передача предмета взятки взяткополучателю. Это становится возможным, поскольку председатель суда, помимо процессуальных функций судьи, выполняет еще и целый ряд административно-организационных. У него, в силу сложившейся практики, в большинстве случаев есть и определенные полномочия в вопросе распределения дел между судьями, вследствие чего он может оказать непосредственное влияние путем передачи соответствующих дел «нужным» судьям. Вводимое в настоящий период в системе арбитражных судов РФ независимое компьютерное автоматизированное распределение судебных дел между судьями и судебными составами позволяет контролировать этот процесс и снижает вероятность вмешательства в него со стороны председателей судов и судебных составов.

Центральными в системе преступлений, совершаемых судьями при отправлении правосудия, являются предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 305 УК РФ преступления – вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта, что неоднократно подвергалось правовому анализу в юридической литературе [9].

Для квалификации деяний судьи по ч. 1 или ч. 2 ст. 305 УК РФ необходимо, чтобы, во-первых, была установлена соответствующим процессуальным актом вышестоящей судебной инстанции неправосудность судебного акта конкретного судьи (судей); во-вторых, доказано наличие в деяниях судьи именно признака заведомости (прямого умысла).

Анализ практических материалов свидетельствует о том, что, несмотря на четкость и однозначность диспозиций этих двух норм, у правоприменительных органов возникают трудности в их толковании, что может привести к принятию ими неправомερных решений и, как следствие, нарушению прав судей, а также умалению судейского статуса.

Так, показательным является получившее общественный резонанс дело судьи в отставке, бывшего председателя Ростовского-на-Дону гарнизонного воен-

ного суда С.Л. Панченко, в отношении которого решением от 25 мая 2010 г. ВККС РФ, по представлению исполняющего обязанности Председателя СК при прокуратуре РФ, было дано согласие на возбуждение уголовного дела по ст. 305 УК РФ. Поводом для проведения проверочных мероприятий в отношении судьи послужило вынесенное им вступившее в законную силу судебное решение от 12 августа 2004 г.

Конституционный Суд РФ по данному делу отметил, что «при осуществлении уголовного преследования в отношении судьи за деяние, совершенное им в процессе осуществления правосудия, должен, безусловно, учитываться принцип обязательности судебных актов, их неукоснительного исполнения на всей территории Российской Федерации и опровержимости только в судебном порядке в специальных, предусмотренных законом процедурах. Вступивший в законную силу, не отмененный и не измененный судебный акт не может рассматриваться как неправосудный» [10, п. 3.1]. Суд признал правоприменительные решения, касающиеся уголовного преследования по ст. 305 УК РФ судьи в отставке С.Л. Панченко, не соответствующими Конституции РФ и подлежащими пересмотру.

Исследование эмпирического материала в сфере реализации негативной юридической ответственности судей при отправлении правосудия позволяет установить, что случаи привлечения судей к уголовной ответственности единичны, но стабильны. Большинству из них определена уголовно-правовая квалификация по совокупности соответствующих преступлений, а наиболее часто вменяемыми составами преступлений являются установленные ст. 305 ч. 1 и 2 УК РФ.

Так, в 2003 г. осуждены трое судей (двое – по ст. 305 ч. 1 УК РФ, один – ст. 305 ч. 2, ст. 292 и ст. 286 УК РФ); в 2004 – один судья (по ст. 292 и ст. 305 ч. 1 УК РФ); в 2005 – двое судей (один – по ст. 305 ч. 1 УК РФ, один – по ст. 305 ч. 2 УК РФ); в 2006 – пять судей (один – по ст. 305 ч. 1 и ст. 286 ч. 1 УК РФ, один – по ст. 290 ч. 3 УК РФ, один – по ст. 305 ч. 2 УК РФ, один – по ст. 286 ч. 2 УК РФ, один – по ст. 305 ч. 1 УК РФ); в 2007 – двое судей (оба – по ст. 305 ч. 1 УК РФ); в 2008 – двое судей (один – по ст. 305 ч. 1 УК РФ, один – по ст. 290 ч. 4 п. «в» и ст. 305 ч. 1 УК РФ); в 2009 – пять судей (трое – по ст. 305 ч. 1 УК РФ, один – по ст. 305 ч. 2 УК РФ, один – по ст. 305 ч. 1 и ст. 292 УК РФ); в 2010 – четверо судей (один – по ст. 290 ч. 2, ч. 4 п. «в» и ст. 305 ч. 1 УК РФ, один – в том числе по ст. 290 ч. 3 УК РФ, один – по ст. 290 ч. 3 УК РФ, один – по ст. 305 ч. 1 УК РФ); в первом полугодии 2011 г. – трое судей (один – по ст. 290 ч. 3 УК РФ, один – по ст. 292 и ст. 305 ч. 1 УК РФ, один – по ст. 305 ч. 1 и ч. 2 УК РФ) [9]. За совершение этих преступлений на судей были наложены такие виды наказаний, как лишение свободы на определенный срок, штраф, лишения права занимать определенные должности.

Привлечение судьи к уголовной ответственности влечет безусловное досрочное прекращение судейских полномочий и исключение судьи из судейского сообщества без какой-либо возможности восстановления в профессии в дальнейшем.

В перспективе научная разработка положений уголовной ответственности судей направлена на минимизацию преступных проявлений в сфере правосу-

дия в целях обоснованного нормативного закрепления составов преступлений, предусмотренных ч. 2 и ч. 3 ст. 285; ч. 2 и пп. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 286; ч. 4, пп. «а», «б», «в» ч. 5, ч. 6 ст. 290; ч. 1, ч. 2, пп. «а» и «б» ч. 3, ч. 4, ч. 5 ст. 291.1; ч. 1 и ч. 2 ст. 292; ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 293; ч. 1 и ч. 2 ст. 305 УК РФ. Всестороннее изучение вопросов уголовной ответственности судей при отправлении правосудия возможно только, по мнению автора, при системном исследовании данных составов преступлений, составляющих группу преступлений, совершаемых судьями при отправлении правосудия.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 янв. 2001 г. № 1-П/2001 // Рос. газ. 2001. № 30.
2. Конституция Российской Федерации. М., 2010.
3. О статусе судей в Российской Федерации: Закон от 26 дек. 1992 г. № 3132-1 (в ред. ФЗ от 28 дек. 2010 г. № 404-ФЗ, с изм. от 18 окт. 2011 г.) // Рос. газ. 1992. 7 июля, № 170; 2010. 30 дек., № 296.
4. *Рахметов С.М.* Преступления против правосудия. Алматы, 2007.
5. *Емеева Н.Р., Малков В.П.* Ответственность по уголовному праву России за преступления против правосудия, совершаемые судьями. Казань, 2005.
6. *Сапунова М.О.* Юридическая ответственность судей в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. ФЗ от 21 июля 2011 г. №253-ФЗ) // Рос. газ. 1996. 18 июня, № 113; 2011. 26 июля, № 161.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федер. закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ // Рос. газ. 2011. 6 мая, № 97.
9. *Галахова А.В.* Преступления против правосудия. М., 2005.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 окт. 2011 г. № 23-П/2011 // СЗ РФ. 2011. № 44. Ст. 6319.

A.G. Kuznetsov
Political Arithmetic
of Social Administration

Scientific traditions of the school of political arithmetic in the sphere of social administration are studied. The contribution of its representatives to the formation and development of the world's sociological science is elucidated.

Key words and word-combinations: sociology, the school of political arithmetic, social events and processes, empiric studies, social administration.

Рассматриваются научные традиции школы политической арифметики в сфере социального управления. Освещается вклад ее представителей в становление и развитие мировой социологической науки.

Ключевые слова и словосочетания: социология, школа политической арифметики, социальные явления и процессы, эмпирические исследования, социальное управление.

УДК 32.001
ББК 66.1 (4/8)

А.Г. Кузнецов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Политическая арифметика – направление социальных исследований, основанное на сборе и анализе эмпирической информации (преимущественно данных официальной статистики) для целей администрирования общественными процессами. По мнению экспертов, оно сыграло заметную роль в становлении и развитии классической социологии; в истории социального познания ознаменовало собой переход от простого описания общественных явлений к систематическому наблюдению и количественному выражению их порядка и последовательности [1, с. 190]. Вместе с тем среди изданных в последнее время отечественных работ по истории социологии это важное направление социальной мысли, демонстрирующее образцы решения как общетеоретических, так и практических общественных проблем, получило, на наш взгляд, не достаточно полное отражение [2, с. 21–22]. В связи с этим не только познавательный, но и прикладной характер для социальной теории и практики

представляет собой историко-социологический анализ творческого наследия и традиций научной школы политической арифметики.

Школа политической арифметики сформировалась в XVII–XVIII вв. благодаря исследованиям британских ученых. В истории английской социологии ее становление связывается с именами В. Петти, Г. Кинга и Э. Галлея. Но пионером в этой области был Джон Граунт, опубликовавший в 1662 г. «Естественные и политические наблюдения, упомянутые в прилагаемом перечне и сделанные на основе бюллетней смертности Джоном Граунтом, гражданином Лондона, в отношении к правительству, религии, занятиям, росту, воздуху, болезням и различным изменениям названного города». Он изучил еженедельные бюллетени смертности за 33 года и отобрал для анализа 299 250 записей о случаях и причинах смерти за двадцатилетний период в которых достоверность причины смерти не вызвала сомнений. Исследователь показал, что некоторые причины смертности имеют постоянный характер; что смертность в городе выше, чем в сельской местности, среди мужчин выше, чем среди женщин; что очень высок ее уровень в ранних годах жизни. Ученый также дал оценку величины населения Лондона, что в целом отражало существующую социальную реальность, а полученные данные объективно показывали необходимость определенных перемен, требующих соответствующих управленческих решений. Граунт в основном отказывался от простой констатации социальных фактов, предлагая выводы и обобщения для применения субъектами муниципального управления [3, с. 92].

Собственно сам термин «политическая арифметика» был введен в научный оборот Вильямом Петти в книге под таким же названием. Полное название этого труда звучит так: «Политическая арифметика, или рассуждения относительно размеров и стоимости земли, людей, строений, сельского хозяйства, мануфактур, торговли, рыбной ловли, ремесленников, моряков, солдат; относительно государственных доходов, процентов, налогов, способов повышения доходов, регистрации банков; относительно определения ценности людей, увеличения числа моряков; относительно полиции, портов, положения страны, кораблей, могущества на море. Все это рассматривается в отношении территорий Его Величества Короля Великобритании и территорий его соседей – Голландии, Зеландии и Франции». Работа в основном написана языком цифр, классифицированных и обобщенных социальных данных, выраженных количественно [4].

В. Петти одним из первых определил роль статистических методов в изучении закономерностей общественной жизни, в исследовании взаимосвязей между социальными явлениями, в решении управленческих проблем. Он обосновал необходимость строить статистические таблицы и производить вычисления, основываясь на всестороннем учете анализируемых явлений. В. Петти предложил свой вариант общей теории политической арифметики и обосновал практическое значение такого подхода для различных областей социального управления.

Еще одним известным представителем школы политической арифметики был Грегори Кинг. В 1696 г. он написал монографию «Естественные и политические наблюдения и выводы о социальном положении в условиях Англии», где дал оценку численности и структуры населения, используя метод экстраполяции. В результате применения данного метода значительно возросли объек-

тивность и надежность полученных данных, практическая значимость соответствующих теоретических выводов и управленческих решений. Своей работой он более чем на столетие опередил перепись населения, состоявшуюся в стране лишь в начале XIX в., и во многом сопутствовал появлению в обществоведении нового научного жанра – социального обследования.

Заложенная Кингом традиция сыграла значительную роль в плодотворном развитии эмпирических социологических исследований, их социально-управленческой функции. Так, исследователь обнаружил взаимосвязь между управленческими изменениями цен на зерно и урожайностью зерновых, и эта закономерность получила в науке название «закона Грегори Кинга» [5, с. 10].

В плеяде представителей классической политической арифметики видное место занимает великий ученый Эдмунд Галлей, астроном и математик, описавший, в частности, закономерности появления знаменитой кометы, названной его именем. На основе изучения социальной динамики населения города Бреслава он опубликовал две работы: «Оценка степеней смертности человечества, выведенная на основании любопытных таблиц рождений и погребений города Бреслава с попыткой установить цену пожизненных рент» и «Несколько дальнейших замечаний по поводу Бреславльских бюллетеней смертности».

Анализируя масштабные эмпирические данные, Галлей одним из первых осмыслил и применил действие закона больших чисел, сопоставив данные о смертности по годичным возрастным группам, что позволило установить случайные статистические погрешности и отклонения в этом массиве. В отличие от своих предшественников, ученый составил полную таблицу смертности, построенную на основе гипотезы стационарного населения, а также ввел понятие вероятной продолжительности жизни в зависимости от возраста. Это получило впоследствии широкое применение в страховании и демографической практике социального управления [6, с. 13–14].

Работы политических арифметиков открыли путь для широкого развития демографии и социальной статистики, эмпирических исследований, позволяющих не только понять, что происходит в обществе и государстве, но и использовать полученные знания в целях эффективного управления социальными процессами. Для своего времени они стали своеобразным образцом социологического анализа, сочетающего широкие и многогранные возможности: отражение реального состояния социальных явлений, процессов и определение факторов, воздействующих на их изменение; выявление ведущих тенденций развития общественных отношений и нахождение оптимальных путей и средств их совершенствования; обоснование управленческих решений и оценка эффективности их реализации. Это, наконец, и действенный контроль в социальной сфере, прогнозирование социальных ситуаций на основе соединения детальных эмпирических данных с концептуальным анализом и стремлением объяснить приводимые факты с помощью их теоретической интерпретации. В частности, было показано, что достижение таких социальных целей, как высокий уровень здравоохранения, адекватная система образования, гарантии достойных условий существования для инвалидов, больных, престарелых, остро нуждающихся, во многом может быть достигнуто посредством эффективного социального управления с учетом обоюдных потребностей государства и общества.

Согласно мнению экспертов [7, с. 14], британская школа политической арифметики имела не только национальное, но и общеевропейское значение для социальной мысли XVII в. и породила многих последователей в других странах. Так, исследованиями в традициях политической арифметики занимались С. де Вобан и А. Декарсье во Франции, И.П. Зюсмилх в Германии, П.В. Варгентин в Швеции. В России эти традиции развивались благодаря работам ученых-статистиков Ю.Э. Янсона и А.А. Чупрова. Известный русский социолог М.М. Ковалевский, отмечая влияние политических арифметиков на раннем этапе развития отечественной социологии, полагает, что важнейшей заслугой этих ученых было осознание необходимости анализа массовых данных как неперемennого обязательного условия для получения устойчивых, доказательных выводов. Они в числе первых стали использовать средние величины в социальном анализе. Широкий резонанс результаты исследований представителей этой школы приобрели и потому, что их работы были посвящены актуальным социальным, экономическим, политическим проблемам, решение которых имело определяющее значение для практики социального управления [8, с. 104].

Историки социологии отмечают, что труды политических арифметиков не только способствовали развитию европейского обществознания, но и оказали определенное влияние на формирование отличительных особенностей социологии США с особым упором на эмпирические методы и прагматизмом [9, с. 125]. Эти отличия проявляются в том, что преобладающими в американской социологии являются эмпирические исследования, направленные на решение конкретных социальных проблем и ориентированные на непосредственные управленческие действия, ведущие к желаемым результатам. Столь важная роль эмпирических исследований, ориентированных на практическое применение и достижение реального социального эффекта, способствовала становлению многих частных научных дисциплин и специальных социологических теорий, изучающих технико-организационные и социальные аспекты управления общественным производством. К наиболее значимым из них как в содержательном плане, так и по своим последствиям для развития социологии, на наш взгляд, следует отнести промышленную социологию, теорию менеджмента, социологию организаций и управления.

Таким образом, вполне обоснованным представляется вывод о том, что сложившиеся в школе политической арифметики традиции положили начало многим направлениям и подходам, ставшим ведущими в современной социологии и теории социального управления [10, с. 7–8]. Представители данной школы одними из первых в мире обратились к эмпирическому анализу социальных явлений и процессов, традиционно отличавшемуся прагматической направленностью на решение острейших общественных проблем и поиском необходимых для их решения механизмов социального управления. Эти исследования не только давали широкое статистическое описание различных социальных групп и общества в целом, но и имели большую управленческую ценность, диагностическое значение. Дополняя и конкретизируя статистическую информацию реалистичными данными, они способствовали более глубокому изучению социальных явлений и процессов и тем самым позволяли целенаправленно вести научное обеспечение социального управления. Работы политических

арифметиков нашли широкий отклик в общественном мнении и способствовали принятию эффективных управленческих решений, направленных на преодоление социальных проблем в различных сферах жизнедеятельности общества.

Наконец, историко-социологический анализ проблемы показывает, что для универсальной общемировой системы социального знания важное значение имеют не только достижения в области фундаментальной теории, но и уникальный национальный опыт реализации социальных знаний в практике социального управления, которая, несмотря на определенную общность закономерностей, имеет у различных народов свою специфику своеобразие и особенности. Существуют народы, оптимально пользующиеся имеющимися для прогресса возможностями; другие демонстрируют собой, что случается при неблагоприятных внешних обстоятельствах и внутренних факторах. Истоки, содержание и движущие силы этих событий и тенденций нельзя в должной степени понять, не обратившись к социальной рефлексии, которая в наиболее концентрированном виде выражена в социологическом знании. Социальная ценность этого знания во многом определяется социокультурным фактором – принадлежностью ученых к определенной языковой культуре и связанным с ней традициям научного поиска.

Как показал историко-социологический анализ, школа политической арифметики имеет богатые научные традиции, которые внесли определенный вклад в общий тезаурус мирового обществоведения. Эти традиции, восходящие к XVII в., значительно повлияли на формирование методологии, методики и практики проведения современных прикладных социологических исследований, развитие их социально-инженерной и управленческой функций.

Работы политических арифметиков были важным этапом изучения и обобщения закономерностей, форм и методов целенаправленного воздействия на социальные структуры и процессы, имеющиеся место в государстве и обществе. Они также содействовали развитию социологии как самостоятельной дисциплины, укреплению ее многоаспектного характера, представленного различными многочисленными специализациями, удовлетворяющими разные научные и практические интересы. Все это послужило становлению социального знания в новом, современном качестве, а его теоретическая значимость и практическая польза значительно возросли.

Библиографический список

1. *Кулыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.
2. Социологическая литература. М., 2011.
3. *Bulmer M.* Development of sociology and of empirical social research in Britain // *Essays on the history of British sociological research.* Cambridge, 1985.
4. *Петту В.* Экономические и статистические работы. М., 1990.
5. *Abrams Ph.* The Origins of British Sociology: 1834–1914. Chicago, 1968.
6. The Classical Tradition in Sociology. L., 1997.
7. *Coser L.* Masters of Sociological Thought. N.Y., 1977.
8. *Ковалевский М.М.* Социология. СПб., 2000.
9. International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968.
10. *Kent R.* A History of British Empirical Sociology. L., 1981.

**Yu.I. Tarsky,
O.Yu. Tarskaya
Political Contexts
of Integrative Processes
in the Field of Education**

The Russian education modernization policy is considered in connection with the processes of formation of the united European educational space. The authors' understanding of the problems of Russia's education system joining the Bologna Process is presented.

Key words and word-combinations: modernization, integration, education, Bologna Process.

Политика модернизации российского образования рассматривается в связи с процессами образования единого европейского образовательного пространства. Представлено авторское понимание проблем вхождения российской образовательной системы в Болонский процесс.

Ключевые слова и словосочетания: модернизация, интеграция, образование, Болонский процесс.

УДК 313.74:37
ББК 60,561.9

**Ю.И. Тарский,
О.Ю. Тарская**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Модернизация российского общества протекает в условиях глобализации, выражаемой в усиливающейся взаимозависимости различных стран и частей света. Сторонники глобализации утверждают, что у России нет иного выбора, кроме становления постиндустриального общества и интеграции в атлантическую цивилизацию. Противники же, напротив, обосновывают необходимость сохранить особый исторический путь. Таким образом, возникают и конкурируют различные трактовки и подходы к оценке и видению перспектив российского общества.

Трансформационные процессы требуют переосмысления роли образования в культурно-историческом контексте, поскольку соответствующие перемены происходят и в сфере образования.

В переходные периоды своего исторического развития российская цивилизация предельно обнажает как свой традиционный характер, так и традиционные же проблемы. Сталкиваются и приходят во взаимодействие тенденции, которые сформировали два мировых региона – Восток и Запад, что находит выход в таких свойствах русского национального характера, как деспотизм, гипертрофия государства, анархизм, вольность, жестокость, склонность к насилию. В то же время в нем проявляются доброта, человечность, мягкость, доверие и искание правды; индивидуализм,

обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвалство и универсализм, всечеловечность; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт [1, с. 37]. Исследователь русского послеоктябрьского зарубежья Г. Вернадский, вслед за В. Соловьевым, связывал особенности социально-политической культуры России с ее геополитическим положением и необходимостью бороться против соседей на Западе, Юге и Востоке. «Самодержавие и крепостное право, — отмечал он, — стали той ценой, которую русский народ должен был уплатить за национальное выживание» [2, с. 396].

Особая роль в исторической устойчивости, самобытности и восприимчивости российской цивилизации принадлежит политической культуре. Идеи глобальности, всеединства и коллективности цивилизаций, выдвинутые за последнее столетие целой плеядой российских ученых, позволяют понять диалектику исторической восприимчивости и самобытности политической и управленческой культур России, ее устойчивого цивилизационного развития в процессе волнообразного преодоления ряда своих переходных периодов — системных кризисов.

Самобытность нашей цивилизации на протяжении целого тысячелетия испытывала культурное влияние различных стран Запада и Востока. Это еще раз подтверждает универсальность открытого Нильсом Бором принципа дополнительности, позволяющего устанавливать единство многообразия цивилизованного мира. Отечественная цивилизация, преодолевая в веках свои смутные времена (кризисы), достигла континентальных масштабов благодаря своей особой политической культуре, которая несет в себе коллективизм азиатских деспотий и индивидуалистские традиции западных цивилизаций. Единение этих противоположностей образует длинные исторические волны и современную кризисную социодинамику России, означающую очередную безуспешную попытку политических сил рыночного индивидуализма взять вверх над соборностью и первородной общинностью русского народа. Указанные процессы серьезно затрудняются привходящими обстоятельствами, наложением на политику политик как стратегий лоббирования групповых интересов, которые не только получают специфическое выражение, но и консолидируются в общем неприятии интеграции в Болонский процесс.

Основными глобальными тенденциями развития высшей школы, которые четко проявились в 1980–1990-х годах, являются следующие: изменение форм и моделей финансирования высшей школы; создание неуниверситетского сектора высшего образования и нетрадиционных высших учебных заведений с обучением на основе новых информационных технологий; постоянные инновации и изменения национальных вузовских систем; расширение масштабов, непрерывный поиск направлений развития высшего образования, адекватных реалиям постиндустриального общества; децентрализация управления и расширение автономии вузов и академических свобод; введение новых организационных форм вузовской науки; создание региональных систем высшего образования.

В конце прошлого столетия в ряде стран (прежде всего в США, Японии, Германии, а позднее — Великобритании и Франции) были предприняты усилия, направленные на развитие высшего образования. В результате значительно расширились его масштабы. Использовались новые механизмы и модели финансирования; осуществлены децентрализация управления и расширение автономии вузов; факультеты и кафедры вузов заменены департаментами, в рамках

которых стал использоваться междисциплинарный подход к обучению и подготовке специалистов; созданы нетрадиционные высшие учебные заведения с обучением на основе новых информационных технологий; сложились новые организационные формы вузовской науки, получил развитие неуниверситетский сектор. Данные реформы в полной мере достигли цели там, где имелись как экономические, так и организационные рычаги реформирования.

С переходом России к рыночной экономике, новой фазе социально-политического развития, потребность в интеграции российского образования в европейское и мировое образовательное пространство стала объективной реальностью. Интеграция российской высшей школы в общеевропейскую систему высшего образования потребовала выработки определенной политики на государственном уровне, которая включает в себя обоснование основных направлений, форм, методов, способов и этапов данного процесса.

Однако реформы, намечаемые федеральным центром, приобретают свою окраску и специфику в конкретных региональных условиях, что в совокупности и представляет реальный процесс вхождения российской высшей школы в Болонский процесс. Следовательно, интеграция России в единое образовательное пространство должна проходить не только на уровне государства и министерств, но и на уровне регионов и их образовательных учреждений.

Обычно понимание Болонских соглашений в дискурсах российского образовательного пространства сводится к следующим базовым положениям: переход к двухуровневой модели с отказом от жесткой связи специализаций в бакалавриате и магистратуре; система кредитов, на основе которой и осуществляется взаимозачет предметов при переходе из вуза в вуз; разработка стандартизированной системы контроля; расширение студенческой и преподавательской мобильности; самостоятельный выбор студентами траектории обучения; переход к дипломам единого образца или согласование их конвертирования. На деле сама по себе попытка построения содержания программы в виде листинга для данной ситуации ущербна.

Болонские соглашения целостны, они представляют собой не набор отдельных идей, а развертывание, по сути, одного базового принципа. Этот принцип состоит в следующем: образовательные услуги должны предоставляться пользователю в максимально удобных для него формах, месте и времени. Развертывание этого принципа предполагает прежде всего формирование единого общеевропейского, а в перспективе и мирового образовательного пространства. К сожалению, большинство российских критиков Болонских соглашений просто не понимает сути этого.

Смысл не в миграции рабочей силы, не в возможности для студентов получить знания в живом общении с теми преподавателями, которые для них наиболее нужны, независимо от своего и их местопребывания, хотя и это важно, а переход к сетевой культуре, и это, на наш взгляд, самое главное. В данном случае важнее отказ от модели иерархизированного, жестко бюрократизированного образования, каким оно было в XIX, да и в XX столетии, когда оно было подчинено задачам подготовки кадров исполнителей для промышленных предприятий и учреждений. Примечательно, что элита сохраняла для себя во многом «средневековые» учебные заведения. Полемика по этому поводу подробно проанализирована еще в начале XX в. В. Розановым [3, с. 242–246; 4, с. 186–190].

Для осмысления механизмов интегративных процессов в сфере образования представляется важным рассмотреть идею норвежского социолога С. Роккана [5], предложившего модель пространственно-территориального устройства общества.

В европейском территориальном пространстве С. Роккан выделяет четыре зоны: империи, «пояс городов», внутренние и внешние периферии. Империи и «пояса городов» исторически противостояли друг другу, внутренние и внешние периферии выступали в роли буфера между ними, придавая системе эластичность и мобильность. Подобное деление территориальных систем аналогично делению на ядро и периферию, на городской и сельский социумы, что можно также отождествить с дифференциацией на столичный и провинциальный социумы. Аналогии могут быть самыми различными: важен сам принцип территориальной дифференциации или разделения на типы поселений.

Вряд ли какой-то аспект реформирования образования в России вызвал столько полемики, как включение в Болонское соглашение. Между тем сам по себе Болонский процесс не несет в себе ничего, что можно было бы назвать радикально отличным от того действительно позитивного, что имелося в российской системе образования. Согласно совместной Декларации европейских министров образования, принятой в Болонье 19 июня 1999 г., «Европа Знаний» теперь широко признана как незаменимый фактор социального и человеческого роста и как обязательный компонент для объединения и обогащения европейского гражданства, способствующий предоставлению его гражданам необходимой компетентности для достойной встречи проблем нового тысячелетия, а также понимания общих ценностей и принадлежности к общему социальному и культурному пространству.

В соответствии с этим, как справедливо замечает А.Ю. Белогуров, принципы современной образовательной политики России должны включать следующие составляющие: создание условий для развития региональных образовательных систем с учетом их включенности в российское и мировое образовательное пространство; отражение в содержании образования федеральных и национально-региональных интересов; регулирование региональной образовательной политики в рамках сохранения единого образовательного пространства Российской Федерации; разработка принципов обновления содержания высшего профессионального образования с учетом тенденций развития современного высшего образования – гуманизации, гуманитаризации, вариативности, интегративности [6].

Постмодернистская модель ориентирована не на то, чтобы научить будущего работника выполнению конкретных функций, поскольку таковые все равно будут меняться слишком часто, а научить учиться, подготовить его к тому, чтобы в короткое время осваивать новые технологии. При этом фундаментальные знания нужны несколько в ином ключе, нежели это предполагалось традиционной моделью.

В средней и высшей школе XIX–XX столетий человеку пытались дать всю сумму знаний, овеществленную в технологиях, которыми он будет пользоваться. Сегодня абсурдность этой задачи очевидна, а кредиты и двухуровневая модель вытекают уже отсюда как закономерное следствие. Этим определяется и логика построения бакалавриата.

Симптоматично, что российские критики наивно удивляются его ориентации

не на специальные знания. По их мнению, бакалавриат должен быть чем-то вроде техникума, а магистратура – «полноценным» вузовским образованием (близкие по смыслу порочные идеи в СССР рубежа 1950-х – 60-х годов привели к разрыву между школьным и вузовским образованием, перемежаемыми работой на производстве, что, впрочем, имело в то время хотя бы идеологическое обоснование с точки зрения приобщения к пролетарским ценностям).

На самом деле бакалавр – не готовый немедленно приступить к работе человек. Подразумевается его краткое корпоративное обучение на рабочем месте. Собственно, именно на этой основе решается и проблема реагирования вузов на изменения в запросах предприятий на специалистов: вуз и не должен готовить работников, способных немедленно приступить к своим обязанностям, – такое положение дел могло быть реально лишь в условиях конвейерного этапа индустриального общества.

В свою очередь, магистратура отличается от бакалавриата тем, что осуществляет «заточку» профессионала под более сложные задачи. Магистр тоже не столько готовый работник, сколько потенциальный ученый, топ-менеджер, специалист, способный развивать технологии, а не просто их использовать.

Условия глобализации, усиливающейся взаимозависимости регионов требуют переосмысления роли и устройства российского образования в широком культурно-историческом контексте. Несмотря на то что трансформационные процессы сторонниками исключительности «русского пути» воспринимаются как процессы вестернизации, утраты Россией ее подлинной сущности, на самом деле интегративный потенциал Болонских соглашений лишает российскую высшую школу лишь «византизма» (по К. Леонтьеву), взламывает жесткую иерархическую систему, неадекватную демократическому устройству общества. Сам по себе Болонский процесс не несет в себе ничего, что можно было бы назвать радикально отличным от того действительно позитивного, что имелось в российской системе образования.

Открытое европейское пространство высшего образования содержит в себе богатый источник возможных перспектив, учитывающих разнообразие условий, но, с другой стороны, вызывает необходимость приложения дальнейших усилий по устранению барьеров и обновлению систем преподавания и обучения, что будет способствовать развитию мобильности и тесного сотрудничества. Естественно, идеи Болонской конвенции радикально расходятся со сложившимися практиками российского образования и потому не могут не вызвать у значительной части преподавателей и студентов отторжения. Но все это, однако, становится реальным, причем при условии не только наличия политической воли, но и изменения сознания.

Библиографический список

1. Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
2. Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.
3. Розанов В.В. Два типа образования // Розанов В.В. Сумерки просвещения. М, 1990.
4. Розанов В.В. О гимназической реформе 70-х годов // Розанов В.В. Сумерки просвещения. М, 1990.

4. Ларни С.У. Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. 1995. № 1.

5. Белогуров А.Ю. Влияние процесса глобализации на формирование регионального образовательного пространства. URL: <http://region.edu3000.ru/belogurov.htm>

E.P. Kortunova
The Head of School
in Conditions
of Education System
Innovative Development

The correlation between the innovative development of the education sphere and the change in requirements for the administrative culture of educational institutions heads is shown. The current requirements for the administrative culture of school heads are considered.

Key words and word-combinations: education, innovations, the head of school, administrative culture.

Показана взаимосвязь инновационного развития сферы образования и изменения требований к управленческой культуре руководителей образовательных учреждений. Рассматриваются современные требования к культуре управления руководителей школ.

Ключевые слова и словосочетания: образование, инновации, руководитель школы, управленческая культура.

УДК 316.74:37.013
ББК 60.561.9+74.00

Е.П. Картунова

РУКОВОДИТЕЛЬ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В инновационном сценарии развития страны российскому образованию отведена особая миссия – роль движущей силы системных изменений в социуме в целом и экономике в частности. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года оно рассматривается и как один из результатов инновационного развития, и как необходимое условие для системных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества [1].

Вызовы современности обуславливают необходимость перехода на инновационный путь развития – следовательно, каждая школа вынуждена искать новые средства, формы, методы управления. Руководитель образовательного учреждения в этом случае выступает в роли специалиста по работе с финансами и человека, умеющего самостоятельно решать организационно-педагогические вопросы, менеджера по кадрам, психолога, хозяйственника, юриста и общественного деятеля. Особую грань его компетентности составляют такие личные качества, как коммуникативность, критичность и логичность мышления, творческие способности, а также адекватная самооценка.

Не каждый руководитель / директор может обеспечить переход подведомственного образовательного учреждения на тот уровень, который ожидает от него общество. Актуальность проблемы личностно-профессионального развития и индивидуально-профессионального становления, заключающейся в сформированности знаний в области управления, креативности управленческих решений и профессионализма в таком положении дел, не вызывает сомнения.

Следует учесть, что кроме исполнения должностных обязанностей для руководителя очень важно занимать лидирующие позиции в области образовательных инноваций. В современных условиях он призван обеспечивать опережающее развитие образовательного учреждения: ставить перед коллективом задачи, которые важны сегодня и станут еще более важными завтра, находить пути их решения. Такая постановка вопроса предполагает, что руководители школ должны быть профессиональными и умелыми инновационными менеджерами.

Однако многие руководители отечественных школ не обладают необходимыми качествами, а также достаточными навыками и технологиями управления. Традиционно отечественная система управления в образовании основывалась на принципе управления «людскими ресурсами» с учетом конкретного «жизненного» опыта руководителя [2, с. 24]. В связи с этим руководителями учреждений образования зачастую назначаются не профессиональные управленцы, а специалисты-педагоги, не всегда готовые руководить коллективами. Процесс «менеджеризации» деятельности управленческих кадров коренным образом меняет положение дел во всей сфере социально-управленческих отношений. Прежде всего изменяются требования к управленческим кадрам: они должны соответствовать требованиям, предъявляемым современным рынком образовательных услуг.

Руководители образовательных учреждений всегда заботились о личном авторитете, стремились подкрепить его высоким уровнем профессионализма, организаторскими способностями, деловитостью, высокой требовательностью к себе и подчиненным, что было призвано способствовать успешному решению коллективом поставленных задач. Они обеспечивали управление и координацию деятельности учащихся, их родителей и педагогического коллектива по достижению положительных результатов, значимых как для личности самого ребенка, так и для других участников образовательного процесса.

Но в условиях рыночной среды и определенной автономности образовательного учреждения важным фактором становится экономическая эффективность учебного процесса. Учреждения образования находятся в центре водоворота трансформирующихся экономических отношений. Из агента, в абсолюте представляющего интересы государства, они становятся самостоятельными субъектами на рынке услуг, а эффективность их функционирования зависит от степени соответствия предложений запросам общества. Как следствие, управление наполняется реальным не только педагогическим, но и экономическим содержанием. Следует отметить, что в своеобразной гонке по нахождению способов «зарабатывания» школой денег руководителем не должно утрачиваться стремление учить и воспитывать подрастающее поколение, заботиться о сотрудниках.

В государственных документах по вопросам развития образовательных учреждений особое место уделяется демократизации управления. В частности, отмечается недопустимость командно-административного стиля руководства,

подавляющего инициативу, активность членов коллектива, свободу личности. Вместе с тем подчеркивается необходимость дисциплины, сочетания единоначалия и коллегиальности в руководстве, важность роли педагогического совета, профсоюза, родительского комитета, управляющего совета и детского самоуправления. Следовательно, для создания оптимальной модели управления важно определить роль и место руководителя образовательного учреждения, четко разграничить права и обязанности управленца и его подчиненных. При этом надо помнить, что хотя коллективное мнение должно учитываться, ответственность за принятое решение всегда лежит на руководителе.

Закон РФ «Об образовании», решения Министерства образования и науки РФ, специфические условия материального обеспечения требуют от руководителей принципиально новых подходов к управлению школой. В настоящее время государством реализуется ряд мероприятий в целях дальнейшего развития кадрового потенциала сферы образования, при этом широко используется программно-целевой метод. Так, приоритетный национальный проект «Образование» предусматривает государственную поддержку образовательных учреждений (общего образования, начального, среднего и высшего профессионального образования), внедряющих инновационные образовательные программы; создание сети федеральных и национальных исследовательских университетов; введение новых систем оплаты труда работников образования, учитывающих сложность и объем выполняемой работы [3]. Однако анализ состояния и развития системы образования в Российской Федерации, нормативного правового, организационного, финансового и материально-технического обеспечения свидетельствует о наличии ряда проблем, решение которых для скорейшего перехода к инновационному развитию экономики не терпит отлагательства.

Социологические исследования, проведенные Институтом управления образованием Российской академии образования (ИУО РАО) [4], выявили ряд оснований, по причине которых происходит торможение инновационного развития в сфере образования: это недостаток профессиональных управленческих компетенций руководителей, консерватизм в управлении образовательным учреждением, нехватка времени у управленческих кадров на дело развития школы. Так, проблема менеджмента выходит на первый план. Поэтому не удивительно, что в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников образования» Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих [5] закреплены новые требования к управленческой квалификации руководителей образовательных учреждений и их заместителей. Данный нормативный акт отражает позицию государства касательно необходимости повышения уровня менеджмента с целью обеспечения эффективности функционирования системы образования.

Причины проблем учреждений образования видятся не только в недостаточной подготовленности руководителей к управленческой деятельности, но и в состоянии социально-экономического положения России и конкретного региона.

На наш взгляд, политика муниципальных и региональных властей является залогом полноценного развития каждого подведомственного учреждения образования. Вот почему модернизацию сферы образования необходимо начинать с создания финансовой и правовой базы, обоснованного планирования, разработ-

ки программ развития образования с учетом экономической ситуации в России и на местах, а также строгого контроля результатов на каждом этапе реализации преобразований.

Ведущей проблемой в инновационной деятельности выступает проблема ее организации.

Как показывает практика, эффективная работа современных учреждений образования в условиях конкурентной среды и меняющегося рынка образовательных услуг должна быть основана на качественном управлении. Квалификация менеджера, руководителя является ведущим фактором обеспечения положительной динамики инновационного процесса, поэтому от менеджера требуются умения мастерского владения всей совокупностью управленческих инструментов.

Пути решения данной проблемы заложены в разработанных программах повышения квалификации руководителей образовательных учреждений, национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», а также в основных направлениях реформирования системы управления образованием [6]. Решение такой масштабной задачи предполагает повышение управленческой культуры руководителей образовательных учреждений, включающей совокупность качеств, обеспечивающих эффективность профессионально-педагогической деятельности. В первую очередь руководитель должен быть ответственным субъектом управления, способным оценивать себя как профессионала. Ему необходимо обладать умением предвидеть последствия и результаты своей управленческой деятельности, уметь контролировать управленческий процесс.

В заключение необходимо отметить, что ответственность за развитие учреждений образования в современных условиях возлагается прежде всего на их руководителей: именно руководитель, выступая в роли инновационного менеджера, должен быть способен в полной мере определять задачи развития своего образовательного учреждения, иметь активную позицию, стремиться к постоянному развитию с учетом современных тенденций в системе образования и создавать условия успешной реализации намеченных стратегических планов. Следовательно, сегодня необходим пересмотр механизмов и инструментов управления образовательным учреждением. Прежде всего речь идет о выборе конкурентоспособной модели развития, имеющей инновационный потенциал. При этом следует учитывать, что применение новых моделей может быть эффективно только при квалифицированном управлении и активизации внутренних ресурсов учреждения, в том числе инновационных.

Библиографический список

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/> (дата обращения: 10.10.2011).
2. Болотов В.А., Кравцов С.С., Ростовцева Н.П. Новый взгляд на подготовку руководителей образовательных учреждений // Ценности и смыслы. 2010. № 3. С. 23–29.
3. Приоритетный национальный проект «Образование». URL: <http://mon.gov.ru/pro/pnp/> (дата обращения: 25.01.12).
4. Управление развитием образовательного учреждения через профессиональную подготовку его руководителя. URL: <http://www.iuorao.ru/05-06-2010-00/43-05-06-2010-3> (дата обращения: 25.01.2012).

5. Квалификационные характеристики должностей работников образования // Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих. URL: <http://www.klerk.ru/doc/158953/> (дата обращения: 12.09.2011).

6. *Ибрагимов И.И.* Правовая основа управления системой образования в Российской Федерации // Вестн. ТИСБИ: электрон. журн. 2006. № 2. URL: <http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2006/issue2/Jur5.html> (дата обращения: 08.07.2011).

Е.А. Antonova

The Model of Personal Emotional Stability Formation on the Basis of Command Sports Application

A model of development of students' emotional stability on the basis of command sports application is presented. Pedagogical conditions of its successful realization are substantiated.

Key words and word-combinations: emotional stability, pedagogical conditions, command sports.

Представлена модель развития эмоциональной устойчивости студентов на основе использования командных спортивных игр. Обоснованы педагогические условия ее успешной реализации.

Ключевые слова и словосочетания: эмоциональная устойчивость, педагогические условия, командные спортивные игры.

УДК 159.923:796.1

ББК 88.37+75.5

Е.А. Антонова

**МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ
УСТОЙЧИВОСТИ
ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ
НА ОСНОВЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КОМАНДНЫХ
СПОРТИВНЫХ ИГР**

Кардинальные изменения, происходящие в социально-экономической, политической, культурной сферах современного российского общества, повлекли за собой реформирование системы образования. Модернизация российской системы образования предусматривается Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [1], имеющей значение стратегического документа. Отвечающая современным требованиям система образования видится основой динамичного экономического роста и социального развития общества, фактором, обеспечивающим благополучие граждан и безопасность страны.

Основной целью дальнейшего реформирования системы образования является создание эффективной системы, обеспечивающей высокое качество образования, его многообразие и удовлетворение запросов личности и

общества. Развитие системы образования предусматривает индивидуализацию процесса обучения, ориентацию на получение обучающимися практических навыков и фундаментальных умений.

Модернизированное профессиональное образование в Российской Федерации призвано способствовать воспитанию будущих профессионально компетентных специалистов, нацеленных на непрерывное повышение эффективности своей деятельности. Немаловажную роль при этом играет психолого-педагогическое обеспечение образовательного процесса, направленное на формирование качеств, способствующих повышению эффективности профессиональной деятельности будущего специалиста. Важной составляющей психологической подготовленности личности к различным видам деятельности, в том числе профессиональной, является эмоциональная устойчивость.

Под эмоциональной устойчивостью, как правило, понимается интегративное свойство личности, включающее в свою структуру эмоциональные, волевые, интеллектуальные и мотивационные компоненты психической деятельности, а также способность подавлять эмоциональные реакции. Эмоциональная устойчивость тесно связана с так называемой «силой воли», проявляющейся в терпеливости, настойчивости, самоконтроле, выдержке (самообладании). Исследованию эмоциональной устойчивости личности посвящен целый ряд работ [2–6].

Проблема эмоциональной устойчивости личности дополнительно актуализируется ускорением темпов жизни, стрессами, значительным увеличением интенсивности умственного труда, «информационным взрывом», другими факторами текущей действительности. Наиболее остро она ощущается в молодежной среде, включая студенчество.

Сегодня предъявляются высокие требования к эмоциональным ресурсам молодых специалистов и возникает необходимость изучения уровня эмоциональной устойчивости студентов на этапе обучения профессии.

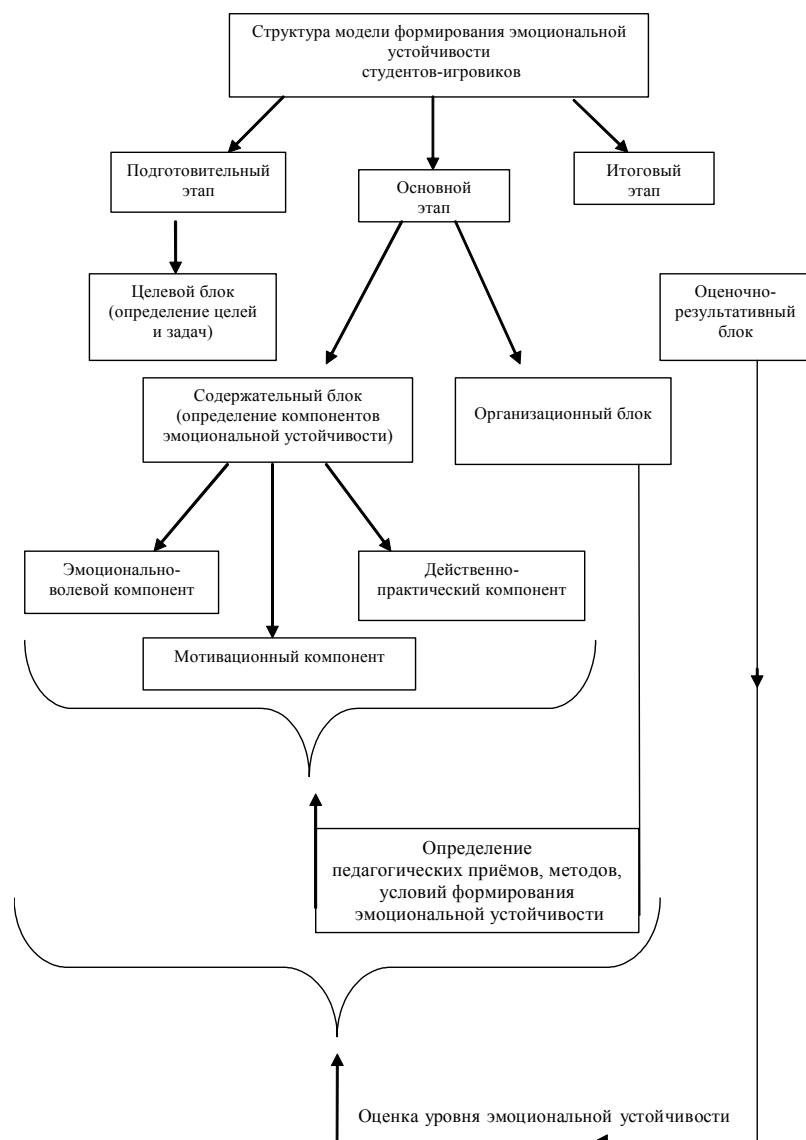
Студенческий период жизни, включающий в себя активные занятия физической культурой и спортом, наиболее продуктивен для формирования эмоциональной устойчивости, усвоения навыков сознательной саморегуляции и самоконтроля. Вот почему научный поиск путей и условий формирования эмоциональной устойчивости будущих специалистов именно в период их обучения в вузе представляется наиболее целесообразным.

Нами проведено исследование по выявлению уровня эмоциональной устойчивости у рядовых студентов и студентов-спортсменов, занимающихся игровыми видами спорта, в частности волейболом. Оно показало, что уровень эмоциональной устойчивости у студентов, ведущих активную студенческую жизнь, но не занимающихся спортивными играми, значительно ниже, чем уровень у студентов-игроков.

В процессе занятий волейболом максимально проявляется эмоционально-волевой компонент как составляющая эмоциональной устойчивости. Малая социальная группа, в роли которой выступает спортивная команда, становится для студентов-спортсменов важной средой деятельности и значимым фактором воспитания личности. Групповые характеристики коллектива – сплоченность, эффективность, надежность – оказывают ощутимое воздействие на приобрете-

ние волевых качеств каждым членом команды. От игроков требуется проявлять эмоциональную устойчивость в стрессовых ситуациях.

Формирование и развитие эмоциональной устойчивости требует четкого определения целей и задач каждого из этапов обучения, в числе которых следует выделить: подготовительный, основной и итоговый. Выделение этапов производится в соответствии с построенной авторами моделью формирования эмоциональной устойчивости (рисунок).

Модель формирования эмоциональной устойчивости студентов

Подготовительный этап закладывает начальные ориентиры формирования эмоциональной устойчивости студентов-игровиков и является основой для последующих действий. Он включает в себя диагностику эмоциональной устойчивости; определение методов и форм организации тренировочной и соревновательной деятельности студентов, адекватной уровню развития их индивидуально-психологических особенностей.

Основной этап подготовки характеризуется личностной включенностью студента в деятельность по формированию и развитию эмоциональной устойчивости на основе актуализации смыслов и целей, адекватных игровой активности. В данном случае формирующую деятельность нельзя представить без совместной работы тренера и игрока. Это обуславливает принятие в качестве основы предлагаемой модели формирования эмоциональной устойчивости целого комплекса педагогических воздействий и взаимодействий. Отбор конкретных педагогических приемов варьируется в зависимости от постановки задач на подготовительном этапе. В процессе формирования эмоциональной устойчивости студентов отдается предпочтение педагогике побуждения как максимально эффективной при решении сформулированных задач.

Итоговый этап характеризуется включением студентов в процесс формирования эмоциональной устойчивости. На нем подводятся итоги формирования эмоциональной устойчивости, реализуется мониторинговая деятельность тренера по определению уровня эмоциональной устойчивости студентов. Студентами, в свою очередь, производится коррекция уже усвоенных знаний, умений и навыков в форме самоконтроля.

Спроектированная нами модель развития эмоциональной устойчивости студентов представлена следующими структурными блоками:

- целевой – устанавливаются цели и задачи развития эмоциональной устойчивости;
- содержательный – происходит определение компонентов эмоциональной устойчивости;
- организационный – выявляются педагогические условия и технологические составляющие развития эмоциональной устойчивости;
- оценочно-результативный – заключается в определении уровня развития эмоциональной устойчивости.

Анализ научной литературы и обобщение педагогического опыта позволили выделить компоненты эмоциональной устойчивости студентов-игровиков. Эмоционально-волевой компонент определяет степень волевого владения человеком своими эмоциями. Мотивационный компонент предполагает понимание и формирование готовности к развитию и саморазвитию эмоциональной устойчивости. Действенно-практический компонент направлен на применение и закрепление психолого-педагогических знаний, практических навыков и умений в ходе спортивной деятельности.

Результатом и одновременно входящей составляющей, непосредственно влияющей на работу всей модели, является комплекс педагогических приемов, методов, условий формирования эмоциональной устойчивости – это переменная, меняющаяся в ходе реализации модели и при этом оказывающая влияние на ее последующее функционирование.

Корректная работа модели возможна только при последовательной и системной реализации сформулированных педагогических условий. В первую очередь необходимо учитывать исходные личностные характеристики студента-игровика, детерминирующие успешность процесса формирования эмоциональной устойчивости. Далее следует оценить и учесть непосредственные обстоятельства процесса формирования эмоциональной устойчивости: организацию тренировочной и соревновательной деятельности студента-игровика, межличностные отношения и характер общения в команде, содержательную и эмоциональную сторону общения тренера со студентами, вовлеченность студента в команду (социальную группу), взаимодействие команды с окружающей средой. И, наконец, третий уровень педагогических условий может быть обозначен как ресурсное обеспечение процесса формирования эмоциональной устойчивости. Он включает в себя кадровое обеспечение процесса, обусловленное свойствами субъекта педагогической деятельности; материальное обеспечение деятельности; пространственно-временные параметры воспитательного процесса; сознательное изменение свойств среды, окружающей команды; информационное обеспечение воспитательного процесса; программно-методическое обеспечение воспитания эмоционально-волевых качеств личности.

Подводя итоги, следует сказать, что реализация модели формирования эмоциональной устойчивости студентов-игровиков – это сложный и многогранный процесс, требующий вдумчивого подхода со стороны тренера-педагога. Он должен быть знаком с эффективными методами, способами, разработками, новыми формами педагогического воздействия на обучаемых. В его деятельности сегодня не последняя роль отводится совершенствованию психических качеств личности будущих специалистов, последовательному и целенаправленному развитию их способностей к продуктивному профессиональному функционированию.

Таким образом, предварительные итоги нашей исследовательской работы позволяют утверждать, что командные спортивные игры в высшей школе являются действенным средством формирования эмоциональной устойчивости будущих специалистов. Умение преодолевать излишнее эмоциональное возбуждение, сформированная готовность к действию в напряженной профессиональной ситуации объективно повышает их конкурентоспособность на современном рынке труда.

Библиографический список

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.intelros.ru/subject/ross_rasput/2020-koncepcija-dolgosrochnogo-socialno.html
2. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М., 1964.
3. Фресс П. Эмоции // Экспериментальная психология. М., 1975. Вып. V. С. 111–195.
4. Писаренко В.М. Роль психики в обеспечении эмоциональной устойчивости человека // Психологический журнал. 1986. № 1. С. 62–72.
5. Аболин Л.М. Эмоциональная устойчивость и пути ее повышения // Вопросы психологии. 1989. № 4.
6. Дьяченко М.И., Пономаренко В.А. О подходах к изучению эмоциональной устойчивости // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 106–113.

G.M. Ivashchenko
The Way to Correct the Process
of Youth Deviant Behavior
Management in Conditions
of the Russian Society
Socio-Economic Modernization

The possibility to reduce the impact of the deviant behavior of youth on the process of social modernization in Russia is investigated. Special attention is paid to the definition of restrictions, conditions, targeted solutions that make up the process of youth deviant behavior management.

Key words and word-combinations: socio-economic modernization, the process of management, deviant behavior of youth.

Исследуется возможность снижения влияния девиантного поведения молодежи на процесс общественной модернизации России. Особое внимание уделяется определению ограничений, требований, целевой направленности решений, составляющих процесс управления девиантным поведением молодежи.

Ключевые слова и словосочетания: социально-экономическая модернизация, процесс управления, девиантное поведение молодежи.

УДК 316.32:316.34/35(2Рос)
ББК 60.52+60.54(470+571)

Г.М. Иващенко

**ПУТЬ КОРРЕКТИРОВАНИЯ
ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ
ДЕВИАНТНЫМ
ПОВЕДЕНИЕМ МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА***

В современных условиях отмечается распространение девиантных форм поведения среди молодежи России, ряд из которых уже давно получил значение опасных социальных явлений: пьянство, суицидальное поведение, преступность [1, с. 292–313], наркотизм, бродяжничество, беспризорность, безнадзорность [2]. Так, общее количество беспризорных и безнадзорных детей в Российской Федерации составляет от 2,5 до 5 миллионов и ежегодно увеличивается на 90 тысяч человек [3, с. 280].

Девиации затрагивают уровень и качество жизни всех слоев общества. Активизируя социальные конфликты, они могут угрожать национальной безопасности государства. Это ставит постановку задачи борьбы с социальными отклонениями на одно из первых мест в государственной социальной политике.

В практику внедряются различные фор-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ РК 2010 № 10-03-84311 а/у «Социальная профилактика социальных отклонений в молодежной среде».

мы управления отклоняющимся поведением молодежи, но не всегда они приносят ощутимый эффект. Привлекая к себе особое внимание специалистов, проблема отвлекает их от решения других, напрямую связанных с социальным прогрессом, задач. Например, по отношению к молодежи с девиантным поведением не ставится вопрос о формировании творческой личности – вместо этого появляется потребность скорректировать нормативную систему поведения молодых людей хотя бы до общепринятых правил. В условиях происходящей в настоящее время социально-экономической модернизации общества проблема корректирования поведения молодежи обретает еще большую актуальность.

Содержание взаимосвязи между общественной модернизацией и девиантным поведением молодежи можно определить исходя из известных объяснений модернизации. В социологической литературе под модернизацией понимается ряд значений [4, с. 187]. Их сравнение позволяет сформулировать собственную точку зрения об общественной модернизации. На наш взгляд, она представляется как явление и процесс, характеризующиеся одновременно свойствами объективности и субъективности. Объективно общественную модернизацию следует относить к исторически обусловленным процессам, которые предполагают интегрированные изменения условий жизни общества, социальных потребностей индивидов, а вместе с ними – разнообразных возможностей производства. Субъективно, с точки зрения государственного и социального управления, модернизацию можно еще назвать глубоким и долгосрочным социальным проектом, особенность которого состоит в том, что он разрабатывается и реализуется совместными усилиями субъектов социума исходя из их общего интереса.

Как любой комплексный долгосрочный проект общественная модернизация невозможна без теоретико-методологических идей и целей. Одной из таких идей, способствующих стратегическому развитию России, является социальная концепция. Ключевые принципы концепции глубоко и всесторонне проработаны ведущими экспертами [5, с. 5]. Опираясь на эти принципы, главную стратегическую цель модернизации уместно было бы, на наш взгляд, выразить категорией приоритетности человека. Содержание этой цели раскрывается в обеспечении благоприятных условий для активной жизнедеятельности и реализации потребностей человека как социального субъекта. В свою очередь, реализация цели подразумевает становление гармонично развитой личности.

Достижение стратегических целей общественной модернизации несомненно предполагает широкое использование молодежного потенциала. Проявляясь в многообразных формах – интеллектуальной, инновационной, социальной, коммуникационной, человеческой, именно он придает молодежи значение главной движущей силы в процессах общественного обновления. Если поведение молодежи является девиантным, то ее интеллектуальные, инновационные, человеческие ресурсы не могут быть использованы в той мере, в которой они должны быть востребованы сегодня. Очевидно, что сдерживание модернизации может наблюдаться в тех случаях, когда значительная часть молодежи активно обратится к формам асоциального поведения.

В современной реальности девиантность является ведущим фактором, обуславливающим возникновение целого ряда негативных тенденций. Они, в свою очередь, в совокупности влияют на процесс и частично на обновление российского общества при прочих равных условиях. В зависимости от внутреннего состояния молодежного сообщества – качества сознания, гражданской зрелости, степени образованности, содержания ценностей и потребностей, расположенности к социуму или противостояния ему – движение социальных процессов ускоряется или замедляется. Молодежный потенциал, который детерминирован молодыми людьми с девиантным поведением, либо замедляет достижение целей модернизации, либо вовсе им противостоит.

Указанная проблема имеет управленческий характер. В общем виде ее следует понимать как проблему улучшения управляемости социальным объектом, поэтому требуется опираться на закономерности управления, действующего в социальных системах. Одной из таких закономерностей, определяющей успех управления, является знание причин появления проблемных ситуаций, что заставляет обратиться к выявлению причин молодежной девиантности.

Сегодня многие исследователи разделяют мнение о том, что причины девиантного поведения молодежи скрываются в организации и реализации семейных отношений. На наш взгляд, с этим можно согласиться. Более того, сравнительный анализ причин девиантного поведения молодежи, выполненный по результатам исследований 1996 г. [1, с. 292–313] и 2007–2008 гг. [2; 3], позволяет установить, что причины эти постоянны.

В наиболее существенных среди них – семейные конфликты, пьянство и безразличие родителей, физическое насилие, опасение за жизнь, ощущение ненужности подростка в семье, уход его из дома – просматривается тесная связь отношений между старшими и младшими в семье. Следовательно, девиантность детей усиливается в условиях девиантности взрослых членов семьи.

Девиантное поведение старших раскрывается в содержании семейных ситуаций, в которых они находятся. Анализ семейных ситуаций, характеризующихся наличием поведенческих отклонений их участников, показывает, что все они связаны с неблагополучием старших поколений. В целом же неблагополучие семей выражается в таких формах, как материальная необеспеченность, неполный состав семей, безработное состояние родителей, проблемы с жильем, и ряде других [6, с. 162]. Значит, можно уверенно утверждать, что во многом причины девиантного поведения детей и молодежи исходят из тяжелого положения взрослых. Кроме того, наличие собственно причин девиантности, на наш взгляд, представляется недостаточным для активизации соответствующего поведения молодых людей – оно возникает лишь в условиях определенных проблемных ситуаций.

Таким образом, анализируя причины девиантности, следует отметить, что младшие и старшие члены проблемных семей характеризуются собственными признаками, ведущими к отклонениям. Для старших, отвечающих за жизне-способность и жизнеобеспеченность своих детей, – это в первую очередь неус-

троенность в обществе. В таких условиях именно взрослые создают, используют, демонстрируют младшим отклоняющиеся нормы и модели поведения. Признаком движения к девиантности у младшего поколения, со своей стороны, является равнодушие к нему семьи, общества и социальных структур, отвечающих за благоприятные условия социализации и организацию жизнедеятельности. Недостаток агентов социализации обуславливает обращение детей и подростков к девиантным нормам и моделям поведения родителей как примеру для подражания.

В целом, возвращаясь к вопросу о содержании взаимосвязи, существующей между общественной модернизацией и девиациями молодежи, необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств.

Степень влияния девиаций на ход и итоги общественного обновления определяется в основном двумя факторами: во-первых – численностью проблемных семей, в которых находятся дети и молодые люди с девиантным поведением; во-вторых – количеством членов этих проблемных семей. Семьи, в которых находятся молодые люди с девиантным поведением, являются проблемными, слабо участвующими в модернизации. Это ведет к тому, что желаемые цели модернизации – повышение благосостояния, рост качества жизни общества, всестороннее развитие личности – не реализуются в отношении как неблагополучных детей и молодых людей, так и семей, в которых они живут.

Распространение форм девиантного поведения и количества их носителей в свою очередь формирует ту часть общества, которая остается за рамками социально полезного общения. В итоге асоциальное пространство охватывает не только детей и молодежь, определяющих многообразие социальных и экономических отношений в перспективе, но и их родителей, являющихся уже сегодня экономически активной частью населения. В связи с этим при разработке приоритетных целей и задач российской государственной политики, направленных на снижение уровня наиболее жестких девиаций, требуется учитывать их причинно-следственные взаимосвязи с модернизационными процессами.

Это и представляется, на наш взгляд, комплексной предпосылкой и основанием для выбора предлагаемого пути корректирования управления девиантным поведением молодежи в условиях социально-экономической модернизации. Поправить содержание современного управленческого процесса, осуществляемого относительно социальных отклонений в молодежной среде, необходимо по нескольким принципиальным позициям.

Важнейшим принципом, по нашему мнению, необходимо считать следование субъектов управления основным требованиям, предъявляемым к научному и социальному управлению и сформулированным экспертами в разное историческое время [7–12]. Требования научного подхода на практике сводятся к тому, чтобы всесторонне изучить объект управления, определить совокупность необходимых управленческих мероприятий и субъектов, которые будут их исполнять, а также обеспечить выполнение этих мероприятий по всем возможным ключевым точкам проблемы. Необходимым звеном реализации управле-

ния, согласно таким требованиям, выступает координация усилий субъектов посредством централизации и иерархичности управляющей системы [9]. Совокупность этих действий следует воспринимать как требования системности, комплексности, научности, предъявляемые к управлению любыми социальными объектами.

В дополнение к указанным требованиям рекомендуется учитывать новые факты об управлении: его атрибутивности [13], фундаментальной структуре [14], цивилизованных формах практического применения [15]. Они имеют форму нового знания и предлагаются для массового использования в практике управления социумом и его компонентами. В содержании этого знания широко раскрывается собственно процесс управления, причинно-следственные связи в нем, суть ведущих участников управленческого процесса. Его значение состоит в том, чтобы придать управлению более высокий уровень организованности, влекущий за собой повышение качества, научности, общественной полезности, этичности, профессиональной грамотности ведущих участников.

Другим принципом при определении пути корректирования процесса управления девиантным поведением молодежи представляется поиск ответов на ключевые методологические вопросы: из чего исходить в его организации, на что направить процесс и как обеспечить его результативность?

Основным фактором в организации пути корректирования управленческого процесса представляется создание благоприятных условий для развития семейных отношений: это поддержка существующих российских семей и помощь в формировании новых. В первую очередь эти меры способствуют повышению уровня материального достатка семей через обеспечение занятости.

Одним из наиболее значимых обстоятельств возникновения девиантности выступает безработица – следовательно, степень девиантности может быть снижена за счет трудоустройства старших членов семьи и связанным с этим ростом материального благополучия семей в целом. Здесь, на наш взгляд, следует особо подчеркнуть, что речь идет не просто и не только о трудоустройстве, хотя и это обстоятельство само по себе, очень важно, но и об обеспечении равноценного обмена между трудом и платными социальными услугами. В частности, люди должны иметь возможность за счет результатов своего труда своим трудом реализовывать жизненно важные потребности в интенсивно расширяющейся день ото дня сети платных услуг по воспитанию и образованию детей, здравоохранению всех членов семьи, совместному семейному отдыху. В этой ситуации труд принимает значение не только материального, но и морального фактора. Обуславливая повышение уровня материального благосостояния его субъектов, труд переводит их в другое социальное пространство, меняя одновременно их социальную позицию.

Второй отправной точкой в обновлении исследуемого управленческого процесса представляется требование о необходимости обратить особое внимание на детей и молодежь со стороны структур, отвечающих за организацию их жизнедеятельности и благоприятные условия социализации. Такими структура-

ми, находящимися в некотором противостоянии друг другу, выступают собственно семьи, а также государство и общество.

Со стороны семей обеспечить благоприятные условия для жизнедеятельности и социализации детей, отстранив их тем самым от девиантности, можно через удовлетворение потребностей старших поколений, неразрывно связанных с воспитанием детей. Государство и общество должны это делать посредством адресного воздействия на отдельные группы детей и молодежи и комплексного – на все семьи с детьми.

Ответы на другие вопросы – на что направить воздействие и как обеспечить его результативность – можно получить на наш взгляд, при использовании принципов диверсифицированности и комплексности управленческих мероприятий, а также фактора времени.

Необходимость формирования комплекса диверсифицированных управленческих мероприятий обусловлена множеством различий между собственными интересами и социальными характеристиками членов семей. Совокупность направлений этих мероприятий составляет следующий ряд:

- повышение социально-экономического уровня жизни российских семей, в особенности семей с детьми;
- улучшение качества жизни российских семей;
- всестороннее развитие личности;
- повышение степени удовлетворения социальных и материальных потребностей семей с детьми и общества в целом;
- формирование массового понимания стратегической ценности благополучных семей с детьми для общественного развития.

В свою очередь, принцип использования фактора времени заключается в разработке и внедрении разновременных решений с их разной целевой направленностью. В краткосрочных и среднесрочных проектах следует учитывать дифференциацию общества и молодежи на группы, характеризующиеся поведением с разной степенью девиантности, а также общепринятым. Стратегические решения требуются направлять на выравнивание социальных характеристик семей с тенденцией снижения их проблемности и, кроме того, на создание равных возможностей для развития всех российских семей.

Подводя итоги, особо подчеркнем наиболее важные аспекты проблемы и ее решения. Предпосылкой и основанием для определения пути корректирования процесса управления девиантным поведением молодежи в условиях общественной модернизации представляются фундаментальные причины их возникновения. Особое внимание привлекают две из них. Первая причина – это неустроенность старшего поколения, отвечающего за жизнеобеспеченность своих детей. Она проявляется в разных формах проблемных семейных ситуаций, но в первую очередь – в форме материального неблагополучия. Вторая причина – это не внимание к младшему поколению со стороны семьи, общества, социальных структур, организующих жизнедеятельность детей и молодежи, следствием чего является, с одной стороны, низкая востребованность обществом молодежи как потенциала преобразований в нем и, с другой стороны, снижение потребности молодежи в активном участии в жизни общества и государ-

ства. В этих условиях предельно важным становится поиск путей корректирования процесса управления девиантным поведением молодежи.

Собственно корректирование процесса управления девиантным поведением молодежи в условиях общественной модернизации рекомендуется обеспечить посредством использования традиционных принципов научного управления, а также дополняющего их нового знания об управлении, включающего концептуальные положения о его атрибутивности, фундаментальной структуре, цивилизованных формах практической реализации. С теоретической точки зрения результаты исследования указанной проблемы способствуют развитию знания о путях обновления процесса управления девиантным поведением молодежи в условиях общественной модернизации, а также показывают возможность практического использования знания об управлении как атрибуте социальных систем в решении одной из глубоких общественных проблем. С точки зрения практического управления можно констатировать, что полученные нами результаты исследования раскрывают новые идеи для подготовки программ и нормативных актов, направленных на борьбу с асоциальными явлениями в молодежной среде, а также для разработки конкретных мер активизации процессов общественной модернизации.

Библиографический список

1. Социология молодежи / под ред. В.Т. Лисовского. СПб., 1996.
2. Баимбетов А.А., Казаринов Ю.Л., Баимбетов В.А. Социальные проблемы подростковой беспризорности и безнадзорности. Уфа, 2007.
3. Баимбетов А.А. Социальная профилактика как основа предупреждения беспризорности и безнадзорности // мат-лы XI междунар. конф. «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Ч. 1 / ред. кол.: Е.В. Грунт, Н.А. Комлева, Г.Б. Кораблева [и др.]. Екатеринбург, 2008.
4. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М., 2000.
5. Стратегическое управление: регион, город, предприятие / Д.С. Львов [и др.]; под ред. Д.С. Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина; ООО РАН, НИМБ. 2-е изд., доп. М., 2005.
6. Зиновьева Д.М. Девиантное поведение детей и подростков как симптом психологического неблагополучия современной России // Философия социальных коммуникаций: науч.-теоретический журн. 2011. № 3 (16). С. 160–172.
7. Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. М., 1972.
8. Марков М. Теория социального управления. М., 1978.
9. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981.
10. Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. М., 1985.
11. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы / рук. авт. кол.: Д.С. Львов, А.Г. Поршнев; Гос. ун-т упр., отд-ние экономики РАН. М., 2002.
12. Платов В.Я. Современные управленческие технологии. М., 2006.
13. Иващенко Г.М. Управление как неотъемлемое свойство социальных систем // Россия в XXI веке: модель устойчивого развития / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2010. Кн. 3. С. 11–62.
14. Иващенко Г.М. Фундаментальная структура управления // Альманах современной науки и образования: науч.-теоретический и прикладной журн.: в 2 ч. Ч. 1. 2010. № 3 (34). С. 155–165.
15. Иващенко Г.М. Цивилизованное и проблемное управление // Вестн. Евразийской акад. адм. наук: науч.-теоретический журнал. 2011. № 3 (16). С. 15–24.

D.V. Vedyaykin
The Community of Diaspora
as an Element of Regional
Ethno-Political System

Characteristics of a community of Diaspora as a key element of regional ethno-political structure are considered. The structure of a community of ethnic migratory community is analyzed, and its basic qualitative characteristics outlining strategies of interaction between migrants and the state are shown.

Key words and word-combinations: ethno-political system of a region, migration, institutionalization of ethnicity, ethnic migratory communities.

Рассматриваются характеристики общины диаспоры как ключевого элемента этнополитической структуры региона. Анализируется структура общины этнического миграционного сообщества; показаны ее основные качественные характеристики, обуславливающие стратегии взаимодействия мигрантов с государством.

Ключевые слова и словосочетания: этнополитическая система региона, миграция, институционализация этничности, этнические миграционные сообщества.

УДК 323.1
ББК 66.094

Д.В. Ведяйкин

ОБЩИНА ДИАСПОРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА

Глобализация, возрастающие потоки миграционных перемещений, высокая прозрачность границ, безвизовый режим, географическая близость, относительная стабильность политического и экономического характера обусловили превращение России в страну – реципиента миграционных процессов начала XXI в. [1, с. 5]. Прибывающие в нее мигранты стремятся организовать пространство своего бытия чаще всего путем образования этнических общин.

В настоящее время существующие общины мигрантских этнических сообществ можно представить как некоторую структуру, состоящую из условных частей, по-разному взаимодействующих между собой и внешним окружением, а именно:

– *старожилы общины* – члены общины, прожившие на данной территории более 7–10 лет и успешно адаптировавшиеся к внешним условиям общины; они представляют собой ядро общины диаспоры, являются хранителями ее традиций и основными производителями диаспорной идентичности;

– *недавние мигранты* – члены общины, прибывшие из территории (страны) исхода недавно, имеющие четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество, стремящиеся перенять нормы поведения местного сообщества и одновременно активно перенимающие диаспорную идентичность;

– *трудовые мигранты* – члены этнической группы общины, не включенные в сеть взаимопомощи общины и не имеющие це-

левых установок на интеграцию в местное сообщество; они являются носителями прагматической культуры, образуя собственные дискретные сети по образцу традиционных; предпочитают по возможности селиться среди своих соотечественников, в том числе и представителей первых двух групп, по традиционному образцу претендуют на их поддержку и поддержку функционеров НКО в решении своих проблем (впрочем, часто безуспешно); они не ориентированы на интеграцию в местное сообщество, хотя часто живут здесь практически на постоянной основе или периодически выезжают в страну исхода, другие регионы России и возвращаются обратно, реализуя тем самым приспособительный сценарий.

Община имеет внутреннюю и внешнюю границы, каждая из которых выполняет собственные функции. *Внешняя этническая граница* по отношению к общине формируется в иноэтничной среде и обусловлена фактами, сюжетами истории и современности, тенденциями межэтнических отношений. Она определяет степень вмешательства иноэтничного элемента в культурную жизнь общины диаспоры. *Внутренняя этническая граница* формируется в среде самой диаспоры и, будучи фактически границей ядра общины, строится на основе этнических доминант, внутридиаспоральной комплиментарности как формы психологической поддержки в условиях иноэтничного окружения и этнической самоидентификации, как сознательного акта коллективного самоопределения, этнической традиции, как совокупности стереотипов и правил поведения [2, с. 190]. Между внешней и внутренней границей общины формируется буферная среда, как правило, из числа членов общины, которые находятся в некотором пограничном состоянии – это в основном члены семей в смешанных браках.

В качестве одного из определяющих признаков общины специалистами отмечается выраженная культурная идентификация членов этнической группы – в данном случае это наличие динамического процесса поиска точек соприкосновения и конструирование общей идентичности на основе уже имеющихся идентичностей.

Процесс конструирования общинной идентичности является сложным и длительным. Важным фактором, влияющим на ее динамику, является «ассимиляционная» способность этнической группы поглощать, растворяя в своей среде вновь прибывших. Однако существует предел поглощения, за которым нарушаются согласованные с местной средой процессы конструирования общинной идентичности – так проявляется сохранение стабильности группы как единого целого. Вновь прибывшие привносят в состав группы новые проблемы, интересы, целевые установки, нормы поведения. Возникают новые группы влияния [3]. Из числа представителей групп влияния, как правило, создаются НКО, выполняющие представительские функции общины и обеспечивающие ее функционирование как социально-политического субъекта социального сообщества.

Существование двух и более групп влияния внутри общины допускает сценарий ее раскола на две и более части. Причинами раскола могут служить несовпадение структур целевых картин, приоритетов идентичностей, желание

перераспределения сетевых (общедиаспорных) ресурсов. Однако наличие двух и более групп влияния в общине, ведущих конкурентную борьбу друг с другом, тем не менее в целом способствует интеграции и определению единой позиции в формировании универсальной идентичности и этнических групповых автостереотипов.

Важным показателем является интенсивность контактов со страной исхода и другими общинами диаспоры. Общины диаспоры формируют устойчивую социальную сеть в рамках принимающей страны, обеспечивая и поддерживая развитие друг друга и диаспору в целом. Узлы диаспоры, включающие некоторое множество общин, выступают коллекторами сетевых ресурсов, высвобождая (перераспределяя) их при необходимости.

Безусловно, интенсивность связей и их количество в разных этнических группах существенно различается. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что все этнические мигрантские группы формируют сеть горизонтальных связей внутри себя, первичными ячейками которой являются кланово-родственные группы, формирующие «первичную» орбиту коммуникаций для вновь прибывших. В основе этих первичных организаций лежит принцип личного доверия и кровного родства. Сетевая структура обеспечивает консолидацию ресурсов вокруг наиболее активной и экономически, политически и социально успешной группы влияния. Конфигурация и наполнение сетей происходит исходя из реальных условий, в которых развивается община.

Стремление общин создать традиционную иерархическую структуру управления, как правило, связано только с желанием заявить себя в качестве участника-игрока на социально-политическом (этнополитическом) поле, обеспечивающем реализацию групповых интересов на институциональном уровне (взаимоотношения с администрациями городов, государственными службами и органами). Особенно отчетливо это наблюдается сегодня, когда органы власти проявляют особое внимание к межнациональным отношениям; выделяются субсидии; становится возможным получение налоговых льгот национальными НКО [4].

На наш взгляд, наиболее приемлемой для целей анализа видится позиция Г. Шеффера [5], полагающего, что большинство диаспор выбирают стратегию общины как наиболее предпочтительную. Это означает, что индивиды адаптируются к новой среде, удовлетворяют свои потребности не сами по себе (индивидуально), а именно как члены общины. В данном случае важным становится не индивидуальный статус личности, а статус общины как таковой. При этом общины преследуют основную цель (миссию) – максимально эффективное приспособление к условиям новой культуры, и вытекающей из нее задачей становится создание социальных сетей, обеспечивающих это приспособление.

Одним из основных сценариев адаптации трудовых мигрантов является самосегрегация, в основе которой лежат, как правило, мотивационно-ценностные ориентации, связанные с прагматическим извлечением выгоды от нахождения на территории принимающей страны. С нашей точки зрения, одним из ключевых аспектов здесь является включение вновь прибывших мигрантов в социально-экономическую сферу по двум основным направлениям: первое – это вклю-

чение в «этнический» бизнес, второе – в соответствии с правилами «разделенного» рынка – в качестве малооплачиваемой, дискриминируемой группы – принятие на малоквалифицированную работу.

Для объяснения феномена этнического бизнеса следует использовать схему Уолдингера [6], выделяющего два важных аспекта:

– *структуру возможностей*, под которой следует понимать легальную систему трудоустройства и возможностей вхождения в местный рынок труда, включая в себя квалификацию рабочей силы и спрос на рынке труда;

– *специфические этнические стратегии и ресурсы*, на которые этнические группы могут положиться, чтобы разрешить проблемы интеграции и дискриминации; этнические ресурсы включают в себя социальные сети, солидарность, предпринимательские традиции, доступ к дешевой рабочей силе, знания о потребностях своей и иных этнических групп.

Важным для анализа является и исторический контекст.

В 1990-е годы Россия переживала экономический спад, на фоне которого наблюдался рост миграционных потоков. Россия превратилась в крупнейшую страну-реципиента. Среди приезжающих были представители различных этнических групп, разного уровня квалификации и образования. Фактически с середины 1990-х годов наблюдается феномен расколотого рынка, при котором высокооплачиваемые работники стремятся ограничить приток в свой сектор рынка дешевой «этнической» рабочей силы. За одну и ту же работу местное население получает больше, а мигрант – меньше. Таким образом, в соответствии со схемой Уолдингера структура возможностей на этом этапе оказалась весьма ограниченной. Однако в настоящее время у мигрантов появился еще один сегмент, требующий дополнительного изучения в рамках региональных особенностей – частное (индивидуальное) предпринимательство.

Тем не менее в современных условиях основной стратегией адаптации мигрантов стало включение в принимающее сообщество с опорой на собственные сетевые ресурсы этничности, на родственные связи. При этом, оказываясь погруженным в «свою» среду, трудовой мигрант не чувствует необходимости изменять свое поведение и восприятие мира. Он оказывается «не выключенным» из прошлой жизни, основной и часто единственной системы мировосприятия. Его сиюминутное восприятие культурных различий между ним и местным населением можно охарактеризовать как отрицание культурных различий и защита собственной культурной самобытности.

В этих условиях для недавних мигрантов, не обладающих достаточным социальным капиталом по сравнению с местным населением и интегрированными «старожилами», на начальном этапе включения наиболее значимыми являются групповые ресурсы (этничности, землячества). Анализ сетевых взаимодействий (трансфертов) в анклав в целом подтвердил выводы исследовательской группы ИС РАН [7], где было выявлено, что основу взаимодействия составляет следующее: а) информация о трудоустройстве на новом месте; б) помощь советами и рекомендациями по решению конкретных проблем; в) помощь деньгами; г) помощь в организации семейных или религиозных праздников, похорон, свадеб и т.д. и в гораздо меньшей степени – помощь конкретными

делами (ухаживание за больными, личная помощь в оформлении документов и т.д.). Опрошено 200 респондентов по методике И.М. Кузнецова.

Сеть трансфертов является важным, а зачастую и единственным ресурсом, обеспечивающим успешную адаптацию мигранта на рынке труда. Большинству опрошенных такая система поиска и распределения рабочих мест кажется сама собой разумеющейся и никак не проблематизируется.

Воспринимаемые культурные отличия тесно переплетаются с социальными проблемами, практиками повседневной дискриминации, и на фоне обостренного чувства угрозы своей инаковости складывается эмоционально-психологическая солидарность «своих» против «чужих». Часто под «чужими» недавними иммигрантами понимается категория «все», «местные».

Относительно высокая степень конкуренции на рынке труда, низкий уровень толерантности способствует тому, что в целом складывается негативное отношение к мигрантам и каждому проступку недавно прибывшего придается этническая окраска. Информация о проступках, в том числе и в СМИ, сопровождается коннотацией: «они не хотят жить по нашим законам», из-за этого «страдают наши (местные) интересы». Неудачные попытки совместных с национально-культурными центрами акций приводятся в пример неспособности интеграции со стороны мигрантов, а не местных жителей. Готовность и способность местного населения к взаимной интеграции, как правило, даже не рассматривается, будь то статьи в СМИ или концепции национальной политики. Априорно предполагается, что усилия по интеграции должны исходить только от мигрантов.

Таким образом, в условиях проявления достаточно интенсивных негативных внешних факторов происходит «стягивание» этноконтактных зон, снижение интенсивности межгрупповых контактов и их значимости. Отношения принимающего сообщества с мигрантами, выталкиваемыми на периферию общественной, социальной и политической жизни, складываются предельно инструментально и включают в себя только минимум непосредственных контактов. В поле социального действия между мигрантами и принимающим населением остаются лишь «буферные точки» – люди либо небольшие группы людей, которые пользуются относительным доверием как с одной, так и с другой стороны. Это своего рода информационные «посредники», как правило, тесно включенные в теневую систему покупки-продажи разрешительных услуг, главной функцией которых является урегулирование отношений между группой (общиной) и лицами, действующими от имени местного населения (представители УВД, паспортных столов, торговой инспекции и т.д.).

Указанные тенденции приводят к тому, что символическая граница между группой недавних мигрантов и местным населением часто становится реальной «стеной». Отказ местного населения, органов власти от активного вмешательства в процесс интеграции под предлогами декларируемой этнокультурной толерантности, политики невмешательства в инокультурное и религиозное поле приводит к тому, что у недавнего мигранта оказывается порой единственная возможность восстановления / сохранения культурного и символического капитала – быть включенным в систему регенерации этнокультурных ценностей, происходящей внутри общины и с использованием социальных сетей обмена.

Библиографический список

1. Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005.
2. Аствацатурова М. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические) модели // Диаспора. 2003. № 2. С. 190.
3. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов, 2007.
4. Лебедева Н. Социальная психология аккультурации этнических групп: дис. ... д-ра психолог. наук. М., 1997.
5. Sheffer G. Ethnic Diasporas: A Threat to Their Hosts? // International Migration and Security. (ed.) by Miron Weiner. Boulder, San Francisco, Oxford, 1993. P. 263–286.
6. Waldinger R. Through the Eye of Needle: Immigrants and Enterprise in New York's Garment Trades. New York & London: New York University Press, 1986.
7. Анализ сетевых связей и адаптационных потребностей этнокультурного анклава Московского мегаполиса (на примере азербайджанского этнокультурного анклава): аналит. отчет / рук. проекта В. Мукомель. М., 2004.

O.N. Mihaylova,
E.N. Fedina
**The Indicative Dimension
of the Public Capital
in the Political Environment
of Modern Industrial Cities**

Public capital is considered as an indicator of level of trust and recognition, sensation of well-being, degree of mutual expectations and claims in relations between social actors.

Key words and word-combinations: public capital, social solidarity, forms of political participation.

Общественный капитал рассматривается в качестве оценочного индикатора уровня доверия и признания, ощущения благополучия, степени взаимных ожиданий и притязаний в отношениях между социальными акторами.

Ключевые слова и словосочетания: общественный капитал, социальная солидарность, формы политического участия.

УДК 32.019.52:316.334.3
ББК 66.3,13+60.561.3

**О.Н. Михайлова,
Е.Н. Федина**

**ИНДИКАТИВНЫЙ СРЕЗ
ОБЩЕСТВЕННОГО
КАПИТАЛА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ИНВАЙРОНМЕНТЕ
СОВРЕМЕННОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
ГОРОДА**

Неоднозначные тенденции регионализации социально-политического развития России обуславливают исследовательский интерес к проблеме определения роли агентов гражданского общества как субъектов политики. Особое значение в движении к социально ориентированному государству и развитию гражданского общества приобретает качество общественного капитала с точки

зрения его возможностей формировать и изменять политический инвайронмент городского социума. Заметный импульс комплексному изучению проблемы общественного капитала придает многоплановый исследовательский интерес различных отраслей социального знания, который показывает, что сообщества, основанные на доверии, удовлетворенности жизнью, солидарности и сотрудничестве, играют определяющую роль в поддержке социально-экономического и общественно-политического развития страны. При этом капитал определяется как необходимая составляющая для таких аспектов жизни общества, которые, несмотря на сложность измерения и включения в формальные модели, рассматриваются как важнейшие детерминанты стабильного успешного общественного развития.

Актуальная в настоящее время идея социально ответственного государства предполагает обращение к вопросам общественного капитала как ресурса, основания и регулятора деятельности различных категорий населения индустриального города. Особое значение в контексте обозначенных проблем приобретает акцентация согласованности и консенсуса государственных, общественных и индивидуальных интересов. Считается, что без достижения согласования потребностей государства и потребителей его услуг невозможно будет достичь гармонизации общественных отношений, что и должно быть заложено в смысл модернизации сфер жизнедеятельности российского общества.

Целям цивилизованного демократического развития отвечает сетевая организация гражданского общества, построенная на горизонтальных обменах ресурсами, солидарных отношениях, консенсусной культуре, на признании гражданами общих ценностей [1, с. 1–3]. Выражением зрелости такой организации правомерно считать общественный капитал, рассматриваемый в качестве оценочного индикатора уровня доверия и признания, ощущения благополучия, степени взаимных ожиданий и притязаний в отношениях между социальными акторами, заинтересованными в успешной жизненной целереализации на основе обоюдного сотрудничества. В этом смысле общественный капитал выступает как ресурсный потенциал агентов экономической системы, которые пополняют эти ресурсы из специфических социальных структур и используют их, исходя из своих интересов с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства непринудительно [2, с. 126].

Качество общественного капитала как механизма ускорения взаимодействия и укрепления сетевых связей между агентами наиболее отчетливо демонстрирует себя в микросоциально-экономических системах, к коим относится муниципальный социум. Очерчивая проблемное поле нашего исследования, следует выделить такие составляющие общественного капитала, как доверие, в том числе к власти, удовлетворенность жизнью и социальная солидарность.

Для подтверждения теоретических утверждений в октябре – ноябре 2011 г. группой социологов Балаковского института техники, технологии и управления – филиала Саратовского государственного технического университета – было проведено социологическое исследование методом анкетирования, в котором при-

няло участие 3000 человек ($N = 3000$). Целью исследования стало выявление социально-политических предпочтений жителей города Балакова, а также определение их аттитюдов по отношению к политическим, экономическим и духовным процессам современной социальной действительности. В основу квотной выборки респондентов были заложены такие параметры, как пол, возраст, образование и принадлежность к социальной категории (рабочий, служащий, руководитель, бизнесмен, домохозяйка, безработный и пенсионер). Анкета состояла из трех основных блоков – политического, экономического и социального, каждый из которых соответственно включал в себя 10, 12 и 8 вопросов. Все вопросы анкеты носили закрытый характер, и количество предлагаемых ответов дифференцировалось в зависимости от направленности вопросов.

Первая группа вопросов политического блока касалась политического участия жителей индустриального города в электоральном процессе.

Несмотря на то, что российские социологи неоднократно фиксировали значительное снижение уровня политического участия граждан в выборных процессах [3, с. 157], в исследовании проявили себя тенденции активизации электорального участия горожан. К примеру, большинство горожан (69%) готовы были принять участие в предстоящих выборах в Государственную Думу РФ. Результаты исследования подтвердили, что наиболее массовая форма политического участия в России – голосование на выборах (табл. 1).

Таблица 1

**Вопрос: «Будете ли вы принимать участие
в предстоящих выборах?», %**

Ответ на вопрос	Рабочие	Служащие	Руководители/ бизнесмены	Домохозяйки	Безработные	Пенсионеры
<i>Да</i>	51	55	66	35	37	69
<i>Нет</i>	17	12	10	33	33	11
<i>Затрудняюсь ответить</i>	30	33	24	32	30	20

Итак, наиболее активной категорией населения по-прежнему остаются пенсионеры, а наименее активной – домохозяйки. Показательно, что пенсионеры и домохозяйки при ответе на вопрос «Если митинг или демонстрация протеста будет организована, Вы лично примите в них участие?» демонстрируют в большинстве случаев отказ от участия в подобных мероприятиях. Это согласуется с исследованиями в центральных городах Российской Федерации, которые показывают, что «выборы для основной массы населения – скорее форма выражения легитимного отношения к органам власти (и политикам), а не способ участия в формировании их состава» [4, с. 21]. В частности, данные исследований Левада-Центра указывают на то, что большинство граж-

дан (53%) убеждены в предопределенности результатов выборов в парламент действующими органами власти, а президентских выборов – действующим президентом страны. И только 29–30% респондентов уверены в реальности электоральной борьбы за власть и считают, что итоги выборов зависят от голосования, то есть от уровня поддержки тех или иных политических партий и политиков самими избирателями [5, с. 7].

Политический блок анкеты завершался вопросом «Как вы считаете, совпадают ли в настоящее время интересы местной (муниципальной) власти и местного населения?». Результаты наглядно продемонстрированы в диаграмме (рис. 1).

Рис. 1. Оценка совпадения интересов власти и населения

Следует отметить, что респонденты предпочитали в большинстве случаев ответ «не совсем», что, с нашей точки зрения, объясняется узкими социальными кругами в среднем индустриальном топосе. Только категории руководителей / бизнесменов и служащих высказались более категорично либо в силу определенной принадлежности к системе городской власти, либо в связи с более частой обращаемостью в органы власти. Показательно, что категория рабочих составляет наибольшее количество респондентов, указавших, что интересы местной власти и местного населения совпадают. Отчасти это может быть объяснено тем, что в городе начинается строительство крупных производств, которые обеспечат горожан новыми рабочими местами, а также тем, что указанная категория населения не готова четко определять степень совпадения интересов власти и населения в силу своей политической некомпетентности или абсентеизма.

Вопросы анкеты отдельно касались, с одной стороны, оценки респондентами проводимой федеральными, областными и городскими органами соци-

альной политики в отношении населения страны, а с другой стороны – отражали степень доверия населения этим структурам. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Вопросы:
«Как бы вы оценили результаты работы
федеральных органов власти по отношению к населению?»;
«Как бы вы оценили результаты работы областных органов власти?»;
«Как бы вы оценили результаты работы
городских органов власти?», %

Ответы на вопросы	Рабочие	Служащие	Руководители/бизнесмены	Домохозяйки	Безработные	Пенсионеры
Как бы вы оценили результаты работы федеральных органов по отношению к населению?						
<i>Позитивно</i>	12	14	11	15	11	9
<i>Негативно</i>	39	38	40	42	40	44
<i>Безразлично</i>	23	22	19	19	22	25
<i>Затрудняюсь ответить</i>	26	26	30	24	27	22
Как бы вы оценили результаты работы областных органов власти?						
<i>Позитивно</i>	12	14	11	15	11	9
<i>Негативно</i>	39	38	40	42	40	44
<i>Безразлично</i>	23	22	19	19	22	25
<i>Затрудняюсь ответить</i>	26	26	30	24	27	22
Как бы вы оценили результаты работы городских органов власти?						
<i>Позитивно</i>	12	14	11	15	11	9
<i>Негативно</i>	39	38	40	42	40	44
<i>Безразлично</i>	23	22	19	19	22	25
<i>Затрудняюсь ответить</i>	26	26	30	24	27	22

Таблица 2 объединяет результаты опросов, поскольку в своих оценочных показателях они полностью совпадают, свидетельствуя, что население зачастую не различает горизонталь власти и сферы ответственности проводимой социальной политики. При этом горожане настолько не доверяют государственным и муниципальным властям и их действиям, что даже отказывают им в дифференцированном подходе.

Ответы респондентов свидетельствуют о нежелании населения признавать за властью заботу о нем, и это отчетливо видно в процентном измерении позитивного отношения всех категорий населения к результатам работы власти, которое едва превышает первый десяток (соответственно – 12, 14, 11, 15, 11 и 9%). В связи с этим возникает необходимость рассматривать социальные объединения, образующие мезоуровень общества в качестве важнейшего механизма посредничества между микроуровнем и макроуровнем и обеспечения общественного баланса. В структурно-функциональном плане мезоуровень выступает в качестве необходимого промежуточного звена, обеспечивающего более эффективную коммуникацию между населением и государством. Без широкого распространения активных и политически влиятельных самостоятельных общественных и предпринимательских организаций неизбежно будут происходить сбои в процессе коммуникации между произвольно функционирующим государством, и населением, замкнутым в своих социальных связях на ближайшее окружение. В отсутствии посредничества и контроля со стороны общественных и предпринимательских организаций и государство и население существуют в режиме несогласованных произвольных действий.

Экономический блок открывался вопросом, целью которого являлось выявление возможностей респондентов анализировать состояние российской экономики: с одной стороны, он был необходим для определения способностей горожан к оценке экономических процессов, с другой – являлся индикатором экономической компетентности представленных категорий, о чем свидетельствует табл. 3.

Таблица 3

Вопрос: «Как вы оцениваете современное состояние российской экономики?», %

Ответ на вопрос	Рабочие	Служащие	Руководители/бизнесмены	Домохозяйки	Безработные	Пенсионеры
<i>10–9 – стабильное</i>	9	11	18	23	9	9
<i>8–6 – скорее стабильное</i>	22	31	26	26	10	13
<i>5–4 – скорее нестабильное</i>	48	40	39	33	62	59
<i>3–1 – нестабильное</i>	21	18	17	18	19	19

Примечательно, что оценка состояния российской экономики напрямую зависела от категории горожан. В частности, наиболее уязвимая категория – безработные – в большинстве своем (62%) оценила состояние экономики как «скорее нестабильное». Корреляция с вопросом о совпадении интересов местной власти и населения демонстрирует, что, несмотря на усилия муниципаль-

ной власти соблюдать интересы рабочих и сохранять для них рабочие места, последние оценивают состояние экономики все же как «скорее нестабильное» (48%) и «нестабильное» (21%). Таким образом, абсолютные показатели демонстрируют, что 65,5% населения считают состояние российской экономики «скорее нестабильным» и «нестабильным».

С указанными вопросами коррелирует вопрос о степени защищенности граждан от возможных социальных и экономических потрясений, ответы на который представлены в диаграмме (рис. 2).

Рис. 2. Оценка защищенности населения от социальных и экономических потрясений

Вполне объяснимо, что наиболее незащищенными категориями населения являются домохозяйки (37% – «совсем не защищен») и безработные (36% – «совсем не защищен»). Интерес представляют данные о том, что 37% руководителей / бизнесменов, 38% служащих и 37% рабочих определили степень своей защищенности как «защищен не основательно». Это, вероятно, свидетельствует о том, что на предприятиях и в социальных организациях существуют в определенном объеме социальные пакеты, которые и дают представленным категориям некоторую степень защищенности.

Социальный блок открывался вопросом «Как вы считаете, в последнее время жить в России стало: хуже, лучше, без изменений?». Результаты показаны на диаграмме (рис. 3).

Рис. 3. Оценка качества жизни в России

Поскольку в вопросе не уточнялся период изменений, то априори респонденты сравнивали изменения, произошедшие за последний год. Этим объясняется достаточно осторожная оценочная позиция респондентов всех категорий, которые, как правило, указывали на то, что их жизнь не изменилась. Интересен тот факт, что категорией, которая в абсолютных показателях выбрала в наибольшей степени варианты ответа «хуже» и «лучше», стали служащие. Цифровые показатели при этом соответственно составили 32% и 28%. По сравнению с отмеченными категориями хуже стали жить, согласно ответам, только пенсионеры и безработные (их показатели соответственно в 44% и 40% вполне объяснимы), а также рабочие (33%).

Таким образом, судить о факторах, определяющих качество общественного капитала муниципального образования индустриального города, следует исходя из специфических паттернов политического участия граждан, уровня их экономической компетентности и экономического положения с учетом показателей социального благополучия и общественных ожиданий. С учетом представленных индикаторов общественного капитала на микроуровне логичен вопрос относительно качества его связи (а значит, и влияния) с формированием прогрессивного вектора развития общества. Представленный анализ свидетельствуют, что такая связь имеется и она весьма осязаема.

Общественный капитал – это и в самом деле важная предпосылка, ценный ресурс развития, влияющий на политический механизм общества, нацеленный на обеспечение экономического роста, общественного благосостояния, эффективность социальных программ. Он оказывает значительное воздействие на качество жизни и общественных услуг, общественную безопасность и, не в последнюю очередь, на качество публичного управления.

Несформированность и неразвитость общественного капитала на макроуровне приводит к ослаблению институтов общества, в результате чего у населения

формируются негативные ожидания в отношении реальных механизмов функционирования государства. Высокий уровень недоверия к государственным институтам может привести к снижению социально-экономической и политической активности граждан, которые оказываются неспособными в полной мере, основываясь только на соблюдении формальных правил, удовлетворять свои интересы и потребности.

Библиографический список

1. Бурдьё П. Политические позиции и культурный капитал. URL: <http://bourdieu.name/content/politicheskie-pozicii-i-kulturnyj-kapital>
2. Колмэн Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
3. Радаев В.В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / под ред. В.В. Радаева. М., 2002. С. 157–208.
4. Римский В. Политическая и общественная активность российских граждан // Политические исследования. 2007. № 7. С.19–23.
5. Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства. 2006. август – октябрь. URL: www.ikd.ru/?q=node/18008

A.N. Romantsov
Problems of Management
at Russia's Accession to the WTO

The pros and cons of Russia's accession to the WTO are analyzed. Problems of management in the transition period are marked out, and the main directions of management of the process of Russia's accession to the World Trade Organization are defined.

Key words and word-combinations: efficiency, market, industrial policy, agriculture, investment project.

Анализируются плюсы и минусы присоединения России к ВТО. Обозначаются проблемы управления в переходный период и определяются основные направления менеджмента процесса вступления России во Всемирную торговую организацию.

Ключевые слова и словосочетания: эффективность, рынок, промышленная политика, сельское хозяйство, инвестиционный проект.

УДК 338(100)(470+571)
ББК 65.5(2Рос)

А.Н. Романцов

ПРОБЛЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА ПРИ ПРИСОЕДИНЕНИИ РОССИИ К ВТО

До 15 июня 2012 г. парламент России должен ратифицировать пакет документов, которые свидетельствуют об обязательствах страны по присоединению к ВТО. Эти обязательства обусловлены многосторонними соглашениями по услугам, товарным рынкам и тарифным ограничениям, а также соглашениями, регулирующими международную торговлю. По сути, государство обязуется ускорить процесс своей окончательной интеграции в мировую экономику, после чего необходимо будет соблюдать все нормы ВТО, обеспечивая беспрепятственный доступ на российские рынки продукции производителей зарубежных государств – партнеров по этой организации.

Какие же проблемы управления возникают в контексте присоединения России к ВТО?

Прежде всего следует отметить, что условия вступления не подвергались масштабному публичному обсуждению. В настоящее время даже многим российским парламентариям эти условия до конца не известны.

Сегодня в СМИ есть лишь информация от М. Медведкова, директора Департамента торговых переговоров Минэкономразвития, главы российской делегации, который сообщает о проведенных 350 встречах с представителями бизнеса в регионах и о тысяче таких встреч в Москве [1]. Вот почему об эффективности осуществления процедуры вступления с позиции менеджмента можно судить лишь по заверениям участников переговорного процесса, заявляющих, что в долгосрочной перспективе членство в ВТО будет способствовать повышению привлекательности имиджа страны в сознании зарубежных инвесторов. Последние якобы заинтересованы масштабами России и количеством квалифицированных рабочих, имеющих, по сравнению с китайцами, более высокий уровень образования и меньшую заработную плату. В целом прямых выгод ждать не следует, ибо они будут преимущественно косвенными, в основном от притока в страну иностранных инвестиций.

В качестве другого аргумента «за вступление» указывается тот факт, что пока еще ни одна страна не покинула ВТО. Зарубежные корпорации, придя на российский рынок, создадут высокотехнологичные рабочие места и условия для развития в нашей стране малого бизнеса. Непонятно лишь, кто этот бизнес будет развивать – российские или зарубежные бизнесмены?

Во множестве публикаций на данную тему высказываются опасения, что отдельные предприятия и даже отрасли могут проиграть от присоединения. Поэтому России предоставлена возможность пятилетнего переходного периода, и, следовательно, быстрого позитивного результата от присоединения ждать не приходится. Однако и здесь возникает вопрос: кто и когда будет разрабатывать и реализовывать план мероприятий в переходный период? Что необходимо предпринять в этот период? Ведь в отдельных отраслях неизбежно возникнет безработица, ибо отечественные предприятия не выдержат конкуренции с зарубежными и обанкротятся.

Следует признать, что ВТО обеспечивает продвижение интересов входящих в нее экономически развитых стран, основной задачей которых является открытие для себя новых рынков промышленных товаров и регулирование, вплоть до закрытия, продовольственных рынков. Безусловно, такая позиция не может соответствовать интересам России, поскольку продовольственный рынок обеспечивается сельским хозяйством. По требованиям ВТО, дотация сельскому хозяйству в России до 2012 г. не может превышать 9 млрд долларов, а с 2013 по 2017 г. должна сократиться до 4,4 млрд долларов. Но это означает, что в пересчете на гектар земли сумма российской поддержки будет в 10 раз меньше, чем в Европе, так как допустимый ежегодный уровень поддержки сельского хозяйства в странах Европейского Союза составляет 90 млрд долларов, и это тогда, когда их агропромышленный комплекс хорошо развит, в отличие от нашего, а средняя продуктивность гектара российской пашни в 2,2 раза ниже, чем в Западной Европе [2]. Кроме того, зарубежные страны-лидеры имеют возможность закрывать свой рынок с помощью квот и пошлин.

Так, в последние годы пошлина на ввоз российского зерна в страны ЕС составляла 100% от его стоимости. И тот факт, что ни один американский производитель сельхозтехники не преуспел на европейском рынке, равно как и

европейские производители не смогли завоевать американский рынок, может также служить примером, насколько эффективно развитые страны могут защищать свои рынки.

Для России же не предусмотрены условия защиты своих рынков. По этой причине, имея высокий потенциал для развития, российское сельское хозяйство крупно проиграет от присоединения к ВТО и абсолютно не будет иметь возможности не только прямого экспорта, но и своего функционирования как самостоятельной отрасли. В этом случае вряд ли зарубежные инвесторы будут инвестировать в развитие российского сельского хозяйства. Западные страны сами будут поставлять в Россию дешевое продовольствие, лишив ее тем самым независимости в данном направлении, что приведет к резкому ослаблению национального суверенитета. Подобные тенденции коснутся и других отраслей: автомобильной отрасли, гражданского авиастроения, производителей одежды, обуви и лекарств, предприятий текстильной отрасли и т.д.

Вступая в ВТО, Россия принимает на себя обязательства снизить таможенные тарифы по большому числу товарных групп, что неизбежно обеспечит снижение цен на импортные товары и потребует того же от отечественных производителей аналогичных товаров. Однако издержки производства многих из них не позволят обеспечить такое снижение, и они вынуждены будут уйти с рынка. Согласно оценкам экспертов, лишь 25% отечественных предприятий в состоянии конкурировать на внутреннем рынке с иностранными производителями. В результате произойдет падение занятости, которое, по оценкам МОТ, может в среднем составить свыше 15 тысяч человек в год по отраслям промышленности, не считая сельского хозяйства. Прежде всего появятся сотни тысяч безработных в отраслях легкой и пищевой промышленности, создание новых рабочих мест в которых, социальная поддержка и переквалификация кадров потребует в переходный период огромных средств, не заложенных в бюджет страны.

С другой стороны, могут получить импульс для развития российские предприятия, ориентированные на экспорт за счет улучшения условий для сбыта своей продукции. Однако таких предприятий ограниченное количество, основная доля и среди них принадлежит экспортерам нефти и газа, где перспектив для создания новых рабочих мест не предвидится. Следовательно, одно из преимуществ от присоединения к ВТО, объясняемое ценовой доступностью широкого ассортимента импортных товаров, не будет реализовано, ибо в условиях высокого уровня возникшей в переходный период безработицы большая часть населения лишится дохода.

Возникает еще ряд вопросов. Почему богатая ресурсами и профессиональными кадрами страна не производит конкурентоспособную, востребованную на мировом рынке продукцию? Почему за 17 лет переговоров лишь на завершающей стадии заговорили о переходном периоде? Неужели до начала данного процесса не были известны требования ВТО? Почему не была разработана эффективная промышленная политика, ориентированная на повышение конкурентоспособности отечественных предприятий? Почему приоритетные национальные проекты не предусматривали подготовку страны к присоединению к

ВТО? Вопросов много и едва ли их можно адресовать только Департаменту торговых переговоров Минэкономразвития. Где были все это время парламент страны и ее правительство?

Сегодня Россия поставлена перед фактом необходимости не только ратификации пакета документов, но и неотложных управленческих действий в обозначенный переходный период, когда важно определить приоритетные цели и ориентиры: развитие экономики и человеческого потенциала, завоевание рынков, поддержка инноваций.

В первую очередь необходимо обратить внимание на развитие сельского хозяйства, являющегося базовой отраслью и создающего спрос на многочисленные товары и услуги, а история России и ее культура всегда была связана с сельским хозяйством. Аграрный сектор способствует росту всей экономики страны, так как один работающий в данной отрасли обеспечивает работой как минимум трех городских жителей – переработчиков продукции, производителей сельскохозяйственной техники и химических удобрений, научных исследователей.

В России сегодня есть условия для развития данной отрасли: 120 млн гектаров сельскохозяйственных угодий, люди, желающие трудиться на земле, руководители, знающие все проблемы сельского хозяйства. Однако парадоксальность сложившейся ситуации состоит в том, что наряду с безработицей на селе более 40 млн гектаров земли не обрабатывается, а более 45% потребляемого в стране продовольствия Россия покупает за рубежом [3, с. 43–45].

Сельхозпроизводители должны получать за свой труд соответствующее ему вознаграждение, причем именно сельхозпроизводители, а не посредники. Задача государственной власти состоит в том, чтобы создать условия для реального сбыта продукции, наращивать внутреннее потребление и увеличивать экспортные продажи. Внутреннее потребление зерна, например, можно увеличить с развитием животноводства и птицеводства, то есть с поддержкой российского производства мяса. При этом на душу населения требуется не менее одной тонны зерна в год – чтобы хватило и животноводству на производство мяса и молока, и людям. Только в этом случае можно говорить об экспорте зерна. Сегодня же в нашей стране выращивается лишь полтонны зерна на душу населения. Кроме того, экспорт зерна требует создания таких механизмов кредитования и субсидирования экспортеров, какие применяются во всех экономически развитых странах.

В любом случае село требует привлечения инвестиций, причиной отсутствия которых являются низкие цены на сельхозпродукцию. Из мировой практики известно, что приток инвестиций обеспечивает высокие цены на продовольствие и только тогда развивается сельское хозяйство и экономика страны в целом. Но для определенной части населения должна существовать компенсация удорожания продуктов в рамках системы социальной помощи.

Рассматривая перспективы деятельности других отраслей экономики, следует отметить, что нельзя развивать в равной степени успешно все отрасли. Необходимо разработать классификацию всех производственных отраслей в зависимости от необходимости их товаров для граждан страны, условно разделив отрасли и предприятия на четыре группы.

Первую группу должны составлять отрасли и предприятия, конкурентоспособные как на внутреннем, так и на внешнем рынке, в условиях кризиса доказавшие свою жизнеспособность. Вторая группа, напротив, должна состоять из отраслей и предприятий, которые не могут быть конкурентоспособными и которые нет смысла реанимировать. Третья может быть составлена из наукоемких отраслей и предприятий, функционирование которых требует межотраслевой кооперации, долгосрочных инвестиций и внимания государственной власти для продвижения и реализации их продукции на рынке.

Четвертая группа – это предприятия и организации государственного сектора экономики. Государство пока еще не должно отказываться от собственности. Тезис о том, что частный предприниматель эффективнее государства, нельзя признать абсолютно верным, ибо их эффективность несравнима, поскольку оценка ее должна осуществляться по разным критериям. У государства и предпринимателя – разные цели. Критерием эффективности деятельности предпринимателя является прибыль, а государства – жизнеспособность населения страны, повышение качества его жизни. Проблема здесь состоит лишь в эффективности государственного менеджмента и в коррупционной составляющей управления. Прежде всего речь должна вестись о таких жизненно важных объектах, которые обеспечивают подачу воды, электричества, тепла и других составляющих качество жизни населения. Кроме того, государственные предприятия должны организовываться там, откуда уходит частный капитал, либо создаваться на условиях частно-государственного партнерства. Подобное взаимодействие обеспечивает баланс интересов, необходимый для реализации общественно значимых проектов, и согласованную работу на основе партнерских моделей взаимоотношений в различных сферах.

Необходимость альянса бизнеса и власти обусловлена еще и тем, что осуществление инвестиционных процессов свидетельствует о преобладании коммерческих интересов участников реализации инвестиционных проектов над социально-экономическими интересами членов общества, об их стремлении к обеспечению лишь количественного роста инвестиций, что не всегда повышает их качественную составляющую. Такое сотрудничество юридически оформляется на определенный период времени и предполагает распределение рисков между партнерами в целях наиболее эффективной реализации проектов, имеющих важное государственное и общественное значение.

Представляется, что такая классификация весьма условна, но она очень важна для разработки промышленной политики на ближайшие пять лет переходного периода присоединения к ВТО, для определения того, что мы в состоянии производить сами, что можем предложить на мировой рынок в перспективе и что будем покупать на мировом рынке, руководствуясь принципом сравнительного преимущества, являющимся основой функционирования ВТО.

В заключение уместно привести высказывание Д.С. Львова: «Пришло время перестать относиться к своей стране как к целине, которую нужно периодически перепахивать заново, теряя каждый раз слои плодородной почвы, накопленные предшествующими поколениями. Уникальное разнообразие природно-климатических и национально-культурных российских ландшафтов должно быть

бережно освоено, претворено в региональное разнообразие форм жизнеустройства, в том числе и экономических. Мы должны ориентироваться на наши собственные ресурсы и возможности роста, на новую экономическую и промышленную политику...» [4].

Библиографический список

1. Что ждать России от ВТО. URL: <http://kp.ru/daily/25620.4/787366/>
2. Аналитическая справка о проблемах в связи со вступлением в ВТО. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/55326/>
3. Бабкин К.А. Разумная промышленная политика, или Как нам выйти из кризиса. М., 2009.
4. Львов Д.С. Экономика России, свободная от стереотипов монетаризма // Вопросы экономики. 2000. № 2.

V.V. Gerasimova
**Institutionalization
of the Russian Stock Market
in Conditions of Globalization**

Peculiarities of institutionalization of the Russian stock market in modern conditions are shown. The potential of government, supranational, and self-regulatory institutions of the stock market is assessed. The necessity for the partnership interaction policy at the Russian stock market is grounded.

Key words and word-combinations: stock market, regulation, partnership interaction.

Показаны особенности институционализации российского фондового рынка в современных условиях. Оценивается потенциал государственных, надгосударственных и саморегулирующихся институтов фондового рынка. Обосновывается необходимость политики партнерского взаимодействия на российском фондовом рынке.

Ключевые слова и словосочетания: фондовый рынок, регулирование, партнерское взаимодействие.

УДК 336.761
ББК 65.264

В.В. Герасимова

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ФОНДОВОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Институциональное развитие фондового рынка крайне важно для национальной экономики любой страны, но для России оно приобретает особую актуальность, поскольку способствует устойчивому социально-экономическому развитию и стабильности макроэкономической ситуации. Это обусловлено тесной взаимосвязью положения на фондовом рынке с изменениями основных макроэкономических показателей национальной экономики.

С развитием фондового рынка создаются предпосылки для устойчивой зависимости всех сегментов финансового рынка, поскольку фондовый рынок в составе рынка ценных бумаг непосредственно взаимодействует с рынком ссудного капитала и денежным рынком. Изменения на фондовом рынке влекут переме-

ны как на финансовом рынке и в финансовом секторе экономики, так и в ее реальном секторе, учитывая их прямую взаимозависимость.

Таким образом, развитие фондового рынка оказывает не только прямое непосредственное, но и косвенное опосредованное влияние на социально-экономическое развитие страны. В связи с этим вполне объясним интерес государства и бизнес-сообщества к развитию фондового рынка в стране.

Следует учитывать, что национальный фондовый рынок тесно взаимосвязан с мировым фондовым и интегрирован в мировой финансовый рынок. Особенно важно отметить зависимость развивающихся фондовых рынков от мирового финансового рынка и его составляющих.

Высокая степень интеграции национальных фондовых рынков в мировой финансовый рынок объективно требует следовать общим и специфическим закономерностям развития. Общие закономерности развития национальных фондовых рынков формируются на фондовых рынках экономически развитых стран и в определенной степени характеризуют закономерности мирового финансового рынка. Развивающиеся фондовые рынки следуют общим, но имеют и свои специфические закономерности развития.

Российский фондовый рынок рассматривается мировым финансовым сообществом как развивающийся фондовый рынок. Для него характерна недостаточная сбалансированность спроса и предложения на ценные бумаги, неустойчивое институциональное равновесие, неразвитость рыночной инфраструктуры на фондовом рынке и относительно слабо развитая институциональная инфраструктура в целом. Тем не менее российский фондовый рынок быстро растет. В то же время он отличается невысокой активностью в процессах мирового фондового рынка, что объясняется сложившейся экономической ситуацией в стране: в ходе проведения либеральных реформ происходило необоснованное банкротство российских предприятий, ставшее сдерживающим фактором интеграции российского фондового рынка в глобальный фондовый рынок.

Устранение сложившихся трудностей требовало принятия комплекса административных и экономических мер по совершенствованию организации и управления фондовым рынком в России. Для решения этих задач требовались новые подходы к институционализации фондового рынка в России.

Государственное регулирование фондового рынка в России традиционно опиралось на административно-правовые методы, которые позволяли в большей мере осуществлять регистрационную и контрольно-инспекционную функции. Апелляция к экономическим методам регулирования с использованием денежно-кредитного, налогового, инвестиционного инструментария осуществлялась только при определенных обстоятельствах. Сочетание административно-правовых и экономических методов требовало соответствующей институциональной организации. На практике это означало поиск новых подходов к регулированию фондового рынка и формированию системы регулирования с включением новых институтов.

Институционализация фондового рынка в России должна осуществляться с учетом ряда обстоятельств. В частности, российский фондовый рынок должен интегрироваться в мировой, глобальный рынок в русле мировых тенденций,

складывающихся на развитых фондовых рынках зарубежных стран. В связи с этим ставится задача не только создания новых национальных, но и использования уже сложившихся международных и наднациональных институтов регулирования фондового рынка. Кроме того, требуется демократизация управления в формах публичного управления и развитие рыночной инфраструктуры, создающей основу для формирования саморегулируемых институтов на фондовом рынке.

Следовательно, регулирование российского фондового рынка должно осуществляться на институциональной основе и рассматриваться как процесс совместного воздействия институтов государственного регулирования, институтов саморегулирования, институтов публичного регулирования, а также международных и наднациональных институтов на всех участников фондового рынка. К последним следует отнести прежде всего эмитентов, инвесторов, профессиональных фондовых посредников, институциональных посредников и другие организации, входящие в инфраструктуру фондового рынка.

Совместное воздействие осуществляется с целью разработки общих правил и норм поведения участников фондового рынка при проведении ими фондовых операций и упорядочения их взаимодействия. Это в конечном итоге будет способствовать динамичности развития самого фондового рынка. Совместное воздействие национальных, наднациональных, международных институтов на национальный фондовый рынок любой страны, в том числе и на российский фондовый рынок, должно осуществляться при условии формирования системы институционального регулирования на принципах партнерского взаимодействия. Это предполагает использование международных норм регулирования в системе национального регулирования фондового рынка, разработку своевременных и совместных мер по поддержке национальных фондовых рынков в условиях глобальных финансовых кризисов и принятия своевременных оперативных мер для смягчения и упреждения кризисных ситуаций на мировом финансовом рынке и национальных фондовых рынках.

Партнерское взаимодействие государственных национальных, наднациональных, международных институтов регулирования фондового рынка обеспечит реализацию общих закономерностей развития национального фондового рынка и международного (глобального) фондового рынка. Оно будет способствовать активизации процессов на национальном фондовом рынке.

Партнерское взаимодействие между национальными, международными, наднациональными институтами (для стран, входящих в интеграционные группировки) по регулированию фондового рынка осуществляется с целью реализации путем совместных усилий институтов-норм и единых требований для международных эмитентов и инвестиционных фирм на фондовом рынке на условиях договорных отношений в рамках принятых законов. Формирование системы институционального регулирования на принципах партнерского взаимодействия позволяет выявить объекты и меры совместного воздействия, определить правила игры для всех участников фондового рынка, запретить инсайдерскую информацию и манипулирование развивающимся фондовым рынком со стороны крупных инвесторов. При этом создаются условия для разграничения функ-

ций регулирования, реализуемых международными, национальными государственными саморегулируемыми и общественными институтами.

Партнерское взаимодействие между национальными государственными институтами и саморегулируемыми и общественными организациями по регулированию фондового рынка основывается на разработке совместных мер по управлению инвестиционными рисками, поддержке ликвидности и стабильности фондового рынка, построению антикоррупционных механизмов по осуществлению мониторинга фондового рынка. Осуществляя функцию контроля, саморегулируемые зарубежные организации вправе приостановить торговлю ценными бумагами до выяснения причины быстрого изменения цен или объема торговли ценными бумагами [1].

Система регулирования национального фондового рынка должна включать базовый, состоящий из национальных институтов регулирования фондового рынка, и небазовый элемент, охватывающий международные, наднациональные институты. При этом не исключается импортирование и адаптация новых регулирующих институтов, успешно зарекомендовавших себя в практике зарубежных стран и необходимых для развивающихся фондовых рынков. Кроме того, следует учитывать, что степень воздействия международных и наднациональных институтов на национальный фондовый рынок может меняться в связи с трансформацией международного фондового рынка и воздействием факторов внешней среды [2, с. 242–243].

С учетом реализации общих и специфических закономерностей развития и с целью обеспечения эффективного функционирования российского фондового рынка институциональная система регулирования должна, на наш взгляд, иметь следующую структуру:

- международные институты регулирования;
- законодательные национальные институты государственного регулирования;
- исполнительные национальные институты государственного регулирования;
- саморегулируемые институты;
- общественные (публичные) институты.

Законодательные национальные институты представлены институтом Президента, Федерального Собрания, Правительства России, в ведение которых входит соответствующее нормотворчество. Исполнительные национальные институты государственного регулирования фондового рынка России включают институты министерского управления, к которым относятся Федеральная служба по финансовым рынкам, Министерство финансов РФ; их дополняют Центральный Банк РФ и Государственный комитет по антимонопольной политике. Современное состояние деятельности законодательных и исполнительных институтов государственного регулирования фондового рынка характеризуется излишней административной опекой, множеством нормативно-правовых актов по отдельным вопросам и недостаточностью или отсутствием по другим.

Четкое разграничение полномочий и функций исполнительных институтов государственного регулирования фондового рынка, устранение дублирования позволит эффективно осуществлять Федеральной службе по финансовым рынкам следующие функции: координацию участников фондового рынка; разработ-

ку стандартов; лицензирование; формирование квалификационных требований участников фондового рынка. Министерство финансов РФ должно обратить особое внимание на принятие стимулирующих мер для предприятий-эмитентов по выпуску корпоративных ценных бумаг; на разработку комплекса четких правил и норм по лицензированию фондовых бирж инвестиционных компаний и инвестиционных фондов, а также мер, контролирующих характер их деятельности. Нуждается в серьезном совершенствовании регулирование выпуска ценных бумаг и их обращения. Центральному Банку РФ, осуществляющему регистрацию выпуска ценных бумаг и аннулирование операций на открытом рынке кредитных организаций, следует ужесточить процедуру контроля за антимонопольными требованиями к операциям на рынке ценных бумаг; конкретизировать меры по регулированию клиринговых операций; разработать конкретные и более совершенные формы контроля за экспортом и импортом капитала на фондовом рынке.

В целом институты государственного регулирования обеспечивают порядок и правила соблюдения законодательных актов государства и международных соглашений, что способствует эффективной государственной политики на фондовом рынке.

В России, как и в ряде других стран, имеющих развитые и развивающиеся фондовые рынки, приоритет отдается государственным институтам регулирования фондового рынка. Однако в отдельных странах институтам саморегулирования фондового рынка отдается большее предпочтение. В условиях демократизации общественной жизни и укрепления основ гражданского общества институты государственного регулирования фондового рынка, несомненно, должны дополняться саморегулируемыми и общественными институтами.

Институты саморегулирования фондового рынка создаются на базе негосударственных, некоммерческих организаций, осуществляющих оперативно-тактические мероприятия, что дополняет меры стратегического действия институтов государственного регулирования. В ведение институтов саморегулирования в рамках оперативно-тактического регулирования должно входить, на наш взгляд, решение вопросов по управлению инвестиционными рисками совместно с институтами государственного регулирования; разработка мер по ликвидации конфликтных ситуаций на фондовом рынке, а также разработка рекомендаций по учету, отчетности и налогообложению участников фондового рынка наряду с обеспечением их информацией; противодействие коррупции и спекуляции совместно с государственными институтами регулирования; содействие в реализации концепции развития фондового рынка, а также принятие независимых решений по организации контроля за деятельностью на фондовом рынке.

Будучи юридическими лицами, саморегулируемые организации вправе осуществлять регулятивные функции по организации и упорядочению деятельности фондового рынка. Саморегулируемые институты фондового рынка ориентируются главным образом на экономические методы регулирования.

В России в качестве саморегулируемых институтов выступают негосударственные некоммерческие организации, представленные в Национальной ассоциации участников фондового рынка, а также Профессиональной организации

регистраторов, трансферт-агентов и депозитариев. Фондовые биржи также могут выступать в качестве саморегулируемых организаций, сочетающих интересы участников фондового рынка и государства.

Институт общественного (публичного) регулирования фондового рынка только складывается в России, тем не менее он призван содействовать институтам государственного регулирования в ранжировании профессиональных участников фондового рынка в целях предоставления о них объективной информации. Подобные меры позволят значительно снизить степень информационной асимметрии. Используя средства массовой информации, институт публичного регулирования фондового рынка может способствовать созданию антикоррупционного механизма борьбы с недобросовестными участниками фондового рынка, а также способен организовать общественное регулирование деятельности информационных и институциональных посредников. Наконец, институт общественного регулирования вправе организовывать общественный контроль за функционированием фондового рынка и за информационными посредниками.

Политика партнерского взаимодействия на российском фондовом рынке должна строиться на принципах толерантности, признания равенства и суверенных прав всех партнеров; согласования интересов и признания необходимости соподчинения при решении поставленных задач и цели; открытости и прозрачности при разработке согласительных процедур и договорных отношений.

Формирование институциональной системы регулирования фондового рынка в России на принципах партнерского взаимодействия позволяет ликвидировать высокую долю иностранных инвесторов на российском фондовом рынке, а вместе с этим предотвратить намечающуюся тенденцию зависимости развития российского фондового рынка от движения иностранного капитала, а также влияния иностранных инвесторов на российских инвесторов. Кроме того, система институционального регулирования на принципах партнерского взаимодействия позволит снизить дефицит долгосрочных инвестиционных ресурсов за счет привлеченных средств населения, средств банков, прежде всего Сбербанка и Пенсионного фонда РФ, увеличить число участников фондового рынка как минимум в 10 раз.

На российском фондовом рынке в настоящее время наблюдается рост не только вследствие удорожания нефти, но и за счет притока акций российских компаний. В 2012 г., по прогнозам специалистов, российский фондовый рынок вырастет на 25–30%, а индексы РТС и ММВБ к концу 2011 г. уже превысили показатели развитых стран Европы и Азии. Однако, несмотря на позитивные изменения, российские инвесторы пока не готовы рисковать путем осуществления вложений в ценные бумаги. Институционализация российского фондового рынка на принципах партнерского взаимодействия позволит осуществить модернизацию фондового рынка России не только в отношении информационно-технического обеспечения регулирования фондового рынка, но и главным образом в отношении его институционального регулирования.

Среди предложенных мер по модернизации институционального регулирования следует выделить меры по активному использованию методов функционального и институционального регулирования, а также мер по регулированию

посредников фондового рынка. Методы функционального регулирования связаны с установлением правил операций на фондовом рынке и отражают принципы деловой этики, что крайне важно при поддержке ликвидности и прибыльности деятельности. Методы институционального регулирования востребованы при установлении требований к размеру собственных средств участников фондового рынка, при регулировании структуры активов и пассивов, при ограничении рискованных операций. Меры по регулированию посредников на фондовом рынке должны быть направлены на ранжирование норм в зависимости от услуг, выполняемых посредниками. Модернизация регулирования фондового рынка в России создаст условия для реализации концепции партнерского взаимодействия в системе институционального регулирования фондового рынка.

Библиографический список

1. Рубцов Б.Б. Современные фондовые рынки. М., 2007.
2. Лившиц И.М. Регулирование фондового рынка в Европейском сообществе: образец или ориентир для международного сотрудничества // Закон. 2009. № 2.

D.A. Gavrilin
The Influence of Transformation
Processes of the Russian
Economy on Employment

The employment of the population and the influence of transformation processes on its development is examined. Special attention is paid to the analysis of new forms of employment.

Key words and word-combinations: transformation processes of the economy, social-labor relations, employment, labor market.

Исследуется занятость населения и влияние трансформационных процессов на ее развитие. Особое внимание уделяется анализу новых форм проявления занятости.

Ключевые слова и словосочетания: трансформационные процессы в экономике, социально-трудовые отношения, занятость, рынок труда.

УДК 331.5
 ББК 65.24

Д.А. Гаврилин

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Формирование и развитие любой сферы экономической системы во многом связаны с занятостью населения и ее эффективностью. Реформы и экономические преобразования последних лет активно затронули финансовую систему России, отношения собственности, инвестиционные процессы, тем не менее занятость как основной макроэкономический элемент социально-экономической системы достаточно опосредованно исследовалась в рамках этих процессов. Основные направления научных исследований занятости и ее влияния на развитие экономической системы в

условиях развития трансформационных процессов остаются недостаточно охваченными. Это объясняется устоявшимся, традиционно применяемым отраслевым методом анализа занятости. Системный анализ и сферальный подход к исследованию занятости используются экономистами в значительно меньшей степени. Необходимо отметить, что в экономической литературе (как советской, так и современной) проблема занятости не занимала сколь-нибудь заметного места.

Занятость, как правило, определяют как комплекс социально-экономических отношений активной части населения, непосредственно связанных с участием в трудовой деятельности. Этот комплекс включает в себя характеристики степени трудового участия, а также реализации потребностей работника, работодателя и общества в целом и является основным элементом трудовых отношений.

В то же время занятость можно охарактеризовать как часть социально-экономической системы, определяющую основные направления развития общества. При этом значительная часть экономических, социальных и демографических процессов и явлений в какой-то степени связана с отношениями занятости либо выступает результатом этих отношений. Основываясь на данном положении, занятость, в условиях трансформационных процессов в российской экономике под влиянием институциональных и социально-экономических преобразований, можно рассматривать как своеобразный индикатор эффективности экономических реформ, национального благополучия и качества жизни.

Трансформационные процессы в рыночной экономике современной России вносят существенные изменения в содержание трудовых отношений и отношений занятости, распределяя различные аспекты данных категорий по разным сферам экономики. В такой ситуации целесообразно регулирование занятости посредством использования методов детального анализа экономических преобразований.

Учитывая условия трансформации российской экономики, важно выделить несколько основных тенденций, на которые следует обратить особое внимание при экономическом и правовом регулировании занятости.

Первая из них связана с появлением новых форм занятости (например, виртуальной занятости), никоим образом не связанных с конкретным рабочим местом, регламентом рабочего времени, трудовым распорядком и должностными инструкциями. Такие формы занятости уже сегодня охватывают огромный спектр субъектов экономической системы. Вторая тенденция заключается в существенной доле использования завуалированных схем аутсорсинга и аутстаффинга, требующих законодательного закрепления [1]. Третью тенденцию олицетворяет собой «теневая занятость», подразумевающая использование мошеннических схем в теневом бизнесе и не позволяющая достоверно оценить реальное положение рабочей силы на рынке труда. Четвертая тенденция связана с низким уровнем защищенности занятости и выражается в несоблюдении работодателем четких процедур найма и увольнения работников, институциональной незащищенности рабочего места, нестабильности занятости [2].

Именно эти тенденции и свидетельствуют о занятости как системе социально-экономических отношений, развивающихся в рамках преобразований в обществе, и необходимости совершенствования методов регулирования занятости под влиянием экономических реформ.

Анализируя занятость как индикатор качества экономических преобразований, необходимо отметить, что на самой занятости влияние данных изменений отразилось незначительно. В целом сохранился ее нерыночный характер с отраслевой и профессиональной структурой. Лишь в отдельных сферах наблюдаются признаки постиндустриальной структуры с соответствующей оценкой квалификационного интеллектуального потенциала работников. Наряду с причастностью к отдельным сферам экономической системы подобные признаки носят еще и территориальный характер, встречаясь, как правило, в крупных мегаполисах, где по сравнению с провинцией в значительной мере усилена активность кадровых служб частной формы собственности.

В настоящее время формирование в России системы занятости и рынка труда определены двумя основными причинами. Во-первых, социально-трудовые отношения в частности, как и рынок труда в целом, трансформируются лишь в результате значительных общих макроэкономических преобразований системы. В связи с этим определяется значительный временной интервал от первых преобразований до последующих, что зависит от сложившихся экономических, социальных, политических и психологических взглядов и общественных устоев. Во-вторых, в российском обществе отсутствует целостное восприятие системы занятости населения, связанное с недостаточным исследованием экономической активности трудового потенциала, трудовой мотивации, социальной защищенности граждан, отраслевой и профессиональной структуры рабочей силы.

В данной ситуации не стоит всецело полагаться на то, что рынок труда самостоятельно отрегулирует систему занятости населения. Рынок труда можно скорее рассматривать как важнейший элемент системы занятости, преобразующий занятость в условиях трансформации российской экономики, однако в рамках и под воздействием ранее сложившейся системы, с ее базовыми показателями и характеристиками. Это еще раз подтверждает, что в эффективной рыночной экономике занятость является индикатором, отражающим степень сбалансированности работы механизма спроса и предложения рабочей силы.

Наибольшей степени эффективности тенденция преобразования занятости в рамках трансформации российской экономики может быть достигнута при условии активного включения занятости в социально-экономические программы развития страны. При условии рассмотрения занятости в качестве неотъемлемой части социально-экономических программ можно утверждать о формировании в обществе одного из критериев социально ориентированной экономики.

Занятость связана не только с экономическими, но и социальными, политическими и демографическими процессами, отражающими общественное настроение и состояние системы в целом. Социально ориентированная система определяется сформировавшимся в обществе балансом полной и эффективной занятости; равенством возможностей и ответственности граждан при реализации права на труд, основанном в первую очередь на принципе добровольности трудовой деятельности; беспрепятственным изменением и перемещением рабочей силы между сферами деятельности, различными отраслями и профессиями; высоким уровнем трудовой мотивации и заинтересованности работников в результатах труда, направленных на улучшение качества жизни; эффективной системой социальной защищен-

ности в сфере занятости. Таким образом, эффективность занятости связана со всеми указанными процессами и включает в себя такие социальные приоритеты, как уровень здоровья нации, рост образовательного и профессионального уровня, действенность социальных гарантий и норм, социально-политическую стабильность, а также стабильность доходов и рост благосостояния населения.

Поиск экономистами направлений решения проблем занятости обнаружил нестандартные формы ее проявления. Тем не менее повышение занятости в данном случае не связано с увеличением количества рабочих мест, а происходит за счет сокращения рабочего времени, распределения должностных обязанностей между несколькими работниками. Данные формы занятости принято называть гибкими. Их разделяют на несколько типов: первый подразумевает занятость в режиме неполного рабочего времени (в том числе сезонная и любая другая ниже государственного норматива рабочего времени); второй – занятость в режиме рабочего времени нестандартной формы (работа по краткосрочным контрактам и договорам гражданско-правового характера, т.е. работа, носящая случайный характер); третий – занятость в режиме нестандартного рабочего места (работа на дому и т.п.); четвертый тип гибкой формы занятости – самозанятость (а именно, без определенных формальных трудовых отношений; ее часто разделяют по причастности к сельскохозяйственной отрасли).

Все рассмотренные типы и формы, так или иначе, находят свое выражение в складывающемся в России институте нестандартной занятости. Необходимо выделить принципиально новую форму ее проявления – дистанционную занятость, разделяемую экономистами на несколько подвидов:

- смешанная занятость – когда основные обязанности выполняются работником вне формального рабочего места на территории работодателя, но периодически необходимо присутствие работника в офисе для согласования определенных рабочих моментов;
- мобильная форма – непосредственно связана с использованием современных технологий и средств коммуникаций вне дома или офиса;
- удаленная занятость – определена спецификой рода деятельности либо экономическими преимуществами организационного процесса;
- надомная занятость – может включать в себя как высококвалифицированный труд, так и труд низкой квалификации; в эту же группу относят дистанционное обслуживание клиентов и «фриланс»-надомную работу внештатных сотрудников в рамках заключенных договоров с заказчиком [3].

Часть рассмотренных форм занятости можно определить как занятость в неформальном секторе экономики или не связанная с уплатой налогов деятельность граждан в незарегистрированных хозяйственных структурах. К видам деятельности в данном секторе, так называемой «теневой занятости», чаще всего относят частные медицинские услуги, уроки на дому, консультации и репетиторство, строительно-ремонтные работы, ремонт автомобилей, бытовой техники и одежды, пошив одежды, посреднический и мелко-торговый бизнес, нелегальный бизнес (сфера досуга, казино). Среди причин роста теневой занятости следует отметить повсеместные нарушения работодателями трудового законодательства Российской Федерации в части кадрового учета сотрудников, тенденции разви-

тия объема добровольной незанятости части населения, развитие доли формальной занятости, приносящей доход без личного трудового участия.

Занятость в неформальном секторе приобрела массовый характер. В связи с этим в настоящее время в России следует уделить особое внимание «теневой занятости» и занятости в неформальном секторе экономики, поскольку именно они несут в себе регулирующую функцию социально-трудовых отношений в системе занятости населения.

Неформально занятые работники характеризуются как «...лица, не зарегистрировавшие в соответствии с законодательством экономическую деятельность и не платящие налогов» [4, с. 86]. В развитие темы следует определить неформальный сектор экономики как совокупность всех видов экономической деятельности, как правило, запрещенных законодательством, не учитываемых налоговыми, пенсионными, социальными, статистическим и прочими государственными регулирующими и контролирующими службами. Таким образом, неформальный сектор экономики представляет собой некое противостояние формальному. Именно занятость в неформальном секторе, а также новые нестандартные формы проявления занятости определяют развитие всей экономической системы современной России.

Системный анализ занятости в переходной экономике России на фоне трансформационных процессов в производственной сфере, финансовой системе, в отношениях собственности, кадровой политике позволяет сделать вывод, что система социально-трудовых отношений характеризуется не только ростом социальной напряженности и неполной занятости, но и снижением уровня мотивации к труду, а также ухудшением трудовой морали, деqualификацией рабочей силы и снижением профессиональных навыков на фоне общего расширения теневой экономики и неформального сектора.

Отношения на рынке труда имеют социально-экономический характер и затрагивают проблемы значительной части населения. Занятость выступает одним из условий качественного и количественного воспроизводства населения, так как влияет на качество жизни, затраты, связанные с отбором, подготовкой и переподготовкой кадров, трудоустройством, потерей работы. Столь серьезная роль занятости в социально-экономической системе влечет за собой настоятельную потребность в активном исследовании проблем безработицы и политики занятости. Адекватная и актуальная, научно обоснованная оценка экономической активности, трудового потенциала, трудовой мотивации, социальной защищенности граждан, отраслевой и профессиональной структуры рабочей силы должна быть положена в основание принятия решений по социально-экономическому оздоровлению России.

Библиографический список

1. Збышко Б.Г., Лучицкая Л.Б. Занятость населения в России: правовое регулирование // Экономические и социальные проблемы России: сб. науч. трудов. М., 2011. № 2. С. 46–53.
2. Соболева И., Лакунина Л. Социальная защищенность в сфере труда: тенденции распределения и зоны уязвимости // Общество и экономика. 2010. № 1. С. 101–124.
3. Ларкина Е.А. Институт нестандартной занятости на российском рынке труда // Актуальные проблемы современной экономики: сб. науч. статей. Саратов, 2010. С. 53–60.
4. Экономика и социально-трудовые отношения / под ред. Г.Г. Меликьяна, Р.П. Колосовой. М., 1996.

S.A. Konstantinov
**Structure of Regional Social
Space of Labor Market and
Features of Employment Policy:
Theoretical Bases and the
Experience of Empirical Analysis
of the Saratov Region**

The methodology of social space study is presented. The structure and content of labor market social space is considered. The dynamics of labor market regional social space and social processes is analyzed.

Key words and word-combinations: employment policy, social space, labor market.

Представлена методология изучения социального пространства. Рассматривается структура и содержание социального пространства рынка труда. Проводится анализ динамики регионального социального пространства рынка труда и социальных процессов.

Ключевые слова и словосочетания: политика занятости, социальное пространство, рынок труда.

УДК 316.334.2:316.334.52(470.44)
ББК 60.561.2+60.59(235.54)

С.А. Константинов

**СТРУКТУРА
РЕГИОНАЛЬНОГО
СОЦИАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА
РЫНКА ТРУДА
И ОСОБЕННОСТИ
ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
И ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА
САРАТОВСКОГО РЕГИОНА**

Для анализа находящегося в условиях трансформаций современного отечественного рынка труда в его региональном измерении вполне пригодна имеющаяся в науке методология социального пространства [1–6]. Рынок труда, по нашему мнению, может быть представлен как социальное пространство, включающее совокупность взаимодействующих структур и элементов, комплекс социальных отношений, институтов и иерархий, ценностных конструкций и идеологем. Пространство рынка труда структурируется посредством его основных элементов, отношений между ними и инфраструктуры; через профессионально-квалификационную структуру; с помощью сегментации рынка труда, то есть выделения устойчивых замкнутых зон, секторов рабочих мест и работников, что позволяет выделять также внутреннее и внешнее пространства рынка труда, а также пространства отдельных элементов рынка труда. Социальное пространство рынка труда структурировано и иерархизировано в территориальном и отраслевом отношении.

Существенной закономерностью функционирования агентов рынка труда является

влияние на их предпочтения и поведение ближайшего рынка труда, его возможностей и условий. Главными элементами пространства рынка труда являются социальные группы работников и работодателей (представителей рабочей силы), вступающие в социальные взаимодействия и отношения в пространстве трудоустройства. Данные взаимодействия могут быть непосредственными и опосредованными.

Спектр посредников в пространстве рынка труда динамичен и адаптивен. В современных условиях статус посредников обретают институты основного и дополнительного образования, биржи труда, системы профессиональной ориентации. Посредники в своих институциональных и неинституциональных формах могут оказывать различное влияние на характер взаимоотношений между основными элементами рынка труда в континууме «баланс – дисбаланс», что позволяет отметить различную степень сбалансированности (дисбаланс) пространства рынка труда. В связи с этим в пространстве рынка труда можно обнаружить как системные, так и бессистемные зоны.

Рынок труда как система характеризуется пространственными и темпоральными характеристиками. Одновременно к элементам этой системы можно отнести агентов рынка труда (профессионалов), социальные организации, отдельные секторы экономики. Бессистемные зоны, или зоны дисбаланса, в пространстве рынка труда возникают в точках взаимодействия основных элементов как проблемные зоны нормативно нерегулируемого характера.

Пространство рынка труда в проекции социальных процессов выступает как статическим, так и динамическим объектом исследования. Статические параметры пространства рынка труда обусловлены спецификой его структурных элементов и процессов их взаимодействия и мобильности. Динамические характеристики связаны с социальными изменениями в пространстве рынка труда, происходящими под влиянием внешних и внутренних социальных процессов.

Особенностью современного состояния отечественного рынка труда в регионе является доминирование его динамических характеристик, обусловленное интенсификацией трансформационных процессов и обменных взаимодействий в макросоциальном масштабе. Проблемные зоны (зоны дисбаланса) в пространстве рынка труда возникают в точках взаимодействия его элементов под влиянием динамических социальных процессов. В связи с этим более развернутая пространственная характеристика рынка труда требует его динамических репрезентаций в концептуальной схеме процессуальности пространства [2].

Трансформации современного рынка труда требуют расширения методологических возможностей концепции социального пространства для его углубленного динамического анализа в предметном поле социологии. Одним из основных методологических приемов, позволяющих осуществить такой анализ, является введение в социологический оборот авторских понятий близости, выбора и ограниченности.

Понятие близости отражает первичные пространственно-временные отношения; оно может быть использовано при изучении динамики социального пространства рынка труда, когда важно рассмотреть историю взаимодействия его элементов, сближения и возникновения профессий. Это понятие позволяет отслеживать относительную дистанцию между объектами и субъектами в пространстве.

Близости возникают в процессе социального познания при условии появления пространственных, временных дистанций между субъектом и объектом исследования, следствием чего является определение конкретного познавательного метода [3]. В связи с этим могут быть выделены следующие близости: пространственные, временные, с разной интенсивностью взаимодействия, случайные, информационные, с проводниками и без них. К примеру, внутренние закономерности пространственных близостей связаны с последовательностью присутствия элементов пространства в социальном месте, с их эмоциональным влиянием друг на друга на маленькой дистанции, с социальной функцией, социальными сетями, солидарностью. Временные близости связаны с передачей в мире повседневности социальных идей и представлений от одного поколения к другому без посредников.

Понятие выбора как социального и социально детерминированного личностного феномена в контексте анализа пространства рынка труда может быть использовано для раскрытия процессов заполнения и перемещения представителей рабочей силы.

Выбор человека повседневен, дискретен, кумулятивен, рационален, эмоционален, обусловлен прошлыми выборами, случаен, биографичен, определен близостями, связан с жизненными смыслами, осуществляется под влиянием социального окружения. Ситуация выбора особенно актуальна для молодежи в ее жизненном пространстве в целом и пространстве рынка труда в частности. Содержание темпоральности выбора – жизненного и профессионального пути – может быть проинтерпретировано как совокупность экзистенциальных ценностей.

К категории выборов примыкает категория ограниченности как выстраивание в пространстве границы от чего-либо другого. Ограниченность присутствует в любой системе, правилах игры, профессиональной деятельности, культуре, традиции, этической системе [4]. Выбор же часто происходит при ограничении принимаемых в расчет критериев.

Опираясь на изложенные методологические позиции, представляется возможным осуществить анализ динамики регионального пространства рынка труда.

Статистические данные по Саратовской области за период с 1995 по 2006 г. свидетельствуют о принципиальной смене тенденций и этапов под влиянием как внутренних, так и внешних социальных процессов. Так, происходит спад производства на фоне высокой инфляции. Рабочая сила перераспределяется между секторами экономики: отмечен отток рабочей силы из промышленности и сельского хозяйства в торговлю, в сферу бытового обслуживания и кредитно-финансовых услуг. Зафиксирован рост напряженности на регистрируемом рынке труда. Выросли масштабы неполной занятости, увеличилось высвобождение работников по инициативе работодателей. Обострилась проблема занятости в сельской местности. В целом снизился спрос на рабочую силу при сокращении числа вакансий в отраслях государственного сектора.

В то же время на состояние рынка труда усилилось влияние демографических факторов. В частности, увеличение потока мигрантов повлияло на рост производства и спроса на рабочую силу в отдельных отраслях экономики.

Перемещения занятой и незанятой рабочей силы, структурные изменения пространства рынка труда происходят в указанный период под влиянием поиска

оптимальных форм государственного регулирования этих процессов. Оперативность и эффективность регулирования в значительной степени влияют на степень сбалансированности рынка труда, обеспечение профессиональной подготовки и повышение квалификации кадров, воспроизводство рабочей силы и рабочих мест, раскрытие возможностей реализации принципов социального партнерства.

Государственная служба занятости является одним из институционализированных посредников в социальном пространстве рынка труда. Начиная с 1991 г., в условиях минимизации социальных функций государства, на нее была возложена основная нагрузка по регулированию рынка труда. Однако в процессе становления и развития службы занятости произошло смещение основных функций: в значительной степени она стала заниматься посредничеством, содействием занятости и социальной защитой безработных. В силу малой адаптивности к реальным проблемам рынка труда, которые в значительной части оказались скрыты в теневом секторе, постепенно сокращались масштабы ее деятельности в целом.

Эмпирические исследования на примере Саратовского региона подтверждают, что служба занятости воспринимается работодателями как одна из важных структур содействия занятости благодаря оказываемым ею услугам по предоставлению банка высококвалифицированных специалистов, профессиональной доводке работников и консалтингу по правовым аспектам работы с персоналом. Но в то же время, имея высокие потребности в посреднических услугах на рынке труда, работодатели не стремятся расширять свои контакты со службой занятости. Функциональный консерватизм службы занятости и ее низкие адаптационные возможности, как показали исследования, связаны со слабостью внешних и внутриорганизационных факторов, стимулирующих к повышению эффективности и инновационности деятельности.

Динамические процессы в пространстве отечественного рынка труда связаны с формированием и развитием нового посреднического элемента – системы профессионального переобучения незанятых граждан, одной из организационных форм которой стали учебные центры службы занятости. В рамках общей целевой установки данных центров, связанной с корректировкой профессионального потенциала рабочей силы и уменьшением степени дисбаланса пространства рынка труда, фиксируется изменение их функций. Динамика выражается в переходе от присущей в 1990-е годы корректировки профессионального потенциала работников дореформенного периода к корректировке профессионального образования выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений в 2000-е годы.

Мониторинговое изучение эффективности профессионального обучения на входе в систему и на выходе из нее на примере Поволжского межрегионального учебного центра свидетельствует о том, что она находится в пределах 50% в целом и дифференцируется в зависимости от специальностей. Это подтверждает необходимость приведения системы дополнительного образования незанятых граждан в соответствие с изменениями рынка труда в условиях, когда система основного профессионального образования остается одним из влиятельных факторов, поддерживающих высокую степень дисбаланса в пространстве рынка труда.

Инновационные методы содействия занятости со временем все глубже проникают в социальное сознание безработных как специфической группы в про-

странстве рынка труда. У безработных в большей степени актуализированы установки на профессиональную мобильность и взаимодействие с институциональными посредниками содействия занятости. Об этом свидетельствуют результаты мониторинга потребностей в профессиональном переобучении безработных Саратовского региона.

Рост потребностей в профессиональном обучении у незанятых граждан связывается с ожиданием гарантированного трудоустройства после переобучения. При этом ценностные ориентации безработных в сфере труда трансформируются в сторону преобладания значимости материальных условий работы. Фиксируется дифференциация мотивации к профессиональному обучению у безработных по гендерному признаку. Для мужчин, особенно военнослужащих, уволенных в запас, характерным является стремление к получению быстрого результата – найма на работу. Для женщин зачастую важным становится обучение ради самого процесса. У безработных с высшим образованием потребности к профессиональному переобучению, как правило, ограничены профилем имеющейся профессии. В целом безработные, осваивая актуальные на рынке труда профессии, не всегда имеют возможность удовлетворения своих потребностей в трудоустройстве.

Динамический анализ характеристик работодателей как статусной группы в пространстве рынка труда на примере опроса руководителей предприятий г. Саратова свидетельствует о том, что руководители предприятий-работодателей по преимуществу самостоятельно осуществляют найм работников. В динамике фиксируется смена приоритетов, которыми руководствуются работодатели при найме сотрудников: от психолого-личностных параметров кандидатов, их возраста, уровня квалификации и наличия рекомендаций к уровню профессионализма и компетентности.

Несмотря на активизацию деятельности государственных и негосударственных служб содействия занятости, основным каналом подбора кадров на предприятиях остаются личные связи, что свидетельствует о доминировании в пространстве рынка труда сетевых взаимодействий над институциональными. Перспективы расширения институциональных форм посредничества в сфере найма связываются с модернизацией деятельности служб занятости в направлении трудоустройства с профессиональной доводкой выпускников учреждений профессионального образования в соответствии с требованиями работодателей, расширением рекрутинговых технологий и технологий управления персоналом, то есть с предоставлением комплекса услуг кадрового менеджмента.

Безработные граждане противодействуют нисходящим циркуляционным потокам социальной мобильности, опираясь преимущественно на собственные силы и взаимопомощь в социальных сетях. Исследования социально-трудовой мобильности показывают, что люди, побывавшие безработными в 1990-х годах, активно пытались выравнять и восстанавливать свое социальное положение и сферу профессиональной занятости в условиях ограниченных возможностей территориальной мобильности. Прошедшие через состояние незанятости не опустились на социальное дно, а активно противостояли подавленной конъюнктуре рынка труда, заплатив за удержание уровня своего социального положения изменением содержания труда, профессии, сферы занятости и в целом объемом и

качеством личностного и социального потенциала. Об этом свидетельствует преобладание низкого уровня социального самочувствия данных социальных групп.

В динамике преобладавшие в 1990-х годах процессы нисходящей социальной мобильности и изменений иерархической структуры пространства рынка труда сменяются в конце 2000-х годов. Отмеченные положительные тенденции в развитии экономической конъюнктуры могут способствовать снижению профессиональной мобильности некоторой части рабочей силы.

Носителем инновационных ресурсов, потенциала трудовой и территориальной мобильности в пространстве рынка труда является группа молодежи, которой современная ситуация воспринимается в качестве нормы. Для молодых людей характерны разнообразные профессиональные предпочтения, ориентированные на новые сферы профессиональной деятельности и секторы экономики.

У молодежи отмечается более высокая степень адаптивности к сложившимся условиям по сравнению с другими возрастными группами, несмотря на сохраняющееся дискриминационное положение на рынке труда в силу возрастных и квалификационных ограничений. Эти факторы должны быть иницилирующими в процессах адаптации институциональных структур содействия занятости к изменяющейся ситуации, связанной с повышением востребованности рабочей силы, сосредоточением социального потенциала преимущественно в молодежных группах, сокращением теневого сектора и теневых способов взаимодействия в пространстве рынка труда.

В различных профессиональных средах существует специфический набор знаний, умений, технологий, культуры. Все это усваивается попадающими в них людьми и постепенно формирует их социально-профессиональное сознание. В современных условиях в России происходят интенсивные процессы социальной циркуляции в пространстве рынка труда. Специалисты как носители профессионального сознания часто оказываются в неродной для них профессиональной среде. Процессы профессионального переобучения, профессиональной мобильности приводят к трансформации профессионального сознания, его обновлению, наложению новых пластов профессионального сознания на прежнее, следствием чего становится взаимодействие различных профессиональных знаний, установок, норм и культур. Данные тенденции особо явно и активно проявляются в формировании и профессионализации предпринимательской деятельности.

Векторы поведения человека как носителя профессии определяются в нескольких возможных направлениях: 1) движение внутри своей профессии в направлении повышения компетентности, дохода и достижения состояния, обозначаемого как «первый в профессии»; 2) движение внутри родной или близкой по профилю организации в направлении достижения высшей должности, повышения степени свободы; 3) стремление перейти в другую профессию, если прежняя не приносит ожидаемые дивиденды; 4) полный уход из существующего в данной точке социального пространства депрессионного рынка труда в более сбалансированный сегмент рынка.

Наряду с изучением рабочей силы по методологии Международной организации труда, анализ пространства рынка труда в динамике социальных процессов может быть осуществлен на основе систематического статистико-социоло-

гического мониторинга, осуществляющегося через сети государственной службы занятости. Этот подход обычно затруднен высокими финансовыми издержками. Данные способы познания рынка труда посредством количественных методов позволяют фактически довести исследовательские точки наблюдения до районных центров региона. Дальнейшее альтернативное развитие познания социального пространства рынка труда возможно через увеличение точек наблюдения в виде исследования сотовой системы профессиональных микрорынков труда, когда общее пространство рынка труда изучается через совокупность рынков деятельности отдельных профессионалов, что расширяет возможности анализа пространства регионального рынка труда в динамике.

Углубленное изучение проблемных зон динамически изменяющегося рынка труда требует привлечения потенциала качественных методов социологического анализа, который может быть расширен за счет технологии изучения рынка труда с помощью *социолограмм профессий*.

Социолограмма профессии по смысловому содержанию представляет собой профессиограмму с особым социологическим содержанием. Социолограмму образует информация от профессионалов о самой профессии, об организациях, где она применяется, о рынке профессии, полученная методами глубинного интервью с компетентными носителями профессии из различных микрорынков. Основанием социолограмм профессий является идентификация человека по своему занятию, а ее спецификой – возможность проанализировать актуальный процесс функционирования и трансформации видов профессиональной деятельности в динамике через сознание профессионалов и тем самым выявить особенности динамических процессов в пространстве рынка труда.

Вторичный анализ социолограмм профессий позволяет получать достоверную социологическую информацию о системе образования, состоянии рынка труда, динамике развития профессии, реальной и потенциальной профессиональной мобильности, о состоянии социально-профессионального сознания. Использование социолограмм помогает отслеживать изменения в профессии и выявлять ее динамику по значимым параметрам. Кроме этого, информацию, содержащуюся в социолограммах профессий, можно использовать в практике профессионального ориентирования выпускников учебных заведений, абитуриентов и безработных, своевременной модификации профессиограмм [5].

Региональный рынок труда может быть представлен как социальное пространство, включающее системные и бессистемные (проблемные) зоны, которые в совокупности могут быть исследованы через динамические изменения на основе количественной (мониторинги рынка труда) и качественной (исследования профессионалов) социологической методологии. Процессуальность социального пространства рынка труда выступает его сущностной характеристикой. Особенностью современного состояния отечественного рынка труда является доминирование его динамических характеристик, связанных в масштабах региона с процессами социальной и трудовой мобильности основных макросубъектов, изменениями типов их взаимоотношений, формированием и трансформацией функций элементов-посредников (служб занятости и учебных центров), изменениями социально-профессионального сознания.

Библиографический список

1. *Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства. М., 1988.
2. Пространство и время в современной социологической теории / под ред. Ю.Л. Качанова. М., 2000.
3. *Черняева Т.И.* Архитектоника социального пространства. Саратов, 2004.
4. Пространство и время социальных изменений / В.Н. Ярская, Л.С. Яковлев, В.В. Печенкин, О.Н. Ежов. М.; Саратов, 2003.
5. *Бурдые П.* Физическое пространство и социальное пространство // Социология политики. М., 1993.
6. *Филиппов А.Ф.* О понятии социального пространства // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1996. Вып. 3.
7. *Константинов С.А.* Социальные процессы на рынке труда: региональный мониторинг. Саратов, 2005.
8. *Константинов С.А.* Близости в социальном мире // Философия, цивилизация, человек: новые горизонты XXI века. Саратов, 2004. С. 47–51.
9. *Константинов С.А.* Основание выбора жизненных путей и профессий // Проблемы и перспективы развития человеческих ресурсов: сб. науч. трудов. Саратов, 2001. С. 130–137.
10. *Константинов С.А.* На смену профессиограмме приходит социолограмма // Служба занятости. 2005. № 12. С. 24–29.

N.A. Lyashok
On the Employee's Work
Evaluation System in Conditions
of Various Property Forms
and Market Relations

A new method to determine standard rates for salaries in accordance with the level of professionalism, competence, and initiative of employees is proposed.

Key words and word-combinations: an employee, labor prices, standard rates, salary, level of qualification.

Предлагается новая методика определения расчетных нормативных ставок и расценок на оплату труда в соответствии с уровнем профессионализма, компетенции, инициативности работника.

Ключевые слова и словосочетания: работник, стоимость труда, нормативные ставки, оклад, уровень квалификации.

УДК 331
ББК 65.24

Н.А. Ляшок

**О СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ ТРУДА
РАБОТНИКА
В УСЛОВИЯХ
МНОГООБРАЗИЯ
ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ
И РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Объективная оценка стоимости труда всегда представляла серьезную проблему для работников и работодателей, но особая значимость ей придается в условиях многообразия форм собственности и рыночных отношений. Система оплаты труда, существовавшая в советский период и обусловленная господством государственной формы собственности, отличалась уравнильным подходом к результатам труда и его оплате.

При этом не учитывался трудовой потенциал и личный вклад каждого отдельного работника в достижение общего результата, что нередко влекло за собой снижение его заинтересованности в труде. Происходящая сложная трансформация социально-экономической системы Российской Федерации вызывает необходимость разработки более гибкой оценки труда с целью как удовлетворения запросов работника, так и решения производственных задач в целом.

В рыночных условиях работодатель объективно заинтересован в том, чтобы договорные ставки и расценки на труд работника были максимально занижены по отношению к нормативным. Этот факт следует учитывать при расчете оценок стоимости труда человека с тем, чтобы знать степень несоответствия и принимать меры для его постепенного устранения. Разработка расчетных нормативных ставок и расценок на оплату труда каждого работника, соответствующих его личным качествам, позволит определять уровень недооценки (или переоценки) его труда, а также потенциал роста либо нормализации величины этих показателей. С их помощью можно постепенно минимизировать выявленные отклонения между фактом и нормой.

К сожалению, действующая в настоящее время система статистического учета страдает крайней скудостью показателей по труду. Теоретические разработки в области человеческого капитала и трудового потенциала работника или коллектива чаще всего остаются невостребованными.

Стоимость труда, в отличие от его цены, является величиной расчетной (в части устанавливаемых ставок и расценок), частично персонифицированной, а иногда и неперсонифицированной. Заранее определить размеры форм денежного поощрения работников предприятий сверх основной оплаты труда, как правило, не представляется возможным, поэтому в стоимость труда каждого работника за отчетный календарный период эти суммы включаются по факту. Размер денежного поощрения зависит от конъюнктуры на рынке производимой предприятием продукции, ее конкурентоспособности, креативности, объемов производства, продаж, рентабельности производства. При определении стоимости труда работника предприятия учитывается то обстоятельство, что фактические договорные ставки и расценки за труд конкретного человека (базовая часть оплаты труда) могут существенно отличаться от ставок и расценок, которые соответствуют присвоенному ему квалификационному разряду, сложности и тяжести выполняемого труда.

Неперсонифицированную часть стоимости труда работников предприятий, не включаемую в цену их труда, составляют затраты работодателя на обучение, образование и повышение квалификации, развитие творческих способностей, перепрофилирование отдельных категорий работников в зависимости от конъюнктуры на рынке труда и потребностей производства в случаях его обновления и модернизации. Сюда же входят расходы на телефонизацию и компьютеризацию рабочих мест, приобретение факсов и ксероксов для служащих и административно-управленческого персонала, организацию питания, профилактики и восстановление здоровья работников, охрану труда и технику безопасности на производстве, соблюдение норм и правил труда на рабочих местах, медицинское и другие виды страхования кадров. В некоторых случаях руковод-

ство предприятия идет на то, чтобы компенсировать транспортные расходы персонала на поездки к месту работы и обратно, дотировать в случае пользования работниками объекты инфраструктуры предприятия, если таковые имеются, а также помогать организации отдыха работников по интересам и состоянию здоровья. Соответствующие затраты работодателя также целесообразны для создания условий, благоприятствующих рационализаторской и изобретательской деятельности, научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам, аттестации и модернизации существующих и создания новых рабочих мест, оплаты услуг рекрутерских фирм, способных найти и привлечь кадры соответствующих специальностей и квалификаций.

Общепризнано, что одним из наиболее фундаментальных препятствий на пути успешного экономического развития, включая справедливую оценку труда, является проблема отношений собственности [1, 2]. При слабой защите прав собственности у собственников возникает желание получить сиюминутную прибыль, не заботясь ни о будущем предприятия, ни о его работниках, включая и систему оплаты их труда. Нередки случаи, когда работники, которых принимают на предприятие, не получив обещанной заработной платы, вынуждены просто увольняться либо у них исчезает стимул к улучшению качества выполняемой работы.

Казалось бы, выходом из подобного рода ситуации является так называемая «сдельщина». Но сдельная форма оплаты труда обычно применяется на наиболее «узких» участках производства. К тому же она имеет существенный недостаток, заключаемый в определении разряда работы, который по ее регламенту должен соответствовать разряду работника (понятие «разряд работы» может быть заменено термином «уровень сложности»).

Например, для операций по изготовлению деталей на токарном станке технологом, с учетом используемых технологий и технических средств на данном предприятии, должны быть определены уровень сложности и время обработки каждой операции. Практическое определение вида работы, поручаемой тому или иному работнику, находится в компетенции начальника (мастера производственного участка). Бывают случаи, когда токарь V разряда не справляется с изготовлением детали из восемнадцати операций, а токарь III разряда успешно выполняет эту задачу. Поэтому на практике в отношении применения рабочей силы приоритет остается за специалистом, способным выполнить задание, а не за формальным предписанием. Желательной же является ситуация, когда разряд работника в полной мере соответствует разряду работы, которую он выполняет.

Предлагаемая нами система оценки трудового потенциала позволяет приблизиться к такому состоянию. Она основана на эффективном использовании системы повышения квалификационного уровня рабочих-сдельщиков через систему комиссий по оценке знаний и присвоения очередного разряда. Универсализированная и содержательно расширенная система оценки трудового потенциала (уровня квалификации или качества) любого работника, наряду с оценкой его труда решающая и другие задачи, разработана на основе имеющихся теоретических положений [3, 4].

Основные цели предлагаемого механизма сводятся к следующему:

- созданию идеальной унифицированной модели оценки уровня квалификации и оклада работника любой должностной категории и сферы деятельности;
- обеспечению полной независимости оплаты труда работника любой должностной категории и сферы деятельности от работодателя на основе единой нормативно-правовой базы;
- объективной оценке рейтинга любого работника, подразделения, предприятия, организации, района, города, региона и страны в целом, что весьма важно в условиях конкурентной рыночной экономики;
- созданию эффективной системы мотивации труда инновационного развития экономики, повышения образовательного уровня работников, развития системы рационализации и изобретательства, развития новой техники, организации труда и управления;
- организации эффективной стимулирующей системы оплаты труда, зависящей от уровня трудового потенциала только самого работника;
- формированию современной правовой базы по регулированию оплаты труда, соответствующей мировому уровню и вызовам XXI столетия;
- обеспечению эффективного использования бюджетных средств и созданию условий для реальной модернизации технико-технологической базы и устойчивого развития национальной экономики;
- снижению уровня неоправданной дифференциации в оплате труда;
- повышению уровня социального содержания рядовых граждан.

В настоящее время экспериментальная апробация данной методики проходит на ОАО «Тантал». Приведем сокращенный вариант разработанной методики оплаты труда, позволяющей при помощи коэффициента, полученного опытным путем, более объективно и справедливо оценивать труд работника (таблица).

**Методика оценки уровня трудового потенциала
и оклада работника любой категории и сферы деятельности**

Код показателя	Наименование факторов и показателей	Нормативные коэффициенты для расчета ТПР работника	ФИО работника и коэффициент его достижений		
			Работник 1	Работник 2	Средний показатель
1	2	3	5	6	7
1.1	Фактор 1.0. Оценочный коэффициент за должность		5,0		
	Неаттестованный новый рабочий: токарь, слесарь, электрик и т.д., а также малоквалифицированные работники	1,0			

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
1.2	За первый разряд	1,3			
1.3	За второй разряд	1,6			
1.4	За третий разряд	1,9			
1.5	За четвертый разряд	2,2			
1.6	За пятый разряд	2,5			
1.7	За шестой разряд	2,8			
1.8	За седьмой разряд	3,1			
1.9	За восьмой разряд	3,4			
1.14	За должность: ст. инженер	2,7			
1.16	За должность: ведущий инженер	3,1			
1.19	За должность: начальник производственного участка	3,2			
1.26	За должность: зам. нач. цеха	4,6			
1.27	За должность: начальник цеха	4,8			
1.28	За должность: зам. нач. отдела	3,2			
1.29	За должность: нач. отдела	3,4			
1.30	За должность: зам. нач. производства	3,6			
	Фактор 2.0. Дополнительный оценочный коэффициент за руководство подчиненным персоналом				
2.1	За руководство бригадой (группой) до 3 человек	0,1			
2.2	За руководство персоналом численностью 4–6 человек	0,2			
2.3	За руководство персоналом численностью 7–10 человек	0,3			
2.10	За руководство персоналом численностью 1001–2000 человек	4,0			
2.18	За руководство персоналом численностью 1–10 млн человек	12,0			

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
2.19	За руководство персоналом численностью свыше 10 млн человек	13,0			
	Фактор 3.0. Дополнительное стимулирование работников за секретность				
3.1	За форму секретности № 3	0,1			
3.2	За форму секретности № 2	0,2			
3.3	За форму секретности № 1	0,3			
	Фактор 4.0. Дополнительный оценочный коэффициент за общий стаж работы		0,5		
4.1	За 3 года (опасных для жизни условий труда): шахтеры, атомщики и т.д.	$(o / 3) \times 0,1$			
4.2	За 5 лет (вредных условий труда): химлаборатории и т.п.	$(в / 5) \times 0,1$			
4.3	За 10 лет (нормальных условий труда)	$(н / 10) \times 0,1$	0,5		
	Фактор 5.0. Дополнительный оценочный коэффициент за почетное звание		0,2		
5.1	За почетное звание «Заслуженный работник»	0,1	0,1		
5.2	За почетное звание «Ветеран труда»	0,1	0,1		
	Итого интегральный коэффициент трудового потенциала работника (КТПР)		6,4		
	Итого тарифная ставка (оклад) работника: МЗП х КТПР				

Действующая на предприятиях разрядная система оценки уровня квалификации не дает полного представления о реальном трудовом потенциале самого рабочего. Предлагаемая методика позволяет восполнить этот недостаток. Осознание всеми субъектами социально-трудовых отношений необходимости более справедливой и прогрессивной оценки труда должно спо-

способствовать закреплению новой системы оплаты труда на предприятиях всех форм собственности и повышению стимулирования как работников, так и владельцев предприятий.

Библиографический список

1. *Besley T.J., Ghatak M.* Property Rights and Economic Development // Discussion Paper (London). 2009. № 7243.
2. *Black B.R., Kraakman R., Tarassova A.* Russian Privatization and Corporate Governance: What Went Wrong? // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52, № 6. P. 1731–1808.
3. Экономика и социология труда / Р.А. Яковлев, Ю.П. Кокин, А.Ф. Зубкова. URL: http://www.niitruda.ru/about/post_293.html
4. *Ляшецкий А.П., Голосов О.В., Яковлев Р.А., Крайнюков А.Н.* Организация, нормирование и оценка потенциала труда работников: учеб. пособие / под ред. В.В. Куликова. Саратов, 2010.

A.V. Baranova
State Support as an Element
of Financial Provision
for Agriculture in Russia

The necessity of financial provision for the agrarian sector in Russia is substantiated. Forms, methods, and ways of state participation in financial provision for the agrarian sector are assessed.

Key words and word-combinations: agrarian policy, state support, financial provision, crediting.

Обоснована необходимость государственной поддержки аграрного сектора в России. Оценены формы, методы и способы участия государства в финансовом обеспечении агропромышленного комплекса.

Ключевые слова и словосочетания: аграрная политика, государственная поддержка, финансовое обеспечение, кредитование.

УДК 336.531.2:338.43
ББК 65.261.512

А.В. Баранова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ЭЛЕМЕНТ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Агропромышленный комплекс является одной из крупнейших отраслей российской экономики. Он нацелен не только на обеспечение населения качественным и доступным продовольствием, но и на достижение продовольственной безопасности страны. Аграрный сектор наиболее подвержен влиянию разного рода негативных факторов нестабильности, что делает неизбежной необходимость его внешнего регулирования.

Для сельского хозяйства характерны зависимость получаемой конечной продукции от сезонности и природно-климатических

условий, замедленный оборот средств, высокая капиталоемкость производства, сравнительно низкая доходность. Но даже при благоприятных экономических условиях оно нуждается в финансовой поддержке государства, кредитах и централизованном регулировании процесса ценообразования. Вопросы обеспечения производителей аграрной отрасли финансовыми ресурсами, несомненно, заслуживают первостепенного внимания.

Финансирование большинства сельскохозяйственных предприятий сегодня нельзя признать удовлетворительным. Многие предприятия АПК не способны реализовать принципы самокупаемости и самофинансирования не только расширенного, но и простого воспроизводства, что в целом делает отрасль инвестиционно непривлекательной. Одним из факторов успешного развития сельского хозяйства является государственная поддержка на федеральном и региональном уровнях. Ее эффективная реализация способствует созданию необходимых условий для устойчивого развития сельских территорий, ускорения темпов роста объемов производства и повышению его конкурентоспособности.

Мировой опыт свидетельствует: основой создания рационального и устойчивого, экономически сбалансированного сельскохозяйственного производства является целенаправленная государственная поддержка [1]. В настоящее время в сфере государственной поддержки агропромышленного комплекса России выделяются следующие основные направления:

- разработка и реализация различных программ развития сельского хозяйства;
- поддержка сельхозтоваропроизводителей за счет различного вида дотаций, субсидий и субвенций;
- предоставление производителям кредитов и займов на льготных условиях;
- страхование аграрной отрасли;
- развитие зернового экспортного потенциала.

Представляется необходимым рассмотреть указанные направления подробнее.

Согласно первому направлению аграрная политика государства в значительной мере нацелена на стимулирование инвестиций в сельское хозяйство. Национальный проект «Развитие АПК» в 2006–2007 гг., государственная программа развития сельского хозяйства 2008–2012 гг. и новая программа на 2013–2020 гг. заметно активизировали инвестиционный процесс. Однако для повышения темпов роста сельскохозяйственного производства необходимо и в дальнейшем увеличивать приток капитала в отрасль.

Финансовая поддержка аграрного сектора экономики составляет 130 млрд руб. [2], что не соответствует необходимым потребностям. Для обеспечения продовольственной безопасности страны, восстановления сельского хозяйства требуются более серьезные меры и значительные финансовые ресурсы.

Такое направление государственной поддержки, как предоставление субсидий, дотаций и субвенций, реализуется недостаточно эффективно. Производители сельскохозяйственной продукции либо не получают финансовых ресурсов вследствие нехватки средств, либо получают их с большим трудом и задержкой во времени. Процедура получения категории, проходящей по дотированию, порядок предоставления документов для получения субсидий сложны и зачастую не понятны адресату.

Необходимо пересмотреть или существенно скорректировать существующий механизм дотаций в сельское хозяйство, ввести новые виды субсидий, изменить и усовершенствовать уже имеющиеся. Система субсидирования сельхозтоваропроизводителей должна стать прозрачной и ориентироваться, например, на дотирование в пересчете на единицу произведенной продукции или на 1 гектар пашни, как в мировой практике. Данная схема, что очень важно, представляется наиболее антикоррупционной, так как площадь пашни и произведенная продукция – самые прозрачные величины.

В настоящее время кредиты и займы производителям аграрной сферы предоставляются на льготных условиях. Если в 2005 г. общий объем привлеченных в сельское хозяйство кредитов составил около 192 млрд руб., то в 2007 г. было привлечено уже 432,6 млрд руб.; в 2010 г. этот показатель составил 796 млрд руб., из которых 530,7 млрд руб. субсидировались [3]. Тем не менее увеличения поступлений в бюджет от получивших данные льготы предприятий зачастую не наблюдается, эффект дополнительных рабочих мест также незначителен. Многие производители расширяют свою деятельность, развиваются, но это вполне могло бы произойти и без оказанной предприятиям поддержки. Кроме того, у большинства производителей аграрного сектора возможности привлечения заемных ресурсов ограничены вследствие сложного механизма их предоставления [4, с. 132].

Для достижения экономического эффекта от субсидирования процентных ставок по кредитам необходимо изменить сам механизм предоставления данных льгот. Значительная часть выручки предприятия расходуется на выплату процентов за пользование кредитными ресурсами, особенно это касается долгосрочного кредитования, поэтому возмещать необходимо не 80% от ставки рефинансирования на момент заключения организацией кредитного договора [5], а 100% ставки, установленной коммерческими банками за использование заемных средств.

Гибкая структура системы льготных займов обеспечит свободу их предоставления в соответствии с потребностями, диктуемыми экономической политикой государства. Законодательно зафиксированные процентные ставки льготных ссуд позволят избежать их искажения. Конкурсный отбор банков для размещения льготных ссуд должен способствовать объективному определению договорной ставки как базы для расчета бонификации. Кроме того, сельхозпроизводитель должен быть свободен в выборе банка для льготного кредитования. Разнообразие видов льготных кредитов с четко определенными условиями их использования при свободном выборе банка-кредитора предоставляют для него удобный и эффективный вид услуг. Система льготного кредитования стимулирует производителей к целевому использованию ссуд на развитие наиболее перспективных направлений. Повысить рентабельность и ввести в эксплуатацию новые мощности будет можно, в том числе за счет повышения доступности долгосрочных кредитов, привлекаемых на срок до 7–10 лет.

Несмотря на большую потребность в кредитном продукте, ежегодно у сельхозпроизводителей остаются свободными активы в виде будущего урожая, которые являются наиболее ликвидными в сельском хозяйстве. Однако банки предпочитают брать в залог старую сельхозтехнику, потому что, как правило, не

имеют опыта работы с таким залогом, как будущий урожай. В то же время в развитых странах сельхозпроизводителя на 100% кредитуют под будущий урожай [6]. В России также можно выстроить эффективную систему кредитования под такой залог, но для этого необходимы совместные действия страховщиков и государственных органов, осуществляемые в рамках национального проекта.

По причине высоких рисков, присущих сельскому хозяйству, важным направлением его развития должно стать применение механизма страхования производства. Частным страховым компаниям без государственной помощи весьма сложно работать в данном сегменте национальной экономики. Сегодня почти 98% договоров страхования урожая сельскохозяйственных культур и многолетних насаждений заключается с использованием бюджетных средств. На наш взгляд, страхование с государственной поддержкой будет сохранять свою привлекательность для страхователя, поскольку федеральный бюджет компенсирует 50% оплаченной страховой премии по договору страхования [7].

Основная проблемная зона аграрного страхования – это отсутствие финансовых ресурсов на страхование у сельхозпроизводителей, неразвитость программ агрострахования, противоречия в документах, регламентирующих получение субсидии, с действующими нормативными документами по страхованию. Существующий порядок получения страхователями субсидий вводит некоторые ограничения на предоставление рынку качественной страховой защиты. Чтобы сделать агрострахование с господдержкой более эффективным, необходимы четкие условия предоставления субсидий, которые не будут ежегодно меняться, а будут действовать как минимум 3–5 лет. Необходимо рассмотреть возможность предоставления субсидии из регионального бюджета в дополнение к выделяемой из федерального бюджета 50%-й субсидии; ввести в правило раздельное предоставление субсидий под яровые культуры и под озимые культуры с конкретными сроками их получения сельхозпроизводителями.

Построить эффективную систему страхования можно на основе взаимодействия страховщиков и государственных органов, в целях чего необходима консолидация усилий страхового сообщества и заинтересованных органов законодательной и исполнительной власти для разработки и принятия закона о сельскохозяйственном страховании, закрепления в нормативных актах единой методологии сельскохозяйственного страхования, урегулирования страховых случаев. В целом же качественная страховая защита от природных и техногенных явлений и кумуляции рисков осуществима только при диверсификации всего портфеля рисков через механизмы сострахования и перестрахования.

Одним из важнейших направлений стимулирования динамичного наращивания производства, повышения инвестиционной привлекательности отрасли, создания условий для получения дополнительных доходов является экспорт зерна и продуктов его переработки.

Эффективное развитие потенциала экспорта российского зерна без поддержки государства невозможно, поэтому, на наш взгляд, необходимы следующие мероприятия:

– использование политического ресурса государства – включение в межправительственные переговоры вопросов по доступу российских компаний к рынкам сбыта зерна и продуктов его переработки; активная поддержка и продвижение российской агропродукции на внешние рынки;

– расширение масштабов использования программ государственной поддержки промышленной продукции для производства на экспорт муки, включая выделение субсидированных кредитов; предоставление государственных гарантий и страховок;

– переход на заявительный характер возмещения экспортного налога на добавленную стоимость (реальные сроки возмещения экспортного НДС достигают 6–12 вместо декларированных государством трех месяцев); прямое субсидирование экспорта зерна и продуктов его переработки.

Россия получила уникальный шанс для привлечения инвестиций, расширения своего присутствия, увеличения влияния на мировом рынке и, как результат, создания стимулов для роста масштабов производства и ввода в оборот дополнительных посевных площадей. Но реализация этих потенциальных возможностей требует ясной и последовательной политики государства во взаимоотношениях с бизнесом, активной работы госструктур по продвижению продукции сельского хозяйства на внешних рынках и развитию экспортной инфраструктуры.

В существующих условиях рыночного хозяйствования необходим принципиально новый подход к организации финансового обеспечения аграрного сектора экономики, совершенствование рассмотренных направлений государственной поддержки путем проведения активных мероприятий на уровне самих сельскохозяйственных предприятий, создания новых финансово-кредитных структур. Системе государственной поддержки необходимо быть гибкой и обеспечивать целенаправленное эффективное функционирование агропромышленного комплекса как единого целого. Аграрная политика страны должна быть направлена на развитие устойчивого и конкурентоспособного агропромышленного производства, способствующего продовольственной безопасности страны, сближению качества жизни и социальной инфраструктуры сельского и городского населения.

Библиографический список

1. *Нецадин А.* Опыт государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства за рубежом // Ежедневное аграрное обозрение. 2009. 9 мая.; URL: <http://agroobzor.ru/econ/a-125.html>
2. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы: постановление Правительства РФ от 14 июля 2007 г. № 446 // СЗ РФ. 2007. № 31, Ст. 4080.
3. Обсуждение проекта антикризисной программы Правительства Российской Федерации на 2009 год: рекомендации, 26 марта 2009 г.: [сайт Министерства сельского хозяйства РФ]. URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/10229.285.htm>
4. *Шевельков А.И.* Аграрная политика и решение проблемы продовольственного обеспечения Российской Федерации // Аграрный вестн. Урала. 2010. № 9/10. С. 132.
5. Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономически значимых

региональных программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 17 дек. 2010 г. № 1042 (в ред. постановления Правительства РФ от 28 июля 2011 г. № 628) // СЗ РФ. 2010. № 52 (ч. 1). Ст. 7102.

6. Рылько Д. Почему мы не Бразилия. Аграрное чудо за 20 лет: [сайт Института конъюнктуры аграрного рынка]. URL: <http://www.ikar.ru/articles/32.html>

7. О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»: Федер. закон от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ О // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4700.

S.V. Buravkov
Peculiarities of Municipal
Property Management

The role of municipal property subjects in the municipality development maintaining is shown. Peculiarities of municipal property management are revealed regarding the specifics of its legal and economic nature.

Key words and word-combinations: property, subject, object, management, municipal.

Показана роль субъектов и объектов муниципальной собственности в обеспечении развития муниципалитета. Раскрываются особенности управления муниципальной собственностью, исходя из специфики ее правовой и экономической природы.

Ключевые слова и словосочетания: собственность, субъект, объект, управление, муниципальный.

УДК 338.24:351.711
ББК 65.050+67.401.11

С.В. Буравков

ОСОБЕННОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТЬЮ

В современном обществе удовлетворение многообразных потребностей человека осуществляется через определенные формы реализации собственности – частную и публичную.

Публичная собственность объективно необходима в любом обществе. Она является собой специфическую форму присвоения, когда исключительное и абсолютное право на владение, распоряжение и пользование объектом собственности принадлежит обществу как совокупности индивидуумов.

Особенности обобществления в каждой конкретной стране могут быть различными. Чаще всего они определяются сложившимися размерами и структурой потребностей в обществе, а также административно-территориальным делением государства. Однако природа публичной собственности, ее экономическое содержание, назначение и формы реализации на всех уровнях качественно не различаются.

Для современной России характерно вы-

деление трех уровней публичной собственности: государственного федерального, государственного субъектов Федерации и муниципального. Поскольку субъектами собственности выступают не конкретные физические лица, а определенная общность людей, то речь идет об ассоциированном делегировании этой общностью части функций собственника (без отчуждения права собственности) представительным и исполнительным органам власти соответствующего уровня.

В экономических исследованиях и дискуссиях традиционно большое внимание уделяется государственной собственности. Однако именно муниципальная собственность является важнейшим фактором развития локальных рынков и институциональной среды для формирования и жизнедеятельности домашних хозяйств.

Управление муниципальной собственностью представляет собой сложный и многоаспектный процесс, который характеризуется особенностями субъектно-объектных отношений и преимущественной направленностью на процессы не производства, а потребления с целью реализации территориальных интересов населения. Эффективное управление муниципальной собственностью невозможно без осознания содержания, особенностей целевого развития, субъектно-объектного состава, специфики экономических отношений в рамках управляющих воздействий.

Особенностями формирования отношений муниципальной собственности объясняются различные подходы к определению ее содержания. Так, Е.Г. Шапоменцева определяет муниципальную собственность как «самостоятельную форму собственности, особый вид публичной (общественной) собственности, представляющий собой совокупность экономических отношений, возникающих между органами местного самоуправления (их представителями) в процессе реализации ими социально-экономических функций и иными субъектами экономической деятельности и обеспечивающих условия сохранения и воспроизводства объектов жизнеобеспечения муниципального образования в целях удовлетворения приоритетных потребностей местного сообщества» [1, с. 7]. Н.С. Бондарь и С.А. Зинченко указывают, что «муниципальная собственность – это отношение населения соответствующей территории к объектам, закрепленным за данным образованием, как к своим» [2, с. 86–96.].

В части первой Гражданского кодекса РФ (ст. 215) муниципальная собственность трактуется как имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям [3]. Следовательно, основными признаками муниципальной собственности являются ее вещное содержание и принадлежность муниципальному образованию. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 50) содержит перечень объектов (имущества), составляющих муниципальную собственность [4].

Однако более важно классифицировать, а не просто перечислить объекты собственности. Например, все объекты муниципальной собственности могут быть разделены на распределенное и нераспределенное имущество. К распределенному имуществу относятся объекты, закрепленные за муниципальными пред-

приятиями и учреждениями на ограниченных вещных правах; к нераспределенному, составляющему казну соответствующего муниципального образования, – средства местного бюджета и иное муниципальное имущество, не закрепленное за муниципальными предприятиями и учреждениями. Данная квалификация имеет смысл с точки зрения определения правового режима соответствующего имущества, порядка его использования в целях установления единых подходов к управлению в отношении каждой категории объектов.

Субъекты муниципальной собственности могут быть классифицированы, например, исходя из их участия в воспроизводстве муниципальной собственности и степени реализации себя как собственника.

В системе местного самоуправления устанавливается определенная иерархия полномочий между субъектами, управляющими муниципальной собственностью. На первом уровне собственник (население) муниципального образования реализует свои права на объекты муниципальной собственности и управление ими как путем референдума или через иные формы непосредственной демократии, так и через избранный им представительный орган местного самоуправления. На втором уровне избранный населением представительный орган муниципального образования является основным субъектом управления муниципальной собственностью. Этот орган по существу выполняет объединительную функцию, организуя население данной территории, и осуществляет контроль за деятельностью исполнительно-распорядительных органов, в том числе в сфере собственности. На третьем уровне исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления детализируют отношения муниципальной собственности и управления ею в организационно-техническом, властно-управленческом аспектах. Наконец, на четвертом уровне развитие отношений муниципальной собственности связано с деятельностью муниципальных предприятий и учреждений в рамках реализации права хозяйственного ведения и оперативного управления.

Основной субъект муниципальной собственности – население конкретного муниципального образования, делегирующее функции собственника органам местного самоуправления. Юридически закреплено (ст. 125 ГК РФ, ч. I), что «от имени муниципального образования права собственника осуществляют органы местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов» [3]. Компетенция органов местного самоуправления по управлению муниципальной собственностью складывается из полномочий (прав и обязанностей), необходимых для реализации вопросов местного значения в сфере жизнедеятельности населения, проживающего на территории конкретного муниципального образования. Органам местного самоуправления как выразителям конкретных интересов населения приходится учитывать их в своей деятельности.

Сопоставляя вопросы местного значения и состав муниципального имущества, перечисленные в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», можно выделить три группы управленческих воздействий на объекты муниципальной собственности:

– *организация и содержание* (муниципальных учреждений образования и

здравоохранения; жилищного фонда; муниципальных электро-, газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения; автомобильных дорог общего пользования; земельного контроля; муниципальных архивов; библиотек; объектов культурного наследия; благоустройства и озеленения территории; ритуальных услуг;

– *создание условий* (для жилищного строительства, предоставления транспортных услуг; организации досуга и обеспечения услугами организаций культуры; развития массовой физкультуры и спорта; обеспечения нуждающихся малоимущих граждан жилыми помещениями; жителей услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания; для массового отдыха; противопожарной службы);

– *участие в регулировании* (охраны окружающей среды; последствий чрезвычайных ситуаций; использования водных объектов, лесного фонда).

Приведенный перечень не является исчерпывающим. Органы местного самоуправления вправе решать и иные вопросы, но только при наличии собственных материальных и финансовых ресурсов.

Основные направления управленческих воздействий органов местного самоуправления на объекты муниципальной собственности подтверждают специфику природы муниципалитета, состоящую в двойственности характера его развития, с одной стороны, как публично-правового образования, а с другой – как хозяйственного корпоративного субъекта муниципальной социально-экономической системы. Рассмотрение особенностей управления муниципальной собственностью невозможно без определения функции целевого развития субъектно-объектных отношений.

Принципиально то, что управление муниципальной собственностью ориентировано не на получение прибыли или ренты (хотя то и другое может целенаправленно или случайно создаваться), а на решение вопросов местного значения и осуществление отдельных государственных полномочий. Его функции определяются стоящими перед органами местного самоуправления приоритетами в достижении установленных целей и решении ключевых проблем. Миссия любого муниципального образования реализуется как выполнение фундаментальных задач управления муниципальной собственностью, в их числе следующие:

1) регулирование соотношения объемов и масштабов деятельности частной и публичных форм собственности на локальных рынках данной территории, осуществляемое в виде приватизации и муниципализации, предоставления концессии, регистрации и учета (прежде всего недвижимости), лицензирования, налогового регулирования и т.п.;

2) хозяйственное использование объектов права собственности - путем создания муниципальных организаций или участия в частных структурах, прямого заключения сделок по предоставлению муниципальных услуг;

3) грамотное задействование возможностей, предоставляемых рынком ценных бумаг и механизмом муниципальных займов;

4) управление местным бюджетом через создание эффективного механизма его исполнения за счет доходов от реализуемых благ и услуг, прибыли контролируемых предприятий и фирм, самообложения граждан. Данный механизм

должен предопределять вложение средств не в выполнение функций органов местного самоуправления и обеспечение деятельности подведомственных организаций, а в изменения, которые следует произвести для достижения необходимого роста качества жизни и большей доступности благ и услуг;

5) создание и поддержание муниципальной казны, стратегических резервов и осуществление финансового управления в интересах жителей, включая процедуры специализированных и специфичных инвестиций.

Спецификой экономических отношений в рамках управления муниципальной собственностью можно считать определение в интересах всех жителей направлений использования объектов собственности, контроль за распоряжением активами с точки зрения ущерба, который может быть нанесен поселению, природной среде, безопасности жизни, формирование муниципального сектора экономики, содействие домашним хозяйствам и, конечно, финансовое управление, нацеленное на сохранение и увеличение ценности объектов муниципальной собственности, а также создание стратегических резервов.

Управление муниципальной собственностью призвано обеспечивать не просто наполняемость бюджета, а качество решения вопросов местного значения, защищенность и развитие локальных рынков, формирование человеческого потенциала. Социальные и политические цели так или иначе должны быть ориентированы на создание доверия к органам местного самоуправления. При этом решения и действия должностных лиц должны стать предсказуемыми и результативными.

Вопросы собственности выступают как функционально обособленное направление работы органов местного самоуправления, но его результаты, по сути, отражают интегральный успех или неуспех их деятельности. Подчеркнем, что задачи, стоящие перед органами местного самоуправления, не могут быть решены только за счет налоговых доходов и бюджетных трансфертов. Грамотное распоряжение собственностью должно иметь не только экономическое, но и социальное измерение. К примеру, какую пользу получают жители от сдачи в аренду муниципального нежилых фонда – вот что должно определять объемы аренды, а не «голые цифры» перечислений в бюджет. Одновременно необходимо строго следить, чтобы расходы на содержание подотчетной недвижимости, безусловно, покрывались доходами от ее хозяйственного или финансового использования.

В связи с изложенным необходимо, на наш взгляд, изменить подходы к управлению муниципальной собственностью, используя системный анализ особенностей данной формы собственности и специфики ее реализации на современном этапе развития экономических отношений. Важно преодолеть сложившуюся практику управления имуществом муниципального образования, которая сводится к его перманентному содержанию и формированию расходных обязательств или к откровенной реализации частных интересов, и перейти к управлению, основанному на понимании особенностей муниципальной собственности, состоящих прежде всего в создании полезных общественных благ и повышении ценности публичных активов.

Понимание особенностей управления муниципальной собственностью позволит выявить недостатки в решении вопросов местного значения с учетом форм использования объектов собственности и имущественных правомочий. Следует оценить условия и эффективность реализации вопросов местного значения, основываясь на SWOT-анализе функционирования субъектов муниципальной экономики в разрезе параметров локального рынка и предоставления товаров и услуг в фокусе их доходности и ценности.

Требуется осуществить полную спецификацию субъектно-объектных отношений муниципальной собственности. Это предполагает, что каждый элемент пакета правомочий, делегированного в рамках управления муниципальной собственностью, имеет определенного субъекта. В качестве элементов же выступают такие компетенции, как управление по контракту, совершение определенных сделок, предпринимательство в режиме хозяйственного ведения (оперативного управления), использование активов на условиях аренды и т.п. Такая спецификация явится основой для составления и последующего анализа полного реестра объектов муниципальной собственности, субъектов и получаемого ими дохода, направлений и форм его последующего использования.

В рамках спецификации прав собственности выделяются следующие объекты управления: земля и земельные ресурсы; недвижимость (жилой и нежилой фонд); муниципальные предприятия и бюджетные учреждения; активы бюджетных организаций; активы, переданные юридическим и физическим лицам по тем или иным основаниям; ценные бумаги; муниципальная казна. Перечисленные области управления должны получить правовое и организационное оформление, закрепленное в соответствующих муниципальных правовых актах.

Выявление и анализ особенностей субъектно-объектных отношений муниципальной собственности позволит повысить эффективность инвестиционной политики муниципального образования, формировать стратегию управления бюджетными расходами и местной казной, определять и реализовывать системный подход к управлению муниципальной собственностью в интересах населения муниципального образования. В результате применения описанного подхода принятие решений органами местного самоуправления обеспечивается информацией о том, кто и в связи с чем несет расходы, кто и в связи с чем получает доходы, кто несет ответственность за снижение стоимости активов и что лежит в основе заключения контрактов, проведения сделок, разрешения конфликтов по использованию муниципальных ресурсов.

Управление муниципальной собственностью должно строиться на разделении системы стимулов в отношении предпринимательских, административных и политических компетенций, ограничении влияния бюрократии на принятие решений по вопросам хозяйствования, планирования, осуществления сделок, необходимости четкого разделения правомочий между населением, органами и должностными лицами местного самоуправления. При организации управления муниципальной собственностью важно заменить администрирование менеджментом – профессиональным контрактным управлением на базе безусловного исполнения обязательств и контроля над остаточным доходом. Необходи-

мо внедрять современные технологии управления, контроллинга, франчайзинга, аутсорсинга, реинжиниринга.

Учитывая особенности муниципальной собственности, управление ею должно быть централизовано в специальном органе местного самоуправления, а не в управляющей компании, преследующей частные интересы и имеющей привлеченный частный капитал. Такое «агентство» по управлению собственностью должно выступить в роли центра инвестиций, который определяет плановые «суммы покрытия» для центров ответственности, хозяйственных и других организаций, использующих объекты муниципального образования на основе соответствующих нормативных правовых актов.

Настало время, когда требуется переосмыслить и соответствующим образом реорганизовать систему управления муниципальной собственностью, в частности цели и решаемые задачи, объекты (нельзя ограничиваться вопросами аренды и унитарных предприятий) и исполнительные органы, ключевые принципы формирования и использования потенциала публичных активов.

Сегодня остро ощущается необходимость осознания особенностей управления муниципальной собственностью с целью ориентации на повышение устойчивости функционирования и эффективности использования объектов, совершенствования форм и методов обеспечения сохранности и результативного применения имущества, регулирования экономических отношений в рамках владения, пользования и распоряжения объектами собственности. Институциональная база управления собственностью любого муниципального образования должна формироваться применительно к его специфическим условиям в целях эффективного распоряжения публичными активами, увеличения их ценности и грамотного оперирования возможностями территории.

Библиографический список

1. Шаломенцева Е.Г. Совершенствование процесса управления муниципальной собственностью в условиях реформы местного самоуправления в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004.
2. Бондарь Н.С., Зинченко С.А. Городской совет и администрация: проблемы разграничения полномочий в сфере муниципальной собственности // Государство и право. 2003. № 3.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

D.I. Philatov
Categories of the Path
and the Trace as a Means
of Methodological Analysis

Such key concepts of general methodology as “the starting point”, “the exit”, and “the path” are considered. Principles of human activity organization are examined.

Key words and word-combinations: methodology, technology, organization of activity.

Рассматриваются такие ключевые для общей методологии понятия, как «исходный пункт», «выход» и «путь». Исследуются принципы организации человеческой деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: методология, технология, организация деятельности.

УДК 165
ББК 87.22

Д.И. Филатов

КАТЕГОРИИ ПУТИ И СЛЕДА КАК СРЕДСТВА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Любая деятельность – предметно преобразующая или беспредметная – может быть описана в терминах прохождения специфического пути. Действие, операция или процедура при этом являют собой элементы или части прохождения пути, а «простейшее видение предмета содержит в себе, в упакованном виде, прохождение пути» [1, с. 276]. Значит, проходимые пути в естественном режиме не обладают какими-либо границами начала или завершения, а также не поддаются исчерпывающей структуризации. Их базовой и фундаментальной характеристикой является естественная непрерывность, а также производные от последней безначальность и бесконечность.

Процедуры дискретизации позволяют реализовать проникающее структурирование в «материю» пути, но не исчерпывающим образом. Текст может быть «вписан в бесконечный ряд других текстов, а каждая ситуация – в бесконечный ряд других ситуаций», образуя общий поток бесконечного пути [2, с. 134].

В результате прохождения пути остаются

следы, которые сопровождают любую и всякую деятельность и постепенно наслаиваются на результаты прохождения того или иного пути. Считывание следа само есть в равной мере прохождение определенного пути, где исследование может оказаться в тупике или на ложной тропе из-за неверно выбранного подхода. В связи с этим представляется важным произвести демаркацию пути и следов.

Пути непрерывны, а потому и несоизмеримы между собой лишь в своем естественном виде, до привнесения соответствующего искусственного вмешательства. В естественном виде пути уникальны, они не пересекаются и становятся параллельными друг по отношению к другу. Опосредованная связь между ними достигается благодаря обработке их в том или ином типе рациональности. Возникающие на месте некогда уникальных путей образования, получившие обработку рациональностью, оказываются открыты к взаимодействию между собой.

Аннигилирующая различия путей сила – тот или иной тип рациональности – моделирует и формует подаваемые ему на вход материалы по собственному подобию, оставаясь за пределами для наблюдения или прямого анализа. В этом смысле рациональность оказывается базовой познавательной силой, с помощью которой преодолевается несоизмеримость уникальных путей и выводится на уровень анализа их состав и структура.

Так, принцип естественной непрерывности пути запрещает пересечение путей: если пути бесконечно уникальны, то между ними нет и не может быть ничего общего, и, как следствие, возможность коммуникации и рефлексии несоизмеримых путей оказывается закрытой. Следовательно, можно говорить о естественной параллельности путей, которую следует преодолевать в процессе рационального познания. Преодоление естественной несоизмеримости путей достигается благодаря обработке их в том или ином типе рациональности, лишаящей их уникальности. Приведенные к виду интерпретируемости в рациональной схеме, пути оказываются открытыми к соотносению и сравнению друг с другом, что открывает возможность дальнейшего движения в новых горизонтах и перспективах, вскрытых этой рациональностью.

Рациональность как бы «вырывает» человека из обыденной жизни, из привычного течения изменения внешнего мира, освобождает сознание от инфантильного следования за внешним изменением, его колебаниями и мерцаниями. Она фиксирует сознание человека в особых виртуальных структурах – следах некогда уже пройденных путей. Однако следует помнить, что всякая рациональная схема, сколь сложной она бы ни была, есть лишь след некогда пройденного пути. Она имплицитно этот путь весьма и весьма несовершенным образом. В связи с этим полоса, оставляемая мелом на доске, есть лишь скудный двухмерный дискретный след от пройденного мелом пути.

Присутствие следов фиксируется в самых различных формированиях: предустановках, априорностях, предубеждениях, предрасположенностях, привычках, которые определяют пути бытия человека в мире. При этом фундаментальной характеристикой следов является дискретность, противопоставленная непрерывности пути. Избыточная рационализация проходимых путей угрожает сознанию утратой целостности (фрагментацией), что оказывается особенно опасным при все возрастающей виртуализации сознания и общества.

Всякий объект философского или научного дискурса является не чем иным, как сложнейшим, чрезвычайно запутанным и сбитым, многосвязным «клубком», сматывающим материалы различного рода следов – мнений, установок, свидетельств, предрассудков и предрасположенностей, априорностей и иных пластов из радикально гетерогенных источников и природ. Непрерывная трансляция этих пластов, образующих толщи фоновых процессов, консервирует и сдерживает исследователя в своих границах, блокируя и подавляя реальное и полноценное взаимодействие в системе «субъект – объект». Несомненно, что рационализация материала одних и тех же путей может осуществляться на альтернативных основаниях, подчас не имеющих ничего общего между собой. Достижимая путем рационализации схематизация эмпирического материала не может стать основанием дискриминации того или иного типа рациональности, не примененного в конкретном случае тем или иным исследователем.

Следы некогда пройденных путей всецело окружают исследователя, задавая и определяя призмы видения объектов его воздействия и анализа. При этом «определенная структура деятельности предопределяет способ видения вещей и организацию самих этих вещей, которые мы преобразуем» [3, с. 51], а «язык наблюдения может оказаться привязанным к устаревшим теориям» [4, с. 78]. Таким образом, освобождение от обременяющих следов представляется специальной методологической задачей.

Анализ начальных условий есть фундаментальная процедура методологии, поскольку разработка исходного пункта задает характеристики последующего продвижения. Обнаружение начальных условий того или иного движения, а именно всех подключающихся к процессу следов, открывает возможность экспликации условий, при которых это движение сохранит свое направление, удержит целостность и непрерывность и сможет довести до выходного пункта взятый на исходе материал. Исполняя данную функцию, методология выступает в компенсирующей роли по отношению к узконаучному типу мышления, рассматривающего процессы своего предмета в абстрагированном виде и игнорирующего комплексный характер всякого реального процесса, являющего собой «сложнейшее системное переплетение разных связей и зависимостей» [5, с. 3].

Последнее обстоятельство ставит всякий исход в условия познавательной неопределенности, поэтому принцип естественной непрерывности в ряду своих последствий имеет принцип познавательной неопределенности.

Состояние начальных условий, определяющееся полнотой и достаточностью материала на подступах и порогах, делает тот или иной путь либо заведомо тупиковым, либо позволяет осуществить продуктивный исход с возвращением. Доставляющиеся с подступов и порогов и синтезирующиеся в ядре (исходном пункте) метода материалы либо продвигают исследователя к прорывному движению во внешний масштаб, на выход, либо закрывают его в своем синтезе, удерживая, сковывая и сдерживая в некой первичной непродуктивности. Таким образом, эффективность любого метода обуславливается достаточностью материалов на подступах и порогах, работоспособностью исходного пункта и широтой открываемых горизонтов выходного пункта. Эти три аспекта определенности путей и уже – методов – оказываются ключевыми при методологическом анализе, эксплицирующем их свойства и потенциалы.

Методы выделяются из общего контекста проходимых путей лишь постепенно, как бы претерпевая «шлифовку», становление в своей чистоте и собственных составляющих. В этом процессе важную роль играют переходы – единицы движения и структур, обеспечивающие плавность, органичность «перетекания» одних элементов в другие, и повороты – единицы, обеспечивающие дискретный синтез материалов, подающихся на исход с порогов и подступов. Таковы, например, переходы понятий в созерцания, рефлексии – в ассоциации. В качестве примеров поворотов могут быть приведены антропологический поворот Сократа, гносеологический – Канта, методологический – Пирса и Поппера. Отсюда переходы и повороты следует понимать в равной мере функционально – как единицы, обеспечивающие дополнительные синтетические функции, требуемые в том случае, если синтетические потенциалы исходного пункта оказываются недостаточными. Рассматривая эти единицы, исследователь оказывается в сложном положении: некоторые из них требуют элиминации своего воздействия на движение с тем, чтобы открыть новые горизонты в новом выходе или подходе. Иные же, наоборот, требуют своего присутствия для плодотворности осуществляемого движения как дополнительные элементы синтеза в методе.

Как бы «пристраиваясь» к исходному пункту, повороты и переходы дорабатывают синтетическую способность этого исходного пункта до требуемой, открывая ранее недостижимые возможности и горизонты. Немаловажную роль в данном случае играет возможность повторного возвращения в те или иные пункты и состояния, достигаемая благодаря специфической открытости этих пунктов и состояний. Принципиальная открытость к повторным возвращениям в неограниченном количестве с попутным разворачиванием таких процедур, как вовлечение нового материала и расширение кругов поиска, является фундаментальным свойством и критерием демаркации исходного пункта.

Путь должен мыслиться в терминах прерывания и непрерывности, фрагментации и связности. Разорванные некогда связи могут быть восполнены снова, а восполненные – вновь разорваться. Непрерывность пути от подступов и порогов через исходный пункт к выходному и является предметом методологии.

Подступы, пороги, подходы, выходы и переходы составляют не что иное, как контактную поверхность метода, его самый внешний уровень, на котором осуществляется взаимодействие с внешними материалами и другими методами.

Переходный пункт есть связка (или даже «мост») между двумя уже разработанными (проложенными или размеченными) путями. Развертывая переходные пункты на разработанном материале, методология придает любому последующему движению гибкость и дополнительную свободу, позволяя впоследствии передвигаться по более коротким стезям и тропам из совершенно различных по диспозиционным характеристикам пунктов.

Выходной пункт есть движение во внешний масштаб и горизонт, что в ряду прочего и является основанием норм построения новых теорий. Выход на новый уровень всегда должен открывать новые горизонты, а новая теория должна снимать старые, как частные случаи. В границах реальности «вне – себя – бытия» выход есть движение, заведомо открытое неизвестному и нетронутому. Всякое реальное движение через выход всегда должно оставлять следы от движения в предыдущей «монаде» (впечатления, остаточные эффекты, инерция). Это позволя-

ет за счет соразмерения этих монад распознавать движение именно как выход, но не как, например, переход или поворот. При этом критерием отбора «выхода» в категорию методологических событий (элементов, состояний) является принципиальная бесструктурность, которая, собственно, и закрывает возможность описания таких событий в языке теории систем и, как следствие, соответствующей формализации, придавая событиям данного рода совершенно особый статус.

Категории *пути* и *следа* оказываются *универсальными средствами методологического анализа*, позволяя анализировать процессы в деятельности, мышлении, коммуникации как прохождения определенного пути, а такие образования, как предустановки, установки, априорности, предубеждения, предрасположенности, привычки – как определенные следы. Категории *пути* и *следа* получают, таким образом, право закрепиться в исследованиях по общей методологии, открывая аналитические перспективы изучению различных процессов и систем.

Библиографический список

1. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб., 1997.
2. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: в 3 кн. М., 2006. Кн. 2.
3. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: в 3 кн. М., 2005. Кн. 1.
4. Фейерабенд П.К. Против метода: очерк анархистской теории познания. М., 2007.
5. Щедровицкий Г.П. Лекции по психологии // Вопросы саморазвития человека. К., 1991. Вып. 3.

I.G. Frolova Kinds of Mass Information Freedom Guarantees in the Russian Federation

Kinds of mass information freedom guarantees in the Russian Federation are considered. The guarantees are interpreted as a system of measures promoting the realization of freedom of mass information.

Key words and word combinations: freedom of mass information, guarantees of mass information freedom, general and special guarantees.

Рассматриваются виды гарантий свободы массовой информации в Российской Федерации. Гарантии трактуются как система мер, способствующих реализации свободы массовой информации.

Ключевые слова и словосочетания: свобода массовой информации, гарантии свободы массовой информации, общие и специальные гарантии.

УДК 008.001:1:316
ББК 71+60.028

С.М. Фролова

МИФ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Парадоксально, но повседневность и миф тесно взаимосвязаны. Часто миф повествует о том, что хотел бы знать человек в процессе своей повседневной деятельности, будучи, таким образом, отражением необходимой для человека действительности. Мифологический, как и повседневный опыт намного глубже, нежели теоретические познания человека об окружающем мире.

Миф содержит в себе поток информации, способствующий развитию общества, поскольку не является результатом только индивиду-

ального творчества – он несет в себе багаж образов и знаний предыдущих поколений. Придя в мир, человек получает от социума уже устоявшие бытийные основы и модели поведения, сложившиеся на основе повседневного существования прошлых поколений и отвечающие на всевозможные повседневные жизненные ситуации от рождения до глубокой старости.

Таким образом, *миф – это духовная неотъемлемая основа повседневного бытия общества*, раскрывающая событийную природу социума и онтологическую связь между социальной жизнью и архетипическими структурами мышления.

Повседневность, как и мифология, отражает внутреннюю духовную сущность человека, упорядочивает мир субъекта в соответствии с установленным типом социальности. Информация, предоставляемая человеку посредством мифа, позволяет ему строить свое мировидение и собственную позицию личности в этом мире.

Миф нельзя рассматривать исключительно как фантазии предков из далекого прошлого. Как «первая историческая форма мировоззрения, из которой и на базе которой возникли различные сферы интеллектуальной деятельности...» [1, с. 103], он не утратил своей значимости в мире современном и проявляет себя в отношении человека к окружающему миру, в религии, литературе, искусстве, политике, философии, то есть в том, что сегодня называется окружающей нас повседневной реальностью.

Мифологическая реальность не содержит ничего случайного, она неотделима от реальности человека и возникает благодаря вопрошанию и осмыслению человеком различных повседневно встречающихся явлений. Благодаря мифу человек видит мир, выходящий за рамки его субъективного познания, в котором созданные сознанием образы преобразуются в трансцендентную реальность, объясняя и конструируя действительность под восприятие субъекта. При этом, с одной стороны, миф рационализирует поток сознания и восприятия, с другой – оставляет его неизменно иррациональным. Можно сказать, миф – это инореальная реальность, так как в его основе лежит духовный и практический опыт, приобретенный в результате повседневной жизни многих поколений, и потому этот опыт наиболее значим для человека. Таким образом, мифология выступает не как иллюзия человеческого разума, а как духовная потребность человеческого сознания в создании новой или изменении уже существующей объективной реальности.

Миф «не только синтезирует знания, он синтезирует весь образ жизни, поведения и действий его носителей» [2, с. 22]. Об этом может свидетельствовать то, что, руководствуясь на протяжении длительного времени только мифологическим познанием действительности, многие народы достигли значительных успехов в своем развитии.

Если проследить развитие человека на ранних этапах, то можно предположить, что мир повседневности был так же реален, как и мир богов. В античной мифологии мир богов существовал одновременно с миром людей, вселяя веру (современный человек сохраняет ее до настоящего времени) в то, что существует некая сила, которая своим вмешательством сможет упорядочить и изменить жизнь к лучшему. Люди восхищались богами, воспевали их подвиги и с готовностью включали их в свои мифы, где боги-герои не просто жили рядом с обычными людьми – они помогали или препятствовали им решению повседневных проблем.

Мечты человека о покорении пространства находили свое воплощение сначала в мифологическом – сапоги-скороходы, ковер-самолет, а затем уже и в реальном мире – в аэропланах и космических кораблях. Таким образом, постоянно присутствующий в повседневном бытии миф способствовал выходу за пределы наличного бытия. Человек, пишет А.Ф. Лосев, продолжает находиться в мифе «со всеми надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью» [3, с. 14], в мифологической реальности, отражающей действительное и возможное человеческого бытия.

В среде исследователей существует мнение, что любой миф имеет историческую, событийную основу. Выбившиеся за рамки повседневного восприятия реальные события, по их логике, настолько поразили воображение людей, что впоследствии были запечатлены в сказку или сказание, которые передавались из поколения в поколение. Вс. Иванов такую идею считает истиной настолько, насколько верным является утверждение о том, что «нет мифа о Трое, ведь Шлиман открыл Трою, хранящую след пожаров и двудонные кубки с горлицами из серебра, которые описывает “Илиада”» [4, с. 20]. Если Троя существует, то сказание нельзя назвать мифом – скорее, это изложение исторического события с сохранением основной ценности исторической эпохи.

Итак, получается, мифы несут в себе историчность, наделяя субъекта ощущением единства со своим народом и его прошлым. Этим можно объяснить то, что мифы живы до настоящего времени; более того, сегодня мифы продолжают создаваться – правда, на ином уровне, сознательно и под определенные обстоятельства.

Практически в каждом мифе существует сюжет прошлого, уже знакомого нам события или персонажа. Следовательно, как бы мы ни стремились отказать от мифов, сложно не признать, что мифологическое восприятие сохранилось в нашем сознании до настоящего времени. Современные мифы нашли свое воплощение в моральных и этических системах, они регламентируют поведение в повседневной жизни.

Сегодня распространены мифы *политические, социальные, идеологические, экономические и религиозные*. Рассмотрим их взаимосвязь с повседневной жизнью общества более подробно.

Политические и социальные мифы наделены важнейшей функцией: они создают необходимое представление о реальности – как настоящей, так и будущей. Во многом этому способствует то, что у политических мифов отсутствуют вымышленные, не соответствующие реальности мифические объекты. Их действующими лицами являются известные, реально существующие личности. Кроме того, «современные мифопредставления с присущей им идеологической подоплекой вживаются в повседневность их носителей, не осознаются ими как мифы в полном смысле» [5, с. 129] и воспринимаются как часть подлинного бытия. Созданию, распространению и развитию политических мифов способствует умелое использование средств массовой информации, активно воздействующих на сознание путем искусного вплетения создаваемого мифа в уже устоявшиеся мировоззренческие установки социума. Ярким примером тому может служить тоталитарный режим страны Советов.

Большевики превратили свою идеологию в неоспоримый миф, заставивший

человека поверить в ничтожность собственной жизни и приоритет государственных задач. В этих целях в повседневную жизнь социума были искусно вплетены мифологические сюжеты и образы, замаскированные идеологическими призывами и лозунгами. При этом основной сюжет мифа и поведение героев оставались без изменений. Созданные в эпоху Советов политические мифы, как отмечено многими исследователями, мало отличались от мифов архаичных. В них, как правило, присутствовал образ героя, готового пожертвовать жизнью или принимающего смерть ради светлого будущего людей (Прометей) и обязательно совершающего героический подвиг. К подвигу, в отличие от известного мифа об Эдипе, но по аналогии с ним, большевики причисляли даже отцеубийство (Павлик Морозов). После совершения подвига обязательно следовало повсеместное признание героя и стремление «увековечить» его имя в поэзии, скульптуре, в названиях организаций, улиц и даже городов.

Политические мифы большевиков активно использовали идеологическую символику. Такие фетиши советского времени, как лозунги, знамена, гимны, партийный билет, комсомольский значок, пионерский галстук, укрепляли идейные убеждения, способствовали активности масс и упрочению веры в спасителя-вождя, который избавит от всех тревог и страданий. Понимая важность ритуала, которому в повседневной практике во все времена придавалось огромное значение и которое обеспечивает долголетие любому, даже политическому мифу, большевики уподобили ритуалу традиции проведения революционных праздников и партийных съездов. Кроме этого, питаемый «революционно-магической энергией» (Е.М. Мелетинский) советский культ ограничивал повседневную жизнь общества «священными текстами» – трудами Маркса, Энгельса, Ленина, служившими руководством к действию и сакрально определявшими цель человеческого существования – коммунистическое будущее (то есть, мифический «Золотой век»).

Таким образом, политический миф необходим для достижения политического лидерства и усиления воздействия на общество. Он предполагает (по определению К. Юнга) сравнительно верное отображение действительных процессов в коллективном бессознательном и является всего лишь способом выражения внутренних потребностей человека или всего общества, желающего и ожидающего каких-либо перемен.

И политический и идеологический мифы помогают людям в их повседневной жизни питать надежды о преобразовании желаемого в действительное. Но в отличие от архаичных мифов, политические мифы представляют собой искусно сформированный интеллектуальный феномен, цель которого – подчинение и управление массовым сознанием. *Политический миф обусловлен необходимостью самого общества* и опирается не только на эмпирическую повседневную практику, но и на внеэмпирическую реальность.

Ярким примером присутствия мифологических элементов в повседневной жизни общества и активного воздействия на массовое сознание являются экономические мифы, что нашло широкое отражение в *рекламе*.

Учитывая психологическую потребность обывателя, рекламодатель, привлекая к созданию рекламных роликов опытных психологов и психоаналитиков, не случайно использует мифологические сюжеты, символизирующие эпоху «на-

чального времени». Доступность мифологического сюжета пониманию объясняется тем, что схема мифа проста и универсальна для любого возраста. Во все времена миф воспринимался одинаково позитивно, поскольку выражал духовные установки определенного общества и всегда ассоциировался с ощущениями, знакомыми с детства.

Рекламные сюжеты основываются на психологической зависимости человека от сакрального прошлого, поэтому, сохраняя основное содержание мифов, создатели рекламы не стесняясь излагают их в выгодном для себя свете, убирая и подтасовывая отдельные эпизоды под свойства рекламируемого товара. Очень убедителен в данном контексте пример, приведенный П.Н. Барышниковым: «На обложке меню одного из московских пивных ресторанов размещена «правдивая» история о том, «как владелец этого заведения случайно нашел в старинной кирпичной стене запыленную бутылку с домашним пивом, на которой чудесным образом сохранилась этикетка с составом и секретным рецептом изготовления; с тех пор слава этого московского пивного заведения понеслась по всей Руси...» [5, с. 127]. Подобная «маркетинговая мифология» формирует культурное пространство покупателя, а «достоверность» исторического прошлого настолько убедительна, что обыватель не понимает, почему делает выбор в пользу именно этого рекламируемого продукта. Сделанный же выбор объясняется стремлением нашего мировосприятия к архетипичности, которую человек в рутине повседневности не замечает или просто не задумывается над ее присутствием.

Современный человек, конечно, подвергает сомнению правила и предписания, определенные мифом. Если ранее полагалось, что «ложка, оставленная в горшке, вызовет бессонницу в отношении 1:10, случайным будет 10 случаев «непопадания», а правило останется неоспоримым» [6, с. 174], то теперь этому не придается никакого значения. Но как бы в своей повседневности человек ни отрицал мифологические установки, современное рациональное мышление не может окончательно освободиться от мифологических элементов, особенно в случаях, когда приходится наблюдать с удивлением (страхом, смятением) «зеркала, дающие трещину, картины, падающие в момент смерти...» их обладателя [7, с. 51]. В подобных ситуациях следует прийти к осознанию того, что символ как неотъемлемая часть мифа и повседневности содержит в себе больше означаемого и относится больше к реальности, так как обладает функциональным бытием и несет в себе множество значений, выражающих связь вещей и явлений.

Стремление создать идеал, недостижимый в реальной жизни человека, преодолеть внутреннюю пустоту и раскрыть смысл существования помогает религия, религиозная мифология.

Мифическое повествование и мифические сюжеты были изначально необходимы человеку как способ духовной защиты, отгораживающий от враждебных и превосходящих его природных сил в процессе повседневной жизнедеятельности. Сегодня эту функцию выполняют религиозные символы, включающие в себя, согласно Кассиреру, «фундаментальную для мифологии оппозицию «священного» и «профанного»», но, как справедливо полагают исследователи, «понятие сакрального не может рассматриваться только с точки зрения религии, поскольку его родиной является миф» [8, с. 25], раскрывающий взаимосвязь материального мира со сверхъестественным.

Попытка понять миф как сверхъестественное дает человеку возможность заглянуть за рамки рационального, обрести веру в сверхъестественное и выйти «за пределы реальных повседневной жизни к реалиям более широким» [9, с. 130], дополняющим картину повседневности.

Верующий человек, выходя за пределы рационального, не испытывает какой-либо иллюзии – наоборот, он стремится углубить интерес к сверхчувственному, укрепить веру в существовании другого мира. В связи с этим утверждение известного исследователя мифов К. Хюбнера, что икона – это незримая связь между чувственным и сверхчувственными мирами, а мифическое более всего отражают «изображения чудотворцев и иконопись» [10, с. 269–270], не вызывает сомнений.

Человек, оценивая события, происходящие с ним в повседневной жизни, проецирует их на сознание, образуя определенную модель синтеза реального и ирреального, сознательного и бессознательного. За время своего существования мифологические символы дополняются, обогащаются новыми качествами, образами, смыслом и, как следствие, обретают другое значение, но *символ несет и сохраняет в себе все прочувствованное и увиденное в процессе повседневного бытия*, поэтому символ есть синтез эмпирической и внеэмпирической реальностей. При этом символичны даже Имя и Слово.

Слово как символ имеет особенное значение. Благодаря слову любой символ (а для мифов это бесспорная основа существования) обретает свое название и характеристику. Слово возникло и развивалось в процессе повседневной жизнедеятельности человека; с использованием слов появилась возможность «осимволичить» окружающие субъекта предметы и создать миф. Следовательно, *только человек, в процессе повседневной жизни, исходя из собственных потребностей, принимает решение о значимости для него любого мифического образа и символа, делая его объектом мифического*.

Итак, соприкасаясь в процессе повседневного бытия с духовным и материальным, человек одновременно взаимодействует с двумя пластами бытия, объединяя внутреннее и внешнее, мифическое и реальное, профанное и сакральное. Религии, особенно мировые, пытаются преодолеть профанную или повседневную реальность, вернуться к сверхъестественной реальности, признав приоритетность сакрального.

Сакральное пропитано мифом, поэтому вопрос о включенности мифа в религию не вызывает сомнений. Оба эти феномена несут в себе веру в наступление счастливых перемен, предвестниками которых выступают посланные богами знамения или символы, но при этом человек ясно осознает, что *вера не определяет будущего, она дает надежду в настоящем, поэтому о мифе и религии можно говорить как о выражении желаемого в сознании и человека*.

Мифы в современном обществе не утратили своего значения, они обозначают свое существование в религии, политике, идеологии. Миф как явление и мифотворчество как процесс постоянно будут присутствовать в жизни человека и общества как духовная, неотъемлемая *основа повседневного бытия*, закрепляя то, во что человеку сложно поверить.

Можно с уверенностью утверждать, что миф – это не плод фантазии отдель-

ных субъектов повседневности, а *духовное состояние общества*, отражающее и закрепляющее переплетение порядков и устоев социума. Он возник на фундаменте повседневной жизни и является хранилищем коллективных знаний, желаний и представлений отвечающих экзистенциальным потребностям людей.

Библиографический список

1. Гасилин В.Н. Миф и идентичность в контексте различных мировоззрений // Человек. История. Культура: ист. и филос. альманах. Саратов, 2002. № 2.
2. Гасилин В.Н., Бесшапошникова А.П. Миф и синтез // Человек. История. Культура: ист. и филос. альманах. Саратов, 1999. № 1.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф – Число – Сущность. М., 1994.
4. Иванов Вс. Рерих – художник-мыслитель // Рерих: жизнь, творчество, миссия. М., 2007.
5. Барышников П.Н. Миф и метафора: лингвофилософский подход. СПб., 2010.
6. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни. Этнические стереотипы поведения. М., 1985.
7. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.
8. Ломако О.М. Сакральное и трансцендентальное: генеалогическое рассмотрение мифа // Человек. История. Культура: ист. и филос. альманах. Саратов, 2010. № 9.
9. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
10. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996.

N.B. Zazaeva
The Identity of the Modern Man
in the Political Space of
Globalizing Society

Personal identification practices in the era of globalization are investigated. Their impact on the political sphere of modern society is revealed.

Key words and word-combinations: globalization, personal identity, political space.

Исследуются идентификационные практики человека в эпоху глобализации. Показано их влияние на политическую сферу современного общества.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, идентичность человека, политическое пространство.

УДК 316.472.4

ББК 60.524.222

Н.Б. Зазаева

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

В современном мире создаются транснациональные, глобальные системы связей и отношений, новые потребности, роли, механизмы социализации. Более многомерным и подвижным становится политическое пространство.

Значительно расширившиеся возможности самореализации личности позволяют современному человеку, частично сохраняя свою

идентичность с традиционными общностями (национально-государственными, этническими, религиозными, профессиональными), формировать новые идентичности, выходящие за прежние, привычные рамки.

В первую очередь можно рассматривать изменение на фоне процессов глобализации содержания формирования личностной идентичности современного человека: «Личностная идентичность представляет собой самость, рефлексивно понимаемую индивидом в терминах ее или его биографии. Быть “личностью” означает не только быть рефлексивно действующим лицом, но и обладать понятием личности (прилагаемым к себе и другим)» [1, с. 35.]

Рефлексивное формирование человеком собственной идентичности происходит главным образом через непосредственный, интерактивный опыт повседневной совместной жизни. Реконструкция особенностей непосредственного опыта человека показывает, что за поверхностным контуром находятся экзистенциальные смыслы межличностного взаимодействия, которые определяют неразрывное единство его объективных и субъективных аспектов. Об актуальности и приоритетности межличностных взаимоотношений не только в неформальной, повседневной, но и в формализованной, экономической сфере современного общества рассуждает В.Л. Иноземцев: «Основным видом активности становится межличностное взаимодействие человека с ему подобными, в силу чего появились определения современной хозяйственной системы как “экономики взаимоотношений”» [2, с. 42].

Представители неоинституализма подчеркивают преобладание и все более широкий охват всех сфер общества в современном мире межличностными связями. Отсюда проистекает конституирование субъектности современного человека, связанное с его прогрессирующим интеллектуальным ростом, увеличением уровня рефлексивности и свободы.

В политическом пространстве активные индивиды выполняют роль «ранних принимающих», «лидеров мнений». Они инициируют открытую дискуссию и диалог по социально значимым проблемам, формируют области автономии и свободы. В этом горизонтальном срезе политического пространства, получающего все более широкое развитие в глобализирующемся мире, от человека требуются самостоятельные и ответственные решения.

Итак, в результате межличностных взаимодействий в отношениях «Я – Ты» конституируется самоидентичность человека, которая становится той исходной бессознательной социальностью, первичной связью между людьми, образующей базовый локальный уровень социальной идентичности человека.

Помимо личностной, человек осуществляет этническую и национально-государственную идентификации. Фиксируя свою этническую или национально-государственную принадлежность, он участвует в событиях, коллективных действиях, служащих его интересам. Следует иметь в виду, что на фоне радикальной детрадиционализации социальной жизни в современном обществе изменяется баланс взаимоотношений между перечисленными группами и индивидом. Привычные связи утрачивают свой непреходящий, необходимый характер.

Возможность смены места жительства, государственного гражданства повышает степень свободы индивида в индивидуально-групповом взаимодействии. Отдельный человек теперь более самостоятельно и сознательно может решать

вопрос об установлении отношений с той или иной социальной группой, их продолжении или окончании, что в то же время оборачивается снижением предсказуемости социальной жизни и управляемости ею.

Действительно, современный человек по-иному относится к традиции. Он перестает жить внутри нее, рассматривать ее как данность, а оценивает и ценит ее с позиции стороннего наблюдателя как дань прошлому. В частности, этническая, национальная идентичность перестает рассматриваться как нечто постоянное, естественное, данное от рождения раз и навсегда.

Человек в глобализирующемся мире выбирает идентичность в зависимости от своего опыта повседневной жизни, способствующего осуществлению его «проекта самости», и в этом «проекте» остается все меньше и меньше констант в виде традиций как приверженности коллективным убеждениям и ценностям, поскольку все они подвергаются критической рефлексии. На общенациональную идентичность современного человека оказывают, мощное влияние с одной стороны, его индивидуальный биографический опыт выбора и перехода из одной социальной общности в другую, а с другой стороны – вторжение и мощное влияние на повседневную жизнь человека глобальных сил в виде мирового финансового кризиса, экологических катастроф и прочего.

Влияние глобализации создает в политическом пространстве государства и национального сообщества некие пробелы, ограничивающие власть над отдельным индивидом как гражданином. В свою очередь, ослабляется власть и авторитет общенационального самоуправляющегося сообщества внутри суверенного государства, способного определять главные направления политики, затрагивающей его интересы. Означенные сдвиги делают этот уровень общенациональной идентичности неустойчивым, мозаичным. Они порождают множество неформальных практик и, как следствие, новые формы конфликтов, разобщенности и неравенства.

Многие современные реалии (свобода передвижения, Интернет, создание мирового экономического пространства) подталкивают современного человека к всемирно-гражданской идентичности, вписывая его в транснациональную общность – организованную мировую общественность, являющуюся субъектом мировой политики.

Транснациональная интеграция порождает причудливое сплетение международных организаций и практик взаимодействия, образует коммуникативные структуры мировой общественности. Развитие коммуникативных технологий позволяет производить точную координацию действий многих людей, значительно удаленных друг от друга в пространстве и времени. Появляются социальные сети, коммуникационно обеспечивающие этот уровень идентификации современного человека.

Показательно само развитие социальных сетей. Если первоначально это механизмы, обслуживающие неформальное общение («Одноклассники», «ВКонтакте»), то в дальнейшем появляются сети второго поколения, обеспечивающие реализацию самых разнообразных социальных интересов, включая политические и экономические.

Множественные поля межличностных взаимодействий, благодаря новейшим средствам коммуникации (Интернет, спутниковое телевидение, мобильные телефоны), выполняют две функции.

Во-первых, социальные сети формируют «универалистскую мораль справедливости» (Ю. Хабермас) в виде единодушных моральных реакций в масштабах мира, способных потребовать от любого государства недопущение агрессивных войн и грубых нарушений прав человека. В связи с этим указывается на важность практики повседневной совместной жизни, образующей общие фоновые убеждения, культурные самоочевидности, взаимные ожидания: «Раскрепощение менталитета происходит прежде всего благодаря либерализации отношений, объективному освобождению от прессинга и страха. В повседневной коммуникативной практике должны быть созданы возможности для формирования капитала доверия. Оно должно быть также привязано к предпосылкам собственной политической культуры населения» [3, с. 21]. Э. Гидденс называет этот феномен «активным доверием» и объявляет его основой чувства «онтологической безопасности», являющегося залогом и необходимым условием социальных отношений в современном глобализирующемся обществе: «Активное доверие – это доверие, которое должно завоевываться, а не следовать из предустановленных социальных позиций или гендерных ролей. Активное доверие предполагает автономию, а не препятствует ей и является мощным источником социальной солидарности, коль скоро согласие свободно дается, а не навязывается традиционными принуждениями» [1, с. 37]. Гидденс указывает на рефлексивный и интерсубъективный характер феномена «активного доверия», так как оно наличествует только во взаимном самораскрытии взаимодействующих индивидов, конституирующих тем самым собственную самость.

Во-вторых, социальные сети создают возможность быстрой мобилизации отдельных индивидов, образующих мировую общественность, для совместной деятельности. Сетевые структуры мировой общественности, приобретающие транснациональный характер и обнаруживающие себя в виде согласованных действий в масштабах мира, оказывают существенное влияние на отдельно взятое государство. Это вносит элемент стихийности и неустойчивости в мировую политику, поскольку силы мобилизованной общественности базируются на «негативном согласии» в виде общественного возмущения действиями государственной власти.

С одной стороны, оно может быть обосновывается установками и принципами «универалистской морали справедливости», реализовываться через коммуникативную практику «единодушных моральных реакций» в форме осуждения агрессивных попыток разжечь войну, этнических чисток и геноцида как нарушения прав человека и высказываться открыто в форме мирных демонстраций, развертывания дискуссии в СМИ, публичной критики действий государства через общественные организации. Такая коммуникативная деятельность мировой общественности формирует многомерность публичной сферы и способствует формированию единого этоса, предполагающего признание святости человеческой жизни и всеобщего права на счастье и самореализацию в сочетании с обязанностью содействовать развитию космополитической солидарности и сохранению среды человеческого существования. «Негативное согласие» мировой общественности направляется на сопротивление административному произволу власти в сочетании с отрефлексированной установкой на снижение роли силы и насилия в социальной жизни.

С другой стороны, неприятие власти может обосновываться партикулярны-

ми этническими интересами, которым придается статус всеобщих. Такая абсолютизация локальности, существующая в форме своеобразного «ценностного политеизма» (М. Вебер), способна привести к возрастанию масштабов и зон рисков вплоть до тотального уровня «всеприсутствия разрушения» (У. Бек) всего миропорядка в современном глобализирующемся обществе.

Силы мобилизованной общественности, базирующиеся на «негативном согласии» в виде общественного возмущения действиями государственной власти, склонны обращаться к неправовым, агрессивным формам протеста, вплоть до террора и насилия. Ситуация усугубляется тем, что, во-первых, современные средства коммуникации предоставляют мировой общественности новые возможности по координации действий людей, значительно удаленных друг от друга в пространстве и времени. Во-вторых, освобождение от пространственной зависимости уровня согласованности, интегративности социального действия позволяет координировать ее деятельность вне привязок к национально-государственным границам и контекстам действия. В-третьих, в современном глобализирующемся мире сильное влияние приобретает фундаментализм, нравственно обосновывающий и оправдывающий насилие и террор.

Дистанцированные отношения отдельных индивидов (граждан различных государств) начинают формироваться социальными влияниями локального, а не государственного уровня. Локальному масштабу этнических интересов индивидуальным сознанием присваивается глобальное, транснациональное, надгосударственное измерение. «Глобализация – это когда полномочия и влияние просто “выхватываются” из рук местных сообществ и государств и переносятся на международный уровень» [4, с. 17]. Данные обстоятельства делают сетевые структуры мобилизованной общественности агрессивными, оппозиционными власти государства и в то же время неуловимыми, безличными, неподконтрольными и недостижимыми для него.

Увеличение уровня «созданной неопределенности» в виде бурного развития технологий преобразования природной среды на фоне рефлекслируемого страха и отчаяния отдельного индивида перед лицом глобальных вызовов и проблем приводит к значительному возрастанию разрушительных возможностей трансформативного потенциала человеческого действия. Это позволяет квалифицировать современное общество как общество постоянного воспроизводства риска в области политики. «На вопросы развития и использования технологий (в сфере общества или личности) накладываются вопросы политического “обращения” с рисками, которые несут ожидаемому будущему уже используемые или потенциальные технологии» [5, с. 22].

Эффективное «политическое “обращение” с рисками» означает использование коммуникативных технологий в политике для создания у отдельного атомизированного человека чувств доверия и «онтологической безопасности» (Э. Гидденс), основывающихся на идеологии гармоничного сочетания индивидуальной автономии с чувством хорошо осознанной взаимозависимости. Ответственную политику в обществе риска можно охарактеризовать как политику развития коммуникаций. Государство развивает и оберегает многомерность публичной сферы, которая являлась бы коммуникативным пространством, позволяющим индивидам и группам оказывать реальное влияние на происходящее в

сфере политики. В этом контексте современные средства коммуникации должны использоваться как открытая публичная арена, на которой спорные политические вопросы могут разрешаться или рассматриваться диалогически, а не путем нерелексивного использования власти либо мобилизации мировой общественности под знаком воинствующего «негативного согласия».

Таким образом, межличностные взаимодействия обретают глобальную протяженность и знаменуют собой соединение глобального и локального уровней идентичности современного человека. Они пронизывают все уровни политического пространства, соединяя его в единое целое.

Коммуникативный опыт становится важнейшим фактором, связывающим воедино различные уровни идентичности современного человека в политическом пространстве современного общества.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структурализации / пер. с англ. М., 2003.
2. Иноземцев В.М. Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М., 1999.
3. Хабермас Ю. Расколотый Запад / пер. с нем. М., 2008.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М., 2004.
5. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма / пер. с нем. М., 2007.

P.V. Masychev
Radical Orthodoxy
as a Manifestation
of Ethno-Religious Extremism

By an empirical example the manifestations of religious extremist views are assessed. The analysis of visual representations of a radical Orthodox group in the social network "VKontakte" ("In Contact") is presented.

Key words and word-combinations: extremism, values, visual representations.

На эмпирическом примере оцениваются проявления религиозных экстремистских взглядов. Представлен анализ визуальных репрезентаций радикальной православной группы в социальной сети «ВКонтакте».

Ключевые слова и словосочетания: экстремизм, ценностные ориентации, визуальные репрезентации.

УДК 316.75
ББК 60.563.0

П.В. Масычев

РАДИКАЛЬНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭТНОРЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

В последнее время в нашей стране активно обсуждается проблема экстремизма и экстремистских движений. Действительно, по данным информационно-аналитического центра «Сова», в России действуют более сорока организаций, официально признанных экстремистскими [1]. Острота проблемы осложняется тем, что в настоящее время отсутствует единое понимание термина «экстремизм» как в научных, так и в политических сообществах.

К примеру, экстремизм называют «сознательным выбором экстремальных способов поведения, представляющих угрозу и наносящих вред окружающим» [2, с. 73–74], сводя его тем самым к проблеме выбора поведения и способа действия. Это, на наш взгляд, затрагивает лишь некую грань понятия «экстремизм», связанную с когнитивным аспектом его понимания. Напротив, П. Колеман и А. Бартоли настаивают на о многослойности и сложности этого понятия [3]. По их мнению, содержательное раскрытие «экстремизма» должно включать ценности, исторический контекст, различие сил сторон, тактику и уровень насилия, отношения внутри экстремистской группы, жесткую и нетерпимую позицию сторон. Выделяя составляющие экстремизма, авторы тем не менее не дают ему определения.

В действующем российском законодательстве определение экстремизма крайне расплывчато и объемно [4]. Экстремизмом считается публичное оправдание терроризма; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека; пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики. Юристы обоснованно бьют тревогу относительно неконкретности формулировок некоторых статей Уголовного кодекса РФ, традиционно относимых к «экстремистским».

Экстремизм свободно интерпретируется так, как удобно субъекту, использующему его в определенных целях. Можно вычленить совершенно отличные по характеру виды экстремизма: политический, этнический, религиозный.

Этнорелигиозная вражда не просто наблюдается в России, но в некоторых случаях доходит до критической отметки. Говоря об этнорелигиозном экстремизме, исследователи чаще приводят в пример исламский фундаментализм как наиболее яркий образ нетерпимости в религии. В то же время они отмечают, что православие как идеологическая платформа для крайних форм действий и призывов используется редко.

Одним из ярких образцов радикального православия в новейшей российской истории стало общество «Память», активная деятельность которого завершилась еще в 1994 г. Однако православный экстремизм существует и сегодня («Народный Собор», «Русское имперское движение», «Русское национальное единство», «Союз православных хоругвеносцев», «Фронт национал-революционного действия», «Чёрная Сотня»).

На наш взгляд, представляется значимым научный анализ ценностей и убеждений подобного рода групп, уяснение, почему именно сейчас возникает течение радикального православия и что является условиями его возникновения. Таким образом, в предметном поле исследования этнорелигиозного экстремизма радикальное православие выделяется как отдельный объект для изучения.

Можно предположить, что в основе радикальных проявлений этнорелигиозных групп лежат определенные ценностные ориентации и установки, связанные с религией и представляющие собой базис для развития экстремальных форм поведения. Для подтверждения или опровержения данного утверждения рассмотрены визуальные репрезентации одной из групп социальной сети «ВКонтакте» – объединения «Тьма крошечная» [5].

Группа «Тьма кромешная» представляет себя общностью воинствующего православия, а своих участников – воинами Христа: «Православное христианство – это Церковь воинствующая... Христианин – это воин Христов... и воинствует он как изнутри, так и вовне, как духовно, так и материально. Словом и делом, мечом и молитвой». Таким образом, мы сталкиваемся с относительно новым видом активности русского православия – православия с мечом.

В группе состоят 489 участников. По их заявлениям, это «группа для тех, кто считает себя Православным христианином, того, кто рожден от Духа... Тьма – это не зло, а ужас, исходящий от Света». В название объединения основатели и модераторы вкладывают следующий смысл: «Тьма – это просто числительное, десятники, сотники, тысячники, были и темники... а Кромешная – это то, что кроме» (некоторое количество, отличных от мнения большинства, то есть воинствующее мнение меньшинства) [5].

Визуальные репрезентации группы исследовались посредством дискурсивного анализа. Использование данного метода дает возможность символически через визуальные репрезентации отразить модель самой группы, поскольку визуальное выступает своего рода культурной метафорой, способом, «посредством которого культура воспринимает, оценивает и затем легитимирует... осуществляя тем самым процедуру перевода реального в символическое» [6, с. 11], и обратно – через символы мы видим реальную действительность.

Общедоступные к просмотру визуальные репрезентации трактовались нами как значимые символы ценностной платформы участников группы. Посредством их анализа мы стремились описать систему представлений, принципов и ценностей социальной группы, «герменевтическими и семиотическими средствами расшифровать содержание социальных значений и смыслов в их визуальной символике» [7, с. 29].

В процессе анализа нами рассмотрены все файлы изображений, общее число которых составило 106 единиц. Объединение нескольких визуальных образов в типы позволило рассуждать о том, на что ориентирована данная православная группа. Мы выделили два основных направления ценностных ориентаций данной группы, выразив их в понятиях принятия и непринятия определенных ценностей. Позиция принятия выражается прежде всего в поддержке или пропаганде тех или иных явлений. Позиция непринятия означает негативное отношение к тем или иным явлениям и событиям.

Для наиболее полного представления о том, что именно «принимает», а что «не принимает» рассматриваемая группа, внутри позиций принятия / непринятия сформировано восемь тематических групп ценностей путем объединения визуальных репрезентаций в дискурсы. Внутри дискурсивных полей, в свою очередь, выделены эти тематические блоки. Дискурс трактовался как «текст в социальном контексте, дающий представление об участниках, условиях коммуникации, рисующий картину события в определенном свете» [8, с. 457].

Практически все репрезентации отражали совершенно точную направленность, заявляя собой вполне определенный ценностный ориентир. В итоге количество репрезентаций непринятия составило 71 единицу, принятия – 34 (таблица).

**Дискурсивный анализ позиций принятия
и непринятия в радикальном православии**

Позиции принятия		Позиции непринятия	
Дискурсивное поле	Кол-во единиц	Дискурсивное поле	Кол-во единиц
1. Национализм	13	1. Православие и большевизм	10
2. Призыв к борьбе	13	2. Современная власть	16
2.1. Призыв к активности	7	2.1. Политика РФ	3
2.2. Воспитание силы	6	2.2. Произвол полиции	3
		2.3. Капитализм	3
		2.4. Отношения с Чечней	4
		2.5. Политика борьбы с экстремизмом	3
3. Православная вера	8	3. Инаковость	23
3.1. Православие как конфессиональная позиция радикальной группы	5	3.1. Неоязычники и родноверы	9
3.2. Доказательство существования Бога	3	3.2. Африканский этнос	4
		3.3. Иудеи	4
		3.4. Мусульмане	3
		3.5. Атеисты	2
		3.6. Гомосексуалисты	1
		4. Политика толерантности	7
		5. Геноцид русских	16
		5.1. Пьянство, табакокурение	7
		5.2. Культура гламура и потребления	5
		5.3. Дискриминация русского этноса	4

Рассмотрим позиции принятия православной экстремистской группы. Выделим три дискурсивных поля, в рамках которых осуществляется положительная оценка ценностей: православная вера, призыв к борьбе, национализм. Количественно больше всего репрезентаций (по 13 ед.) содержат поля «Призыв к борьбе» и «Национализм»; поле «Православная вера» включает меньшее количество репрезентаций (8 ед.).

Дискурсивное поле «Национализм» освещает репрезентации ценностей, связанных с положительной оценкой славянского этноса и направлено на создание эмоционального фона, обостряющего чувства принадлежности к этому этносу и гордости за него. Позиция «Национализм как идеология» показывает мировоззренческую систему как истинно верную и пропагандирует приверженность к ней. Здесь чаще отображаются свастика, символы и лозунги национал-социализма; изображения имеют функцию эмоционального вовлечения зрителя в состояние безопасности и защиты при условии согласия с идеологией национализма.

Дискурсивное поле «Призыв к борьбе» направлено на побуждение православного верующего к отказу от позиции смирения: «Призыв к активности» (7 ед.) и «Воспитание силы» (6 ед.). Выступая за отказ от этнорелигиозного плюрализма, члены «Тьмы кромешной» призывают, с одной стороны, к активной жизненной позиции. К примеру, на одном из плакатов под изображением падающих звезд в ночном небе приведена фраза: «Чтобы быть ближе к звездам, достаточно подняться с колен». С другой стороны, борьба представляется в контексте развития силы, причем как физической, так и духовной. Все это свидетельствует о том, что участники православной радикальной группы демонстрируют намерения, и это не просто философия, но призыв к действиям и актам.

В границах поля «Православная вера» заявляются принимаемые ценности в виде самого православия как конфессиональной позиции радикальной группы (5 ед.) и доказательства существования Бога (3 ед.). Испытывая гордость за свою веру, участники «Тьмы кромешной» заявляют православие в качестве истинной религии, разделяемой всеми членами группы. Концепция сущности Бога, принятой в православной традиции, транслируется ими как неоспоримая. Доказательству Бога посвящено несколько репрезентаций, изложенных в философском стиле: «Ты уверен, что Бога нет... Расскажи тогда, кто создал первую живую частицу...». Мы можем сказать, что православная вера для рассматриваемой группы является идеологическим базисом, основой для активных действий.

Отражение позитивной грани ценностной системы группы, исследуемой в терминах принятия, выражается в том, что представители радикального православия заявляют в качестве своей системы принципов смешение русской неонацистской позиции с дополнением к ней религиозно-культурной составляющей, которой является православная вера. Такая основа не просто лежит в пластах мировоззренческих установок группы, но служит базисом для возможных экстремистских намерений и активных действий.

Направление ценностей непринятия в группе «Тьма кромешная» широкое и многогранное: здесь больше самих репрезентаций и больше дискурсивных полей.

В ходе анализа удалось вычленить пять дискурсов, кристаллизующих негативные позиции радикальной православной группы: «Православие и большевизм» (10 ед.), «Современная власть» (16 ед.), «Инаковость» (23 ед.), «Политика толерантности» (7 ед.), «Геноцид русских» (16 ед.). Некоторые дискурсы едины, в других же четко выделяются ценностные ориентиры.

Наибольшее непринятие участников «Тьмы кромешной» вызывают ценности, лежащие в рамках дискурса «Инаковость», в котором вычленены группы представителей иных мировоззренческих позиций, отличных от системы ценностей членов рассматриваемой группы.

Негативные чувства вызывают представители неоязыческой субкультуры и родноверы (9 ед.). Чаще всего они просто высмеиваются, на них ставится якорь шута, а сами репрезентации наполнены иронией и сарказмом. Одинаково негативное отношение вызывают представители африканского этноса и иудеи (по 4 ед.). И если в случае чернокожих представителей чаще прослеживаются негативные эмоции презрения (например, когда на картинке представлен деградационный ряд реперов: «белый человек, чернокожий человек, обезьяна»), то в отношении иудеев явно читается настороженность. Чаще всего иудеи изображаются вместе с представителями власти, тем самым визуальные репрезентации как будто вновь намекают о теории еврейского заговора. К группе мусульман (3 ед.) также читается настороженное отношение, что проявляется в подписях к изображениям: «Когда они слабы – они хитрят. Когда они сильны – они убивают!». В новом поколении ислама православные радикалы видят опасность и как будто предупреждают о ней. Наименьшее число репрезентаций непринятия инаковости занимают атеисты (2 ед.), с которыми участники группы ведут спор на рациональном уровне, и представители сексуальных меньшинств (1 ед.), к которым они относятся с отвращением и враждой.

Можно утверждать, что участники «Тьмы крошечной» озабочены жизнью русского населения в пространстве современного государства. Наблюдение отношений в рамках этого контекста позволило выделить дискурсивное поле «Геноцид русских». Недовольство проявляется прежде всего в трех факторах, сокращающих число славянского этноса на территории России. В целом же речь идет о средствах «геноцида» – пьянстве, табакокурении (7 ед.) и культуре гламура и потребления (5 ед.), развращающих дух православного человека и снижающих уровень здоровья и морали населения. Другая сторона – прямая дискриминация русского этноса (4 ед.), выраженная в саркастических фразах типа «Русских все любят! И поэтому им везде рады» под изображением плаката с надписью «Смерть русне!!! Больше убийств». Поэтому современная ситуация в России трактуется участниками экстремистской православной группы не иначе как геноцид, и об этом они заявляют в самых жестких формах.

Явно негативное отношение чувствуется и к современной российской власти. В рамках анализируемого дискурса примерно в равных пропорциях раскрываются позиции непринятия политики Российской Федерации (3 ед.), произвола полиции (3 ед.), политики борьбы с экстремизмом (3 ед.), капиталистического строя (3 ед.), отношений с Чечней (4 ед.). В полиции участники «Тьмы крошечной» не видят защиты, скорее наоборот, они призывают опасаться ее. Как пример, под фотографией вальняжного сержанта, очевидно, ППС, обнимающегося с двумя автоматами, надпись «Россия. С такой милицией и бандиты не нужны». Милиция обвиняется в защите не интересов народа, а интересов нечистой на руку власти.

Границы, которые накладываются на свободу мысли и свободу слова, мягко говоря, заставляют возмущаться участников «Тьмы крошечной». Под изображением галактики M106, по форме похожей на вращающийся крест, содержится надпись: «Не нравится свастика – осуди космос за экстремизм». Политика борьбы с экстремизмом не принимается в силу своей неясности, непрозрачности.

Главная ценность современного общества – деньги – также не устраивает православных радикалов, так как деньги идут на обогащение отдельных элит.

Отношения с Чечней вызывают одновременно и чувство глубокого расстрой-ства по отношению к правительству РФ, и чувство презрения к верхушке власти Чечни. Практически на всех репрезентациях фигурирует Р. Кадыров как символ Чеченской Республики, а политика Российской Федерации в ее взаимоотноше-ниях с Чечней критикуется как чрезмерно лояльная и даже попустительская: так, к фотографии В. Путина и Р. Кадырова сделана приписка: «Володя слышь главное нам дань вовремя плати братуха я порядок в Чечне гарантирую». Таким образом, политические установки православных радикалов оппозиционны по-литике официальной российской власти.

Среди рассмотренных нами дискурсивных полей только два не имеют внутри себя тематических блоков или направлений. Выражаются они в отношении к уже ушедшей советской власти и развивающейся ценности толерантности. В первом случае больше читается обида на политику репрессий, на голод 1930-х годов, на культуру отношения к православной вере в СССР. Репрезентации «Тьмы кромеш-ной» скорее предупреждают оппозиционеров от повторения истории, как будто переориентируя их от большевизма в сторону традиционного православия.

Участники группы напрямую заявляют о неприемлемости для них ценности толерантности, называя всех ее приверженцев «толерастами». По мнению уча-стников группы, принцип толерантности ущемляет права большинства и чреват для его интересов. Показательно фото убитого львицей эколога, у которого в руке транспарант «Львы, мы вас спасем». В толерантности видится угроза, которую не видит большинство, и эту обратную сторону пытаются донести православные радикалы.

Позиции непринятия выражаются в негативных эмоциональных проявле-ниях по отношению к следующим моментам. Современная ситуация в стране, с позиций православных радикалов, вызвана геноцидом русского этноса различ-ными способами: от морально-культурного разложения до прямого истребле-ния. Все это осуществляется с подачи современной государственной политики борьбы с экстремизмом и культивирования толерантности в современном об-ществе. Кроме того, выделяется враг, вызывающий реальную угрозу. Причина этому – его ценности, лежащие в рамках религий (ислама и иудаизма).

Дискурсивный анализ позволил сделать ряд значимых выводов.

Во-первых, очевидна политическая составляющая в жизни группы, выража-ющаяся в позиции отрицания власти, которая не делает упор на институт религии в морально-нравственном воспитании и не ставит во главу угла своей политики защиту нации. Это нечто новое на политической арене современной России начала 2010-х годов.

Во-вторых, причина возникновения радикально-православной силы нам не в последнюю очередь видится в росте престижа таких религий, как ислам и иудаизм, в рамках которых есть свои фундаменталистские группировки. Рас-сматриваемая группа возникает как ответ и противовес им.

В-третьих, основная задача группы – рост престижа православия, представ-ление этого вероисповедания не как миролюбивого, но как воинствующего, близкого по духу экстремистским течениям.

Таким образом, рассмотрев конкретизированные в исследованной экстреми-стской группе черты и проявления православного радикализма, можно конста-

тировать наличие православного фундаментализма, обладающего определенным набором признаков и ценностей.

Библиографический список

1. Список организаций, признанных российскими судами экстремистскими, 02.11.2007, обновлено 21.11.2011. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2007/11/d11927/#r1> (дата обращения: 11.02.2012).
2. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009.
3. Coleman P.T., Bartoli A. Addressing Extremism. URL: http://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386_WhitePaper_2_Extremism_030809.pdf (дата обращения: 01.03.2010).
4. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 29 апр. 2008 г.) // Рос. газ. 2002. 30 июля.
5. ВКонтакте. Тьма крошечная. URL: <http://vkontakte.ru/club15975047> (дата обращения: 25.01.2011).
6. Усманова А. Насилие как культурная метафора // Визуальное (как) насилие: сб. науч. трудов / отв. ред. А.Р. Усманова. Вильнюс, 2007.
7. Мецгеркина-Рождественская Е. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Интер. 2007. № 4.
8. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 2000. Вып. 2.

E.V. Chekmarev, E.S. Dorofeeva
**The Social and National Identity
as the Core of the Political
Culture of Youth**

Features of the political culture of youth are identified. The influence of the political culture on the political participation is shown. Methods of political culture formation are proposed.

Key words and word-combinations:
youth, political culture, political participation, self-consciousness.

Выявляются особенности политической культуры молодежи. Показано влияние политической культуры на политическое участие. Предложены способы формирования политической культуры.

Ключевые слова и словосочетания:
молодежь, политическая культура, политическое участие, самосознание.

УДК 316.75:32:316.34/.35
ББК 66.05+60.54

Э.В. Чекмарёв, Е.С. Дорофеева

СОЦИАЛЬНО- НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК СТЕРЖЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

В современном политическом процессе социально-национальное самосознание российской молодежи приобретает особую значимость в силу ряда обстоятельств. Во-первых, молодежь представляет собой динамично развивающийся слой общества, устремленный в будущее; она быстро реагирует на запросы, вызовы и угрозы глобализи-

рующегося мира. Во-вторых, молодежь объективно призвана обеспечить прогрессивное поступательное развитие социума.

Молодежный ресурс, сформировавшийся в новых экономических, политических и социальных условиях, более чем другие социальные группы способен на инновации. Основными его характеристиками являются свобода, инициативность, высокий уровень образования, амбициозность, устремленность в будущее в сочетании с разумным консерватизмом, высокая самооценка, стремление к действию.

Опыт современных модернизаций в целом ряде стран, включая Россию, демонстрирует их многофакторный характер. Подобным странам приходится своевременно отвечать на вызовы не только внутреннего, но и внешнего порядка. Как показывают социологические исследования, при выборе молодежью национальной идеи наибольшее количество молодых людей отдают предпочтение идее укрепления России как правового государства (44,9 %) и идее возрождения России (42,5 %) [1, с. 24].

Мировой экономической и финансовый кризис, взаимозависимость в глобализирующемся пространстве до предела обострили проблему качества российской молодежи социума и ее способности завершить начатые преобразования, сделать Россию великой державой, научиться профессионально управлять политическими процессами. Решать перечисленные сложные задачи молодым людям придется в условиях небывалого сокращения численности молодежи. Перепись 2010 г. показала, что в России проживает более 38 млн граждан в возрасте от 14 до 30 лет [2]. За период с 1975 по 2000 г. число молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет составляло от 10 до 13 млн человек, но, по данным ООН, к 2025 г. в России останется не более 6 млн молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет [3]. В связи с этим чрезвычайно актуализируется вопрос о необходимости существенно повысить качество человеческого ресурса российской молодежи. Следовательно, важное значение приобретает политическая культура молодежи и социально-национальное самосознание этой социальной группы как стержень ее политической культуры.

Политическая культура, при всем многообразии ее понятий, является частью духовной культуры народа и включает в себя в числе прочих элементы, связанные с общественно-политическими институтами и процессами [4, с. 219].

Осознание собственной социальной значимости и возможностей, предоставляемых обществом, является главным побудительным мотивом социальных действий молодых. Молодые люди стремятся осуществлять самостоятельный выбор, ориентированы на самопознание значимости собственного микросоциума. К области политического в молодежной субкультуре следует отнести формирование у представителей молодежи общих и специальных представлений о мире политики, а также решение ими вопросов о форме и степени своей включенности в политические отношения, политическом самовыражении, об участии в политических институтах.

Социальный статус молодежи во всех конкретных обществах и во все времена в главном одинаков: молодежь одновременно выступает и объектом и субъектом социализации [5, с. 60]. В этом своем отличительном социальном качестве она характеризуется способностью не только наследовать и воспроизводить сло-

жившуюся на момент своего становления структуру общественных отношений, но и участвовать в ее активном совершенствовании и преобразовании.

В преобладающей степени социальные представления в молодежной среде складываются по траектории «образование – трудоустройство». Социологические опросы свидетельствуют, что наиболее важным для себя молодые люди считают право на образование, на труд, свободу передвижения и свободу личности, право на жизнь, на охрану здоровья, на жилище, на альтернативную службу в армии, на отдых. Немаловажно, что 69,2% респондентов выделили в качестве приоритетных право избирать и быть избранным, участвовать в политической жизни [1, с. 201]. Спектр прав, которые, по мнению молодежи, не защищены, велик: это право на альтернативную службу (55%), право на достойную оплату труда (32%), право на жилище (30%). Молодежь также демонстрирует понимание причин, в силу которых права молодых людей нарушаются. К таковым относятся отсутствие эффективных законов, защищающих интересы молодежи (23,6%); отсутствие в государстве эффективных законов вообще (19,7%); бесконтрольность и самовластие правоохранительных органов (18,3%); коррумпированность правовых институтов страны (17,4%); неэффективность работы правовых институтов (10,6%) [1, с. 199].

Кризисные явления усугубляют противоречивость социального статуса молодежи. Социальное самосознание в данном случае, проецируясь на политическую активность, во многом детерминирует ориентацию на протестные акции, которые, как правило, носят стихийный, неорганизованный характер. На смену деятельному самосознанию приходит осознание ущербности, неполноценности, находящее выражение в уподоблении, суицидных или эмигрантских настроениях. Представляется, что государственная политика должна состоять в создании таких условий для реализации социальных интересов молодежи, при которых не возникало бы подобных проявлений ее самосознания.

Следует отметить, что на региональном уровне осуществляются определенные подвиги в решении социальных проблем молодежи.

Государство взяло на себя обязательство по обеспечению молодых семей жильем. Соответствующие ипотечные программы льготного кредитования действуют на территории всех регионов России. В рамках федеральной целевой программы «Жилище» [6, с. 22] за четыре года с 2005 по 2008 г. 130 000 молодых семей улучшили свои жилищные условия, а до 2015 г. новое жилье благодаря программе получают еще 172 000 молодых семей.

Улучшение социального обеспечения молодежи способствует возрастанию ее национального самосознания – наиболее хрупкой и уязвимой части политической культуры. Оно вбирает в себя множество факторов – национальную психологию, историческую память, стереотипы поведения – и строится на основе принадлежности к государству-нации и к определенному этносу. Отмечая значимость такого дуализма в сознании российских граждан, В.В. Путин вполне определенно высказался в пользу примата государственного начала: «Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим» [7].

В процессе социализации в сознании молодого человека утверждается его

связь с «родными» людьми, от которых можно получить помощь и поддержку. В то же время возрастает страх, настороженность в отношении «чужих», что становится питательной почвой национализма и ксенофобии. Немотивированный, спонтанный страх приводит к немотивированным действиям. В связи с этим представляется весьма целесообразным введение в школьные учебники по истории яркого материала, позволяющего раскрыть интеграционную природу социума нашей страны. Это тем более необходимо потому, что Россия в очередной раз переживает волну роста этнического самосознания народов нашей страны, включая самые малочисленные.

Национальное самосознание как осознание принадлежности к интегрированной общности – государству – сегодня оказалось отодвинутым на второй план. Такая ситуация не может не порождать трансформацию национализма государствообразующего народа. Оценки экспертами положения русского народа впечатляют своим трагизмом: «русские чувствуют себя катастрофически», «потерянность, самосознание ослаблено», «духовный кризис», «униженный и оскорбленный русский народ»; вместе с тем «народ начинает просыпаться», «самосознание русских просыпается очень активно» [8, с. 148].

На фоне роста значительного удельного веса русских в общем числе населения Российской Федерации совершенно очевидна опасность, угрожающая единству нации-государства. Численность русских в России по переписи 2002 г. составляла 115,89 млн человек, или 80,64%, а по переписи 2010 г. – 111,02 млн человек, или 80,9% [9]. В отдельных регионах доля русских выше общероссийской. Так, в Саратовской области по переписи 2010 г. проживает 2 151 215 русских, или 87,6%. В этом плане представляется весьма своевременным определение русского народа, данное В.В. Путиным в ходе предвыборной кампании 2012 г., именно как государствообразующего [7].

Благодаря своему культурному коду русские никогда, судя по историческим материалам, не воспринимались другими народами со страхом и недоверием. Напротив, им были рады: например, когда в феврале 1812 г. русский парусник «Чириков» появился у берегов Калифорнии, индейцы встретили его приход с восторгом [10]. Русский культурный код со всей очевидностью раскрывается и в отношении привлечения мигрантов. По указу Екатерины II немецкие колонисты в Российской империи получили такие льготы и привилегии, которые не предоставлялись местному – как русскому, так и нерусскому – населению [12, с. 141]. Даже некоторые современные эстонские политики, совсем недавно называвшие русских не иначе как «оккупантами», признали ошибочность своей русофобской позиции [12].

Величие страны и русского народа состоит прежде всего в том, что в государстве на протяжении многих лет максимально раскрывался потенциал разных этносов. Эта традиция должна стать ключевой парадигмой в процессе формирования самосознания молодого поколения современной России. В этом плане представляется весьма положительным опыт Китая. Как империя он спланирует не только население, проживающее в стране, но и своих граждан, оказавшихся за рубежом. Только от них в знак патриотических чувств государство получает до полутора триллионов долларов [13, с. 144].

Собирание русских людей, подчас не по своей воле оказавшихся за рубежом, является одной из насущных задач современной национальной политики Российской Федерации. Эту задачу вполне может решить молодежь, наиболее активно включившаяся в процесс коммуникации. Объединение русского и всего многонационального народа России становится важнейшим механизмом ответа на интеграционные процессы глобализирующегося мира.

В многонациональных субъектах РФ получили развитие новые формы воспитания толерантности, взаимопонимания между народами. Положительно зарекомендовали себя программы национально-культурного развития народов. Так, в Программе развития Саратовской области одной из главных задач отмечается формирование национального самосознания [14]. Примечательно, что в этом субъекте Федерации этническая политика региональной властью тесно увязано с задачами утверждения российской идентичности.

Молодому поколению России предстоит определить место своей страны в современном мире. Молодежь должна быть готова к защите интересов и государства, и полиэтнического общества, и этнически ориентированной личности. К этой миссии молодых россиян необходимо готовить, формируя их социальное и национально-этническое самосознание. При этом под социальным самосознанием следует понимать становление молодежи как политического ресурса страны, способного использовать свои возможности не только для личностного саморазвития, но и для процветания нации-государства.

Итак, внутренние и внешние вызовы диктуют государству необходимость пересмотра проводимой молодежной политики. Она должна строиться на приоритетах социально-национального самосознания молодого поколения. Существенным компонентом решения такой задачи может стать опора на историческую память русского народа, на протяжении многих веков демонстрировавшего способность к интеграции народов. Учебники истории и обществознания могли бы ориентировать молодежь на яркие примеры совместного позитивного творчества российских этносов во имя блага и процветания общей родины. Особое внимание в программах национально-культурного развития должно быть уделено русской молодежи, выступающей преемницей не этнического, а общенационального (государственного) самосознания.

Библиографический список

1. Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005.
2. Официальные данные переписи населения. URL: www.srv.dks.ru/digital/region1/DocLib/
3. К 2025 году в России останется не более 6 млн. молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет. URL: <http://news.babr.ru/print.php?IDE=18839>
4. Введение в политологию / К.С. Гаджиев [и др.]. М., 1994.
5. Суровова О.В. Политическая социализация молодежи. Саратов, 2004.
6. Ставим на лидеров: Встреча Д. Медведева с лидерами политических объединений. М., 2008.
7. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независ. газ. 2012. 23 янв.
8. Мухаметшина Н.С. Трансформация национализма и «символьной элиты»: российский опыт. Самара, 2003.
9. Россия в цифрах, 2011. URL: <http://www.inosmi.ru/infographic /20111220/180804661.html>
10. Дзюба О. Индейцы были рады приходу русских // Парламент. газ. 2010. 22 янв.

11. Рашитов Ф.А. История татарского народа. Саратов, 2001.
12. Строганов Ю. Эстонский ветер перемен // Парламент. газ. 2010. 22 янв.
13. Поздняков В. Россия, Китай и Индия в мировой экономике // Россия в глобальной экономике. М., 2005. Т. 3.
14. Паспорт областной целевой Программы национально-культурного развития Саратовской области (2003–2006 годы) // Собрание законодательства Саратовской области. 2003. № 5.

O.V. Surovova
Regional Patriotism
as a Factor
of Political Socialization
of Young Students

The concept of regional patriotism is being considered as well as the whole complex of its components and the possibility of their usage in realization of youth's political socialization.

Key words and word-combinations: political socialization, regional features, regional patriotism.

Рассматривается понятие регионального патриотизма. Анализируется совокупность составляющих его элементов. Оцениваются возможности использования элементов регионального патриотизма в осуществлении политической социализации молодежи.

Ключевые слова и словосочетания: политическая социализация, региональные особенности, региональный патриотизм.

УДК 323.1:316.334.3
ББК 66.094+60.561.3

О.В. Суровова

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Всякое государство заинтересовано в наличии у своих граждан тех или иных качественных характеристик, связанных с нравственными принципами, социальной активностью, правовыми и политическими нормами, отношением к родине, труду, собственности, власти. Обычно из государственного подхода формируется идеальная модель гражданина, на создание которой ориентируются и государственные и общественные структуры.

Принципиальные характеристики такой модели закладываются в конституции государства. В частности, многие статьи Конституции РФ ориентируют на формирование у граждан таких качеств, как любовь к родине, патриотизм, законопослушание, национальная и религиозная терпимость, доверие к государству, социальная и экономическая активность, бережное отношение к природе и окружающей среде [1]. Совокупность этих качеств свидетельствует о стремлении к утверждению такой модели личности, которая,

соответствуя традиционным особенностям Российского государства, вместе с тем обеспечивала бы и его развитие по демократическому пути.

Ответственное место в становлении гражданина занимает его политическая социализация.

Подготовка человека к вхождению в политические отношения представляет собой сложный и многоэтапный процесс, идущий постепенно, по мере усвоения человеком господствующих в обществе культурных ориентиров, норм, ценностей и образцов политического поведения. В ряде стран существуют глубокие традиции осуществления политической социализации. В США, к примеру, с момента возникновения государства сложились и поддерживаются властью и обществом такие направления этого процесса, как обеспечение преемственности политического развития, целенаправленная система подготовки гражданина к реализации его прав и обязанностей, достижение и поддержание такого консенсуса между государством и гражданином, который гарантировал бы стабильность правления и устойчивость политической системы [2, с. 207]. В нашей стране пока нет подобного масштаба традиций политической социализации, что предполагает наличие в обществе повышенного внимания к проблемам данного процесса. И оно реально существует, что подтверждается значительным количеством научных публикаций по тематике политической социализации.

Социализация подрастающего поколения всегда происходит под воздействием нескольких общественно значимых факторов. В конкретные исторические моменты развития общества их совокупность имеет определенные особенности, и в условиях разных стран, народов она различна. Содержание самих факторов подвержено изменениям, а степень воздействия того или иного фактора на новые поколения граждан могла усиливаться или ослабевать, что затрудняет расстановку акцентов в их общей совокупности. Но непреложным фактом является неизбежное проявление мощных общественных оснований социализации населения в практике всех стран современного мира.

Традиционные факторы процесса социализации, в том числе политической социализации, общеизвестны и досконально исследованы. Каждый фактор оказывает собственное, специфическое воздействие на формирование личности, но в конечном счете процесс социализации происходит при их комплексном воздействии. В таком случае проявляются нравственные, идейные приоритеты, организационные формы и направления воспитания, складывается система социализирующей деятельности по формированию в подрастающем поколении необходимых качеств и характеристик.

Большинство означенных гражданских качеств соединяются в понятии патриотизма или замыкаются на нем в той или иной форме.

Для многих народов патриотизм традиционно является базовым качеством национального характера. На протяжении веков патриотизм сохраняется в качестве синтезирующего элемента русского национального характера, не менее сильно он проявляется и в характерах других российских народов. Конечно, в условиях современной глобализации и бурно развивающейся интеграции во взаимоотношения стран и народов роль патриотизма в процессе социализации молодежи меняется, а возможно, и ослабевает, но все равно остается значительной и

ответственной. Исходя из такой оценки, считаем целесообразным сконцентрироваться на анализе понятия «региональный патриотизм», под которым подразумевается патриотизм в отношении так называемой «малой родины».

Трактовка «малой родины» включает не только родное село, свой поселок или городок, но и область, край, республику. Расширительное толкование «малой родины» до масштаба региона, на наш взгляд, естественно в условиях современной динамики жизни. Конечно, территориальные и поселенческие масштабы регионов разные и не в каждом из них население способно осознавать себя единым сообществом. Однако обычно существует немало объединяющих реальных и символических факторов, позволяющих гражданам сознавать свою причастность к конкретной области или республике. Именно такие факторы выделяют среди других любой субъект РФ и обеспечивают формирование регионального патриотизма.

Содержание регионального патриотизма обеспечивается разнообразными характеристиками областей или республик, такими характеристиками, какие вызывают к ним общероссийский или международный интерес, какими гордится население. Это могут быть факты истории, особенности географического положения, достижения экономики, науки, культуры, знаменитые люди. Во многом это краеведческий материал, пропущенный через осознание его современной значимости. Нередко популярность региона создается чем-то настолько оригинальным, что оно превращается в его символы. Например, символами Саратова и Саратовской области на протяжении многих десятилетий являются саратовская гармошка и саратовский калач, музей имени А.Н. Радищева, Крытый рынок, мост через Волгу, место приземления Ю.А. Гагарина. Эти символы используются в научных трудах и рекламных материалах, по ним узнают Саратов далеко за пределами Поволжья.

Разнообразие факторов, формирующих региональный патриотизм, можно представить в виде нескольких реалистичных направлений: во-первых, географические особенности и достопримечательности природы региона; во-вторых, исторические события, происходившие на территории региона, оказавшие воздействие на исторический процесс; в-третьих, богатство и оригинальность культурного наследия, современные достижения культуры, образования, науки; в-четвертых, специфические отрасли экономики, хозяйственные достижения; в-пятых, выдающиеся люди, знаменитости, прославленные имена. Эти группы факторов (природные, исторические, культурные, экономические, личностные) обеспечивают, по нашим представлениям, подробную характеристику любого региона нашей страны, имеют значительный воспитывающий потенциал. Покажем это на примере Саратовской области и практики образовательной и воспитательной деятельности лицея гуманитарных наук г. Саратова, который открылся в 1995 г. как инновационное общеобразовательное учреждение и в настоящее время является опорной школой по изучению предметов гуманитарного цикла.

Наш анализ показывает, что у большинства современных молодых людей плохо развито пространственное сознание, они слабо представляют географию России, в частности территориальную мощь и природные особенности Саратовской области. Во многом такое положение является результатом чрезмерного увлечения детей телевизионными передачами в ущерб общению с книгой. Развлекательные про-

граммы, переключение внимания на зарубежный мир, реклама западного, главным образом американского, образа жизни не стимулируют интерес к родному краю.

Коллектив преподавателей лицея, сознавая сложность и противоречивость подобного процесса формирования сознания учащихся, осуществляет целенаправленную работу по воспитанию любви к родным местам, чувства «саратовского патриотизма». В учебном процессе это происходит на занятиях географии и истории, во внеучебной работе – через краеведческую деятельность, научные исследования географических и природно-климатических особенностей Саратовской области, организацию туристических походов (в том числе традиционных байдарочных путешествий по Хопру и Медведице). Накопленный опыт позволяет не только положительно оценивать краеведческое направление работы, но и видеть необходимость значительного расширения ее масштабов.

Саратовская область имеет богатую и своеобразную историю, хорошо изученную местными учеными [3]. В их публикациях получили отражение и научную интерпретацию все важные события исторического прошлого Саратовского региона, его городов и многих сельских поселений.

Наибольшее внимание уделяется, конечно, областному центру, история которого длится уже пятый век. В этой истории немало оригинальных, важных для всей страны событий и фактов: основание Саратова в качестве города-крепости на восточной окраине Московского государства; участие саратовцев в казацко-крестьянском восстании С. Разина; организация соляного тракта от озера Эльтон к Саратову в середине XVII в.; посещение Саратова Петром I в 1695 и 1722 гг.; саратовцы в Народной войне Е. Пугачева; учреждение в начале 80-х годов XVIII в. Саратовской губернии на огромной многонациональной территории Среднего Поволжья; организация цирка и открытие университета; массовый голод сельского населения в 1921 и 1933 гг. и огромный размах крестьянского патриотизма по оказанию помощи фронту в Великой Отечественной войне; строительство автодорожного моста через Волгу; введение в строй Балаковской атомной станции и оросительной системы имени Ю.А. Гагарина; приземление на берегу Волги первого космонавта планеты.

В этих и многих других событиях – судьба родного края, ее сложные, радостные и трагедийные страницы. Знание истории и осмысленное отношение подростков к историческому процессу на знакомом, близком им пространстве, связанном с жизнью их предков, – сильнейшее средство патриотического воспитания. Оно создает величественный образ прошлого, на которое опирается вся современная жизнь, формирует уважительное отношение к деятельности предшествующих поколений земляков.

В лицее подобный подход к истории применяется достаточно широко и в учебной и в воспитательной работе с учащимися. На протяжении многих лет она обеспечивалась лицейскими преподавателями в сотрудничестве с учеными исторического факультета Саратовского государственного (классического) университета, читавшими краеведческие курсы, привлекавшими старшеклассников к научным исследованиям по местной тематике.

Большую роль в формировании регионального патриотизма играет близкое знакомство с культурным наследием любого города или области. Саратовская

область в этом смысле – замечательный регион, соединяющий культурное богатство разных времен и народов. Для Саратова характерны мощные театральные, образовательные, научные, библиотечные традиции, что многие годы обеспечивает ему положение крупного культурного центра страны. В памятниках архитектуры, культовых зданиях разных религиозных конфессий, материалах краеведческих музеев и картинных галерей области отражено культурное развитие русских и татар, украинцев и немцев, мордвы и евреев.

Сильное воздействие на патриотические чувства способны оказывать экономические достижения региона. В последние десятилетия XX в. предметом гордости саратовцев являлись самолеты Як-40 и Як-42, энгельсские троллейбусы, саратовские холодильники, изделия Завода технического стекла. К сожалению, в настоящее время не видно производственных достижений, способных прославить нашу область, добавить ей общественной привлекательности. Можно лишь надеяться на то, что не далеко возобновление активной производственной деятельности в пространстве саратовского региона и появление в нем новых товарных символов.

Специфическое место в системе социализации занимает воспитание на примерах жизни замечательных людей. Такой подход весьма эффективен в отношении подрастающего поколения, всегда ищущего, на кого равняться, «сделать бы жизнь с кого?». Из саратовского общества вышло немало известных людей: ученые Н.И. Вавилов, Н.В. Цицин, П.Н. Яблочков; писатели Н.Г. Чернышевский, К.А. Федин, М.Н. Алексеев; фронтовая летчица М.М. Раскова; государственные деятели П.А. Столыпин, А.И. Рыков; деятели искусства В.Э. Борисов-Мусатов, К.С. Петров-Водкин, братья Никитины, Б.Ф. Андреев, О.И. Янковский, О.П. Табаков; Ю.А. Гагарин и другие выдающиеся личности. Их имена, связанные с судьбой Саратова, расширяют его известность в России и за ее пределами. Именно эта связь служит основой для организации в лице различных встреч, конференций, бесед, выставок и других мероприятий со школьниками, обеспечивающих большой элемент регионального патриотизма. Иногда такие мероприятия приобретают городской, региональный или даже межрегиональный масштаб, распространяя свое позитивное воздействие на широкую аудиторию не только детей, но и взрослых.

Названные направления и средства воспитания регионального патриотизма в качестве формы политической социализации, конечно, не исчерпывают всех возможностей этого процесса, но они демонстрируют разнообразие воспитательной работы с учащимися, обеспечивающей формирование регионального сознания и патриотических чувств в отношении родного края. Вместе с тем совокупность элементов регионального патриотизма, действенность их использования в процессе становления личности и ее гражданского развития гарантируют признание его в качестве существенного средства политической социализации учащейся молодежи.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М., 2010.
2. Лозовой В.Н., Семеренко Л.М., Демченко В.И. Политическая наука в США: история и современность. Ростов н/Д, 2003.
3. Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000.

V.V. Dautov, P.A. Chashkin
**Information Culture of Military
Personnel in Conditions of
Information Society**

The influence of the processes of information society formation on the military sphere is shown. The information culture of military personnel is assessed.

Key words and word-combinations: information society, informatization, personal information culture.

Показано влияние процессов формирования информационного общества на военную сферу. Оценивается информационная культура военных кадров.

Ключевые слова и словосочетания: информационное общество, информатизация, информационная культура личности.

УДК 004:002:316.34/.35
ББК 73+60.54

В.В. Даутов, П.А. Чашкин

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВОЕННЫХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Современный человек осуществляет свою жизнедеятельность в специфичной информационной среде, имеющей свои закономерности и особенности развития и функционирования. Широкие возможности фиксации, накопления, переработки, хранения и передачи информации стали причиной того, что информационная сфера приобретает все большее значение, оказывает воздействие практически на все стороны существования общества в целом и каждого индивида в отдельности. Инфраструктура информационного общества предоставляет человеку богатейшие возможности для творческого развития в связи с доступом ко всему многообразию когда-либо существовавших знаний и ценностей. Однако использовать эти возможности можно только при условии наличия сформированных умений и обладания развитой информационной культурой.

Индивидуальная информационная культура – одна из граней общей культуры современного человека [1, с. 32]. Она является базой информационного мировоззрения и системы знаний, умений и навыков, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием новых информационных и технологий. Это понятие

характеризует сложный, многоуровневый и многоаспектный феномен взаимодействия человека и информации. В составе информационной культуры выделяются отдельные компоненты: умение вести поиск информации, анализировать и критически оценивать найденные источники информации; готовность творчески использовать информацию в целях решения разнообразных задач, возникающих в учебной, профессиональной, досуговой или иной человеческой деятельности.

Возрастающий поток информации в полной мере воздействует и на военную сферу. Вооруженные Силы России испытывают потребность в инициативных, грамотных военных специалистах, способных быстро реагировать на изменяющиеся социальные условия, перерабатывать и использовать информацию в различных форматах. Однако сегодня существует определенное противоречие в том, что система военного образования пока еще слабо ориентирована на формирование качеств личности будущего офицера, адекватных той новой информационной реальности, которая уже сегодня окружает каждого человека. Так, информационная культура в военном вузе не является предметом преподавания, а само понятие «информационная культура» встречается в военной литературе крайне редко и не рассматривается в его полном значении. Такое противоречие является достаточно опасным ввиду того, что для эффективного использования российскими военными информационного пространства необходима соответствующая информационная культура молодого офицера, ориентирующая его на самостоятельный поиск, оценку и отбор информации, необходимой для профессионализации и саморазвития.

Опрос, проведенный авторами на базе Саратовского военного института внутренних войск МВД России, позволил оценить текущее информационно-институциональное состояние курсантского сообщества, индикаторы которого проявляются в структуре информационных процессов, механизмах распространения и становления информационной культуры личности в условиях информационного общества. В нем приняли участие 112 курсантов старших курсов: 37% – курсанты четвертого и 63% – пятого курса. Выборка репрезентативна для Саратовского военного института внутренних войск МВД РФ.

Курсантам предложены вопросы, отвечая на которые, они должны были определить: какие задачи, решаемые СМИ, наиболее способствуют, на их взгляд, формированию информационной культуры личности:

1. Как Вы полагаете, какие задачи должны ставиться органами государственного управления перед средствами массовой информации в качестве наиболее значимых?

2. Каковы, на Ваш взгляд, должны быть эти задачи?

3. Каким задачам на практике должны уделять наибольшее внимание средства массовой информации?

4. Какое влияние оказывают СМИ на формирование информационной культуры личности в ходе реализации своей деятельности?

Полученные эмпирические данные позволяют, в частности, составить представление о влиянии средств массовой информации на формирование инфор-

мационной культуры курсантов. Результаты ответов на вопросы анкеты представлены в таблице в процентах к общему числу опрошенных (таблица).

Результаты опроса курсантов, %

Задачи СМИ	Вопросы			
	1	2	3	4
Информировать общество о состоянии дел в стране и мире	72	62	63	26
Формировать взгляды, убеждения граждан, соответствующие нормам и требованиям российского общества	86	84	87	68
Комментировать новости, помогать обществу правильно разбираться в текущих событиях	65	74	57	40
Выражать мнение населения по актуальным проблемам жизни общества	16	45	49	23
Давать развлекательный материал, помогающий отвлечься от серьезных проблем	2	12	14	2

Отвечая на первый вопрос, подавляющее большинство респондентов (86%) полагают, что органы государственного управления перед средствами массовой информации в качестве наиболее значимых должны ставить задачи по формированию взглядов и убеждений граждан, соответствующих нормам и требованиям российского общества, а также информировать общество о состоянии дел в стране и мире (72% респондентов). Эти показатели совсем не случайны, так как военные кадры чутко реагируют на внутреннюю и внешнюю политику государства. Последние события на Ближнем Востоке и в Северной Африке и последовавшие за этим тектонические сдвиги в геополитике этого региона вызвали огромный интерес у курсантов военного института.

Примечательно, что при ответе на второй вопрос 84% опрошенных курсантов считают формирование взглядов и убеждений граждан, соответствующих нормам и требованиям российского общества, одной из приоритетных задач СМИ. В то же время 68% отмечают, что эта задача, решаемая СМИ, наиболее полно способствует формированию информационной культуры личности. 74% респондентов считают основной целью СМИ давать объективные комментарии к новостям, помогать обществу разбираться в текущих событиях, что наиболее важно в условиях мирового экономического кризиса, когда распространение недостоверной информации, самым негативным образом влияет на возможность адаптации к новым экономическим условиям специалистов с высшим образованием.

Из анализа результатов анкетирования становится видно, что успешнее всего, по мнению респондентов, формирование информационной культуры личности происходит тогда, когда СМИ решаются задачи по комментированию новостей, помогающих обществу правильно разбираться в текущих событиях – 40% опрошенных; по информированию общества о состоянии дел в стране и мире – 26%. Почти четверть опрошенных курсантов (23%) убеждены, что СМИ формируют информационную культуру личности, когда

выражают мнения населения по актуальным проблемам политической и экономической жизни общества, 40% – что СМИ помогают обществу правильно разобраться в текущих событиях, и только 2% респондентов отмечают влияние СМИ на формирование информационной культуры личности, когда они дают развлекательный материал, помогающий отвлечься от серьезных проблем. В целом курсанты невысоко оценили освещение СМИ экономических, политических и социальных процессов, происходящих в мире и российском обществе.

На наш взгляд, центральным воспитательным фактором личностной и групповой социализации, одной из основных составляющих взаимодействия человека с социальной средой для будущих офицеров станут современные, отвечающие духу времени средства массовой коммуникации, основанные на цифровых технологиях, которые в полном объеме будут способствовать формированию информационной культуры личности – это социальные институты, тиражирующие с помощью технических средств через свои основные каналы определенным образом упорядоченную информацию на численно большие, рассредоточенные аудитории в целях своевременного социального ориентирования населения и формирования оценок, мнений, настроений и поведения различных социальных групп. Важнейшим источником такой макрокоммуникации сегодня является сеть Интернет.

Индивиды и группы с продвинутой информационной культурой наиболее активно переходят от традиционных каналов СМИ к Интернет-каналам. Уже сейчас показательна динамика роста количества пользователей Интернета в стране, что связано с целым рядом факторов: снижением цен, популяризацией Интернета, развитием широкополосного Интернета [2].

Интернет становится основной информационной и образовательной средой для курсантов, существенно снижая значимость традиционных каналов массовой коммуникации – печати, радио, телевидения. При этом главным запросом для большинства курсантов в сети Интернет является информация о проведении государством ясной политики по отношению к армии: ее перспективы как института в российском обществе, вопросы укрепления авторитета военных и их социально-профессионального статуса, улучшения материального положения.

Преподаватели и курсанты военного института имеют возможность пользоваться сетью Интернет. На первом курсе с курсантами проводятся занятия по информатике, где изучаются основы компьютерной грамотности. Далее они располагают возможностью заниматься в компьютерных классах, имея доступ в Интернет для подготовки курсовых и дипломных работ, самообразования, поиска ответов на интересующие вопросы.

Повседневное использование современных средств информатизации в образовательном процессе военного института является существенным фактором технического прогресса, важнейшим элементом формирования информационной культуры и реализации творческого потенциала будущего офицера, поскольку позволяет собрать и сделать легкодоступными для курсантов огромные объемы профессионально важной информации. В связи с этим

умение ориентироваться в информационных потоках и работать с информационными технологиями, способность к адаптации в быстроменяющихся условиях становятся определяющими в профессиональной деятельности военнослужащего. Компьютер, обеспечивающий доступ в Интернет, значительно расширяет возможности реализации познавательной функции преподавателя и курсанта, облегчая информационно-справочную деятельность по накоплению, хранению и использованию информации; способствует оценке промежуточных решений; ускоряет обработку научных данных, получения новых знаний.

Становление информационной культуры военных кадров естественно коррелирует с процессами информатизации в современном обществе. При этом отмечается кумулятивный эффект: интенсификация отдельных видов деятельности, связанных с использованием информационных технологий, несет синергетическое воздействие, дающее в результате общий подъем информационной культуры.

Этот эффект обеспечивает преодоление иммунитета армейской культуры от внешнего влияния, способствует превращению канала информационной культуры в ключевой фактор воздействий, обеспечивает модернизацию армейского социокультурного пространства. Механизм данного эффекта обусловлен характером самих средств информатизации, имеющих однотипную логическую основу и предполагающих единую пользовательскую культуру. Информационная культура в указанном ракурсе определяется единой логикой продуцирования программных продуктов и оказывает формирующее воздействие на практики применения компьютерных технологий в армейской среде.

Логика становления информационной культуры военных кадров зависит в существенной мере от общих характеристик среды, в которой она складывается. Сегодня проявляется закономерность интенсивного вытеснения традиционных СМИ коммуникативным инструментарием среды Интернет – как следствие, на данном этапе происходит стратификация информационной культуры Вооруженных Сил, противопоставление ее сетевых компонентов традиционным. Все это является предпосылкой для всестороннего осмысления проблемы информационной культуры военных кадров, оценки влияния средств массовой информации на военно-политические процессы, идущие в армии, и ответственности СМИ перед обществом за внедрение в сознание людей результатов реформирования армии и придания ей нового облика.

Информационная культура курсанта военного вуза, по нашему мнению, должна входить в программу военного образования как учебная дисциплина, реализуемая в русле единой государственной политики опережающего образования. Она несомненно является одним из средств преодоления ведомственных, социальных и информационных барьеров, замкнутости высшей военной школы. Целями обучения информационной культуре должны стать эффективная социализация и самореализация личности военного специалиста, формирование у будущих офицеров качеств, необходимых для адаптации в современной информационной среде.

Библиографический список

1. Гендина Н.И., Колкова Н.И. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях: учеб.-метод. пособие. 2-е изд., перераб. М., 2003.
2. Артюшкин О.В., Молотков Г.С. Информационно-коммуникационные технологии как основа электронного образовательного ресурса вуза // Инновации в образовании. 2009. № 8. С. 59–63.

Yu.A. Shevchenko
Fashion Image
as an Object of Creative Activity

The phenomenon of the modern fashion industry – fashion image is studied. Peculiarities of the creative activity of fashion image makers (designers, couturier, and stylists) and consumers – those who the image is intended for – are analyzed.

Key words and word-combinations:
fashion image, creative activity, clothes.

Исследуется явление современной индустрии моды – модный образ. Анализируются особенности творческой деятельности как создателей модного образа (дизайнеров, кутюрье, стилистов), так и потребителей – тех, для кого этот образ предназначен.

Ключевые слова и словосочетания:
модный образ, творческая деятельность, одежда.

УДК 1:316:008.001
ББК 60.025+71.0

Ю.А. Шевченко

**МОДНЫЙ ОБРАЗ
КАК ОБЪЕКТ ТВОРЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Каждая историческая эпоха характеризуется свойственным ей уникальным идеалом красоты и модного образа как отражением характера, духа и нравственности общества. Эти образы складывались под влиянием природно-климатических, социально-экономических и других факторов. До XIX в. их создателями были короли и высшая аристократия, в начале XIX в. – творческие личности – художники, писатели, поэты композиторы, а также светские красавицы. В начале XX в. лидерство в этом отношении взял на себя кинематограф, а в середине столетия – телевидение, приобщив человека среднего класса к миру моды и породив модные эталоны с помощью «звезд» экрана. В XXI в. модный образ создают дизайнеры, модельеры, стилисты, а также те, кто «потребляет» предлагаемые модные образы.

Модный образ служит основой для творчества, создающего качественно новые материальные и духовные ценности в современном обществе. С помощью внешних атрибутов (одежды, аксессуаров, макияжа, прически и т.д.) моды, материально-искусственных оболочек происходит становление и развитие индивидуальных творческих способностей.

В нашем исследовании модный образ рассматривается как объект творческой деятельности и творца, и потребителя.

Рассмотрим определение термина «модный образ».

Образ (визуальный образ, зрительный образ, изображение) – это любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении (например, образ героя-любownika, образ веры). Дефиниция «мода», в свою очередь, репрезентирует «социокультурный феномен, означающий непродолжительное господство в обществе определенных вкусов» [1, с. 8]; это то, что пользуется большой популярностью и признанием большинства. Таким образом, «модный образ» – это явление, творчески воссозданное с помощью материально-искусственной атрибутики, предлагаемой модой, и востребованное у большинства представителей современного общества.

Мода преимущественно проявляется во внешней материально-искусственной атрибутике быта и особенно одежды. Одежда наиболее быстро и мобильно помогает моде распространяться и видоизменяться, поэтому одежда (костюм) является одним из основных объектов модного творчества и одним из главных компонентов при создании модного образа. Костюм, в контексте моды, представляет собой комплекс одежды на человеке, включая грим, прическу, обувь, аксессуары, такие, как зонты, платки, шарфы, сумки, шляпы, украшения и даже парфюмерия.

В современном обществе мода – источник возникновения новых стилей, форм и образов. Современное общество ориентировано на «внешнее», то есть на систему образов. Возможно, поэтому современная модная индустрия из-за невысказано-разнообразного предлагаемого ассортимента силуэтов, кроев, длины перестает быть просто источником модных тенденций и начинает «мыслить образами». При этом образ становится «модным», если он востребован большинством потребителей.

Востребованный модный образ служит залогом успеха его творца. Но создатели модных образов часто сталкиваются с ситуацией конфликта таланта и бизнеса. Случается, что мода заставляет людей думать больше о внешней красоте, престижности и забывать о духовных ценностях. Однако большинство творцов отличает особое стремление к самореализации, в основе которой заключены такие высшие человеческие ценности как красота, истина, добро, совершенство, справедливость. Сосредоточиваясь исключительно на креативно-творческом аспекте, авторы образа иногда игнорируют коммерческую составляющую «модного» процесса, вследствие чего, например, ими создаются оригинальные, но невостребованные коллекции одежды.

Современные источники информации (Интернет, «глянцевые» журналы, телевидение) «диктуют» множество способов для создания модного образа, но при этом доминирующей тенденцией является «слепое» безусловное подражание идеализированным европейским образцам, что свидетельствует об отсутствии творческого подхода в оформлении внешнего облика. Данное обстоятельство приобретает особую значимость в связи с тем, что, используя возможности моды, модный образ выступает фактором ценностной ориентации, формирует структуру потребностей и влияет на все сферы человеческой деятельности: по-

литической, экономической, религиозной, сферу повседневной жизни. Мода, несомненно, представляет собой еще и своеобразный процесс эволюции человеческого сознания.

Заметим, что мода может существовать только в рамках современности. Это ее главная и фундаментальная ценность. Если человек что-либо оценивает как «современное», то эта оценка обычно вызывает в его сознании положительные эмоции, ассоциируясь с чем-то эволюционным, прогрессивным, готовым к изменениям и творчеству. Например, костюм начала 1990-х годов для России был настоящей революцией. Синтетические спортивные костюмы неоновых расцветок, цветастые лосины и леггинсы, безразмерные турецкие свитера, джинсовые сарафаны, кожаные жилетки и штаны казались тогда воплощением мечты и «духом времени», сейчас же это выражение крайней безвкусицы и антимоды. Поэтому применительно к одежде слово «модная» стало синонимом «хорошая», «правильная». Кто же захочет быть одетым нехорошо и неправильно – «немодно»? Во всяком случае новое платье обязательно должно быть и «хорошим», и «правильным», то есть модным [2, с. 6].

Возникает вопрос: откуда у человека столь страстное желание изменить свой природный облик, что же послужило первопричиной, заставившей его «нарядиться»?

Любопытную теорию можно проследить в энциклопедии «Мода и стиль». Согласно этой теории птицы имеют перья, рыбы – блестящую чешую, звери – пушистый мех, цветы – краски и только человек появляется на свет голым, а обнаженное тело, по мнению авторов, дано людям для творческого преображения. Ради такого преображения человек берет у природы все возможные материалы, отнимает вместе с жизнью красу живых тварей и растений, в связи с чем собственное лицо и тело служит для него первым объектом творчества, прикладного искусства [3, с. 13]. Нет ни одной части человеческого тела, которую ни затронула бы мода – обыгрывалась каждая, и каждая доводилась до гротеска и абсурда, увеличивалась, уменьшалась, искажалась, обнажалась и т.д. Так посредством создания модного образа человек пытается постигнуть гармонию и красоту. Как писал выдающийся художник Н.К. Рерих, «красота есть рычаг эволюции» [4]. Красота – это эстетическая (неутилитарная, непрактическая) категория, обозначающая совершенство, гармоничное сочетание аспектов объекта, при котором последний вызывает у наблюдателя эстетическое наслаждение [5, с. 57].

Мода относится к достаточно сложной самоорганизующейся системе. Специалисты предполагают, что «смена мод», то есть предпочтение тех или иных форм, обусловлена особенностями работы головного мозга художника. Доказано, что в период творческой деятельности, то есть оптимальной работы мозга, функционируют зоны, которые формируют восприятие человека по закону «золотого сечения» Фибоначчи (последовательность ряда чисел Фибоначчи характеризует оптимальную стратегию в теории поиска значений) [6, с. 23]. Следовательно, мода, модный образ в частности, может рассматриваться как особый вид творческой деятельности.

Образ определяется как реальной действительностью, так и самим процессом мышления в единстве его чувственной и рациональной составляющих. В образе органично воплощаются объективно-познавательное и субъективно-творческое начало.

Творческий процесс – «священное действо», связанное с рождением идеи, воплощением тех или иных образов, которое сам мастер часто не в состоянии объяснить. Создавая модный образ, он прежде всего использует общие законы художественного творчества: гармонию – единство в многообразии; взаимное соответствие всех черт и пропорций; законченный целостный образ. Во многом создатель модного образа опирается на свою интуицию и талант, его личностное мировоззрение фиксируется в создаваемом им образе и выражается в индивидуальном методе и стиле творчества. При этом, «модельер логически прорабатывает, анализирует идею, как в целом, так и отдельные ее элементы, собирает дополнительную информацию» [7, с. 82].

Индивидуальный стиль необходим для деятельности в сфере моды. Он составляет основу востребованности и уникальности в модном бизнесе, обеспечивает большую вероятность признания потребителей и является фундаментом для самосовершенствования. Однако талантливые, но не способные выгодно «продать» свой талант, не желающие служить «маркетинговой политике» модной индустрии дизайнеры часто не достигают никаких результатов. Они показывают на подиумах интересные, оригинальные коллекции, которые никто не купит [8].

Успешные российские модельеры В. Зайцев, В. Юдашкин, И. Чапурин, Д. Симачев сумели создать бренды собственного имени, предложить модные образы, признанные мировой индустрией моды. Проявив коммерческий талант, они наглядно продемонстрировали индивидуальные системы навыков, методов, приемов и способов моделирования одежды.

В творческом решении модного образа профессионалы обращаются к различным пластам материальной и духовной культуры общества. Для создания современного образа источником инспирации может служить исторический костюм, форма, конструкция, отделка которого формировались и утверждались веками. Живопись, книги, фильмы, путешествия, личности людей, веяние времени – все это также может послужить источником вдохновения. Например, зарисовки впечатлений дня становятся источниками вдохновения для будущих коллекций одного из ведущих российских модельеров – В. Зайцева, а В. Юдашкин опирается на русскую традицию, историю, живопись, музыку.

Творцу моды приходится быть особенно внимательным к окружающему миру. Для этого необходимо чувствовать, видеть, слышать, уметь анализировать. Из этого сенсорного опыта извлекается богатейшая информация, которая требуется для создания модного образа. К примеру, прикосновение к какому-либо материалу может повлиять на тип всей коллекции. Богатый опыт имеется у восточных дизайнеров одежды, которые бережно относятся к своим многовековым традициям, что отражается в особом отношении к материалу, в утонченной способности открывать присущую каждому из этих материалов собствен-

ную красоту. Однако ими же используются и нетрадиционные, часто высокотехнологичные материалы. Например, современный японский дизайнер И. Мияке доказал, что одежду можно делать из чего угодно – из резины, пластмассы или бумаги [9, с. 183].

Сегодня на плечах у творца одежды лежит огромная ответственность. Ответственность за тех, кто будет носить его одежду, так как он в известной степени «программирует» своей творческой деятельностью характер восприятия своих же произведений и в некоторой степени является законодателем эстетических вкусов общества.

Существует мнение, что подлинными создателями модных образов являются не те, кто шьет платья (кутюрье, дизайнеры, стилисты), а те, кто эти платья одевает [10]. Так же, как и для творца, для потребителя модный образ является специфическим способом самовыражения и самореализации, демонстрации творческих способностей и индивидуальных особенностей, достоинств, своего характера и мировоззрения. С помощью модной одежды оказывается возможным «примерить на себя различные образы и настроения» [11], идти в ногу со временем, приспосабливаясь к стремительно изменяющемуся миру. Обратная сторона этого процесса – так называемые «жертвы моды» – слепые, ярые поклонники всего модного и гламурного. «Жертвы моды» предпочитают крайности в выборе одежды, «гонятся» за модными европейскими лейблами, слепо подражают модным эталонам и иконам стиля, доходя до абсурда, чрезмерно увлекаются пластическими операциями, диетами, загаром, тем самым выходя за рамки здравого смысла.

Думая о своей одежде, внешнем облике, стараясь быть «модным», человек передает окружающим желательную для себя информацию о собственной особе, но не всегда истинную. Соответствие модному эталонному образу предполагает наличие средств, необходимых для ее достижения. Поэтому вся активность индивида, стремящегося следовать моде, направлена на устранение каких-либо несоответствий (поиск мастера, лейблов, новых способов похудения или наращивание форм). Происходит буквальное копирование модного образа, что свидетельствует о неосознанности в принятии тех или иных модных новинок, и как результат – отсутствие творческого подхода в решении своего внешнего облика. Приобретая вещь в свой гардероб, потребитель неосознанно или со знанием дела способен вводить окружающих в заблуждение. Так, по незнанию он может в нее вкладывать совершенно другой (вплоть до противоположного) смысл, что приводит к неосознанному обману, или же, наоборот, сознательно выбирает те символы в одежде, которые способны кого-либо обмануть. К примеру, не имея возможности разбогатеть, человек имитирует экономический успех дорогой одеждой.

Мода стала неотъемлемой и составной частью образа жизни, средством приспособления людей к изменяющемуся, непостоянному миру. Постигнуть тайну моды в одежде как особого объекта творческой деятельности невозможно без глубокого понимания природы человека, который предстает в моде во всех своих ипостасях: как индивид, индивидуальность, личность и субъект деятельности. Знание о том, что есть мода, поможет осуществить достойный ответ-

ственный выбор между различными ценностями и образцами поведения в интересах развития личности и общества.

Библиографический список

1. Гофман А.Б. Мода и люди: Новая теория моды и модного поведения. М., 2000.
2. Доброхотова И.А. Беседы о моде, или Зеркало, которое не лжет. Алма-Ата, 1991.
3. Современная энциклопедия Аванта+. Мода и стиль. М., 2002.
4. Космологическая концепция искусства // Культурно-просветительный сайт Адаманти. СПб., 2012. URL: <http://www.lomonosov.org/friend-esses/fourfriend-esses414266.html>
5. Герасимчук И.М. Философия творчества. Киев, 2006.
6. Рытвинская Л.Б. Художественное проектирование головных уборов: учеб. пособие. М., 2005.
7. Килошенко М.И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. СПб., 2001.
8. Российская мода и бизнес: талант ради денег // Одежда российских дизайнеров. М., 2010. URL: Режим доступа: <http://www.rucouture.ru/rossiyskaya-moda-i-biznes---russkiy-fashion>
9. Ермилова Д.Ю. История домов моды. М., 2003.
10. Индустрия модных имиджей // Портал DiVA.BY. М., 2011. URL: <http://diva.by/image/ffl/48576.html>
11. Мода сезона осень-зима 2011/12 // Основные тренды женского образа. Минск, 2011. URL: <http://image-prof.com/novosti/moda-sezona-osen-zima-2011-2012-osnovnie-trendi-zhenskogo-obraza>

I.B. Konstantinov
Monograph Review:
Zakharova I.V.
Administration
of the Territorial Education
System in Conditions
of Economical Paradigm
Transformation. –
Ulyanovsk: UIGTU, 2011. – 265 p.

УДК 351:371(470+571)
ББК 67.401.12+74.04(2Рос)

И.Б. Константинов

РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ:
Захарова И.В.
Управление территориальной
системой образования
в условиях смены
экономической парадигмы. –
Ульяновск: УлГТУ,
2011. – 265 с.

В условиях проводимых в России преобразований, направленных на изменение экономической модели организации социальной сферы, трансформацию системы управления и повышение качества человеческого капитала, безусловно, центральное место занимает образование. Оно является базисом социально-экономического развития любого современного государства. Несмотря на особую важность данной отрасли социальной сферы, в настоящее время на государственном и региональном уровне практически отсутствует единое понимание вектора ее развития. Соответствующие реформы носят порой непоследовательный и фрагментарный характер, а теоретическое осмысле-

ние актуальных проблем управления системой образования поверхностно и бессистемно.

Российская система образования, во многом сохранившая содержательные черты советской, несомненно обладает колоссальным потенциалом, который необходимо сохранить и преумножить. Однако нельзя не признать тот факт, что современные методы «ручного» управления на основе директивного подхода полностью изживают себя в ходе развития рыночных отношений в отраслях социальной сферы. В связи с этим рецензируемая монография приобретает особую теоретическую и практическую значимость, претендуя занять достойное место среди современных исследований отечественных и зарубежных ученых и специалистов в области экономики и управления национальными системами образования.

В первой главе монографии автор рассматривает современное состояние отечественной системы образования, оценивает промежуточные итоги проводимых в России реформ. При этом делаются совершенно справедливые выводы: «Усиливается дифференциация учреждений системы образования (центральных и периферийных, лидеров и аутсайдеров)... Объективно возникает снижение общего уровня образований в стране, поскольку дополнительный импульс развития получают лидеры образования, которых единицы, а «масса середнячков» поставлена на грань выживания» (с. 13).

В этой же главе исследуются структурные изменения системы образования, ее финансовое обеспечение и стратегические ориентиры развития отечественного образования. Констатируется тот факт, что образование становится полноценной услугой, а образовательные учреждения в значительной мере коммерциализируются, все в меньшей степени предлагая услуги, оплачиваемые за счет бюджетных средств.

Система образования в основном ориентируется на текущий потребительский спрос и диссонирует с потребностями рынка труда. Автор положительно оценивает долгосрочные цели социально-экономического развития Российской Федерации в части повышения роли человеческого капитала, но негативно относится к действующей консервативной модели управления системой образования.

Заслуживает внимание авторское определение понятия «территориальная система образования» и описание четырех типов данных систем, сложившихся в России: зеркальный, клиентоориентированный, инновационный, коммерческий.

В конце первой главы определяются основные особенности современной отечественной системы образования: территориальная локализация образовательных услуг, детерминированность территориальных рынков местными социально-экономическими и культурными факторами, регламентированность деятельности и продуктов рынка образования, сочетание административных и рыночных механизмов регулирования системы образования (с. 36).

Во второй главе представленного исследования управление образованием рассматривается с позиции системного подхода. Рынок образовательных услуг, система образования конкретного города, поселка, или ее отдельные структуры определяются как открытые динамические социальные системы, для которых характерна смена состояний относительного равновесия и неравновесия (с. 37).

Автором описываются системные свойства территориальной системы образования: целостность, адаптивность, устойчивость, эмерджентность. По его мнению, система образования Российской Федерации и системы образования отдельных территорий живут по законам сложных открытых динамических систем, что проявляется в их способности сохранять устойчивость вне зависимости от внешних изменений, но при этом иметь потенциал самоорганизации и развития.

Следует признать справедливым утверждение автора, что использование теории системного подхода к управлению образованием создает возможности для принятия рациональных оперативных решений и повышает качество прогнозирования перспектив развития данной социально-экономической системы.

В третьей главе монографии автор достаточно подробно рассматривает возможные варианты влияния государства на систему образования, опираясь на труды отечественных и зарубежных ученых. В результате делается вывод, что в современных условиях существуют обстоятельства, препятствующие эффективной работе образовательных учреждений. По мнению автора, система образования работает не в режиме развития, а в режиме поддержки собственной целостности, пытаясь приспособиться к новым экономическим условиям (с. 84–85).

Далее И.В. Захарова дает анализ влияния рынка на систему образования, рассматривая специфику образовательной услуги и подчеркивая значимость государственного регулирования данной сферы экономики. В исследовании отмечается зависимость экономического развития территории от состояния человеческих ресурсов, которые могут стать источником инноваций, фактором роста конкурентоспособности предприятий региона, условием привлечения в региональную экономику внешних инвестиций. Отсюда, с точки зрения автора, следует необходимость повышенного внимания региональных властей к развитию системы образования как к стратегической задаче (с. 101).

Логичным продолжением данных положений монографии является изучение различных вариантов привлечения инвестиций в систему образования. Инвестиции работодателей И.В. Захарова считает малоперспективными, так как для предприятий и организаций вложение ресурсов в систему образования непривлекательно по причинам непрозрачности, отсроченности и высоких инвестиционных рисков. Инвестиции потребителей-индивидов считаются также неперспективными из-за низкой покупательной способности основной массы потребителей образовательных услуг.

Важным выводом указанной главы исследования является определение задачи самостоятельного поиска источников собственного развития для современного образования в России как основного условия этого развития, а реальная возможность инвестирования в систему образования по-прежнему остается только у государства (с. 117).

Четвертая глава рецензируемой монографии посвящена анализу экономических и социальных эффектов, оказываемых системой образования. Автор подчеркивает значительную роль территориальных органов управления образованием в построении модели развития территориальной системы образования с

целью совершенствования человеческого потенциала территории, сохранения и развития ее трудовых ресурсов.

Проведенный в работе анализ влияния системы образования на экономику Приволжского федерального округа продемонстрировал влияние территориальной системы образования на инвестиционную привлекательность и инновационную активность в рассматриваемом регионе.

В монографии предлагается авторская методика исследования социального влияния образовательных учреждений соответствующего принципам социэкономике; рассматриваются механизмы социального влияния образовательного учреждения и всей территориальной системы образования на потребителей и рынок.

Третий раздел четвертой главы монографии посвящен анализу эффективности территориальной системы образования. В качестве инструментов ее оценки предлагается использовать мониторинг системы образования, деятельность системы управления качеством, а также аудит эффективности государственных социальных расходов. В результате при оценке эффективности образования делается вывод о необходимости учета не только ее коммерческой составляющей, но и немонетарных эффектов, измеряемых в специфических единицах. При этом значение количественно измеряемых коммерческих эффектов и количественно неизмеряемых эффектов для экономики территории можно оценить только в долгосрочной перспективе (с. 157).

В пятой главе монографии И.В. Захарова рассматривает особенности административного управления образованием и отмечает универсальный характер данного метода. Она утверждает, что несмотря на недостатки данного метода, без него немыслимо государственное управление и управление отраслями социального сектора, поскольку они обеспечивают стабильность функционирования и воспроизводство социально-экономических систем. Кроме того, автор оценивает потенциал механизмов общественного управления в образовании, в частности деятельность органов местного самоуправления и роль попечительских советов в системе образования.

Значительное место в исследовании уделено анализу использования маркетингового управления в образовании. Делается вывод, что рыночная среда, в которой осуществляют деятельность образовательные учреждения, подвигает их и территориальную систему образования в целом к использованию экономических методов управления, в том числе маркетинговых. Причиной тому, по мнению автора, является факт, что наращиваемый объем предложения уравновесил доминировавший ранее платежеспособный спрос на услуги образования и спрос на эти услуги сформировался как дифференцированный, а образовательные учреждения не получают достаточной бюджетной поддержки, в силу чего начинают работать в качестве коммерческих организаций (с. 175).

В работе отмечается необходимость дополнения административного управления, поддерживающего стабильность системы образования, маркетинговым управлением, способствующим развитию в соответствии с меняющейся рыночной конъюнктурой (с. 180). Автор монографии считает, что использование

маркетингового подхода на рынке образовательных услуг позволит не только решать текущие финансовые проблемы, но будет способствовать привлечению дополнительных ресурсов для развития (с. 187).

Особое внимание привлекает к себе авторский метод административно-маркетингового управления (АМ-управление) территориальной системой образования. В исследовании отмечается перспективность использования предлагаемого метода в изменчивой рыночной среде, в которой действует территориальная система образования, с целью учета данных изменений при управлении образованием. По мнению И.В. Захаровой, АМ-управление поэтапно переводит управляемую систему в состояние стабильности, согласовывая при этом цели и интересы производителей и потребителей образовательных услуг (с. 193).

Шестая глава исследования содержит результаты анализа социально-экономической среды территориальной системы образования и управления развитием образования Ульяновской области, а также взаимодействия профессионального образования и рынка труда. Здесь же автор обосновывает необходимость использования метода АМ-управления для территориальной системы образования данного субъекта РФ. В монографии приводится пример применения метода АМ-управления на рынке дополнительного образования в практической деятельности управления образованием мэрии Ульяновска.

В заключении И.В. Захарова исследует социальное влияние образовательных учреждений в контексте АМ-управления, в результате доказывая, что степень его соотносится с инвестиционной привлекательностью системы образования и ее учреждений (с. 214). По мнению автора, анализ социального влияния образовательного учреждения имеет значительно большую информационность, чем традиционные методы оценки качества образовательных услуг. Как способ обратной связи с потребителями мониторинг позволяет корректировать качество предоставляемых услуг, а также определять инвестиционную привлекательность образовательных учреждений (с. 218).

В монографии обосновывается вывод, что метод АМ-управления позволяет адекватней строить стратегию развития территориальной системы образования или отдельного образовательного учреждения, принимать и своевременно корректировать тактические решения, прогнозировать развитие рынка образовательных услуг – как в его коммерческом, так и в некоммерческом сегментах (с. 222). Однако следует отметить дискуссионность предлагаемого автором подхода, предполагающего эклектичное сочетание административных методов управления образованием с экономическими рыночными рычагами, основанными на маркетинговых методах.

Проблема современного образования как раз состоит в том, что органы власти, пытаясь внести в систему управления социальной сферой либеральные подходы, часто прибегают к жестким административным методам с целью компенсировать, по их мнению, недостатки рыночных механизмов управления. Это в конечном итоге приводит к принятию зачастую не обоснованных, волюнтаристских решений руководством системы образования, подавлению конкуренции и росту монополизма на формирующемся рынке образовательных услуг, что, в свою очередь, предопределяет рост неэффективных государственных рас-

ходов на образование, снижение качества образовательных услуг и полную деградацию человеческого капитала.

Рецензируемая монография, безусловно, представляет собой законченное теоретико-прикладное исследование и может вызвать интерес у специалистов в области управления образованием, научных работников и практиков, интересующихся проблемами экономики образования.

We Present the History
of Russian Statehood and Law
Chair of Stolypin Volga Region
Institute of the Russian
Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ПРАВА**

**Поволжского института
имени П.А. Столыпина –
филиала Российской
академии народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации**

Сегодня высшая школа предлагает достаточно полный и разнообразный перечень методов и форм процесса познания. Современная кафедра, как структурное подразделение вуза, является не только центром научных и учебно-методических разработок, но и лабораторией по апробации новых форм и методов подготовки специалистов. Кафедра истории российской государственности и права в этом отношении не исключение. Потенциал, которым она обладает, дает возможность преподавателям успешно сочетать учебную работу и научно-исследовательскую деятельность.

К приоритетным темам работы кафедры относятся: «Человек, история, культура», «Церковь и государство: перспективы взаимодействия и актуальные проблемы», «История отечественной общественной мысли», «Этноконфессиональная история России».

Дисциплины кафедры распределяются по следующим направлениям: исторические, историко-правовые, политико-правовые, политико-управленческие, историко-культурологические, этнополитологические.

Новые образовательные стандарты устанавливают приоритет практических занятий над лекционными курсами, поэтому преподаватели кафедры наряду с классическими, традиционными формами аудиторных занятий используют активные формы обучения.

Например, в рамках дисциплин «Отечественная история», «История государственного управления», «Всеобщая история» применяются такие формы, как написание и постановка исторического сценария по документам и материалам определенной исторической эпохи отечественной и мировой истории; выездные занятия в музеях; знакомство с историческими местами Саратова и области. На семинарских занятиях по дисциплинам «История отечественного государства и права», «История государства и права зарубежных стран» отрабатываются навыки работы с историческими документами, где студентам предлагается решить практические задачи на основании законодательства, принятого в Средние века и Новое время. В преподавании дисциплин политико-правового и политико-управленческого направления специалисты кафедры практикуют такую форму обучения, как «политический поединок», где студентам предлагается изучить конкретные политико-правовые доктрины или политические программы, а затем, в форме дебатов, отстаивать определенные, наиболее важные, по их мнению, позиции. Интересной формой проведения аудиторных занятий является организация «круглых столов». «Круглый стол» предполагает междисциплинарный подход, поэтому доклады студентов, выносимые на обсуждение, включают в себя ретроспективный анализ, а также политико-социологические исследования.

Разработка и применение перечисленных форм работы со студентами является результатом исследования проблем обучаемости современного студента. Для выявления привычного круга информации, используемой студентами при подготовке к практическим и семинарским занятиям, преподавателями кафедры на протяжении двух лет проводится опрос студентов первого курса. Его результаты показывают, что информационная база, используемая студентами, не велика и включает в себя учебники, лекции, а также Интернет-ресурсы, найденные через поисковые системы по ключевым словам, причем студенты не уделяют внимания авторству книг или статей.

При использовании Интернет-ресурсов студенты чаще всего выбирают сайты, найденные через «поиск» по ключевым словам или темам. К ним относятся прежде всего базы данных, публикующие рефераты, дипломы, электронные энциклопедии. Практически только треть студентов используют электронные библиотеки в качестве источника информации, а также сайты, где можно посмотреть исторические источники (летописи, документы). Результаты исследования самостоятельной подготовки студентов показывают, что студенты не работают с источниками, что существенно снижает их возможности научиться анализировать исторический материал.

Упрощенный поиск нужной информации, безликие статьи и рефераты в лучшем случае формируют у студента умение макетировать, а не исследовать

полученный материал. При прочтении статьи на заданную тему около 40% студентов, пытаясь проанализировать содержание, стараются записать основные мысли, только лишь пересказывая основные идеи автора своими словами. Большинство студентов переписывают или скачивают практически всю статью и выставляют целые абзацы, чтобы сократить объем. Из электронного информационного массива студенты в большинстве случаев выбирают статьи ненаучного характера. Как показало исследование, предпочтение отдается информации, которая размещена в Интернете даже без ссылки на автора, но по стилю написания является более для них понятной. Для студентов-первокурсников вопрос истинности используемой информации не выходит на первый план, поэтому система отбора ими материала практически исключает историографию вопроса.

Современные технологии позволяют нынешним студентам получить нужную информацию, не выходя из дома. Но в процессе формирования профессионала, владеющего навыками сравнительного анализа и исследовательской деятельности, они играют далеко не положительную роль.

Следует отметить еще один результат исследования. Как показывают опросы, лучшим способом для первокурсников понять и запомнить лекционный материал является представление лекции с электронной (слайдовой) презентацией, так как только около четверти всех опрошенных воспринимают лекционный материал на слух.

Современный век инноваций, нанотехнологий и всевозможных модернизаций все дальше уводит молодое поколение в информационное, виртуальное пространство, где нет места библиотекам и читальным залам. Поэтому, предлагая новые формы познания мира и новейшие методы обучения, преподаватели кафедры истории российской государственности и права ставят задачу улучшения самостоятельной подготовки студентов. Анализ результатов освоения студентами прочитанного материала позволил сделать вывод, что данные обучающие формы являются наиболее удобными методами при изучении исторических документов. Преподаватели ставили перед собой следующие цели: во-первых, студенты должны изучить документ и интерпретировать изученный текст, при этом они получают навыки исторического и герменевтического анализа; во-вторых, студенты, особенно первокурсники, усваивают практические навыки работы в малых группах; в-третьих, ими отрабатываются навыки логического, последовательного изложения материала; в-четвертых, студенты получают практические навыки выступления перед аудиторией.

Подготовка к практическим занятиям, включающим активные формы обучения, требует подробно изучить исторический текст, обращая внимание на детали и даже на настроение автора, а также мотивирует студентов на поиск малоизученных документов. Так, для сюжета исторического сценария обычно выбираются исторические моменты, связанные с принятием важных законодательных актов, например: заседание комиссий по обсуждению проекта Конституции РФ 1993 г.; разговор Николая II с С.Ю. Витте накануне принятия Манифеста 17 октября 1905 г.; съезд РСДРП; заседание Учредительного собрания и другие. При составлении и обсуждении исторического сценария, политической программы применяется метод мозгового штурма.

Процесс глобализации способствовал возникновению разнообразных виртуальных форм знания и образования. Но для студентов, особенно получающих первое высшее профессиональное образование, очень важен диалог с преподавателем. Поэтому на кафедре работают два студенческих научных кружка: «Окно в науку» и «История глазами молодых». В рамках этих кружков ведется работа по подготовке студентов к выступлениям на научно-практических конференциях, а также отрабатываются навыки научно-исследовательской деятельности. Так, в рамках кружка «История глазами молодых» состоялся «круглый стол» на тему «СССР глазами молодого поколения». При подготовке к данному мероприятию проводился опрос студентов первого и второго курсов «Что значит Советский Союз для современной молодежи?». Анализ опросных листов показал, что современная молодежь с большой симпатией и гордостью относится к СССР. Более 60% опрошенных характеризуют его как «сильное», «единое» и «многонациональное» государство, «великую державу», славу которой составили «выдающиеся талантливые люди». Для 10% опрошенных Советский Союз представляется как «ничего хорошего, длинные очереди, изолированность от других стран».

Практика показывает, что в настоящее время идет процесс отстранения школы от воспитания, сведения ее роли к чисто информационным, образовательным функциям. Но нельзя подготовить специалиста без воспитания в нем культуры общения, поведения, этических норм и ценностей. Поэтому, вольно или невольно, кафедра берет на себя роль гуманизирующего начала. Это еще одна, очень важная функция высшей школы.

Профессора и доценты кафедры призваны формировать систему ценностей, которая позволит современным студентам направить свои знания и умения на благо мира, что является одной из главнейших задач кафедры истории российской государственности и права. Научно-исследовательская, учебно-методическая и воспитательная работа преподавателей направлена на совершенствование методологии ее решения.

***С.Ю. Седова**, кандидат социологических наук,
доцент, заместитель заведующего
кафедрой истории российской государственности и права*

Антонова Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Саратовского государственного социально-экономического университета, аспирант кафедры педагогики Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: antonovoi@mail.ru

Аяцков Дмитрий Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: rector@pags.ru

Баранова Анна Владимировна – аспирант кафедры финансов Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: vitrockiana@yandex.ru

Батраева Ольга Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры политических наук Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: o.batraeva@mail.ru

Буравков Сергей Валерианович – соискатель кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: conelena@yandex.ru

Васильев Алексей Александрович – аспирант кафедры конституционно-го и муниципального права Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: sergeychannov@yandex.ru

Ведяйкин Денис Владимирович – соискатель кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: nirpags@balakovo.info

Володина Дарья Владимировна – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права
e-mail: dvershinina1@yandex.ru

256 2012 ● ВЕСТНИК ПАГС

Гаврилин Дмитрий Александрович – аспирант кафедры менеджмента и логистики Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: gavrilind@me.com

Герасимова Валентина Владимировна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafeconomics@pags.ru

Герасимова Елена Васильевна – преподаватель кафедры социальных коммуникаций Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: lenger85@yandex.ru

Гусов Константин Вячеславович – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: gusovkv@ya.ru

Даутов Владимир Владиславович – доцент кафедры психологии Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: vladimir-dautov@yandex.ru

Демидов Александр Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной юридической академии
e-mail: science@sgap.ru

Долгов Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Долгова Галина Николаевна – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Дорофеева Елена Степановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социологии политики Саратовской государственной юридической академии
e-mail: dorofeeva-el@rambler.ru

Дурнова Ирина Александровна – доцент кафедры публичного права Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: sontik@narod.ru

Егоренков Дмитрий Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: egorenkovda@mail.ru

Жирнов Николай Федорович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: kafpolitology@pags.ru

Зазаева Наталия Борисовна – доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: zazaeva@mail.ru

Иващенко Галина Михайловна – кандидат социологических наук, докторант кафедры менеджмента и маркетинга Уфимского государственного авиационного технического университета

e-mail: ivglm@rambler.ru

Касаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: kasayev@rambler.ru

Константинов Илья Борисович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: otdaspr@pags.ru

Константинов Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: trux2004@mail.ru

Константинова Лариса Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: pruch@pags.ru

Кортунова Елена Павловна – соискатель кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: brl_5@mail.ru

258 2012 ● ВЕСТНИК ПАГС

Кузнецов Андрей Геннадиевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Strekozzyza@mail.ru

Ляшок Наталья Александровна – вице-президент ОАО «Тантал» по социальным вопросам (г. Саратов), соискатель кафедры экономики и менеджмента Саратовского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета
e-mail: natalyalyashok@mail.ru

Масычев Павел Владимирович – аспирант кафедры социальной антропологии и социологии Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: masychrevpavel@mail.ru

Милушева Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: mtv62@mail.ru

Михайлова Ольга Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Балаковского института техники, технологии и управления – филиала Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: molniko@mail.ru

Подгорная Юлия Александровна – доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: podgornayaua@oao-oke.ru

Проказина Наталья Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии управления Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: nvprokazina@mail.ru

Романцов Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: romanzov@yandex.ru

Рязанов Александр Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: alexandr.ryazanov@gmail.com

Седова Светлана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории российской государственности и права Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: susedova@rambler.ru

Суровов Сергей Борисович – доктор социологических наук, профессор, ректор Саратовской государственной юридической академии
e-mail: rector@sgar.ru

Суровова Ольга Викторовна – доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной юридической академии
e-mail: slgn95@mail.ru

Тарская Ольга Юрьевна – кандидат социологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: tarskayaolga@mail.ru

Тарский Юрий Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: London1946@bk.ru

Умурзаков Жасурбек Касимжанович – соискатель Академии государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан)
e-mail: azik32@rambler.ru

Федина Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Балаковского института техники, технологии и управления – филиала Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина
e-mail: efedina@inbox.ru

Филатов Денис Игоревич – аспирант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: d_filatov87@mail.ru

Фомин Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: onfomin5@yandex.ru

Фролова Ирина Геннадьевна – аспирант кафедры конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: frolova.i.g@rambler.ru

Фролова Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Цыбулевская Ольга Ивановна – доктор юридических наук, профессор кафедры теории права Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: olga77.54@mail.ru

Чашкин Павел Алексеевич – преподаватель кафедры огневой подготовки Саратовского военного института внутренних войск МВД России, соискатель кафедры психологии Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина

e-mail: chashkinpa@yandex.ru

Чекмарёв Эдуард Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: chekmarev@nm.ru

Черняева Татьяна Ивановна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: tatcher@yandex.ru

Чупина Анна Андреевна – преподаватель кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: chupa_chups@inbox.ru

Шевченко Юлия Александровна – ассистент кафедры рисунка и живописи, аспирант кафедры культурологии Астраханского государственного университета

e-mail: 879yuli@mail.ru

Яковлев Лев Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: lionel1801@gmail.com

Elena Anatolievna Antonova – senior lecturer of the Physical Training and Sports Chair, Saratov State Socio-Economic University, post-graduate student of the Pedagogies Chair, Saratov State University of N.G. Chernyshevsky
e-mail: antonovoi@mail.ru

Dmitry Fedorovich Ayatskov – Doctor of Sciences (History), Professor, Director of Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: rector@pags.ru

Anna Vladimirovna Baranova – post-graduate student of the Finances Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: vitrockiana@yandex.ru

Olga Borisovna Batraeva – Candidate of Sciences (Sociology), docent of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: o.batraeva@mail.ru

Sergey Valerianovich Buravkov – competitor of the Public Administration Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: conelena@yandex.ru

Aleksey Alexandrovich Vasiliev – post-graduate student of the Constitutional and Municipal Law Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: sergeychannov@yandex.ru

Denis Vladimirovich Vedyaykin – post-graduate student of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: nirpags@balakovo.info

Daria Vladimirovna Volodina – post-graduate student of the Criminal and Legal Disciplines Chair, Tyumen State Academy of International Economics, Management and Law
e-mail: dvershinina1@yandex.ru

Dmitry Alexandrovich Gavrilin – post-graduate student of the Management and Logistics Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: gavrilind@me.com

Valentina Vladimirovna Gerasimova – Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafeconomics@pags.ru

Elena Vasilievna Gerasimova – lecturer of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: lenger85@yandex.ru

Konstantin Vyacheslavovich Gusov – post-graduate student of the History and Theory of Politics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
e-mail: gusovkv@ya.ru

Vladimir Vladislavovich Dautov – docent of the Psychology Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: vladimir-dautov@yandex.ru

Alexander Ivanovich Demidov – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Theoretical and Applied Political Studies Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: science@sgap.ru

Victor Mikhailovich Dolgov – Doctor of Sciences (History), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Galina Nikolaevna Dolgova – Doctor of Science (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Elena Stepanovna Dorofeeva – Doctor of Sciences (History), Professor of the History and Sociology of Politics Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: dorofeeva-el@rambler.ru

Irina Alexandrovna Durnova – docent of the Public Law Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: sontik@narod.ru

Dmitry Anatolievich Yegorenkov – Candidate of Sciences (Politics), docent of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: egorenkovda@mail.ru

Nikolai Fedorovich Zhirnov – Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafpolitology@pags.ru

Natalia Borisovna Zazaeva – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: zazaeva@mail.ru

Galina Mikhailovna Ivashchenko – Candidate of Science (Sociology), Doctoral Candidate of the Management and Marketing Chair, Ufa State Aviation Technical University
e-mail: ivglm@rambler.ru

Tatiana Viktorovna Kasaeva – Candidate of Sciences (Law), docent of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kasayev@rambler.ru

Iliya Borisovich Konstantinov – Candidate of Sciences (Economics), docent of the Public Administration Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: otdaspr@pags.ru

Sergey Alexandrovich Konstantinov – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: trux2004@mail.ru

Larisa Vladimirovna Konstantinova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: pruch@pags.ru

Elena Pavlovna Kortunova – competitor of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: brl_5@mail.ru

Andrei Gennadievich Kuznetsov – Doctor of Science (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Strekozozza@mail.ru

Natalya Alexandrovna Lyashok – vice president on social affairs of the OJSC “Tantal” (Saratov), competitor of the Economics and Management Chair, Saratov Institute (Branch) of the Russian State Trade and Economic University
e-mail: natalyalashok@mail.ru

Pavel Vladimirovich Masyshev – post-graduate student of the Social Anthropology and Sociology Chair, Saratov State Technical University
e-mail: masychrevpavel@mail.ru

Tatiana Vladimirovna Milusheva – Candidate of Sciences (Law), docent of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: mtv62@mail.ru

Olga Nikolaevna Mikhailova – Candidate of Science (Philosophy), docent of the Humanities and Social Sciences Chair, Balakovo Institute of Engineering, Technology and Management – a Branch of the Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
e-mail: molniko@mail.ru

Yulia Alexandrovna Podgornaya – docent of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: podgornayaua@oao-oke.ru

Natalya Vasylevna Prokazina – Candidate of Sciences (Sociology), docent of the Sociology and Psychology of Management Chair, Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: nvprokazina@mail.ru

Alexander Nikolaevich Romantsov – Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Marketing Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: romanzov@yandex.ru

Alexander Vladimirovich Ryazanov – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: alexandr.ryazanov@gmail.com

Svetlana Yurievna Sedova – Candidate of Sciences (Sociology), docent, deputy head of the History of Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: susedova@rambler.ru

Sergey Borisovich Surovov – Doctor of Science (Sociology), Professor, rector, Saratov State Academy of Law
e-mail: rector@sgap.ru

Olga Viktorovna Surovova – Doctor of Science (Politics), Professor of the Theoretical and Applied Political Studies, Saratov State Academy of Law
e-mail: slgn95@mail.ru

Olga Yurievna Tarskaya – Candidate of Sciences (Sociology), Professor of the Psychology and Pedagogies of Professional Activity Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: tarskayaolga@mail.ru

Yuri Ivanovich Tarsky – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: London1946@bk.ru

Zhasurbek Kasimzhanovich Umurzakov – competitor of the Academy of State and Social Construction under the President of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, the Republic of Uzbekistan)

e-mail: azik32@rambler.ru

Elena Nikolaevna Fedina – Candidate of Science (Sociology), docent of the Humanities and Social Sciences Chair, Balakovo Institute of Engineering, Technology and Management – a Branch of the Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin

e-mail: efedina@inbox.ru

Denis Igorevich Filatov – post-graduate student of the Theoretical and Social Philosophy Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: d_filatov87@mail.ru

Oleg Nikolaevich Fomin – Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: onfomin5@yandex.ru

Irina Gennadevna Frolova – post-graduate student of the Constitutional and International Law Chair, Saratov State Academy of Law

e-mail: frolova.i.g@rambler.ru

Svetlana Mikhaylovna Frolova – Candidate of Science (Philosophy), docent of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Olga Ivanovna Tsybulevskaya – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: olga77.54@mail.ru

Pavel Alekseevich Chashkin – lecturer of the Fire Training Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia, competitor of the Psychology Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin

e-mail: chashkinpa@yandex.ru

Eduard Vladimirovich Chekmarev – Doctor of Science (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: chekmarev@nm.ru

Tatiana Ivanovna Chernyaeva – Doctor of Science (sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: tatcher@yandex.ru

Anna Andreevna Chupina – lecturer of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: pruch@pags.ru

Yulia Alexandrovna Shevchenko – assistant lecturer of the Drawing and Painting Chair, post-graduate student of the Cultural Studies Chair, Astrakhan State University
e-mail: 879yuli@mail.ru

Lev Sergeevich Yakovlev – Doctor of Science (Sociology), Professor of the Sociology, Social Policy, and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: lionel1801@gmail.com

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Константинова Л.В., Чупина А.А.

Коммуникативный дискурс общества и власти
как новый формат взаимодействия
в процессе легитимации политических решений 4

Проказина Н.В.

Социологическая культура государственных гражданских служащих:
постановка проблемы, направления изучения и развития 11

Рязанов А.В.

Элиты в управлении регионом: трансформация в постсоветское время
и актуальные особенности этнополитики 17

Егоренков Д.А.

Приоритетный национальный проект «Современное здравоохранение»
в региональном политическом процессе
(на примере Саратовской области) 23

Долгова Г.Н.

Последствия политики приватизации и местное самоуправление
в Российской Федерации 29

Жирнов Н.Ф.

Политический режим и цели государства 35

Умурзаков Ж.К.

Сущность и содержание универсальных международных договоров
в области борьбы с международным терроризмом 40

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

44

Герасимова Е.В., Черняева Т.И.

Формы и режимы взаимодействия власти и общества
в условиях политической модернизации России 44

Батраева О.Б.

Политическая стабильность
как проблема современной российской модернизации 49

Демидов А.И.

Политический ресурс идеологии 53

Яковлев Л.С.

- Логика интеграции сетевых идеологий
в политическое пространство России 59

Аяцков Д.Ф., Долгов В.М.

- Идейные и правовые основания
российской модели политического пространства региона 65

Суровов С.Б.

- Социокультурные основания электоральных предпочтений:
региональный аспект 74

Фомин О.Н.

- Столкновение электоральных групп
в пространстве российской политической культуры 78

Гусов К.В.

- Проблемы концептуализации понятия «сепаратизм»
в отечественной политологии 86

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**93****Милушева Т.В., Подгорная Ю.А.**

- Принцип законности
в контексте правового ограничения власти 93

Дурнова И.А.

- Народ как субъект защиты основ конституционного строя 98

Васильев А.А.

- Конституционное право на бесплатную юридическую помощь
как средство обеспечения реального равноправия 103

Фролова И.Г.

- Виды гарантий свободы массовой информации в Российской Федерации 108

Цыбулевская О.И., Касаева Т.В.

- Профессиональные этические кодексы
в российском обществе: правовое измерение 112

Володина Д.В.

- Правовые основания уголовной ответственности судей
при отправлении правосудия в Российской Федерации 117

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**123****Кузнецов А.Г.**

- Политическая арифметика
социального управления 123

Тарский Ю.И., Тарская О.Ю.

- Политические контексты интегративных процессов
в сфере образования 128

Кортунова Е.П.

- Руководитель школы в условиях инновационного развития
системы образования 133

Антонова Е.А.

- Модель формирования эмоциональной устойчивости личности студентов
на основе использования командных спортивных игр 137

Иващенко Г.М.

Путь корректирования процесса управления девиантным поведением молодежи
в условиях социально-экономической модернизации российского общества 142

Ведяйкин Д.В.

Община диаспоры как элемент этнополитической системы региона 149

Михайлова О.Н., Федина Е.Н.

Индикативный срез общественного капитала
в политическом инвайронменте современного индустриального города 154

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

163

Романцов А.Н.

Проблемы менеджмента при присоединении России к ВТО 163

Герасимова В.В.

Институционализация российского фондового рынка в условиях глобализации .. 168

Гаврилин Д.А.

Влияние трансформационных процессов российской экономики
на занятость населения 174

Константинов С.А.

Структура регионального социального пространства рынка труда
и особенности политики занятости: теоретические основы
и опыт эмпирического анализа Саратовского региона 179

Ляшок Н.А.

О системе оценки труда работника в условиях многообразия форм собственности
и рыночных отношений 186

Баранова А.В.

Государственная поддержка как элемент финансового обеспечения
сельского хозяйства России 192

Буравков С.В.

Особенности управления муниципальной собственностью 197

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

204

Филатов Д.И.

Категории пути и следа как средства методологического анализа 204

Фролова С.М.

Миф в повседневной жизни общества 208

Зазаева Н.Б.

Идентичность современного человека
в политическом пространстве глобализирующегося общества 214

Масычев П.В.

Радикальное православие
как проявление этнорелигиозного экстремизма 219

Чекмарёв Э.В., Дорофеева Е.С.

Социально-национальное самосознание
как стержень политической культуры молодежи 226

Суровова О.В.

Региональный патриотизм
как фактор политической социализации учащейся молодежи 231

Даутов В.В., Чашкин П.А.

Информационная культура военных кадров
в условиях информационного общества 236

Шевченко Ю.А.

Модный образ как объект творческой деятельности 241

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
247**

Константинов И.Б.

Рецензия на монографию:
Захарова И.В. Управление территориальной системой образования
в условиях смены экономической парадигмы. –
Ульяновск: УлГТУ, 2011. – 265 с. 247

Представляем кафедру

истории российской государственности и права

Поволжского института имени П.А. Столыпина –

филиала Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации 252

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
256**

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Konstantinova L.V., Chupina A.A.

Communicative Discourse of Society and Government as a New Format
of Cooperation in the Process of Political Decisions Legitimation 4

Prokazina N.V.

Sociological Culture of Civil Servants: the Problem Statement,
Study and Development Directions 11

Ryazanov A.V.

Elites in Regional Administration: Transformation in the Post-Soviet Period
and Current Peculiarities of Ethnic Policy 17

Yegorenkov D.A.

The Priority National Project «Modern Healthcare» in the Regional Political Process
(by the Example of the Saratov Region) 23

Dolgova G.N.

The Privatization Policy Consequences and the Local Government
in the Russian Federation 29

Zhirnov N.F.

Political Regime and Targets of the State 35

Umurzakov Zh.K.

The Essence and Content of Universal International Treaties
in the Field of Combating International Terrorism 40

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

44

Gerasimova E.V., Chernyaeva T.I.

Forms and Regimes of Interaction between Power and Society
in Conditions of Political Modernization of Russia 44

Batraeva O.B.

Political Stability as a Problem of the Contemporary Russian Modernization 49

Demidov A.I.

Political Resource of Ideology 53

Yakovlev L.S.

The Logic of Network Ideologies Integration
into the Political Environment of Russia 59

Ayatskov D.F., Dolgov V.M.

Conceptual and Legal Bases of the Russian Model of Regional Political Space 65

272 2012 ● ВЕСТНИК ПАГС

Surovov S.B.	
Socio-Cultural Bases of Electoral Preferences: Regional Aspect	74
Fomin O.N.	
The Collision of Electoral Groups in the Space of the Russian Political Culture	78
Gusov K.V.	
The Problems of Conceptualization of the "Separatism" Notion in the Home Political Studies	86

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

93

Milusheva T.V., Podgornaya Yu.A.	
The Principle of Legality in the Context of Legal Limits on Power	93
Durnova I.A.	
People as a Subject of Constitutional System Foundations Protection	98
Vasiliev A.A.	
The Constitutional Right to Free Legal Aid as a Means to Ensure Real Equality ...	103
Frolova I.G.	
Kinds of Mass Information Freedom Guarantees in the Russian Federation	108
Tsybulevskaya O.I., Kasaeva T.V.	
Professional Ethnic Codes in Russian Society: Legal Dimension	112
Volodina D.V.	
Legal Grounds for Judges' Criminal Liability in the Administration of Justice in the Russian Federation	117

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

123

Kuznetsov A.G.	
Political Arithmetic of Social Administration	123
Tarsky Yu.I., Tarskaya O.Yu.	
Political Contexts of Integrative Processes in the Field of Education	128
Kortunova E.P.	
The Head of School in Conditions of Education System Innovative Development	133
Antonova E.A.	
The Model of Personal Emotional Stability Formation on the Basis of Command Sports Application	137
Ivashchenko G.M.	
The Way to Correct the Process of Youth Deviant Behavior Management in Conditions of the Russian Society Socio-Economic Modernization	142
Vedyaykin D.V.	
The Community of Diaspora as an Element of Regional Ethno-Political System ...	149
Mihaylova O.N., Fedina E.N.	
The Indicative Dimension of the Public Capital in the Political Environment of Modern Industrial Cities	154

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

163

Romantsov A.N.	
Problems of Management at Russia's Accession to the WTO	163

Gerasimova V.V.	
Institutionalization of the Russian Stock Market in Conditions of Globalization ..	168
Gavrilin D.A.	
The Influence of Transformation Processes of the Russian Economy on Employment	174
Konstantinov S.A.	
Structure of Regional Social Space of Labor Market and Features of Employment Policy: Theoretical Bases and the Experience of Empirical Analysis of the Saratov Region	179
Lyashok N.A.	
On the Employee's Work Evaluation System in Conditions of Various Property Forms and Market Relations	186
Baranova A.V.	
State Support as an Element of Financial Provision for Agriculture in Russia	192
Buravkov S.V.	
Peculiarities of Municipal Property Management	197

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS 204

Philatov D.I.	
Categories of the Path and the Trace as a Means of Methodological Analysis	204
Frolova S.M.	
The Myth in the Daily Life of Society	208
Zazaeva N.B.	
The Identity of the Modern Man in the Political Space of Globalizing Society	214
Masychev P.V.	
Radical Orthodoxy as a Manifestation of Ethno-Religious Extremism	219
Chekmarev E.V., Dorofeeva E.S.	
The Social and National Identity as the Core of the Political Culture of Youth	226
Surovova O.V.	
Regional Patriotism as a Factor of Political Socialization of Young Students	231
Dautov V.V., Chashkin P.A.	
Information Culture of Military Personnel in Conditions of Information Society ...	236
Shevchenko Yu.A.	
Fashion Image as an Object of Creative Activity	241

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE 247

Konstantinov I.B.	
Monograph Review: <i>Zakharova I.V.</i> Administration of the Territorial Education System in Conditions of Economical Paradigm Transformation. – Ulyanovsk: UIGTU, 2011. – 265 p.	247
We Present the History of Russian Statehood and Law Chair of Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	252

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 262

274 2012 ● ВЕСТНИК ПАГС

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 1 (30)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова, Л.Н. Головченко*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2012 г., п. № 748

Подписано к печати 05.04.2012 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 22,25. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 500. Заказ 390.

Поволжский институт им. П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителе, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;
- б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);
- в) пристатейный библиографический список;
- г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Сергеев Сергей Геннадьевич
(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>